

1012
Библиотека Русскихъ Писателей,
подъ общей редакціей профессора
Е. В. Аничкова.

X
И. С. НИКИТИНЪ.

I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧ. ГРАФИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА ВР. ЛУКШЕВИЦЪ.
5-я РОЖДЕСТВЕНСКАЯ УЛ. № 44.

МУК ЦСМБ
БИБЛ. ОТЕКА
им. П. Васильева

Изъ „Илл. Журн.“ Тиме.

0

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ .

Н-624

И. С. НИКИТИНА. ^I

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. М. ГОРОДЕЦКАГО.

Текстъ обработанъ по рукописямъ, 1-ымъ изданіямъ и
журналамъ.

Handwritten notes in red and blue ink:
191
m/3
A large red checkmark and other scribbles.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Professional stamp:
Профессиональный Союз
РГБ - СССР
Заводский Комитет
Завод № 513.
№ 194 н

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Русское Книжное Товарищество „Дѣятель“.

Кулакъ.

1.

Садится солнце. Турь земля
Покрывается красной золой тою.
Рыба сурожась. Дарь ухвалю
Стойкее ввечера прохлады.
~~В~~ ^В гати тьмется обору.
Нестроют сны и солома,
Рубя-ти, шакы... у парона
И шуми и крики са перовор.
Кружат буживовсе. Ватной стамбю
Влестити от, оасаушное в тиши.
Вода озеры, своды каменныи,
Идут иуга зеленое пладью,
За нити поле рарешисъ,
Краями в небо уперисъ.
Вот лучи-то наша, лучи-то родина!
Въ полях простора, то дымъ, туманъ,
Въ туманѣ эти, сая, курганъ,
Берега, тугая. Дождивая,
Дорога, нива да трава,
Небесъ пожаръ и сива...

Исторія текста.

И. С. Никитинъ былъ нерадивъ къ своимъ рукописямъ (см. прим., стр. 372 и 383), особенно черновымъ. Въ „Алфавитномъ спискѣ“ указано, что изъ стихотвореній Никитина сохранилось и собрано въ Петербургѣ (Императорская Публичная Библиотека), Москвѣ (Московскій Румянцевскій музей и музей П. И. Щукина) и Воронежѣ (Воронежская Публичная Библиотека и Воронежскій Губернскій музей). Въ примѣчаніяхъ ко II тому указано также мѣстонахожденіе рукописей двухъ поэмъ: „Тараса“ и „Кулака“, „Дневника Семинариста“ и нѣкоторыхъ писемъ И. С. Никитина.

Кромѣ того, А. Г. Фоминымъ въ послѣднее время открытъ и разрабатывается архивъ Н. И. Второва, находящійся въ частныхъ рукахъ и заключающій въ себѣ вторую рукопись „Кулака“, автографы стихотвореній и многочисленныхъ писемъ поэта къ Н. И. Второву и другимъ лицамъ.

По „Алфавитному списку“ можно видѣть, что и гдѣ изъ стихотвореній Никитина было напечатано въ повременныхъ изданіяхъ при жизни и послѣ смерти поэта. Первое изданіе стихотвореній И. С. Никитина было выпущено гр. Д. Н. Толстымъ въ Воронежѣ въ 1856 году, съ обстоятельнымъ предисловіемъ издателя и примѣчаніями автора. Второе изданіе (Кокорева) вышло въ С.-Петербургѣ въ 1859 году. Оба были приготовлены къ печати самимъ поэтомъ. Въ 1858 г. вышла въ Москвѣ отдѣльнымъ изданіемъ поэма „Кулакъ“. Въ 1869 году А. Р. Михайловъ выпустилъ „Сочиненія И. С. Никитина съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, fac-simile и биографіей, составленной М. Э. де-Пуле“, въ двухъ томахъ. Подробное описаніе всѣхъ этихъ изданій читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ (стр. 377), а распредѣленіе въ нихъ стихотвореній — въ „Алфавитномъ спискѣ“.

Исторія текста.

Дальнѣйшая судьба Никитинскаго текста представляетъ печальную исторію издательскаго вандализма. Вплоть до появленія изданія М. Гершензона въ 1911 году, всѣ вновь выходящія изданія являлись перепечатками Михайловскаго изданія, все болѣе ухудшавшимися, вслѣдствіе небрежности печатанія и накопленія опечатокъ. Михайловское изданіе въ 1876 году разошлось до послѣдняго экземпляра, и, значить, тридцать пять лѣтъ текстъ Никитина находился въ обращеніи въ искаженномъ видѣ. За это время выходили одно за другимъ изданія 1878 года, 1883, 1886, 1889, 1893, 1896, 1900, 1902; съ 1902 до 1910 года вышло еще четыре изданія.

Въ 1911 году, въ связи съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ Никитина, вниманіе къ поэту поднялось въ обществѣ. М. Гершензону принадлежитъ честь перваго изданія, обработаннаго научно. Въ 1913 году вышелъ первый томъ изданія А. Г. Фомина, неутомимаго и лучшаго изслѣдователя текстовъ Никитина.

Передъ каждымъ редакторомъ Никитина встаетъ трудный вопросъ о расположеніи матеріала. Въ основѣ должно лежать расположеніе Михайловскаго изданія, про которое редакторъ сообщаетъ, что оно „строго хронологическое“; но точныя даты сохранились въ рѣдкихъ случаяхъ. Вкрапленіе въ этотъ, основной, текстъ вновь найденныхъ стихотвореній можно производить только на основаніи сопоставленія различныхъ фактовъ біографіи и психологическихъ догадокъ. Всѣ стихотворенія, относительно которыхъ даже года неизвѣстны, приходится выдѣлить въ особый отдѣлъ съ новой нумераціей. Трудность расположенія усложняется обиліемъ вариантовъ. И. С. Никитинъ передѣлывалъ свои стихотворенія до неузнаваемости. При изученіи его текстовъ особенно ясно чувствуется неопредѣленность ходячаго слова „вариантъ“. Въ настоящемъ изданіи положено за принципъ вариантами считать измѣненія только второстепенной важности, не затрагивающія самаго корпуса стихотворенія, всѣ же измѣненія, сколько-нибудь нарушающія движеніе главныхъ образовъ стихотворенія, считать не „вариантами“, а „редакціями“ и включать въ текстъ. Никитинъ передѣлывалъ свои стихи по нѣсколько разъ, съ промежутками по нѣсколько лѣтъ. Поэтому, въ видахъ сохраненія цѣльности каждаго произведенія, явилась необходимость нарушать хронологическій

Исторія текста.

порядокъ всякій разъ, когда стихотвореніе имѣетъ нѣсколько редакцій.

Въ текстъ настоящаго изданія допущено одно уклоненіе отъ обычныхъ нормъ современнаго литературнаго языка, а именно, старинное окончаніе прилагательныхъ „ой“ сохранено во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда измѣненіе его на „ій“ нарушило бы музыкальную цѣльность стихотворенія, уничтоживъ риму, напр., при соримуемомъ существительномъ.

Ред.

Жизнь И. С. Никитина.

Въ утро 21 сентября 1824 года у воронежскаго купца Саввы Евтихѣевича Никитина и жены его Прасковьи Ивановны родился сынъ Иванъ.

Савва Евтихѣевичъ былъ младшимъ сыномъ дьячка, уволеннаго по прошенію въ 1792 году и занявшагося торговлей; ко времени рожденія сына онъ обладалъ налаженнымъ воскобѣлильнымъ дѣломъ, имѣлъ свой свѣчной заводъ и лавку въ городѣ. Сохранились свѣдѣнія о выдающейся его физической силѣ, атлетической вѣшности и любви къ кулачнымъ боямъ, частымъ между городской молодежью и слободской—слободъ Чижовки и Придачи. Былъ онъ не чуждъ и образованности, начитанный въ церковныхъ книгахъ и будто-бы знакомый съ до-пушкинской литературой. О его библиотекѣ, по словамъ де Пулэ, говоритъ поэтъ въ стихотвореніи „Изъ библиотеки старинной“ (т. I, 348, XX).

О практическомъ же его умѣ ясно свидѣтельствуетъ значительность торговаго его оборота, достигавшаго въ пору расцвѣта ста тысячъ и охватывавшаго не только Воронежъ, но и донскія и украинскія ярмарки.

Прасковья Ивановна женщина была смиренная и безотвѣтная. Ничего мы о ней не знаемъ фактически и очень много психологически. Не отъ нея ли эта женственная и скорбная тишина, озаряющая мужественное, грубоватое лицо поэта, очень схожее съ лицомъ матери? Не отъ нея ли та глубочайшая душевная тишина, которую призванъ былъ пропѣть міру Никитинъ, и которую такъ беспощадно смутила, растревожила, изорвала въ кровавые клочья и переродила въ болѣзненно надрывную скорбь русская мѣщанская и деревенская „грязная

дѣйствительность"? И ужъ, во всякомъ случаѣ, отъ нея исходить тотъ величавый гимнъ материнству, который неустанно запѣваетъ Никитинъ всякій разъ, какъ поэтическая мысль его касается материнства. Жизнь имѣла для Никитина нѣсколько такихъ чудотворныхъ жезловъ, исторгавшихъ пѣсню изъ его души: тишина въ природѣ, дѣти, хозяйственное благополучіе и нѣкоторыя другія впечатлѣнія всегда заставляли его пѣть полнымъ голосомъ. Материнство среди нихъ стоитъ на видномъ мѣстѣ.

Дѣтство поэта было одинокое.

Анна Тюрина, двоюродная сестра его по матери, была ему товарищемъ въ играхъ.

Старикъ, заводскій караульщикъ, поздними вечерами подъ открытымъ небомъ, рассказывалъ ему сказки.

„Размахивая руками, вооруженными дратвой, въ облакахъ тютюна“, какъ говоритъ одинъ біографъ, училъ его грамотѣ знакомый сапожникъ.

Въ 1833 году Иванъ Никитинъ отданъ былъ въ Воронежское духовное училище, которое и кончилъ въ первомъ разрядѣ черезъ пять или семь лѣтъ. Въ аттестатѣ его значилось, что онъ „поведенія—весьма хорошаго, способностей—очень хорошихъ, прилежанія—постояннаго, успѣховъ—весьма хорошихъ“. Къ первымъ годамъ его пребыванія въ духовномъ училищѣ относятся свѣдѣнія о первыхъ прочтенныхъ имъ книгахъ. Это были „Мальчикъ у ручья“ Коцебу и „Луиза или подземелье Ліонскаго замка“ Радклифъ. Въ 1839 году Иванъ Никитинъ поступилъ въ Воронежскую Духовную Семинарію, въ классы словесности, приходящимъ, гдѣ и пробылъ до 1843 года. Въ „Спискахъ воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ семинарскихъ наукъ въ Вор. Дух. Сем. за истекшее столѣтіе (1780—1880)“ А. И. Николаева приводятся любопытнѣйшія документальныя данныя объ этомъ періодѣ жизни поэта:

„Иванъ Никитинъ, сынъ Воронежскаго купца Саввы, исключенъ былъ по малоуспѣшности, по причинѣ нехожденія въ классъ. Вступивъ въ семинарію въ сентябрѣ 1839 г., вообще онъ мало занимался, даже рѣдко ходилъ въ классъ, особенно въ философскомъ классѣ; впрочемъ, въ низшемъ отдѣленіи числился по годовой вѣдомости во 2-мъ разрядѣ, на экзаменѣ въ

Біографія.

1840 г. по гражданской исторіи отмѣченъ — хорошо, на экзаменской русской задачѣ (изъ предложенія „юноши должны избѣгать наклонности къ разсѣянію и забавамъ“) балль 3, такой же балль и на декабрьской въ 1839 г. задачѣ изъ предложенія: „память праведнаго съ похвалами“; обучался и французскому яз. и отмѣченъ въ 1840 г. лекторомъ (ученикомъ 2-го высш. отд. Ив. Матвѣевымъ)—достаточно; въ декабрьскихъ спискахъ отмѣтки:

свящ. писаніе—весьма хорошо;

гражд. исторія—безуспѣшно;

греч. яз. и франц.—достаточно;

словесность—хорошо.

Въ философск. кл. за вторую треть 184¹/₂ г.

Логика—дов. хорошо;

свящ. пис.—никогда не ходилъ;

библ. ист., рус. ист., гр. яз.—не ходилъ въ классъ;

матем.—порядочно;

лат. яз.—хорошо.

На экзаменѣ не былъ и задачъ экзаменныхъ не подавалъ „по болѣзни“.

Въ годовой за 184³/₈ г. вѣдомости значитъ: „способностей—хорошихъ, прилежанія—малаго, успѣховъ—недостаточныхъ, поведенія—довольно хорошаго; по предметамъ: по свящ. пис.—за нехожденіемъ въ классъ неизвѣстенъ, логикѣ и психологіи—хорошо, а на экзаменѣ не былъ неизвѣстно почему, по библейской ист., по рус. гражд. ист. и греческ. яз.—въ классъ не ходилъ, по мат. и физ.—недостаточно, на экзаменѣ не былъ, по лат. яз.—недостаточно“.

Таковы внѣшнія данныя пребыванія Никитина въ семинаріи. Бытовая же и психологическая сторона этого времени отлично изображена самимъ поэтомъ въ „Дневникѣ Семинариста“. Извлекать изъ него какія либо свѣдѣнія для непосредственнаго переноса въ біографію не представляется возможнымъ, ибо все-таки это не автобіографія, а неоконченное художественное произведеніе, написанное къ тому же съ опредѣленной тенденціей: обратить вниманіе общества на уродливость семинарской жизни. Но какъ фонъ для сухихъ резолюцій семинарскихъ вѣдомостей о „безуспѣшности“ и „нехожде-

ни въ классъ" Никитина, эти картины подходятъ какъ нельзя лучше.

Только одну оговорку необходимо сдѣлать. Н. Поликарповъ въ своей исторической справкѣ „И. С. Н. какъ воспитанникъ Вор. Дух. Сем.“ (*Вор. Тел.* 1896, № 119) указываетъ, что въ числѣ тогдашнихъ преподавателей семинаріи были и незаурядные, какъ напр., Н. С. Чеховъ (словесность), В. П. Остроумовъ (логика), М. И. Скрябинъ (свящ. писаніе), о которыхъ, по его словамъ, „съ восторгомъ вспоминали ихъ питомцы“. Все-таки, какъ бы ни были неблагоприятны для умственного развитія условія постановки учебнаго дѣла въ тогдашней семинаріи, даровитыя натуры находили себѣ окольные пути и пробивались сквозь угнетающую среду.

Ко времени пребыванія Ивана Никитина въ семинаріи относится тотъ первый могущественный взрывъ творческихъ силъ, который рѣшаетъ судьбы людей и опредѣляетъ имъ мѣсто въ историческомъ процессѣ. Въ Иванѣ Никитинѣ этотъ стремительный ростъ ринулся по двумъ направленіямъ: въ сторону сознанія себя, какъ поэта, во-первыхъ, и какъ западника, во-вторыхъ. Было кое-что въ атмосферѣ воронежской семинаріи, что особенно благоприятствовало первому. На почвѣ живыхъ еще воспоминаній о Серебрянскомъ и Кольцовѣ среди семинаристовъ развился повышенный интересъ къ литературнымъ занятіямъ. По словамъ де Пулз, Никитинъ „скоро приобрѣлъ названіе семинарскаго литератора, семинарскаго поэта“ среди товарищей, а отъ проф. Чехова, которому показалъ первое свое стихотвореніе, получилъ поощреніе и совѣтъ продолжать свои опыты.

Первоначальному періоду поэтическаго развитія Никитина, повидимому, нельзя отказать въ извѣстной гармоничности. Сосредоточенность, присущая его натурѣ, оказала ему тутъ первую и лучшую свою услугу. Благоприятный хоръ товарищей удовлетворялъ его самолюбіе и давалъ его творчеству реакцію, необходимую для всякаго развитія. Конечно, ни одной пѣсни этого времени не дошло до насъ. Но сквозь отрывочныя и неполныя свѣдѣнія смутно рѣветъ прекрасный отроческій обликъ тогдашняго Никитина, освѣщаемый такими драгоценными, хоть и малыми, фактами, дошедшими до насъ,

какъ слѣдующіе: игралъ на гусяхъ; бродилъ съ ружьемъ въ окрестностяхъ...

Иной была вторая сторона его духовнаго роста: рѣзкое и острое увлеченіе западничествомъ.

Если въ первой были заложены зачатки всего его поэтическаго подвига съ такимъ страстнымъ устремленіемъ къ міровому и мірскому счастью, и, значитъ, зачатки всего его личнаго счастья и душевнаго благостроенія, то во второй скрыты корни глубочайшихъ его личныхъ мученій и того неизбывнаго надрыва, который прервалъ и смялъ его пѣсню.

Западничество взяло Никитина огневой десницею Бѣлинскаго. Бѣлинскимъ зачитывались въ семинаріи. Никитинъ отдался ему беззавѣтно.

Всей душой потянулся онъ къ тому, что было въ западничествѣ отъ гуманизма. Идеаль свободно-развитою челоуѣка, благоговѣніе къ наукѣ-истинѣ и культурѣ-красотѣ внѣдрились навсегда въ самую глубину его существа и дали основной тонъ всему его творчеству. Эта часть западнческаго вліянія какъ нельзя лучше совпала съ врожденными Никитину духовными задатками. Но была другая сторона въ воспринятомъ вліянніи: это отрицаніе „грязной дѣйствительности“. Со всѣмъ пыломъ юнаго ученика Никитинъ усвоилъ и ее, тяжелой цѣной разрушенія своего душевнаго мира заплативъ за ученичество. Исчезаетъ обликъ отрока, играющаго на гусяхъ и мечтательно бродящаго въ лѣсахъ и поляхъ. Намѣчаются первые штрихи того портрета, который мы позднѣе видимъ въ *Рус. Худ. Листкѣ* Тимма. Выбранный и выстриженный по европейски господинъ въ сюртукѣ съ непослушными вихрами на головѣ, со слѣдами довольной, отъ сознанія своей культурности, улыбки на губахъ.

Отрицаніе „грязной дѣйствительности“, другими словами отлученіе отъ всѣхъ бытовыхъ, житейскихъ мелочей и отъ самаго сока жизни, потому что въ отрицаемомъ, среди грязи и навоза, таилось не одно жемчужное зерно, отъ рожденія связанное неразрывной нитью съ сердцемъ поэта, нанесло ударъ подъ самый корень зеленорадостному древу пѣснопѣнія, подымавшемуся въ Никитинѣ. Не стало мѣста миру и тишинѣ въ Никитинской пѣснѣ, горе и злоба получи-

ли возможность родиться въ ней. Рѣдчайшія личныя качества исказились въ корнѣ. Если въ воображеніи отодвинуть силу, обрушившуюся на Никитина и перемѣстить его на мгновеніе въ другія историческія условія,—какая величавая картина развертывается передъ нашими глазами, какое умиляющее поэтическое зрѣлище является намъ утраченнымъ. Не пушкинская, нѣсколько африканская жизнерадостность, не толстовское тяжелое жизнеутвержденіе, а идиллическій лиро-эпосъ, непредвидимой широты и размаха утраченъ нами.

Самое рожденіе Никитина въ средѣ неустоявшагося быта въ семьѣ не крестьянской, не купеческой, отъ вчерашняго мѣщанина обрекало уже поэта на нѣкоторую оторванность. Но, изживъ эту оторванность, поскольку она давалась рожденіемъ, въ своемъ одиночествѣ и перевоплотивъ ее именно въ любовь къ одинокой сосредоточенности, Никитинъ могъ бы основать свое творчество на культурѣ крестьянской, которая дала ему лучшія изъ его пѣсенъ.

Ко времени выхода Никитина изъ семинаріи, благосостояніе его отца разрушилось. Главной причиной его разоренія было введеніе свѣчной монополіи. Онъ продалъ свой заводъ и домъ и купилъ постоянный дворъ, который сталъ сдавать въ аренду, помѣщаясь съ семьей во флигелѣ. Оставалась еще у него свѣчная лавка у Смоленскаго собора. Смутныя свѣдѣнія указываютъ на то, что было намѣреніе отправить молодого Никитина въ университетъ. Не осуществилось оно будто бы по настояніямъ матери, желавшей сына женить да въ лавку посадить. Первое не осуществилось, но второе исполнилось, и полгода поэтъ провелъ за прилавкомъ — до смерти матери.

Савва Никитинъ послѣ смерти жены сталъ пить запоемъ. Дѣла шли все хуже и хуже. Иванъ Никитинъ не сдавался передъ несчастьями. То онъ выходитъ съ возомъ на Смоленскую площадь торговать свѣчами, ладаномъ и посудой подъ градомъ насмѣшекъ, которыми осыпали его другіе торговцы. То онъ пытается достать себѣ мѣсто конторщика или приказчика. Когда же это ему не удастся, онъ рассчитываетъ арендатора и самъ становится дворникомъ, т. е. начинаетъ вести все хозяйство извозчичьяго постоялаго двора. „Сердце мое

обливалось кровью отъ грязныхъ сценъ; но съ помощію доброй воли я не развратилъ своей души". (т. II, 384. Письма). Возможно ли представить, какой бытовой ужасъ скрывается за этимъ спартанскимъ по своей цѣломудренной сдержанности признаніемъ, сколько и какихъ мученій перенесъ Никитинъ въ этотъ періодъ своей жизни.

Въ томъ же письмѣ говоритъ онъ: „Продавая извозчикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ грязной избѣ, нерѣдко подъ крики и пѣсни разгулявшихся мужиковъ“. И далѣе: „Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой-нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца. Все написанное я скрывалъ, какъ преступленіе, отъ всякаго посторонняго лица и съ разсвѣтомъ сожигалъ строки, надъ которыми я плакалъ во время безсонной ночи“.

Тяжелая эта жизнь еще болѣе отягощалась частыми ссорами поэта съ своимъ отцомъ. Они любили другъ друга, но отношенія между ними были ужасныя. Кротко ухаживая за отцомъ, когда онъ бывалъ пьянъ, Иванъ Никитинъ становился къ нему суровымъ, когда онъ вытрезвлялся. Де Пулэ приписываетъ Ивану Никитину слѣдующія слова, неоднократно имъ будто-бы повторяемая: „я въ состояннн убить того, кто рѣшился бы обидѣть старика на моихъ глазахъ; но когда онъ отрезвляется и смотритъ здравомыслящимъ человѣкомъ, вся желчь приливаетъ къ моему сердцу, и я не въ силахъ простить ему моихъ страданій“.

Хозяйничество поэта нѣсколько поправило дѣла Никитиныхъ. Явилась возможность построить флигель, который былъ сданъ въ наемъ профессору семинаріи. Непосредственное и постоянное общеніе съ народомъ, несмотря на обстановку, въ которой оно происходило, не могло все-таки не давать пищи наблюдательному уму и затаенному сердцу Никитина; чтеніе книгъ питало его съ другой стороны; въ центрѣ его духовной жизни уже стояло, повидимому, собственное поэтическое творчество; голодъ въ людяхъ, въ обществѣ, въ средѣ былъ, вѣроятно, наиболѣе ощутимымъ въ эту пору. Извѣстно,

что отчасти удовлетворяла его дружба поэта съ мѣшаниномъ г. Нижнедѣвица Иваномъ Ивановичемъ Дураковымъ. Однимъ изъ первыхъ слушателей и совѣтчиковъ поэта былъ онъ, и добрую о немъ память надолго сохранилъ Никитинъ. Ища выхода своимъ силамъ; Никитинъ посылалъ въ столичные журналы свои стихотворенія, но отклика не получилъ никакого.

Въ октябрѣ 1849 года Иванъ Никитинъ послалъ два своихъ стихотворенія, „Лѣсъ“ и „Дума“, въ редакцію *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Редакторомъ газеты былъ въ то время В. А. Срединъ, а ближайшими сотрудниками Н. И. Второвъ и К. О. Александровъ-Дольникъ. Оба только что перевелись на службу изъ Петербурга въ Воронежъ, первый—совѣтникомъ губернскаго правленія, второй—товарищемъ предсѣдателя губернской палаты, оба окончили казанскій университетъ, и наряду со службой занимались археологіей, этнографіей, статистикой, изучали и собирали воронежскія древности; они основали въ Воронежѣ кружокъ, собиравшійся на квартирѣ Второва для бесѣдъ, чтенія и научныхъ занятій и состоявшій изъ преподавателей мѣстныхъ гимназій, семинаріи и кадетскаго корпуса, священниковъ и побывавшей въ университетѣ молодежи.

Такая редація не могла пройти мимо стихотвореній, изъ которыхъ одно, какъ мы можемъ судить, отличалось сильнымъ чувствомъ природы и предсказывало богатое развитіе. 5-го ноября вышелъ № 45 *Вор. Губ. Вѣд.* со слѣдующимъ отвѣтомъ Никитину отъ имени редактора: „На дняхъ присланы намъ отъ неизвѣстнаго лица при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., два стихотворенія, которыя мы по прочтеніи нашли такъ замѣчательными, что готовы были на этотъ разъ изъ уваженія къ дарованію отступить отъ принятой нами программы и помѣстить ихъ въ нашей газетѣ. Единственное препятствіе, которое удерживаетъ насъ, это незнаніе нами имени автора!“ Этому препятствію не суждено было исчезнуть: Никитинъ не открылъ своего имени, и стихи напечатаны не были. Поэтъ не могъ преодолѣть противорѣчія, которое было между внутренней и внѣшней его жизнью, того, что онъ самъ позднѣе, въ письмѣ къ Кони, назвалъ „двусмыслен-

Біографія.

нымъ положеніемъ". Тѣмъ не менѣ, успѣхъ, хотя и неиспользованный, не могъ не отразиться благотворно на его творчествѣ.

Стихотворенія слѣдующаго, пятидесятаго, года носятъ слѣды большой сосредоточенности и душевнаго мира. Отъ „безотрадной ничтожности“ быванія поэтъ устремляется къ созерцанію бытія:

И чужды мнѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души:
Мнѣ кажется, со мной въ уединеніи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.

(т. I, XXVII).

„Тишинѣ молюсь“—говоритъ онъ въ стихотвореніи „Вечеръ“ (ib., XXIII); въ другомъ:— „какъ мнѣ легко“ (ib., XXVIII). Можно сказать, что темой этого года былъ стихъ: „смогло дневная тревога“ (ib., XIX).

Получивъ добрый откликъ отъ людей, которыхъ уважалъ, поэтъ внутренне окрѣпъ, увѣрился въ себѣ. Ему стало легче переносить свою судьбу, онъ въ ней увидѣлъ смыслъ:

Къ борьбѣ съ судьбою я привыкъ,
Окрѣпъ подъ бурей искушеній:
Она высокихъ душъ родникъ,
Причина слезъ и вдохновеній.

(ib., XL).

Этимъ процессомъ самоуглубленія и развитія можно объяснить, что только черезъ четыре года Иванъ Никитинъ вновь рѣшаетъ обратиться въ редакціи. Повидимому, новый этапъ предчувствовалъ онъ, уже не удовлетворяясь сдѣланнымъ за эти годы, и остро ощутилъ необходимость общественно провѣрить то, во что самъ вѣрилъ со страхомъ: свое поэтическое призваніе.

6 ноября 1853 года онъ пишетъ Э. А. Кони и проситъ „приговора“ (т. II, 352): „будьте моимъ судьей, покажите мнѣ мое собственное значеніе или мою ничтожность“.

Какъ настоящій художникъ, желающій всѣхъ достиженій, а не нѣкоторыхъ, полной побѣды, а не половинчатой, пишетъ въ этомъ письмѣ Никитинъ: „Если же изъ приложенныхъ

здѣсь стихотвореній. Вы увидите во мнѣ жалкаго ремесленника въ дѣлѣ искусства, тогда сожгите этотъ безсмысленный плодъ моего напраснаго труда. Тогда я пойму, что дорога, по которой я желалъ бы идти, проложена не для меня; что я долженъ всецѣло погрузиться въ тѣсную сферу мелкой торговой дѣятельности и навсегда проститься съ тѣмъ, что я называлъ моею второю жизнью". Намъ неизвѣстно, что отвѣтилъ *Θ. А. Кони Никитину* на это письмо.

12-го ноября Никитинъ въ подобномъ же письмѣ, сохраняя тѣ же выраженія, и также говоря о своемъ мѣщанскомъ происхожденіи, и о томъ, какъ дѣйствуетъ на него природа, и также прося отвѣта на тотъ же вопросъ „быть или не быть“, пишетъ *В. А. Средину*. Въ началѣ письма онъ открываетъ свои инициалы, которыми подписалъ четыре года тому назадъ свои стихи. Въ концѣ письма онъ лукавитъ, говоря: „Съ просьбою о напечатаніи своихъ стихотвореній въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я не обращаюсь къ кому либо по своей неизвѣстности и неувѣренности въ силѣ своего дарованія" (*Θ. А. Кони* онъ писалъ именно такъ: „...обратиться къ Вамъ съ просьбою о напечатаніи"). Къ письму были приложены стихотворенія „Русь“, „Поле“ и „Съ тѣхъ поръ, какъ мѣръ нашъ необъятный.“

Де Пулэ говоритъ, что это письмо Никитинъ написалъ „по совѣту Дуракова“, и что Дураковъ самъ доставилъ письмо въ редакцію.

Въ № 47 *Вор. Губ. Вѣд.*, въ отдѣлѣ „Смѣсь“ (Никитинъ самъ назвалъ его въ письмѣ) появилась „Русь“ и была перепечатана *С.-Петербургскими Вѣдомостями* въ № 275. Это было первымъ выступленіемъ Никитина въ печати.

Тотчасъ же состоялось знакомство Никитина съ редакціей. Гласный думы *Н. Рубцовъ* разыскалъ поэта и привезъ его къ *Н. И. Второву*. Вотъ какъ описываетъ послѣдній этотъ моментъ: „Блѣдный, худощавый, выглядывавшій какъ-то изъ подлобья, въ длинномъ сюртукѣ, *Иванъ Саввичъ* робко слѣдовалъ за *Рубцовымъ*, и когда послѣдній съ торжествомъ объявилъ, что это тотъ самый Никитинъ, съ которымъ я желалъ познакомиться, онъ, словно подсудимый, призванный къ отвѣту, сталъ извиняться, что позволилъ себѣ такую дерзость“ (т. е.

написать письмо) и проч. Насилу могъ я усадить его; но и затѣмъ, какъ только начиналъ я говорить съ нимъ, онъ тотчасъ же вскакивалъ, и не малыхъ усилій стоило мнѣ уговорить его вести разговоръ со мною сидя" (де Пулэ, „И. С. Н.", гл. II).

Стихи Никитина стали въ спискахъ распространяться по городу. Поэтъ пріобрѣталъ знакомства, вступилъ въ Второвскій кружокъ, подружился съ А. Нордштейномъ, былъ приглашенъ къ губернаторшѣ, Е. Долгорукой.

Изъ петербургскихъ литераторовъ горячо откликнулись на „Русь" И. И. Введенскій и А. П. Майковъ, принявшіе Никитина, какъ поэта народнаго. Купецъ Рукавишниковъ, уѣзжая въ Иркутскъ, звалъ его съ собою на пріиски съ жалованьемъ 1.200 руб. въ годъ на всемъ готовомъ. Гр. Д. И. Толстой черезъ Н. И. Второва сдѣлалъ Никитину предложеніе издать его стихи.

Въ октябрѣ 1854 года поэтъ отправилъ рукопись первой своей книги стиховъ въ Петербургъ къ гр. Д. И. Толстому. Этотъ годъ, повидимому, сыгралъ большую роль въ жизни Никитина. Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, бесѣдъ съ друзьями, чтенія, подъ вліяніемъ быстрого и широкаго литературнаго успѣха, въ поэтѣ ускорился ростъ его душевныхъ силъ. Ему уже было около 32 лѣтъ; съ расцвѣтомъ поэтическимъ совпадала жизненная зрѣлость. Въ іюль 1854 года Никитинъ началъ писать „Кулака". Еще много было противорѣчій между окончательно сложившимся въ Никитинѣ культурнымъ челоувѣкомъ типа западниковъ и ролью дворника, но достаточно посмотрѣть его записки этой поры, чтобы увидѣть въ ихъ юморѣ глубокую и прочную побѣду личности надъ средой. Отрываемый и теперь отъ книгъ окриками извозчиковъ: „Савельичъ, овса! Э, малый, да ты острыгя! Вишь виски-то щетина щетиной!"—Никитинъ въ тотъ же день могъ слушать комплименты губернаторши его стихамъ, и то, что раньше трагически парализовало его творчество, теперь, наоборотъ, становясь не болѣе, какъ однимъ изъ жизненныхъ контрастовъ, возбуждало способность творить, звало къ картинамъ, широты всеобъемлющей.

Де Пулэ, простодушно думавши встрѣтить въ Никитинѣ „мужичка" (онъ познакомился съ нимъ въ январѣ 1854 года)

нашелъ въ немъ „рѣшительнаго литератора“, увидѣлъ что-то „если не нѣмецкое, то задумчивое, литературное“, замѣтилъ сходство съ Шиллеромъ. Года черезъ два, по замѣчанію Н. И. Второва, Никитинъ „сдѣлался уже свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ бросилъ свой длиннополый сюртукъ и сшилъ себѣ платье по модѣ, сдѣлался очень развязенъ“. Самостоятельно изучивъ французскій языкъ, Никитинъ въ эту пору, хоть и пугалъ друзей своимъ произношеніемъ, но объяснялся по-французски.

Въ литературномъ отношеніи Никитинъ въ этотъ періодъ оказался между двухъ огней: изъ Петербурга, отъ Майкова и др., шло къ нему требованіе быть повтомъ-народникомъ и прежде всего удовлетворять неяснымъ исканіямъ того неопредѣленнаго, что грезилось петербургскимъ литераторамъ подъ именемъ народной души. Съ другой стороны, воронежскій литературно-культурный кружокъ всячески воспитывалъ въ Никитинѣ литератора. Это было бы не плохо, если бъ вкусы этого кружка не стояли на такой безнадежно-средней высотѣ, которой недоступно было пониманіе всѣхъ зачинающихся въ Никитинѣ стихійно-поэтическихъ силъ. Станнымъ, должно быть, казалось Никитину, когда А. Майковъ писалъ ему: „завидую, что васъ вспоила и вскормила сермяжная Русь“. Наоборотъ, чуткій чрезвычайно ко всякой культурѣ, онъ охотно подвергалъ себя мелочной изысканности литературнаго вкуса де Пулэ и др., почти безпрекословно принимая къ своимъ стихамъ ихъ поправки.

Къ веснѣ 1855 года относятся первыя свѣдѣнія о той болѣзни поэта, которая привела его къ безвременной могилѣ.

Пишущему эти строки воронежскіе старожилы рассказывали о необычайной силѣ поэта, унаслѣдованной отъ отца и о томъ, какъ онъ, напр., съ пудовой гирей въ каждой рукѣ взбирался по лѣстницѣ на крышу своего дома. Это молодечество, по разсказу Н. Второва, заставило его однажды, въ 1850 или 1851 году, хвалясь силой, сдвинуть съ мѣста нагруженный возъ, причемъ у него „какъ бы порвалось что внутри“, и отъ чего началось хроническое расстройство желудка, переставшаго принимать всякую пищу, кромѣ куринаго супа, кашицы, да бѣлаго хлѣба. Въ прелестное весеннее утро

Біографія.

13 апрѣля 1855 года болѣзнь эта получила возможность рѣзко прогрессировать, потому что Никитинъ, по примѣру, но противъ предостереженія Второва, съ которымъ гулялъ, соблазнился на купанье. Это купанье имѣло слѣдствіемъ очень тяжелую болѣзнь, которую Н. Второвъ, въ терминахъ своего времени, опредѣляетъ сначала, какъ „горячку“, потомъ, какъ „скорбуть“, и признаками которой указываетъ лишеніе „употребленія ногъ“ и постоянное лежаніе въ постели. Бывшій директоръ Воронежской гимназіи и тамошній помѣщикъ П. И. Савостьяновъ предложилъ больному поэту пожить у него въ имѣніи „Сухіе Гаи“. Никитинъ принялъ предложеніе. Его привезъ, за нимъ ухаживалъ и носилъ его „молодой парень, одѣтый и остриженный по-русски, кажется, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ больного“. Хозяинъ надѣлилъ поэта медицинскими книгами, и Никитинъ погрузился въ нихъ. Въ запискѣ изъ „Сухихъ Гаевъ“ ясно передано ощущеніе этого лѣта: „вижу самого себя медленно умирающаго, съ отгнившими членами, покрытаго язвами, потому что такова моя болѣзнь“.

Въ концѣ іюня Никитинъ уже возвратился домой.

Врачъ Кундасовъ принесъ ему облегченіе отъ скорбута, отмѣнивъ діету и допустивъ въ пищу кисляя щи, квасъ и т. д. Но, повидимому, теперь Никитинъ былъ уже боленъ чахоткой кишекъ. 13-го октября онъ пишетъ: „Вчера для меня былъ страшный день. Я думалъ, треснетъ мой черепъ,—такъ болѣла голова отъ разстройства желудка!“

Въ началѣ 1856 года вышло первое изданіе стихотвореній Никитина. Издатель, гр. Д. Толстой, вице-директоръ департамента Полиціи, подалъ поэту мысль поднести книгу Высочайшимъ Особамъ. Никитинъ согласился и былъ въ восторгѣ, когда получилъ подарки отъ обѣихъ царицъ и цесаревича Николая Александровича. „Рука дрожить“—пишетъ онъ Н. Второву. Знаки сочувствія шли со всѣхъ сторонъ къ поэту. Генераль-маіоръ Комсенъ изъ Кременчуга прислалъ ему полное собраніе сочиненій Пушкина. Еще какая-то „почтенная особа“—„Мертвыя Души“ въ золотомъ переплетѣ. Въ Воронежѣ книга имѣла большой успѣхъ: „было 150, всѣ до гла распроданы“. Столичная критика приняла ее менѣе горячо, чѣмъ слѣдовало. Фаддѣй Булгаринъ издѣвался.

1856 годъ былъ омраченъ для Никитина смертью Дуракова. Никитинъ писалъ И. И. Брюханову: „Бѣдный Дураковъ! Мнѣ тѣмъ болѣе грустно, что настоящее время я почитаю какимъ-то свѣтлымъ исключеніемъ въ моей жизни“.

Въ 1857 году Н. И. Второвъ, переведенный на службу въ Петербургъ, уѣхалъ изъ Воронежа, и кружокъ его распался. Разлука съ нимъ была тяжела для Никитина. Кромѣ де Пулэ, въ Воронежѣ къ этому времени не оставалось почти никого. изъ друзей Никитина. Опять въ немъ начались сомнѣнія. „Видно я ошибся въ выбранной мною дорогѣ“—пишетъ онъ Н. Второву 15 апрѣля. „Неумолкаемая гроза и гроза отвратительная, грязная, подъ родною кровлей“ стала опять для него „невыносимой битвой“. Творчество поэта не находило себѣ выхода. Поэма „Городской Голова“ не удавалась: „разъ десять начиналъ я новую работу, поэму, но разрывалъ въ мелкіе куски. Жалкое начало!—Дрянъ выходитъ изъ-подъ пера“. Противорѣчіе между требованіемъ „невозмутимаго міра“ и жизнью опять мучило поэта. Онъ съ увлеченіемъ читаетъ „Послѣдняго изъ Могиканъ“: „все-таки легче, когда забудешься, хоть ненадолго“. По субботамъ теперь собирались у де Пулэ: Никитинъ, Придорогинъ, Курбатовъ, Бергъ, Милашевичъ. По словамъ де Пулэ, отношенія къ нему поэта перешли „въ самыя близкія и дружественныя“.

Письмо къ Плотниковымъ, отъ 12 іюля этого года, ярко рисуетъ нѣкоторыя стороны жизни поэта. Любовь къ хозяйничеству сидѣла въ немъ крѣпко. Онъ охотно исполнялъ въ Воронежѣ всевозможныя порученія своихъ деревенскихъ знакомыхъ. Попросили купить коляску—онъ покупаетъ и торгуется: „Какъ я ни старался выжать что-нибудь изъ нѣмца—хозяина коляски, нѣтъ! не уступилъ ни гроша! Толкуетъ, что она изъ бука, и при этомъ долго вертѣлъ указательнымъ пальцемъ подъ самымъ моимъ носомъ; ей Богу, не понимаю, что же тутъ общаго между букомъ и моимъ носомъ?“ Въ этомъ же письмѣ Никитинъ и счетъ посылаетъ:

За гайку	1	ру. 22.
За овесъ и сѣно . . .	1.	40.
За сало	—	35.
Соду	1.	75.

Конфеты1.	5.
На дорогу1.	23.

2 августа 1857 года Никитинъ счелъ законченнымъ своего „Кулака“ и отправилъ его въ Петербургъ „подъ покровительство Константина Осиповича (г. Александрова-Дольника)“. Послѣ весенней слабости, осенью опять въ немъ чувствуется твердость и увѣренность. „Покуда мнѣ сомнѣваться и въ „Кулакѣ“ и въ самомъ себѣ!“ Отзвыы его о прочитанныхъ къ этому времени книгахъ рѣзки и опредѣленны. Про Щедрина онъ пишетъ: „это выстрѣлы на воздухъ, холостые заряды... Много грома и мало пользы!“ Шекспиръ ему нравится: „какое славное лицо по отдѣлкѣ Фальстафа!“ 1 ноября Никитинъ пишетъ Александрову-Дольнику о свѣихъ безпокойствахъ по поводу изданія „Кулака“. „Вотъ три мѣсяца о „Кулакѣ“ ни слуху, ни духу; живъ ли онъ и какъ проходитъ сквозь цензуру?“ „Ужъ скорѣе бы съ нимъ покончить, посмотрѣть и послушать, что и какъ, и—тогда за новую работу: до сихъ поръ что-то не работается. Забота плохой двигатель труда, если она не о самомъ трудѣ“. Наконецъ, первые пять экземпляровъ поэмы были получены поэтомъ—4 марта 1858 года. Какъ разъ въ это время онъ отправлялъ Плотниковымъ какой-то комодъ, и въ одинъ изъ ящичковъ его положилъ „Кулака“.

Черезъ десять мѣсяцевъ книга была распродана.

Весну этого года характеризуютъ слѣдующія три фразы изъ записки отъ 14 апрѣля: „Хозяйство мнѣ просто шею переѣло“. „Дворникъ говоритъ: я жить не хочу“. „Кухарка легла на печь.—Я, говоритъ, стряпать не хочу, хоть всѣ оставайся безъ обѣда. „Записки семинариста“ подвигаются впередъ тихо, даже слишкомъ тихо“. Въ маѣ Никитинъ переѣхалъ на дачу, „если только можно назвать дачею сальные заводы, гдѣ все есть: и страшное зловоніе, и тучи мухъ, и ночью лай собакъ, и къ несчастію сквернѣйшая погода“. А дома старикъ отецъ пьянствовалъ: „Сказалъ было старику, чтобы онъ поберегъ свое и мое здоровье, поберегъ бы деньги—вышла сцена, да еще какая! Я убѣжалъ къ Придорогину и плакалъ навзрыдь... Вотъ вамъ и поэзія“.

Въ концѣ іюля здоровье поэта ухудшилось. Докторъ запретилъ ему „работать головою“ и заставилъ пить исландскій

мохъ. Никитинъ сталъ читать Шиллера въ подлинникѣ, браня Жуковскаго за плохіе переводы. Осенью онъ пишетъ: „я все болень и болень болѣе прежняго“. Докторъ прописываетъ ему діету. Онъ хотѣлъ бы ѣхать къ Плотниковымъ въ деревню, но не можетъ. День проходитъ у него въ работѣ на дворѣ, въ вознѣ съ извозчиками. Вечеромъ онъ берется за чтеніе. Когда чувствуетъ себя лучше, читаетъ Шиллера съ лексикономъ, „покаместъ зарябитъ въ глазахъ“. Ложится въ 12, встаетъ съ первымъ свѣтомъ.

Къ концу 1858 года Никитинъ почувствовалъ себя богачемъ, получивъ [за „Кулака“ полторы тысячи рублей. Онъ сталъ строить всякіе планы и остановился на мысли открыть книжный магазинъ. Но на это дѣло денегъ еще не хватало. В. А. Кокоревъ, принимавшій близкое участіе въ распространеніи „Кулака“, далъ Никитину три тысячи рублей авансомъ за новое изданіе его стихотвореній. „...Я берусь за книжную торговлю,—не въ видахъ чистой спекуляціи“—писалъ ему Никитинъ:—„У меня есть другая, болѣе благородная цѣль: знакомство публики со всѣми лучшими произведеніями русской и французской литературы, въ особенности знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній“. Кромѣ этой цѣли, въ Никитинѣ сильно было желаніе выравнять свое социальное положеніе въ родномъ городѣ. Очевидно, таково еще было общество, что вѣнокъ поэта не заслонялъ собою метлы дворника. „Я былъ страдательнымъ нулемъ въ средѣ моихъ согражданъ“—въ томъ же письмѣ пишетъ Никитинъ: „вы поднимаете меня, какъ гражданина, какъ человека“. Во второй половинѣ декабря Курбатовъ уже отправился въ Москву и Петербургъ за товаромъ.

Въ разгарѣ этихъ плановъ по городу ходилъ пасквиль на одно „значительное лицо“. Кто-то пустил сплетню, что авторъ пасквиля Никитинъ. Поэтъ страдалъ и возмущался. Де Пулэ сообщаетъ слѣдующее: „Я никогда не видалъ его въ такомъ мрачномъ состояніи духа, никогда лицо его не выражало такой скорби и негодованія, какъ 8 ноября 1858 г., когда онъ принесъ и прочелъ мнѣ одно изъ превосходныхъ своихъ стихотвореній, оканчивающееся слѣдующими словами, которыя поэтъ едва дочиталъ: „Грудь мою давитъ тяжелое бремя...“

Никитинъ торопился съ открытіемъ магазина ко времени дворянскихъ выборовъ. Тревоги и волненія въ концѣ концовъ свалили его въ постель.

Выборы начались. Былъ уже февраль. Только 15 числа этого мѣсяца пріѣхали Придорогинъ и Курбатовъ съ товаромъ. Вотъ какъ описываетъ событіе де Пулэ: „Новый книгопродавецъ не вставалъ съ постели. Друзья его въ продолженіе трехъ сутокъ не выходили изъ магазина, устанавливая по полкамъ книги и прочія вещи. Толпы любопытныхъ останавливались передъ новой вывѣской, на которой красовались слова: Книжный магазинъ Никитина. Былъ четвергъ на масляницѣ. Въ девятомъ часу утра Никитинъ пригласилъ священника и вмѣстѣ съ нимъ и Саввою Евтѣвичемъ, едва живой, отправился въ свой магазинъ. Отслужили молебень съ водоосвященіемъ. Когда Никитинъ по окончаніи молебствія оглянулся вокругъ себя, на свою, пріобрѣтенную такую дорогою цѣною собственность, онъ истерически зарыдалъ и упалъ на грудь отца.“ Это было 22 февраля 1859 г.

Публика повалила въ домъ Соколова на Дворянской улицѣ, гдѣ былъ магазинъ.

Въ дѣлѣ Никитина было много своеобразнаго. Ведомый, какъ настоящее коммерческое предпріятіе, его магазинъ былъ въ то же время проникнутъ идеей культуры. Среди книгъ были сочиненія Тургенева, Крестовскаго, Костомарова, Островскаго, античные, французскіе, англійскіе и нѣмецкіе (во французскихъ переводахъ) классики, сочиненія историческія и политико-экономическія. Были слѣдующія книги: „Рѣчи и отчетъ о состояніи Московскаго Университета за 1858 г.“, „Химическія свѣдѣнія о различныхъ предметахъ изъ вседневной жизни“ Джонсона, „Громъ и молнія“ Араго, „Метода для взаимнаго обученія взрослыхъ людей“ Золотова; были дѣтскія книги. Наряду съ книгами магазинъ былъ богатъ „отличными иностранными принадлежностями для письма — почтовой бумагой, конвертами, сургучами и т. п.“. 1-го марта при магазинѣ открылся „кабинетъ чтенія“ съ платою за входъ по 10 коп. сер., или въ годъ 12 руб. Для бѣдныхъ и учащихся разсрочка.

Никитинъ съ головой ушелъ въ новое дѣло. Друзья стали упрекать его въ скуности и скопидомствѣ, бояться, что талантъ его погибнетъ въ торговыхъ хлопотахъ.

Здоровье поэта становилось все хуже и хуже. Дѣла идутъ хорошо. Онъ всячески пополняетъ свой магазинъ. Прослышавъ, что въ Нижнедѣвицкѣ, у какого-то священника есть сочиненія Иннокентія, онъ добываетъ ихъ. 20 февраля Придорогинъ писалъ Второву про Никитина: „худъ онъ сталъ, какъ скелетъ, и едва-едва можетъ перетащиться съ одного дивана на другой; такъ онъ слабъ и истощенъ!“ Черезъ мѣсяцъ: „здоровье его скверно. Онъ началъ лечиться гомеопатіей“. 8 мая самъ Никитинъ писалъ Второву: „Вѣрите-ли — едва хожу, едва владѣю руками. Если настанетъ тепло, и не поможетъ мнѣ купанье, тогда останется одно: умереть“. 22 іюня онъ пишетъ ему же: „Ноги мои распухли, покрылись красно-синими пятнами и окончательно отказываются мнѣ служить“. Онъ мечтаетъ ѣхать въ Петербургъ, но болѣзни и дѣла не пускаютъ его. 11 іюня Придорогинъ пишетъ Второву, что доктора опредѣлили чахотку. Потомъ продолжаетъ: „Физическое истощеніе убило въ немъ поэта; но зато съ необыкновенною силою развернулся въ немъ мелочный и раздражительный духъ спекуляціи“. Дѣйствительно, отъ этого года осталось только пять стихотвореній. Друзья видѣли причину этого въ торговыхъ дѣлахъ. Самъ Никитинъ—въ болѣзни „Я похожъ на скелетъ, обтянутый кожей, а вы хотите, чтобы я писалъ стихи!“

Повидимому, поэтъ былъ болѣе правъ, чѣмъ его друзья. Въ концѣ іюля ему полегчало, и онъ тотчасъ принялся за „поправку своихъ мелкихъ стихотвореній“. Эта работа, результаты которой можно видѣть при сравненіи перваго изданія стиховъ со вторымъ (изд. Т. съ изд. К.), была тяжела и не богата творчествомъ. Литературные вкусы автора „Кулака“, конечно, были уже не тѣ, что у дебютировавшего подъ эгидой гр. Толстого поэта, они сдѣлались строже, въ нихъ намѣтился большой сдвигъ отъ лирики къ эпосу („все кажется риторикою“), но все же духъ мелочной кропотливости несомнѣненъ въ этой работѣ, какъ несомнѣнна и причина появленія его: образъ жизни и болѣзни.

Въ погашеніе своего долга В. Кокореву Никитинъ предполагалъ выпустить „или два томика, или одну объемистую книжку“, включивъ сюда и „Кулака“. Но, какъ извѣстно, книжка вышла безъ поэмы.

12 ноября 1859 года умеръ И. А. Придорогинъ. Смерть его тяжело перенесъ Никитинъ. Конецъ этого года отмѣченъ новой вспышкой ссоръ съ отцомъ на денежной почвѣ.

Новый, 1860-й годъ наступалъ при благоприятныхъ условіяхъ. Здоровье Никитина нѣсколько возстановилось, онъ бросилъ діету; дѣла шли хорошо: магазинъ далъ около полутора тысячъ прибыли. Отношенія съ отцомъ были спокойнѣй. Слава поэта все росла. Устроенный въ воскресенье 9-го апрѣля въ залѣ кадетскаго корпуса литературный вечеръ обратился въ триумфъ Никитина. На программѣ стояли: „Уѣздный лекарь“ Тургенева, „Чернецъ“ Шевченко, „Литераторы - обыватели“ Щедрина, „Забутая деревня“ Некрасова, „Обозъ“ Успенскаго, въ музыкальной части — Глинка. Никитинъ выступилъ седьмымъ номеромъ и прочелъ „Поэту-обличителю“. Его два раза заставили повторить стихотвореніе. По словамъ мѣстной газеты „публика была довольна“.

Къ лѣту у Никитина созрѣла мысль съѣздить въ Петербургъ и Москву. 10 мая онъ писалъ И. Брюханову: „А я мечтаю, какъ угорѣлый, отыскивая денегъ“. Въ началѣ іюня Никитинъ выѣхалъ на почтовыхъ. Онъ ѣхалъ отдохнуть и развлечься, но поѣздка вышла чисто дѣловой. Въ Москвѣ онъ стоялъ въ № 94 гостинницы Чижовыхъ, близъ Кремля. Москва не произвела на него особенно сильнаго впечатлѣнія. Въ Петербургѣ онъ остановился у Второва, по Бассейной, въ домѣ Аничкова. Здѣсь онъ никого кромѣ книгопродавцевъ и писчебумажныхъ оптовиковъ не видѣлъ. Хотѣлось ему увидѣться съ Майковымъ, но Майковъ жилъ въ Парголовѣ. Хотѣлъ Второвъ показать ему Петергофъ, но не успѣлъ.

Осенью въ Воронежѣ возникла мысль издать литературный сборникъ. У де Пулэ начались собранія по этому вопросу. Никитинъ здѣсь читалъ отрывки изъ „Дневника Семинариста“. Работать надъ этой повѣстью ему мѣшала торговля. „Въ магазинѣ мечтаю, какъ угорѣлый, а другого исхода нѣтъ, нужно метаться“—пишетъ онъ Второву. Де Пулэ рассказываетъ, что

Никитинъ читаль ему конецъ повѣсти у себя въ магазинѣ и при началѣ чтенія воскликнулъ: „Доконалъ меня проклятый Семинаристъ!“ По окончаніи чтенія у него пошла кровь горломъ.

До мая состояніе здоровья Никитина было удовлетворительно, хотя онъ не переставалъ жаловаться въ письмахъ на него. „Здоровье мое плоховато“ (письмо къ Вицинскому отъ 3 февраля). „Сухъ, какъ грибокъ, тонокъ, какъ спичка,—короче: гадокъ до послѣдней степени“ (къ Н. А. М—ой отъ 17 февраля). Онъ мечтаетъ о лѣтѣ, о купаньѣ, о поѣздкѣ въ столицу. Дѣла продолжаютъ улучшаться: въ февралѣ было уже 200 подписчиковъ. Магазинъ Никитина сталъ своеобразнымъ клубомъ, куда приходили потолковать о событіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ, манифестъ о которомъ читался въ Воронежѣ 10 марта. Утромъ этого дня Никитинъ слышалъ перваго весенняго жаворонка („какъ же я былъ радъ его пѣснѣ!“).

Съ начала этого года и по іюль Никитинъ переписывался съ Натальей Антоновной Матвѣевой, которую любилъ. Никитинъ былъ влюбчивъ, и это была не первая его любовь (см. сноску на стр. 404, 405 и 406 II-го тома наст. изд.). Въ апрѣлѣ было у него свиданіе съ Матвѣевой, которая приѣзжала въ Воронежъ. Памятью его осталось одно изъ лучшихъ стихотвореній: „На лицо твое солнечный свѣтъ упалъ“. Любилъ Никитинъ скрытно, сдержанно, глубоко и цѣломудренно. Необычайны нѣкоторыя строки его писемъ къ Матвѣевой, въ общемъ многословныхъ. Трагически звучать слѣдующія слова изъ письма отъ 19 апрѣля: „Вѣдь я не сложилъ, не могъ сложить ни одной беззаботной, веселой пѣсни во всю мою жизнь! Неужели въ душѣ моей не нашлось бы животрепещущихъ струнъ? Неужели на лицѣ моемъ только забота должна проводить морщины?“

На третій день Пасхи Никитинъ гулялъ по кладбищу съ Г. Зиновьевымъ, спотыкаясь на кости и толкуя о смерти. Никитинъ говорилъ: „вотъ 25 лѣтъ, вотъ 30, а здѣсь 40, ну что это за лѣта! Вѣдь такимъ только жить да жить бы!“ Даже 60 лѣтъ не казались ему долголѣтіемъ. Потомъ онъ сказалъ: „видно, братъ, и до насъ доходитъ очередь“.

1 мая онъ встрѣчалъ за городомъ, пилъ чай на воздухѣ и простудился. У него началось кровохарканіе. 23 іюня онъ

пишетъ: „Вотъ уже восьмая недѣля, какъ я лежу на одномъ боку, и если выѣзжаю на полчаса, то эта прогулка удается рѣдко“. 7 іюля онъ пишетъ: „Лежа третій мѣсяць въ четырехъ стѣнахъ, безъ надежды на лучшее, не имѣя силъ даже ходить по комнатѣ, потому что захватываетъ дыханіе,—трудно сохранить душевное спокойствіе“. Врачи растерялись. Послѣдній разъ онъ былъ въ своемъ магазинѣ въ пріѣздѣ Кокорева. Встрѣча ихъ была тяжела для здоровья Никитина. Онъ много говорилъ Кокореву: „вы дали мнѣ новую жизнь... вы... вы спасли меня... не подойди такъ скоро смерть, я не остался бы здѣсь, въ этомъ городѣ... здѣсь мнѣ душно!“ Ему сдѣлалось дурно. Въ августѣ 1861 года происходило открытіе мощей св. Тихона Задонскаго. Статьи по этому поводу привлекли вниманіе Никитина. Въ немъ усилилось религіозное настроеніе. Онъ сталъ читать Евангеліе.

Изъ друзей больного навѣщаль одинъ де Пулэ: всѣ разъѣхались. Ходила за нимъ А. Тюрина. Отецъ въ пьяномъ видѣ часто беспокоилъ его, ругаясь, бросаясь солеными огурцами. „Иванъ Саввичъ, при болѣзненной раздражительности, до такой степени волновался этимъ, что при видѣ отца приходилъ въ ярость, обнаруживавшуюся скрежетомъ зубовъ и истерическими припадками“ (письмо А. Перелешина къ Н. Второву).

1 Сентября де Пулэ получилъ отъ Никитина записку съ просьбой пріѣхать для составленія духовнаго завѣщанія. 3 сентября Никитинъ исповѣдывался и причащался. Передъ исповѣдью онъ, напрягая послѣднія силы, прошелъ къ отцу, сталъ на колѣни, цѣлуя руку, говорилъ: „Батюшка, простите меня“. Отецъ былъ пьянъ и мычалъ бессмысленно.

Въ ближайшіе послѣ этого дни было составлено духовное завѣщаніе въ присутствіи духовника, душеприказчика де Пулэ, Зиновьева и Чеботаревскаго. Текстъ мы даемъ въ приложеніи.

Положеніе Никитина все ухудшалось. Со дня составленія духовнаго завѣщанія де Пулэ ежедневно навѣщаль его. Вотъ его впечатлѣнія отъ 24 сентября: „Духъ у меня бодръ, но организмъ убиваетъ меня“—говоритъ онъ и, бѣднякъ, безпрестанно плачетъ. Онъ понимаетъ свое положеніе, но все еще питается иногда надеждою; впрочемъ во многихъ отно-

шеніяхъ сталъ дитя. Куда дѣвалась его прекрасная мужественная наружность! весь изсохъ, лицо и голова съ кулакъ. Его бьютъ наповаль то поносъ, то кашель; перестаетъ одинъ, начинается другой. У него „чахотка кишечная, кашель безъ мокротъ“ (Письмо къ Н. Второву).

На 26 сентября, день своего ангела, Никитинъ звалъ къ себѣ де Пулэ: „если буду живъ, прїѣзжайте съ сестрою пить чай“. Отецъ былъ трезвъ въ этотъ день. Онъ говорилъ съ де Пулэ. Де Пулэ сказалъ, что больному необходимо спокойствіе. Никитинъ приподнялся съ дивана, сталъ на ноги. „Онъ былъ страшень, какъ поднявшійся изъ гроба мертвецъ“. Онъ воскликнулъ: „Теперь поздно говорить о спокойствіи! Я себя убиваю? Нѣтъ, вотъ мой убійца“. Онъ глазами показалъ на отца.

16 октября его хотѣли соборовать. Съ утра въ этотъ день пьяный отецъ не выходилъ изъ комнаты умирающаго, требуя ключей и денегъ, и произнося проклятїя. Никитинъ умолялъ отвести отца. Не вынося такой сцены, де Пулэ ушелъ. Никитинъ сказалъ ему: „Баба, баба!“ Соборованіе было назначено около пяти часовъ, но отецъ Арсеній пришелъ въ четыре. Никитинъ доживалъ послѣднія минуты. Онъ знаками просилъ чего-то. Подали пить. Онъ проговорилъ: „Нѣтъ, супу... ѣсть хочу“. Это были послѣднія слова. Онъ окинулъ плачущихъ родныхъ мутнымъ взглядомъ и закрылъ глаза навсегда.

Де Пулэ, вернувшись, засталъ Никитина уже мертвымъ. И надъ тѣломъ не переставалъ бушевать пьяный отецъ.

Похороны были торжественны и многолюдны. Голову поэта украсили двумя вѣнками—изъ искусственной и живой зелени. Гробъ отъ Троицкаго собора до могилы несли на рукахъ. По мысли А. Михайлова, Никитина погребли насупротивъ Кольцова. Тотчасъ была открыта подписка на памятникъ.

Въ день смерти былъ опечатанъ магазинъ. Съ 23 октября по 10 ноября приводилась въ извѣстность его наличность.

Магазинъ былъ запроданъ купцу Лашкину за 7800 рублей (по описи былъ оцѣненъ въ 9000 руб.). По 1 декабря шла сдача товара. Наслѣдники просили раздать скорѣе деньги. За вычетомъ расходовъ по погребенію и шестинедѣльному поминовенію въ 204 рубля, деньги были розданы наслѣдникамъ 11 февраля 1862 года.

Приложенія къ біографіи.

Черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ день смерти, на площади Воронежѣ, которую постоянно переходилъ Никитинъ, идя изъ своего дома въ свой магазинъ, въ присутствіи родныхъ поэта, городскихъ властей и многочисленныхъ депутацій, былъ открытъ ему памятникъ по проекту И. Шуклина.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Посвященіе Н. И. Второву „Стихотвореній“ 1856 г.

(Эти строки записалъ Никитинъ на первой стр. подареннаго имъ Н. И. Второву экземпляра. Изъ арх. Второва).

Какъ другу милому, единственному другу,
Мой скромный трудъ тебѣ я посвятилъ.
Ты первый взоръ участія обратилъ
На музу робкую, мою подругу.
Ты показалъ мнѣ новый лучшій путь,
На немъ шаги мои направилъ,
И примирилъ съ людьми, и жизнь любить заставилъ,
Развилъ мой умъ, согрѣлъ мнѣ грудь...
Я помню все! Чтобъ ни было со мною—
Въ одномъ себѣ по гробъ не измѣню:
Въ день радости, въ день горя подъ грозю,
Въ моей душѣ твой образъ сохраню.

1856 года

26 марта.

II.
ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ОТКРЫТІИ
**КНИЖНАГО МАГАЗИНА
НИКИТИНА**

Предполагая въ 1-хъ числахъ Февраля будущаго 1859 года открыть въ г. Воронежѣ книжный магазинъ, честь имѣю довести до свѣдѣнія Воронежской Публики, что въ составъ его войдутъ лучшія произведенія Русской и Французской литературъ преимущественно по отдѣламъ изящной словесности и исторіи.

Всѣмъ извѣстны затрудненія, встрѣчаемыя публикой въ провинціи какъ при чтеніи, такъ и при приобретеніи книгъ: съ одной стороны они происходятъ отъ необходимости выписывать книги отъ столичныхъ книгопродавцевъ, что сопровождается излишними расходами и потерю времени; а съ другой въ провинціи нѣтъ никакой возможности просмотрѣть книгу, приобретене которой не входитъ въ расчетъ читателя, между тѣмъ, какъ предварительное знакомство со вновь выходящими книгами необходимо для лицъ, которыя составляютъ себѣ бібліотеку. Цѣль вновь открываемаго магазина состоитъ въ устраненіи этихъ затрудненій.

При современномъ направленіи нашей литературы потребность чтенія развивается необыкновенно быстро. Удовлетворить эту потребность, вотъ назначеніе каждаго книжнаго магазина и тѣмъ болѣе провинціального. Онъ долженъ быть не только складочнымъ мѣстомъ старыхъ и новыхъ книгъ, назначаемыхъ единственно для продажи, но и легучею бібліотекой; такой, по крайнему мѣрѣ, характеръ будетъ имѣть новый магазинъ. Съ этою цѣлію предлагается публикѣ возможно выгодныя условія за право чтенія.

1.) Всѣхъ находящ. въ магаз. журнал. и книгъ русск. и франц.:

За годъ — — 12 руб. серебромъ.

За полгода — — 7

За три мѣсяца — 4

За 1 мѣсяцъ — 1 50 коп.

2.) За чтеніе однихъ журналовъ, спустя два мѣсяца по полученіи ихъ въ Воронежѣ:

За годъ — — 7 руб. серебромъ.

За полгода — — 4

При подпискѣ на чтеніе залого вносится 5 руб. серебромъ.

Во избѣжаніе затрудненій при своевременномъ удолствореніи Гг. Подписчиковъ, періодическими изданиями каждыи номеръ журнала не долженъ быть удерживаемъ долѣ ПЯТИ ДНЕЙ.

Журналы и газеты будутъ получены слѣдующія:

Современникъ	Московское обозрѣніе
Русскій вѣстникъ	Парусь
Русское слово	Русскій дневникъ
Отечественныя записки	Московскія вѣдомости
Библіотека для чтенія	Искра
Атеней	Народное чтеніе
Русская бесѣда	Revue des deux mondes
Собр. иностран. романовъ	Journal pour tous.

Для того чтобы опредѣлить нужное для магазина количество экземпляровъ каждаго журнала, имѣю честь просить Гг. Любителей чтенія подписываться заблаговременно. Смѣю надѣяться, что предпріятіе мое, чуждое спекулятивной цѣли, найдетъ сочувствіе въ образованной публикѣ.

Подписка принимается въ собственномъ домѣ Никитина, на 3-й Дворянской улицѣ, близъ Лютеранской церкви.

III.

Набросокъ о бурствѣ.

(Изъ бумагъ де Пуле).

Ахъ, прости, святой угодникъ,
Захватила злоба духъ:
Мірянинъ—поповъ поклонникъ,
Чтитель рясы и бородъ,
Мертвой школѣ гимнъ поеть.
Охъ, знакомъ я съ этой школой.
Въ ней не видно перемѣнъ;
Та жъ наука—остовъ голый,
Пахнетъ ладономъ отъ стѣнъ.
Искони дорогой торной
Мѣдныхъ лбовъ соборъ покорный
Тамъ идетъ, Богъ вѣсть куда,
Что по цѣли за нужда.
Знай—долби, какъ дятель, смѣло...
Жаль, работа не легка;
Долбишь, долбишь, кончишь дѣло,
Плодь—не стоитъ червяка.
Ученикъ всегда послушенъ,
Безотвѣтенъ, равнодушенъ,
Бьетъ наставникамъ челомъ
И дурѣеть съ каждымъ днемъ.
Чуждый страсти, чуждый міру,
Ректоръ спитъ да пухнетъ съ жиру,
И наставниковъ доходъ
Обезпеченъ въ свой чередъ.
Что до славы и науки,
Все слова, пустые звуки...
Дали-бъ рясу да приходъ.
Попъ, обросши бороною,
По дворамъ съ святой водою
Будетъ въ праздники ходить,
До упаду ѣсть и пить,
За холстину съ причтомъ драться,

Попадѣи-жены бояться,
Рабски кланяются рабамъ
И потомъ являться въ храмъ.
Но авось пора настанетъ—
Богъ на Русь святую взглянетъ,
Благодать съ небесъ пошлетъ—
Бурсы молніей сожжетъ.

1858 г.

IV.

Духовное завѣщаніе.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Находясь на болѣзненномъ одрѣ, я пожелалъ, на случай моей смерти, сдѣлать по имуществу и правамъ моимъ распоряженіе, которое должно имѣть силу настоящаго духовнаго завѣщанія.

1.

Для исполненія моей послѣдней воли назначаю душеприказчикомъ надворнаго совѣтника Михаила Феодоровича де Пулѣ и уполномочиваю его распорядиться всѣмъ моимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ сообразно слѣдующимъ пунктамъ.

2.

Послѣ смерти моей продать: а) золотые часы съ таковою же цѣпочкой; б) два брилліантовыхъ перстня (въ маленькомъ перстнѣ одинъ камень потерянь); в) шесть креселъ, обитыхъ зеленой американской клеенкой; г) тою же клеенкой обитый диванъ; д) двѣнадцать стульевъ съ выгнутыми спинками и съ плетенымъ сидѣньемъ; е) одно большое зеркало; ж) всѣ находящіяся въ магазинѣ книжные шкапы; з) два полированныхъ ломберныхъ стола на тумбахъ; и) два ломберныхъ стола съ точеными ножками; і) одинъ мѣдный самоваръ въ формѣ вазы; к) одну дюжину чайныхъ серебряныхъ 84-й пробы ложекъ; л) одну серебряную суповую ложку; м) всѣ составляющіе мой магазинъ книги и эстампы; н) всѣ тамъ-же находящіяся кабинетныя и столовыя вещи.

3.

Взыскать съ лицъ должныхъ мнѣ по моей торговлѣ и помимо ея занимавшихъ у меня наличными деньгами, что все

Приложенія къ біографіи.

можно найти въ вѣдущихся при магазинѣ домовыхъ. приходо-расходныхъ книгахъ и счетахъ.

4.

Изъ вырученной вышеозначеннымъ способомъ суммы удовлетворить: жену воронежскаго купца Алексѣя Николаевича Клочкова тысячью рублями серебромъ, а равно расквитаться со столичными книгопродавцами по счетамъ, могущимъ явиться со дня составления сего завѣщанія. Къ сему уплатить еще должныя мною по 18-е Октября текущаго года пятнадцать рублей серебромъ г. лекарю Эрасту Ивановичу Кирсанову за наемъ въ его домѣ квартиры подъ мой магазинъ.

5.

Затѣмъ, остальныя за удовлетвореніемъ моихъ кредиторовъ, вырученныя при продажѣ моего имущества, а также и оставшіяся послѣ смерти моей наличныя деньги, употребивъ изъ нихъ скромную часть на посмертныя расходы, раздѣлить между бѣдными моими родными такъ: а) воронежскому мѣщанину Василю Кузьмину Никитину—одну седьмую часть, б) воронежской мѣщанкѣ Александрѣ Ивановнѣ Денисьевой—одну седьмую, в) воронежской пригородной слободы Чижевки государственной крестьянкѣ Пелагеѣ Николаевой Проскуряковой (въ настоящее время солдаткѣ)—седьмую часть, г) воронежской мѣщанкѣ Аннѣ Николаевой Тюриной—седьмую часть, д) воронежской мѣщанкѣ Евгени Кузьминой Быковой—одну четырнадцатую часть, е) воронежской мѣщанкѣ Вѣрѣ Кузьминой Зубаревой—четырнадцатую часть, ж) коллежской ассесоршѣ Елисаветѣ Феногеновнѣ Утянской—четырнадцатую часть, з) сиротамъ дѣтямъ моей двоюродной сестры Фелицаты Ивановой—пятнадцатую часть, и) города Задонска села Качаево вдовѣ діаконицѣ—двадцатую часть, і) воронежскому мѣщанину Александру Николаеву Тюрину—двадцатую часть, к) воронежской мѣщанкѣ вдовѣ Аннѣ Крушининой—одну сороковую часть, л) государственной крестьянкѣ Екатеринѣ Тюриной—сороковую часть.

6.

Право на оставшіяся по смерти моей и на прежде изданныя сочиненія мои предоставить статскому совѣтнику Нико-

лаю Иванозичу Второву съ тѣмъ, чтобы деньги, вырученныя за эти сочиненія, онъ употребилъ, по своему усмотрѣнію, для какой-нибудь благотворительной цѣли.

7.

Сіе же мое распоряженіе, сдѣланное мною въ твердомъ умѣ и здоровой памяти, поручаю вышеупомянутому душеприказчику, г-ну де Пулз, исполнить безпрекословно и точно, не стѣсняясь однако же временемъ и способомъ исполненія и отнюдь не давая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Сію духовную со словъ завѣщателя, воронежскаго купца Ивана Саввича Никитина, писалъ коллежскій секретарь Николай Николаевъ сынъ Чеботаревскій.

Къ сей духовной по пунктамъ воронежскій купецъ Иванъ Саввинъ Никитинъ руку приложилъ.

Что сіе духовное завѣщаніе составлено воронежскимъ купцомъ Иваномъ Саввинимъ Никитинимъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти и имъ самимъ подписано, въ томъ свидѣтельствую. Надворный совѣтникъ Александръ Дмитріевъ Перелешинъ руку приложилъ. Въ томъ же свидѣтельствую губернский секретарь Иванъ Ивановъ Зиновьевъ. Что сіе духовное завѣщаніе тысяча восемьсотъ шестьдесятъ перваго года, сентября десятаго дня, воронежскимъ купцомъ Иваномъ Саввинимъ Никитинимъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти составлено и имъ самимъ подписано, въ томъ свидѣтельствую завѣщателя духовный отецъ, учитель воронежской семинаріи іеромонахъ Арсеній.

1861 года ноября 16 дня въ воронежской палатѣ гражданскаго (суда) это духовное завѣщаніе явлено, по опредѣленію ея, состоявшемуся 6 сего ноября, въ подлинности засвидѣтельствовано и по запискѣ въ крѣпостную книгу выдано предьявителю онаго, надворному совѣтнику Михаилу де Пулз, со взысканіемъ съ него пошлинъ, исключая крѣпостныхъ, такъ какъ предоставляется ему въ распоряженіе движимость, съ которой таковыя, на основаніи 397 ст., V т. уст. о пошл., не взяты, за листъ, на которомъ слѣдовало писать завѣщаніе, 3 р., съ акта 3 р. и за 2 листа не гербовой бумаги 60 к., а

Приложенія къ біографіи.

всего 6 р. 60 к. Означенныя пошлины записаны на приходъ сего числа. Цѣна завѣщанному имуществу объявлена 1500 р.

Предсѣдатель Д. Стрижевскій.

Товарищъ предсѣдателя Н. Халютинъ.

Дворянскій засѣдатель А. Верещагинъ.

Купеческій засѣдатель Д. Веретенниковъ

Секретарь Кольцовъ.

За надсмотрщика Торновскій.

Приложена печать воронежской палаты гражданскаго суда.

Хронологическая таблица.

Годъ.	Биографія.	Издание сочиненій.	Общія явленія и факты.
1793	Рожденіе Саввы Евтихевича Никитина, отца поэта.		
1821			22. XI. Родился Некрасовъ.
1824	21. IX. Рожденіе Ивана Саввича Никитина. 22. IX. Крещеніе его въ церкви Іоанна Божьего.		
1832	Поступленіе Ивана Никитина въ духовное училище.		
1839	Переходъ въ Семинарію.		
1842			29. XI. Смерть Кольцова.
1843	Выходъ изъ Семинаріи. Смерть матери поэта.		
1844	2. VII. Покупка дома на Кирочной (Никитинской) улицѣ, Дворянство.		
1845			„Современная ода“ Некрасова.
1848	XII. Назначеніе К. О. Александрова-Дольника товарищемъ предсѣдателя Воронежской гражданской палаты.		Смерть Бѣлинскаго.
1849	III. Назначеніе Н. И. Второва совѣтникомъ Воронежскаго губернскаго правленія и прїѣздъ его въ Воронежъ.	X. Отправленіе стихотвореній „Лѣсъ“ и „Дума“ въ редакцію <i>Вор. Губ. Вѣд.</i> 5. XI. Выходъ № 54 <i>Вор. Губ. Вѣд.</i> съ отвѣтомъ редакціи поэту.	„Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“ Тургенева.
1850			„Свои люди сочтемся“ Островскаго.
1852			Смерть Гоголя.
1853	6. XI. Письмо къ Ѳ. А. Кони и отправленіе ему стиховъ.		

Хронологическая таблица.

Годъ.	Биографія.	Издание сочиненій.	Общія явленія и факты.
1853		12. XI. Отправленіе въ ред. <i>Вор. Губ. Вѣд.</i> стихотвореній „Поле“, „Русь“ и „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный“. 21. XI. Выходъ № 47 <i>Вор. Губ. Вѣд.</i> со стихотвореніемъ „Русь“.	14. IX. Начало Крымской компаніи.
1854	(Конецъ года). Вступленіе Ив. Никитина въ кружокъ Н. И. Второва. VI. Отъѣздъ К. О. Александрова-Дольника изъ Воронежа.	5. IV. Отправленіе собранія стиховъ для изданія Гр. Д. Толстому.	„Власъ“ Некрасова.
1855	14. IV. Серьезная болѣзнь. (Лѣто). Пребываніе въ „Сухихъ Гаяхъ“. Болѣзнь. 12. X. Болѣзнь. „Страшный день“. (Письмо къ Н. И. Второву).	29. III. Полученіе цензурнаго разрѣшенія на изданіе стихотвореній (графомъ Д. Толстымъ); цензурой выпущено было „Моленіе о чашѣ“ и „Оставь печальный твой разсказъ“.	18. II. Восшествіе на престолъ Имп. Александра II. „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ Чернышевскаго.
1856	III. Поднесеніе сборника стиховъ членамъ Императорской фамилии.	II. Выходъ въ свѣтъ толстовскаго изданія стихотвореній Ив. Никитина.	

Хронологическая таблица.

Годъ.	Биографія.	Издание сочиненій.	Общія явленія и факты.
1856	10. IV. Окончаніе обработки „Кулака“.		„Стихотворенія“ Некрасова. „Рудинъ“ Тургенева.
1857	25. VI. Отъездъ Н. И. Второва изъ Воронежа въ Петербургъ.	2. VIII. Отправленіе въ Москву „Кулака“.	VII и IX. Первая статья Добролюбова въ <i>Современникъ</i> .
1858	20. IX. Чтеніе Шекспира.	25. VIII. Цензурное разрѣшеніе на изданіе „Кулака“.	„Утро помѣщика“ Л. Толстого.
	1. X. Письмо къ К. О. Александрову-Дольнику. Заботы о цензурѣ „Кулака“.		3. I. Возникновеніе секретнаго „особаго комитета“ по крестьянскому дѣлу.
			„Убогая и нарядная“ Некрасова.
			1. VII. № 1 <i>Колокола</i> .
			„Три смерти“ Майкова.
			Возникновеніе „губернскихъ комитетовъ“ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ.

Хронологическая таблица.

Годъ.	Биографія.	Издание сочиненій.	Общія явленія и факты.
1858	<p>14. IV. Чтеніе „Etudes sur l'avenir de la Russie“.</p> <p>27. VI. Жизнь на дачѣ.</p> <p>25. VII. Чтеніе Шиллера. Болѣзнь.</p> <p>5. IX. Мысль ѣхать на воды.</p> <p>19. IX. Чтеніе разныхъ серьезныхъ вещей на французскомъ языкѣ.</p> <p>6. X. Дворянство. Чтеніе Шиллера.</p>	<p>4. III. Прибытіе „Кулака“.</p> <p>Выходъ въ свѣтъ „Кулака“ отдельнымъ изданіемъ.</p> <p>12. XII. Заботы о второмъ изданіи стихотвореній.</p>	<p>„У параднаго подъѣзда“ Некрасова.</p> <p>IV. Статья Кавелина о выкупѣ крестьянъ и циркуляръ по цензурѣ, запрещающій говорить объ освобожденіи крестьянъ.</p> <p>Статьи Чернышевскаго по крестьянскому вопросу въ <i>Современникѣ</i>.</p> <p>„Стихотворенія“ Плещеева.</p>
1859	<p>22. II. Открытіе книжнаго магазина.</p> <p>9. IV. Первые дни въ магазинѣ.</p> <p>8. V. Занятія книготорговлей. Надежды на купанье.</p>		<p>„Обломовъ“ Гончарова.</p>

Хронологическая таблица.

Годъ.	Биографія.	Изданіе сочиненій.	Общіе явленія и факты.
1859	22. VI. Болѣзнь.	<p>20. VII. Исправленіе стихотвореній для 2-го изданія.</p> <p>21. VIII. Окончаніе обработки новаго сборника стихотвореній и отправленіе его Н. И. Второву.</p> <p>XII. Выходъ въ свѣтъ Кокоревскаго изданія стихотвореній И. С. Никитина.</p>	<p>VIII и IX. Ожидается съѣздъ дворянскихъ депутатовъ, и Александръ II поддерживаетъ взглядъ Милютина и Соловьева.</p> <p>„Дворянское гнѣздо“ Тургенева и „Кузнецикъ музыкантъ“ Полонскаго.</p>
1860	<p>9. IV. Публичное чтеніе въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ.</p> <p>12. VI. Приѣздъ въ Москву.</p> <p>4. XI. Письмо къ И. И. Брюханову („торгумъ помаленьку“).</p>		<p>„Наканунъ“ Тургенева и статья Добролюбова „Когда же придетъ настоящій день.“</p> <p>14. XI. Первые воскресныя школы въ Кіевѣ при Пироговѣ.</p>

Хронологическая таблица.

Годъ.	Биографія.	Издание сочиненій.	Общіе явленія и факты.
1860		26. XII. Отправленіе стихотворенія „Портной“.	
1861	10. III. Предположеніе ѣхать въ Петербургъ.	17. I. Забота о цензурѣ „Дневника Семинариста“.	19. II. Освобожденіе крестьянъ.
	27. III. Письмо къ Н. А. М—ой. Разсужденіе объ уничтоженіи крѣпостного права.		Статья А. Григорьева „Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со времени Пушкина“. <i>Время.</i>
	3. IV. Письмо къ Н. И. Второву.		
	19. IV. Письмо къ Н. А. М—ой. Стихотворенія: „На лицо твое солнечный свѣтъ упалъ“ и „Я Васъ не смѣю раздражать“.		
	1. V. Встрѣча перваго мая за городомъ. Простуда.		
	26. V. Болѣзнь.		

Хронологическая таблица.

Годъ.	Биографія.	Издачіе сочиненій.	Общія явленія и факты.
1861	4. VI. Болѣзнь.		
"	23. VI. Болѣзнь.		
"	7. VII. Болѣзнь.		
"	1. IX. Письмо къ М. Ѳ. де Пуле съ приглашеніемъ пріѣхать писать духовное завѣщаніе.		
"	3. IX. Причащеніе поэта.		IX. Прокламація „Къ молодому поколѣнію“. Аресты и политическіе процессы. Закрытіе Петербургскаго Университета.
"	10. IX. Совершеніе Духовнаго завѣщанія.		
"	25. IX. Послѣднія именины.		
"	16. X. Смерть И. С. НИКИТИНА.		
"	18. X. Похороны его.		
1863	29. IX. Открытіе памятника на могилѣ.		
1869		Выходъ въ свѣтъ Михайловскаго изданія сочиненій И. С. Никитина.	
1911	16. X. Открытіе памятника въ Воронежѣ.		

Бібліографія.

1. Біографія.

Біографическія свѣдѣнія объ И. С. Никитинѣ—*От. Зап.*, 1854, VI.

Н. Второвъ. „Новый воронежскій поэтъ“—*Москв.*, 1854, VIII.

Открытие книжнаго магазина И. С. Никитина—*Вор. Губ. Вѣд.*, 1859, № 10. Часть неофициальная.

О музыкально-литературномъ вечерѣ въ залѣ Вор. Двор. Собр.—*Вор. Губ. Вѣд.*, 1861, № 15.

„Описаніе междоусобной войны въ городѣ Воронежѣ между литераторами разныхъ направленій въ 1858, 1859 и 1860 годахъ.“—*Развлеченіе*, литер.-юморист. журналъ. 1861, № 2.

—Р.— И. С. Никитинъ.—*Рус. Художеств. Лист.*, 1861, № 11.

Извѣщеніе о смерти И. С. Никитина.—*Вор. Губ. Вѣд.*, 1861, № 42.

„Краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ И. С. Никитинѣ“. Ів, № 44.

М. де Пуле. Иванъ Саввичъ Никитинъ. Некрологъ—*Моск. Вѣд.*, 1861, № 241.

Иванъ Саввичъ Никитинъ. Некрологъ.—*Книжн. Вѣстн.*, 1861, № 320.

—Р.— И. С. Никитинъ (последнія минуты его жизни).—*Рус. Художеств. Лист.*, 1862, № 36.

И. Нестроевъ. Иванъ Саввичъ Никитинъ.—*Чтеніе для солдатъ*, 1863, II.

М. де Пуле. Иванъ Саввичъ Никитинъ. (Біографія).—*Сочиненія И. С. Никитина*, изд. А. Михайлова, Вор. 1869.

Ө. Е. Сивицкйй. И. С. Никитинъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1893.

П. Поликарповъ. И. С. Никитинъ, какъ воспитанникъ Вор. Дух. Семинаріи.—*Вор. Телегр.*, 1896, № 119.

М. Быловъ. Къ біографіи поэта И. С. Никитина. *Ист. Вѣст.*, 1901, XI.

Алексѣй Путинцевъ. Дѣтство и юность Ивана Саввича Никитина. Вор. 1905.

А. Г. Фоминъ. Иванъ Саввичъ Никитинъ. Жизнь и дѣятельность. Полн. собр. соч. И. С. Никитина подъ ред. А. Г. Фомина, т. I. Спб. 1913.

2. Критика.

Н. Чернышевскйй. Рецензія на изд. Т.—*Соврем.*, 1856, IV. Полн. собр. соч. Спб. 1906 г. т. II, стр. 349.

А. В. Дружининъ. Рецензія на изд. Т.—*Библ. д. Чит.*, 1856, т. СXXXVII.

Н. Добролюбовъ. Рецензія на поэму „Кулакъ“—*Соврем.*, 1858, VI. Полн. собр. соч. изд. „Дѣятель“, т. III, стр. 503.

Я. К. Гротъ. Отчетъ о поэмѣ „Кулакъ“.—*Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію рус. яз. и словесности*, 1858, т. VII.

Т. М-въ. Рецензія на поэму „Кулакъ“.—*Атеней*, 1858, № 58.

Н. Добролюбовъ. Рецензія на изд. К.—*Соврем.*, 1860, IV. Полн. собр. соч. изд. „Дѣятель“, т. V, стр. 520.

М. де Пуле. Рецензія на изд. К.—*Рус. Сл.*, 1860, IV.

А. С-нъ. Рецензія на изд. М.—*Вѣстн. Евр.*, 1869, VIII.

Эн-ковъ. Поэзія Никитина.—*Филолог. Зап.*, 1869, IV.

П. Исаевъ. Столичные рецензенты объ изданіи сочиненій И. С. Никитина.—*Донъ*, 1869, № 86.

В. Острогорскйй. Русскіе писатели, какъ образовательно-воспитательный матеріаль.—*Педагогическйй Листокъ*, 1875, № 2.

Н. Михайловскйй. Литературныя Замѣтки.—*Отеч. Зап.*, 1878, II.

Иванъ Ивановъ. Поэтъ горькой правды.—*Рус. М.*, 1896, I.

Библиографія.

А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1903., стр. 460—464.

Ив. Камовъ. Характеръ и содержаніе поэзіи И. С. Никитина.—*Рус. Филолог. Вѣстн.*, 1899, № 1—2, 1900, № 1—2, 1901, № 1—4.

Н. А. Энгельгардтъ. Истерія русской литературы XIX стол. Спб. 1903, т. II.

Алексѣй Путинцевъ. Дѣти въ произведенияхъ Никитина.—*Филолог. Зап.*, 1905, III—IV.

Ю. Айхенвальдъ. И. С. Никитинъ. Творчество. Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина подъ ред. А. Г. Фомина, т. I. Спб. 1913.

3. Переводы.

F. Fiedler. Gedichte von Ivan Nikitin. Leipzig, 1896.

Українська Муза. Поетична антологія подъ ред. О. Коваленко. Київ, 1909.

4. Иконографія.

Рус. Художеств. Лист., 1861, № 8 (портретъ И. С. Никитина въ молодости). Ib, 1862, № 32, (портретъ И. С. Никитина на смертномъ одрѣ).

Сочиненія И. С. Никитина. Изд. А. Михайлова. Вор. 1869.

А. Мюнстеръ. Портретная галлерей русскихъ дѣятелей, т. II. Спб. 1869. (Литографія съ фотографіи Денъера 1860 г.).
Нива, 1882, № 48. Гравюра А. Неймана.

Стихотворенія 1848—61 гг.

Лирика Никитина.

Черты лирики Никитина опредѣляются тѣмъ, что поэтический талантъ его въ основѣ своей былъ эпическимъ. Преобладающей формой его стихотвореній является лиро-эпическая пѣсня, въ центрѣ которой лежитъ разсказъ о какомъ-нибудь событіи: о восходѣ солнца, о пріѣздѣ ямщика, о несчастной любви. Движеніе мысли въ его стихотвореніяхъ тоже явно эпическаго характера: картины ихъ очень отчетливо располагаются въ пространствѣ и времени. Спокойствіе не покидаетъ поэта даже въ драматическихъ мѣстахъ.

Наряду со стихотвореніями такого типа встрѣчаются разсужденія на религіозно-философскія или—рѣже—политическія темы, но они занимаютъ очень скромное мѣсто какъ по количеству, такъ и по литературно-поэтическимъ своимъ достоинствамъ.

Тѣмъ не менѣе, именно съ нихъ, т. е. съ религіозно-философскихъ стихотвореній, удобно начать обзоръ лирики Никитина: въ нихъ заключены, пускай разрозненные и нестройные, но искренніе отвѣты на первѣйшіе вопросы бытія, которые встаютъ передъ каждымъ поэтомъ; въ нихъ можетъ быть найденъ ключъ къ пониманію всей поэзіи Никитина.

Въ глубокомъ мирѣ со вселенной нашла себя душа Никитина, когда впервые обратила на себя взоры. Умиленное созерцаніе характерно для этого первоначальнаго момента, и настолько сильно было умиленіе, что стихи, выразившіе его, сложились крѣпко и стройно, слова нашлись для него точныя и сильныя.

Присутствіе непостижимой силы

Таинственно скрывается во всемъ.—

Достаточно прочесть стихотвореніе, начинающееся этими стихами, съ необычайной честностью и простотой вводящими въ глубину темы, чтобы воспринять эти настроенія Никитина. Исповѣданіе его ясно и строго:

Я вѣрю: есть святое Провидѣнье
И кроткій миръ для сердца и души.

Въ другомъ стихотвореніи („Успокоеніе“) онъ говоритъ:

...есть Высшій Разумъ,
Все дивно создавшій,
Всѣмъ правящій мудро.

Созерцая міръ „съ какою-то отрадой непонятной“ въ вечерній тихій часъ, поэтъ и въ себѣ ощущаетъ глубокой покой.

И чужды всѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души,
Мнѣ кажется, со мной въ уединеніи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.

Но чувствуя въ себѣ гармонію съ міромъ, поэтъ не растворяется въ немъ пантеистически, а сознаетъ цѣнность человѣческой личности:

И какъ-то отрадно мнѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ.

Смерть не вноситъ разлада въ эту гармонію. „Невидимой цѣпью жизнь связана тѣсно съ таинственной смертью“. Природа служитъ человѣку „колыбелью и вмѣстѣ могилой“.

Къ чисто-христіанскимъ темамъ Никитинъ подходит нѣсколько робко. Ужъ слишкомъ противорѣчилъ хорошо извѣстный ему семинарскій и поповскій бытъ христіанству! Слишкомъ много давалъ онъ поводовъ для блужданія „въ мракѣ сомнѣнія“ и „сердца тревожнаго мукъ“. Но сущность христіанства была ему близка. Идеи искупленія, жертвы, примиренія, символы креста, вѣнца терноваго, лампы всегда были для него „источникомъ покоя и силъ“.

Мірового покоя, возможности сказать: „прекрасенъ міръ“ искалъ онъ болѣе всего. Слова Шекспира „все благо и прекрасно на землѣ, когда живетъ въ своемъ опредѣленіи“, поставленныя имъ эпиграфомъ къ „Кулаку“, выражали его

подлинное отношеніе къ тѣмъ явленіямъ, которыя искажали идею добра и красоты въ мірѣ.

Въ прямой связи съ этимъ умонастроеніемъ стоятъ взгляды Никитина на поэзію и призваніе поэта. Поэтъ — творецъ, преобразитель жизни, осуществитель царства добра и красоты. Завѣтъ поэту:—

Умѣй изъ груды безобразной
Картину стройную создать.

Небо, радужныя звѣзды, музыкальное море и дремучій лѣсъ, всѣ „сокровища“ природы раскрыты для поэта. Она—его „наставникъ“, она—его „другъ“. Ее онъ слушаетъ, въ ней черпаетъ вдохновеніе. И въ письмахъ своихъ, и въ стихахъ, Никитинъ неоднократно возвращается къ этой темѣ зависимости поэта отъ природы. Но непосредственное, безвольное, съ чужого голоса—хотя бы то былъ голосъ самой природы—пѣнье никогда не представлялось Никитину поэтическимъ идеаломъ. Власть творящей силы поэта казалась ему незыблемой въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Не менѣе, чѣмъ форма стихотворенія, ей должна быть подчинена сама жизнь людей. Если про первое онъ спокойно говорить, что въ поэзіи нужно „обдуманное слово“, то про второе у него вырывается гнѣвное восклицаніе (по поводу поэзіи Некрасова):

Будь ты проклято, праздное слово!

Поэтъ-творецъ является разновидностью той сильной личности, которую постоянно изображаетъ Никитинъ, и борьба которой со средою занимаетъ въ его поэзіи видное мѣсто:

Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ—

таковъ его герой. Разные облики онъ принимаетъ, но душа въ нихъ одна и та же. Вотъ сирота, которому отецъ оставилъ

Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.

Вотъ мужикъ, мстящій за дочь убійствомъ и пожаромъ. Вотъ „дворникъ ласковый“. Вотъ Пантелей, вотъ убійца изъ „измѣны“. Пчелинецъ Кудимычъ; парень, неудачно присуши-

вавшій дѣвку; ямщики, бурлаки, мельники, лѣсники и пахари, бобыли и нище—всѣ они обнаруживаютъ въ себѣ одну и ту же непреклонно-мужественную стихію.

Герои Никитина дѣйствуютъ въ условіяхъ деревенскаго и мѣщанскаго быта.

Крупный эпическій талантъ обнаруживаетъ Никитинъ всякій разъ, когда перо его описываетъ бытъ. „Ссора“, „Жена ямщика“, „Порча“, „Дѣлежъ“, „Староста“, „Мельница“, „Мертвое тѣло“ и цѣлый рядъ другихъ стихотвореній останутся навсегда въ русской литературѣ мастерскими изображеніями деревенской жизни въ послѣднее передъ освобожденіемъ крестьянъ десятилѣтіе,—точно такъ же, какъ „Уличная встрѣча“, „Портной“, „Хозяинъ“ и др.—городской. Помѣщичій бытъ также изображенъ имъ въ стихотвореніяхъ „Разсказъ ямщика“ и „Старый слуга“. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ стихія эпоса, естественно, по самымъ темамъ ихъ, преобладаетъ надъ лирической стихіей. Описаніе картинъ природы, утвари, обстановки, одежды, фигуръ и лицъ, и, наконецъ, самихъ событій притягиваетъ къ себѣ вниманіе поэта. Но неизмѣнно, всюду, весь этотъ эпическій матеріалъ пронизанъ насквозь и крѣпко спаянъ своеобразнымъ гуманистическимъ паэосомъ. Во всякомъ героѣ Никитинъ прежде всего видитъ человѣка.

Всѣ цвѣта радуги—отъ мощнаго жизнеутвержденія до глубокой скорби—доступны лиризму Никитина. Но можетъ быть самыя очаровательныя краски появляются на его палитрѣ, когда темой его становится любовь. Лирика любви представлена немногочисленными стихотвореніями въ его поэзи. Никитинская лирика любви—это лирика несчастной любви. Слишкомъ много творилось насильничества надъ дѣвичьимъ сердцемъ въ его быту для того, чтобъ поэтъ получилъ возможность воспѣвать любовь счастливую. Темная, упорная страсть характерна для его героевъ; вспыльчивость и беззаветность—для героинь. Методъ лирическихъ стихотвореній Никитина остороженъ и мудръ.

Трепетъ сердца, упоенье—

Вамъ въ слова не воплотиться!—

говоритъ поэтъ и старается дать почувствовать этотъ трепетъ путемъ соотвѣтствующаго описанія природы, посте-

Вступительный очеркъ.

пеннымъ приближеніемъ внѣшняго міра къ внутреннему. Вотъ типичныя строки:

Дремлютъ розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ... Вотъ замеръ и свистъ.
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листь.
Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бь продлилъ безъ конца, безъ конца.

Какой тяжеловѣсной прозой кажутся послѣ любовной лирики Никитина его стихи на гражданскія и политическія темы! Лучше другихъ здѣсь его раннее стихотвореніе „Русь“. спасаемое широкими географическими перспективами. Но такія пьесы, какъ „Война за вѣру“, „Новая борьба“, „Карсъ“, помимо непріятнаго оттѣнка шовинизма, отличаются полнымъ отсутствіемъ художественныхъ достоинствъ. Незрѣлость политической мысли, легкая критика и легкое же утвержденіе слишкомъ общихъ идеаловъ отличаютъ другія его пьесы этой группы. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ конкретно чувствуетъ социальныя противорѣчія современнаго ему уклада русской жизни, его голосъ достигаетъ твердости и силы. Такова тема мщенія въ пьесахъ неизвѣстнаго года, которыми кончается настоящій томъ. Но и она не развита полностью, а только показана въ потенціи. Никитинъ, по складу мыслей, былъ по-видимому постепеновцемъ:

Медленно движется время,
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя,
Путь твой широкъ впереди.

„Юное племя“—основа всѣхъ надеждъ поэта. Любовь къ дѣтямъ сквозитъ каждый разъ, какъ дѣтскіе облики появляются въ его стихахъ. Безъ сентиментализма онъ рисуетъ деревенскую дѣтвору, но съ большимъ чувствомъ. Съ горечью вспоминаетъ онъ свое дѣтство, бывшее далеко не такимъ, какой должна быть золотая пора человѣческой жизни.

На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь,—

говорить Никитинъ. Молодежь являлась для него мостомъ къ будущему, а чувствовать будущее, и чувствовать его, какъ свѣтлое будущее, необходимо было его эпической, свѣтло настроенной душѣ. Вѣдь въ немъ были глубокіе задатки идиллическаго міровоззрѣнія. Вѣдь въ немъ, какъ въ поэтѣ, заключены были всѣ возможности стать поэтомъ идиллическимъ. Образцы чистой русской идиллидалъ только Никитинъ. Такія поэмы, какъ „Купецъ на пчельникѣ“, „Ночлегъ извозчиковъ“, „Лѣсникъ и его внукъ“, остаются единственными въ своемъ родѣ. Надо только вслушаться въ тягучій ихъ ритмъ, въ ихъ эпитеты, благодные и улыбающіеся, въ тонъ, какимъ говорится и о пчелахъ, и объ яствахъ, и о плутняхъ, и объ одеждахъ, чтобъ ясно увидѣть, какъ любовно принимаетъ поэтъ въ лоно своихъ взоровъ дорогой ему міръ русской дѣйствительности, съ какой увлекательной нѣжностью описываетъ онъ всѣ подробности, всѣ ужимки, всѣ мелочи. Въ этой солнечной любви безслѣдно растворяются всѣ угловатости характеровъ, вся неказистость быта. А это и есть главное свойство идиллическаго поэта—видѣть міръ, какъ прекрасную и спокойную картину. Только въ стихотвореніяхъ этого типа у Никитина чувствуется полный вздохъ удовлетвореннаго процессомъ творчества художника, только въ нихъ его талантъ горитъ всѣми своими гранями, только въ нихъ синтезируется вполнѣ стремленіе къ прекрасному съ стремленіемъ къ реальному. Это даетъ право въ поэтическомъ портретѣ Никитина подчеркивать черты идиллизма преимущественно передъ другими, обыкновенно подчеркиваемыми; о Никитинѣ не мало говорилось, какъ о поэтѣ гражданскомъ, какъ о пѣвцѣ демократіи. Все это правда, но какая-то внѣшняя правда, слишкомъ очевидная, не та, до которой хотимъ мы доискаться и безъ которой не можемъ до конца понять поэта.

Условія времени и мѣста подорвали то, что было въ Никитинской поэзіи вѣчнаго, и вотъ почему безысходная грусть слышится такъ часто въ его пѣснѣ. Съ глубокой мукой вслушиваемся мы въ недопѣтую пѣсню Никитина. Есть нѣчто символическое въ судьбѣ этого поэта. Неразлучимы поэзія и жизнь, и изъ самыхъ нѣдръ чернозема поднимаются великаны красоты. И вотъ все еще забиваетъ жизнь поэзію, и книга

Вступительный очеркъ.

біографій поэтовъ похожа на мартирологъ. Значить эта жизнь еще не жизнь.

Такъ въ недопѣтой пѣснѣ таится призывъ къ подвигамъ болѣе дѣйственный, чѣмъ гражданскія строки, въ родѣ:

Дружно на трудъ поспѣшимъ.

Съ трудомъ читаются такія строки. Трудны и довольно часты прозаизмы въ стихахъ Никитина. Но на нѣкоторые формальные недостатки его стиховъ нельзя смотрѣть безъ благоговѣнія. Это тѣ уклоненія отъ каноновъ литературнаго языка, которыя, какъ вѣхи, указываютъ на путь поэта съ низинъ мѣщанства въ русскій пантеонъ.

Ред.

I.

Тихо ночь ложится
На вершины горъ,
И луна глядится
Въ зеркала озеръ.

5 Надъ глухою степью,
Въ неизвѣстный путь,
Безконечной цѣпью
Облака плывутъ;

10 Надъ рѣкой широкой,
Сумракомъ покрытъ,
Въ тишинѣ глубокой
Лѣсъ густой стоитъ;

15 Свѣтлые заливы
Въ камышахъ блестятъ,
Неподвижно нивы
На поляхъ стоятъ;

20 Небо голубое
Весело глядитъ,
И село большое
Беззаботно спитъ;

Лишь во мракѣ ночи
Горе и развратъ
Не смыкають очи,
Въ тишинѣ не спятъ.
1849.

II.

Весна на степи.

Степь широкая,
Степь безлюдная,
Отчего ты такъ
Смотришь пасмурно?

Гдѣ краса твоя,
Зелень яркая,
На цвѣтахъ роса
Изумрудная?

5

Гдѣ тѣ дни, когда
Съ утра до ночи
Ты залетныхъ птицъ
Пѣсни слушала,

10

Дорогимъ ковромъ
Разстилалася,
По зарямъ, сквозь сонъ,
Волновалася?

15

Когда, въ часъ ночной,
Тайны чудныя
Вѣтерокъ тебѣ
Шепталъ ласково,

20

Освѣжалъ твою
Грудь открытую,
Какъ дитя, тебя
Убаюкивалъ?...

А теперь лежишь
Мертвецомъ нагимъ;
Тишина вокругъ,
Какъ на кладбищѣ...

25

Пробудись, — пришла
Пора прежняя;
Уберись въ цвѣты,
Въ бархатъ зелени;

5 Изукрась себя
Росы жемчугомъ;
Созови гостей
Весну праздновать.

10 Посмотри кругомъ:
Небо ясное
Голубымъ шатромъ
Пораскинулось,

15 Золотой вѣнецъ
Солнца краснаго
Весь въ огняхъ горитъ
Надъ дубравою.

20 Новой жизнию
Вѣтъ теплый день,
Вѣтерокъ на грудь
Къ тебѣ просится.
1849.

III.

Поле.

(1-я редакція).

25 Раскинулось поле волнистою тканью
И съ небомъ слилось темносинею гранью,
И въ небѣ прозрачномъ щитомъ золотымъ
Блестящее солнце сіяетъ надъ нимъ;
Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ
И бѣлымъ туманомъ холмы одѣваетъ,
О чемъ-то украдкой съ травой говоритъ

И смѣло во ржи золотистой шумить.
 Одинъ я... и сердцу, и думамъ свобода...
 Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ —
природа.

И, кажется, жизнь мнѣ свѣтлѣй впереди,
 Когда къ своей мощной, широкой груди
 Она, какъ младенца, меня допускаетъ
 И часть своей силы мнѣ въ душу вливаетъ.
 1849.

IV.

Поле.

(2-я редакція).

Раскинулось поле волнистою тканью
 И съ небомъ слилося зеленою гранью,
 И, полное блеска, шатромъ голубымъ
 Прозрачное небо сияетъ надъ нимъ;
 Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ,
 И легкимъ туманомъ холмы одѣваетъ,
 На старыхъ курганахъ съ травой говорить
 Сухую ковыль по дорогѣ катить.
 1853.

V.

Монастырь.

Крестомъ высокимъ осѣненный,
 Вдали отъ селъ и городовъ
 Одинъ стоишь ты, окруженный
 Густыми купами деревь.
 Вокругъ глубокое молчанье,
 И только съ шелестомъ листовъ
 Однообразное журчанье
 Живыхъ сливается ручьевъ,
 И вѣтерокъ прохладой вѣетъ,
 И тѣнь бросаютъ дерева,

И живописно зеленѣеть
Полянъ высокая трава.

О, какъ сыны твои счастливы!
Въ твоёмъ безмолвіи святомъ
5 Они страстей своихъ порывы
Смирили бдѣньемъ и постомъ;

Ихъ сердце отжило для міра,
Умъ съ суетою незнакомъ,
Какъ будто свѣтлый ангель мира
10 Ихъ осѣнилъ своимъ крестомъ.

И внемлетъ вѣчное Богъ-Слово,
Ихъ тяжкій путь благословивъ,
Святыхъ молитвъ живое слово
И гимновъ сладостный призывъ.

1849.

VI.

Лѣсъ.

(1-я редакція).

15 Шуми, шуми, зеленый лѣсъ!
Знакомъ мнѣ твой напѣвъ печальный,
И тайны вѣковыхъ чудесъ,
И вѣтра голосъ музыкальный,
И тишина твоихъ полянъ,
20 И листьевъ шопоть монотонный,
И вечеровъ сѣдой туманъ,
Надъ головой твоей сгущенный.

Я съ дѣтства раннего привыкъ
Въ твоей прохладѣ забываться,
25 Твой чудный понимать языкъ
И тишиною любоваться;
И сколько сладостныхъ часовъ
Провелъ я, занятый мечтами,

Въ тѣни густыхъ твоихъ деревь
Подъ наклоненными вѣтвями!

Какъ я любилъ, когда, порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорилъ съ сильною грозой, 5
Въ минуты страшной непогоды!
Когда большихъ твоихъ дубовъ
Вершины темныя качались,
И сотни разныхъ голосовъ
Въ твоей глуши перекликались... 10

Или, когда свѣтило дня
На дальнемъ западѣ сверкало
И моремъ чуднаго огня
Твою одежду освѣщало,
И, разноцвѣтный, ты сіялъ, 15
Волшебнымъ блескомъ озаренный,
Межъ-тѣмъ въ глуши твоей лежалъ
Какой-то мракъ уединенный.

И вотъ я снова прихожу
Къ тебѣ, какъ прежде, одинокій, 20
И съ тайной радостью гляжу
На сонъ твой, крѣпкій и глубокій.
И можетъ быть въ тѣни твоей,
Подъ легкимъ вѣяньемъ прохлады,
Душѣ тоскующей моей 25
Найду мгновеніе отрады.

1849.

VII.

Лѣсъ.

(2-я редакція).

Шуми, шуми, зеленый лѣсъ!
Знакомъ мнѣ шумъ твой величавый
И твой покой, и блескъ небесъ

Надъ головой твоей кудрявой.
Я съ дѣтства понимать привыкъ
Твое молчаніе нѣмое
И твой таинственный языкъ,
5 Какъ что-то близкое, родное.

Какъ я любилъ, когда, порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорилъ съ сильною грозой
Въ минуты страшной непогоды,
10 Когда большихъ твоихъ дубовъ
Вершины темныя качались,
И сотни разныхъ голосовъ
Въ твоей глуши перекликались...

Или, когда свѣтило дня
На дальнемъ западѣ сіяло
И яркимъ пурпуромъ огня
Твою одежду освѣщало!
Межъ - тѣмъ, въ глуши твоихъ деревъ
15 Была ужъ ночь, а надъ тобою
Цѣпь разноцвѣтныхъ облаковъ
Тянулась пестрою грядою.

И вотъ я снова прихожу
Къ тебѣ съ тоской моей бесплодной.
Опять на сумракъ твой гляжу
25 И голосъ слушаю свободный.
И, можетъ быть, въ твоей глуши,
Какъ узникъ, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной.

1849.

VIII.

Н. ** Д. **

30 Не отравляй минутъ успокоенья
Болѣзненнымъ предчувствіемъ утратъ:

Таинственно Небесъ опредѣленье,
Но ихъ законъ ненарушимо святъ.

И если бы отъ самой колыбели
Страданіе досталось тебѣ, —
Какъ человѣкъ, своей высокой цѣли
Не забывай въ мучительной борьбѣ.

1849.

IX.

Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ:
Есть мысль и жизнь въ безмолвіи ночномъ,
И въ блескѣ дня, и въ тишинѣ могилы,
Въ движеніи безчисленныхъ міровъ,
Въ торжественномъ покоѣ океана,
И въ сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ,
И въ ужасѣ степного урагана,
Въ дыханіи прохладномъ вѣтерка,
И въ шелестѣ листовъ передъ зарею,
И въ красотѣ пустыннаго цвѣтка,
И въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою.

1849.

X.

Грусть старика.

Жизнь къ развязкѣ печально идетъ,
Сердце счастья и радости просить,
А годовъ невозвратный полетъ
И послѣднюю радость уносить.

Охладѣла горячая кровь,
Беззаботная удалъ пропала,
И не прежній разгулъ, не любовь, —
Въ душу горькая дума запала...

Все погибло подъ холодомъ лѣтъ,
Что когда-то отрадою было,
И надежды на счастье нѣтъ,
И въ природѣ все стало уныло:

5 Лѣсъ, нахмурясь, какъ слабый старикъ,
Погруженный въ тяжелую думу,
Головою кудрявой поникъ,
Будто тужить о чемъ-то угрюмо;

10 Вѣтеръ съ тучею, съ синей волной
Рѣчь сердитую часто заводитъ;
Блѣдный мѣсяцъ надъ сонной рѣкой,
Одинокій, задумчиво бродить...

15 Въ годы прежніе міръ былъ иной:
Какъ невѣста, земля убиралась,
Что камышъ, хлѣбъ стоялъ золотой,
Степь зеленымъ ковромъ разстилалась;

20 Лѣсъ привѣтно подъ тѣнь свою звалъ,
Вѣтеръ весело пѣлъ въ чистомъ полѣ,
По ночамъ ярко мѣсяцъ сіялъ,
Рѣки шумно катилися въ море;

И, какъ пиръ, жизнь привольная шла.
Душа воли, простора просила,
Подъ грозою отвага была,
И не знала усталости сила.

25 А теперь, тяжелой грустью убитъ,
Какъ живая развалина, ходишь,
И душа по-неволѣ скорбитъ,
И слезу по-неволѣ уронишь,

30 И подумаешь молча порой:
Нѣтъ, старикъ, не бывалые годы!
Межъ людьми ты теперь ужъ чужой,
Лишній гость межъ гостями природы.

XI.

Мраморъ.

Недвижимый мраморъ въ пустынь глухой
 Лежалъ одиноко, обросшій травой;
 Дожди въ непогоду его обмывали,
 Да вольныя птицы на немъ отдыхали.
 Но кто-то художнику молвилъ о немъ, 5
 Взглянулъ онъ на мраморъ — и яркимъ огнемъ
 Блеснули его вдохновенныя очи,
 И взялъ онъ его, и безсонныя ночи
 Надъ нимъ проводилъ онъ въ своей мастер-
 ской,
 И камень подъ творческой ожилъ рукой. 10
 Съ тѣхъ поръ, въ изумленьи, съ восторгомъ
 нѣмымъ,
 Толпа преклоняетъ колѣни предъ нимъ.
 1849.

XII.

(1-я редакція).

Еще одинъ потухшій день
 Я равнодушно провожаю
 И молчаливой ночи тѣнь, 15
 Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
 О, какъ печальны эти дни
 Съ ихъ пустотой однообразной!
 Какъ долго тянутся они
 Среди дѣйствительности грязной! 20
 Какъ тяжело предузнавать
 Ихъ безотрадную ничтожность
 И лучшей доли невозможность
 Заранѣ тайно сознать!...
 Но я привыкъ уже къ страданью 25
 И къ этимъ долгимъ, жалкимъ днямъ,

Какъ узникъ къ тягостнымъ цѣпямъ
И вѣчному тюрмы молчанью.

И вотъ, когда, ночную тѣнь
Смѣнивъ, на землю утро взглянетъ,
5 Опять печальный, скучный день,
Однообразный день настанетъ;
Опять онъ много принесетъ
Съ собою горькихъ ощущеній,
Расчетовъ мелкихъ и заботъ,
10 И бесполезныхъ размышленій.

1849.

XIII.

(2-я редакція).

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
15 Увы! не принесетъ мнѣ сна
Ея нѣмая тишина!
Весь день душа болѣла тайно
И за себя, и за другихъ...
Отъ пошлыхъ встрѣчъ, отъ сплетенъ злыхъ,
20 Отъ жизни грязной и печальной...
Покой пора бы ей узнать...
Да гдѣ онъ! Гдѣ его искать?

Едва на землю утро взглянетъ,
Едва пройдетъ ночная тѣнь, —
25 Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанетъ.
Опять начнется боль души,
На злыя пытки осужденной,
Опять наплачешься въ тиши
30 Измученный и оскорбленный.

XIV.

Тишина ночи.

Въ глубинѣ бездонной,
 Полны чудныхъ силъ,
 Идутъ миллионы
 Вѣковыхъ свѣтилъ.

Тускло освѣщенный
 Блѣдною луной,
 Городъ утомленный
 Смолкъ во тьмѣ ночной.

5

Спитъ онъ, очарованъ
 Чудной тишиной,
 Будто заколдованъ
 Властью неземной.

10

Лишь, объять дремотой,
 Закричитъ порой
 Сторожъ беззаботной
 Въ улицѣ пустой.

15

Кажется, мръ сонной,
 Полный сладкихъ грезъ,
 Отдохнулъ спокойно
 Отъ заботъ и слезъ.

20

Но взгляни: вотъ домикъ
 Освѣщенъ огнемъ;
 На столѣ покойникъ
 Ждетъ могилы въ немъ.

Онъ, бѣднякъ голодный,
 Утѣшенья чуждъ,
 Кончилъ вѣкъ бесплодный
 Тайной жертвой нуждъ.

25

Дочери не спится,
Въ уголкѣ сидить...
И въ глазахъ мутится,
И въ ушахъ звенить.

5 Ночь минетъ, — быть-можетъ,
Христа ради ей
Кто-нибудь поможетъ
Изъ чужихъ людей.

10 Можетъ быть, какъ нищей,
Ей на гробъ дадутъ,
Въ гробѣ на кладбище
Старика снесутъ...

15 И никто не знаетъ,
Что въ нѣмой тоскѣ
Сирота рыдаетъ
Въ тѣсномъ уголкѣ.

20 Что въ нуждѣ до срока,
Можетъ быть, она
Жертвою порока
Умереть должна.

Міръ заснулъ... и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.

1849.

XV.

25 Молвы язвительной и дерзкой
Внимая ложный приговоръ,
Стыжусь отвѣтить бранью рѣзкой
На необдуманнѣйшій укоръ.

30 Гоненья зритель равнодушный,
Я испыталъ уже давно,

Что злобѣ черни малодушной
Отвѣтъ — презрѣніе одно.

Пускай позоръ несправедливой
Она готовитъ мнѣ въ тиши, —
Грозу я встрѣчу терпѣливо
И сохраню покой души.

Моей невинности сознанье
И незапятнанная честь
Незаслуженное страданье
Дадутъ мнѣ силы перенести.

Я правъ, — и этого довольно,
И, что бы ни было со мной,
Я не унижусь добровольно
Передъ язвительной молвой:

Я не подамъ руки свободной
Ожесточенному врагу;
Скорѣй погибну благородно,
Но твердость воли сберегу.

1849.

XVI.

Похороны.

(1-я редакція).

Парчой покрытая гробница,
Надъ нею пышный балдахинъ,
Вокругъ задумчивыя лица
И факеловъ горящихъ дымъ:

Вотъ окончательная сцена,
Которой жизнь заключена!
Актеръ умолкъ; настала смѣна;
Завѣса смертью спущена,

Остался вѣковою тайной
 Загробный жребій мертвеца,
 И непонятенъ смыслъ печальной
 Его холоднаго лица.

5 Что въ немъ? Надежды выраженье,
 Или сомнѣнiе и страхъ,
 Иль къ жизни прожитой презрѣнье,
 Или вопросъ о небесахъ?...

10 И какъ узнать, зачѣмъ онъ жилъ,
 Страдалъ, терпѣлъ и сокрушался?
 Напрасно, можетъ быть, любилъ
 И бесполезно сомнѣвался?

15 Гдѣ зрѣлый плодъ его трудовъ,
 Ума прекрасное созданье,
 Оставленное для сыновъ,
 Какъ благородное стяжанье?

20 Увы! быть можетъ, онъ и самъ
 Намъ не отвѣтилъ бы на это,
 Какую роль на сценѣ свѣта
 Игралъ онъ, рабствуя страстямъ!...
 1849.

 XVII.

Похороны.

(2-я редакція).

Парчой покрытая гробница,
 Надъ нею пышный балдахинъ,
 Вокругъ задумчивыя лица
 И факеловъ огонь и дымъ,

25 Святыхъ молитвъ напѣвъ печальной, —
 Вотъ все, чѣмъ жизнь заключена!

И эта жизнь покрыта тайной:
Завѣса смертью спущена...

Теперь скажи мнѣ, сынъ свободы,
Зачѣмъ страдалъ, зачѣмъ ты жилъ?
Отведена царю природы
Сажень земли между могилъ.

Молчать въ тебѣ любовь и злоба,
Надежды гордыя молчатъ...
Зачѣмъ ты жилъ, усопшій братъ?...
Стучитъ земля по крышкѣ гроба,
И, чуждый горя и заботъ,
Глядитъ безмысленно народъ.

ХVIII.

Перемѣна.

Была пора невинности счастливой,
Когда свой умъ, тревожный и пытливый,
Я примирялъ съ дѣйствительностью злой
Святыхъ молитвъ горячею слезой;
Когда, дитя безпечное свободы,
Въ знакомыхъ мнѣ явленіяхъ природы
Величіе и мысль я находилъ
И жизнь мою, какъ даръ Небесъ, любилъ.
Теперь не то: сомнѣніемъ томимый,
Я потерялъ свой миръ невозмутимый,—
Единую отраду бытія,
И жизнь моя не радуется меня...
Бываютъ дни, — измученный борьбою,
Въ тиши ночной, съ горячею мольбою
Склоняюсь я къ подножію креста;
Слова молитвъ твердятъ мои уста,
Но сердце тѣмъ словамъ не отвѣчаетъ,
И мысль моя, Богъ знаетъ, гдѣ блуждаетъ,
И сладкихъ слезъ давно минувшихъ лѣтъ

Ни на лицѣ, ни на глазахъ ужъ нѣтъ.
 Такъ, холодомъ темницы окруженный,
 Скорбитъ порой преступникъ осужденный
 И къ прежнимъ днямъ уносится мечтой;
 Но бѣдняку лишь новое страданье
 Приноситъ лѣтъ былыхъ воспоминанье.
 1849.

XIX.

Ночь на берегу моря.

Въ зеркало влаги холодной
 Мѣсяцъ спокойно глядитъ
 И надъ землею безмолвной
 Тихо плыветъ и горитъ.
 Легкою дымкой тумана
 Ясный одѣтъ небосклснъ;
 Свѣтлая грудь океана
 Дышитъ, какъ-будто сквозь сонъ.
 Медленно, ровно качаясь,
 Въ гавани спятъ корабли;
 Берегъ, въ водѣ отражаясь,
 Смутно мелькаетъ вдали.
 Смолкла дневная тревога...
 Полный торжественныхъ думъ,
 Видитъ присутствіе Бога
 Въ этомъ молчаніи умъ.
 1850.

XX.

Дубъ.

Отъ темнаго лѣса далеко,
 На почвѣ бесплодно-сухой,

Дубъ старый стоитъ одиноко,
Какъ сторожъ пустыни глухой.

Стоитъ онъ и смотритъ угрюмо
Туда, гдѣ подъ сводомъ небесъ
Глубокую думаетъ думу
Знакомый давно ему лѣсъ;

3

Гдѣ братья его съ облаками
Ведутъ разговоръ по ночамъ,
И дивы приходятъ толпами
Кружиться по свѣжимъ цвѣтамъ;

10

Гдѣ вѣтеръ прохлагою вѣетъ
И чудныя пѣсни поетъ,
И листъ молодой зеленѣетъ,
И птица на вѣткахъ живетъ...

А онъ, на равнинѣ песчаной,
И пылью, и мохомъ покрытъ,
Какъ-будто изгнанникъ печальной,
О родинѣ милой груститъ;

15

Не знаетъ онъ свѣжей прохлады,
Не видитъ небесной росы
И только — послѣдней отрады--
Губительной жаждетъ грозы.

20

1850.

XXI.

Тайное горе.

(1-я редакція).

Есть горе тайное: оно
Вниманья чуждаго боится
И въ глубинѣ души одно,
Неизлечимое, таится;

23

Какъ будто червь, въ груди больной
 Цвѣтъ жизни точить понемногу,
 И отравляетъ сонъ ночной,
 И спорить съ совѣстію строгой;
 5 Улыбку холодомъ мертвить,
 Сомнѣньемъ радость отравляетъ,
 Отъ шума и толпы бѣжить
 И молча слезы проливаетъ.
 Но, гордость смѣлую храня,
 10 Себѣ не проситъ состраданья,
 И тайну своего огня
 Не отдаетъ на поруганье,
 И въ сердцѣ горькихъ слезъ родникъ,
 Какъ преступленіе, скрываетъ,
 15 И подавляетъ страсти крикъ,
 И стоны смѣхомъ заглушаетъ.
 1850.

XXII.

Тайное горе.

(2-я редакція).

Есть горе тайное: оно
 Вниманья чуждаго боится
 И въ глубинѣ души одно,
 20 Неизлечимое, таится.
 Улыбку холодомъ мертвить,
 Опоръ не ищетъ и не проситъ,
 И, если горе переноситъ, —
 Молчанье гордое хранить.
 25 Не всякому нужна пощада,
 Не всякъ наслѣдовать готовъ
 Удѣлъ иль нищихъ, иль рабовъ,
 Участье — жалкая отрада.
 Къ чему колѣни преклонять?
 30 Свободнымъ легче умирать.

XXIII.

Вечеръ.

Когда потухшій день смѣняетъ вечеръ сон-
ный,

Я оставляю мой пріютъ уединенный
И, голову свою усталую склонивъ,
Задумчиво иду подъ тѣнь плакучихъ ивъ.
Сажусь на берегу и, грустной думы полный, 5
Недвижимый, гляжу на голубыя волны
И слушаю ихъ шумъ и жалобный призывъ,
И съ жизнію моею я сравниваю ихъ...
Вдали передо мной душистый лугъ пестрѣетъ,
Колышется трава, и желтый колосъ зрѣетъ, 10
И, тучныхъ пажитей обильные плоды,
Стоять соломою накрытые скирды;
За гибкимъ тростникомъ глубокіе заливы,
Какъ зеркала, блестятъ; на золотыя нивы
Спускается туманъ прозрачною волной, 15
И зарево зари сіяетъ надъ рѣкой,
И, кажется мнѣ, все какой то дышитъ тайной,
И забываю я тогда свой день печальной,
Съ оставленнымъ трудомъ безъ жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и въ тишинѣ молюсь. 20

1850.

XXIV.

Ключъ.

Въ глубокомъ ущельи, межъ каменныхъ
плить,
Серебряный ключъ одиноко звучитъ;
Звучитъ онъ и точитъ жемчужныя слезы
На черныя корни засохшей березы,
И катятся съ камня тѣ слезы ручьемъ, 25
Безплодно теряясь въ ущельи глухомъ.

Давно ужъ минули счастливые годы,
Когда онъ, любимецъ цвѣтущей природы,
Алмазныя брызги кругомъ разсыпалъ,
Когда его путникъ отрадою звалъ,
5 Когда деревья близъ него выростали,
И листья зеленые тихо шептали,
И самъ онъ, при свѣтѣ блестящей луны,
Разсказывалъ чудныя были и сны.
Теперь, одинокій, заросъ онъ травою,
10 Сталъ скуденъ и мутенъ, и знойной порою
Къ нему не приходитъ пробитой тропой
Измученный путникъ за чистой водой.
Въ ту пору, какъ горы туманъ одѣваетъ,
Надъ нимъ, какъ бывало, теперь не играетъ
15 Сверкающій мѣсяцъ прозрачнымъ лучомъ,
И звѣзды, какъ прежде, не смотрятся въ немъ.
Лишь старый скелетъ обнаженной березы
Глядитъ на его бесполезныя слезы,
Да изрѣдка вѣтеръ къ нему прилетитъ
20 И съ нимъ при мерцаніи звѣздъ говоритъ
Про свѣтлыя рѣки и синее море,
Про славу ихъ въ свѣтѣ и жизнь на просторѣ.
1850.

XXV.

Ночь.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури
сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря
потухаетъ.
25 Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ, одна
за другой,
И мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся,
какъ щитъ золотой,
Извивы рѣки серебристой межъ зеленю луга
блеснули;

Или на мраморѣ гробницѣ
О милыхъ сердцу не рыдали?..

5 Скажи, зачѣмъ ты раскрывалъ
Свои намъ раны и страданья
И отъ толпы рукоплесканья,
Какъ нищій милостыни, ждалъ?

10 Свой плачъ и свой вѣнецъ терновый
Зачѣмъ для всенародныхъ глазъ
Ты выставляешь напоказъ,
Какъ женщина свои обновы?...

Къ чему весь этотъ жалкій бредъ,
Болѣзненный и непонятный,
О заблужденьяхъ прежнихъ лѣтъ,
О молодости невозвратной?

15 Кого изъ насъ теперь займетъ
Твое затверженное слово?
Скажи: какою мыслью новой
Оно намъ сердце потрясетъ?...

20 Нѣтъ! есть другой предметъ для слезъ:
Не личныя твои страданья,—
Не плодъ твоихъ ничтожныхъ грезъ
И тягостнаго испытанья;—

25 Но нашей жизни нищета
Съ однообразной пестротою
И, скрытая подъ мишурою,
Пороковъ нашихъ нагота.

30 Да, плачь о томъ, что увядаетъ
Нашъ умъ въ бездѣйствіи пустомъ,
Что правда свѣтлая страдаетъ,
Развратъ увѣнчанъ торжествомъ;

Что мы постыдно позабыли
Прекрасный міръ живыхъ идей

И кроткую любовь въ очахъ твоихъ,
Задумчивый, внимательно читаю!

5 Тогда молчить тоска въ моей груди
И нѣтъ въ умѣ холодной укоризны.
Не правда ли, мгновенія любви
Есть лучшія мгновенья нашей жизни!

10 Зато, когда одинъ я остаюсь
И о судьбѣ грядущей размышляю,
Какъ глубоко я грусти предаюсь,
Какъ много слезъ безмолвно проливаю!
1850.

XXIX.

Когда одинъ, въ минуты размышленья,
Съ природой я бесѣдую въ тиши,
Я вѣрю: есть святое Провидѣнье
15 И кроткій миръ для сердца и души;
И грусть свою тогда я забываю,
Съ своей нуждой безропотно мирюсь,
И небесамъ невидимо молюсь,
И пѣснь пою, и слезы проливаю...
И сладко мнѣ! и жаль мнѣ отдавать
20 На судъ людской восторги вдохновеній
И отъ толпы, какъ платы, ожидать
Пустыхъ похвалъ иль горькихъ обвиненій.
Глухихъ степей незнаемый пѣвецъ,
Я нахожу въ моей пустынѣ счастье;
25 Своимъ слезамъ, какъ площадной слѣпецъ,
Стыжусь просить холоднаго участья.
Печаль моя застѣнчиво-робка, —
Въ родной груди скрываясь боязливо,
За пѣснь свою награды и вѣнка
30 Не требуетъ она самолюбиво.
1851.

XXX.

(1-я редакція).

На западъ солнце пылаеть,
 Багряное море горить;
 Корабль одинокій, какъ птица,
 По влагъ холодной скользить,

Безпечно веселую пѣсню
 Матросъ загорѣлый поеть,
 А грозная туча навстрѣчу
 По воздуху быстро плыветь.

Умолкни, пѣвецъ равнодушный,
 И бури съ молитвою жди!
 Смотри: подъ тобою могила,
 А смерть у тебя впереди.

1851.

XXXI.

(2-я редакція).

На западъ солнце пылаеть,
 Багряное море горить;
 Корабль одинокій, какъ птица,
 По влагъ холодной скользить.

Сверкаетъ струя за кормою,
 Какъ крылья, шумять паруса;
 Кругомъ неоглядное море,
 И съ моремъ слились небеса.

Безпечно веселую пѣсню,
 Задумавшись, кормчій поеть,
 А черная туча на югъ,
 Какъ дымъ отъ пожара, встаетъ.

Вотъ буря... и море завыло,
Умолкъ беззаботный пѣвецъ;
Огнемъ его вспыхнули очи:
Теперь онъ и царь, и боецъ!

5 Вотъ здѣсь узнаю человѣка
Въ лицѣ побѣдителя волнъ,
И какъ-то отраднѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ.

1851.

XXXII.

Дитяти.

(1-я редакція).

10 Не знаешь ты тоски желаній:
Прекрасенъ мѣръ твоей весны,
И тихи, чуждые страданій,
Твои младенческіе сны,—

15 Но вѣрь, покой твой мимолетный
Разрушитъ опыта гроза,
Измѣнитъ смѣхъ твой беззаботный
Печали тайная слеза.

20 Тогда, быть можетъ, въ буряхъ свѣта,
Тебѣ не разъ напомнить умъ
Твои безоблачныя лѣта
И юныхъ игръ веселый шумъ.

1851.

XXXIII.

Дитяти.

(2-я редакція).

Не знаешь ты тоски желаній,
Прекрасенъ мѣръ твоей весны,

И свѣтлы, чуждые страданій,
Твои младенческіе сны.

Съ грозою жизни незнакома,
Какъ птичка, вѣчно-весела,
Подъ кровлею родного дома
Ты рай земной себѣ нашла.

5

Придетъ пора—прольешь ты слезы,
Быть можетъ, трудъ тебя согнетъ...
И дѣтства радужныя грезы
Умрутъ подъ холодомъ заботъ.

10

Тогда, неся свой крестъ тяжелый,
Не разъ подъ бременемъ его
Ты вспомнишь о веснѣ веселой
И—не воротишь ничего.

XXXIV.

Югъ и Сѣверъ.

Есть сторона, гдѣ все благоухаетъ;
Гдѣ ночь, какъ день безоблачный, сіяетъ
Надъ зыбью водъ, и моря вѣчный шумъ
Таинственно оковываетъ умъ;
Гдѣ въ сумракѣ садовъ уединенныхъ,
Сіяющей луной осеребренныхъ,
Подъѣмлется алмазною дугой
Фонтанный дождь надъ сочною травой;
Гдѣ статуи безмолвуютъ угрюмо,
Объятыя невыразимой думой;
Гдѣ говорятъ такъ много о быломъ
Развалины, покрытыя плющемъ;
Гдѣ на коврахъ долины живописной
Ложится тѣнь отъ роци кипарисной;
Гдѣ все быстрѣй и зрѣетъ и цвѣтеть;
Гдѣ жизни пиръ безпечнѣе идетъ.

15

20

25

30

Но мнѣ милѣй роскошной жизни Юга
 Сѣдой зимы полуночная вьюга,
 Морозъ и вѣтръ, и грозный шумъ лѣсовъ,
 Дремучій боръ по скату береговъ,
 5 Просторъ степей и небо надъ степями
 Съ громадой тучъ и яркими звѣздами.
 Глядишь кругомъ, — все сердцу говорить:
 И деревень однообразный видъ,
 И городовъ обширныя картины,
 10 И снѣжныя безлюдныя равнины,
 И удали размашистый разгулъ,
 И русскій духъ, и русской пѣсни гулъ,
 То глубоко безпечной, то унылой,
 Проникнутой невыразимой силой...
 15 Глядишь вокругъ—и на душѣ легко.
 И зрѣеть мысль такъ вольно, широко,
 И сладко пѣснь въ честь родины поется,
 И кровь кипитъ, и сердце гордо бьется,
 И съ радостью внимаешь звуку словъ:
 20 „Я Руси сынъ! здѣсь край моихъ отцовъ!“
 1851.

 XXXV.

Русь.

Подъ большимъ шатромъ
 Голубыхъ небесъ —
 Вижу — даль степей
 Зеленѣется.

25 И на граняхъ ихъ,
 Выше темныхъ тучъ,
 Цѣпи горъ стоятъ
 Великанами.

По степямъ, въ моря
 30 Рѣки катятся,

И лежать пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ:
Нивы зрѣлыя,
Что камышь густой,
Тихо движутся;

5

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

10

Гляну къ сѣверу:
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю;

15

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

20

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

25

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ царственной
Развернулася!

30

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,

Гдѣ бѣ разгульшла
Воля смѣлая?

5 У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

10 У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?

Передъ кѣмъ себя
Ты унижила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?

15 На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища.

20 Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

25 И давно ль было,
Когда съ запада
Облегла тебя
Туча темная?

30 Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ

Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!

Но лишь кликнулъ царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь.

5

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пирь.

10

И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами
Улеглися спать
Гости на вѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..

15

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишить
Православный людъ.

20

По сѣдымъ морямъ,
Изъ далекихъ странъ,
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.

25

И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежать въ землѣ
Груды золота,

30

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго

Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
5 Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Противъ недруга,
10 За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

1851.

XXXVI.

(1-я редакція).

Бываютъ свѣтлыя мгновенья,
Когда за грань тревогъ земныхъ,
Плотскаго чуждый тяготѣнья,
Умъ переносится на мигъ.

15 Когда пророческихъ видѣній
Святою силою вдохновенъ,
Судьбу грядущихъ поколѣній
Предузнаетъ онъ въ мглѣ времянь;

20 Когда онъ съ истины подъемлетъ
Покрова темнаго края
И славу Бога жадно внемлетъ
Въ великой книгѣ бытія...

25 Но только пламень вдохновенья
Начнетъ въ груди ослабѣвать,
Опять земныя впечатлѣнья
Умъ утомленный тяготятъ;

Опять тревога жизни грязной
Ничтожной мелочью заботъ

И нищетою безобразной
Невольно сердце потрясетъ...

И снова съ грустію тяжелой
На міръ внимательно глядишь
И подъ улыбкою веселой
Тоску глубокую таишь.

5

1851.

 XXXVII.

(2-я редакція).

Бываютъ свѣтлыя мгновенья:
Миръ ясный душу осѣнить;
Огонь святого вдохновенья
Неугасаемо горить.

10

Оно печать безсмертной силы
На трудъ обдуманной кладеть;
Оно безмолвію могилы
И мертвымъ камнямъ жизнь даетъ,

Развратъ и пошлость поражаетъ,
Добру приноситъ еиміамъ,
И вѣчной правдѣ воздвигаетъ
Святой алтарь и вѣчный храмъ.

15

Оно не требуетъ награды,
Въ тиши творить оно, какъ Богъ...
Но человѣку нѣтъ пощады
Въ бездонномъ омутѣ тревогъ.

20

Падеть на грудь заботы камень,
Свободу рукъ скуетъ нужда, —
И гаснетъ вдохновенья пламень,
Могучій двигатель труда.

25

XXXVIII.

Молитва.

О, Боже! дай мнѣ воли силу,
Ума сомнѣнье умертви,—
И я сойду во мракъ могилы
При свѣтѣ Вѣры и Любви.

5 Мнѣ сладко подѣ Твоей грозой
Терпѣть, и плакать, и страдать;
Молю: оставь одну со мною
Твою Святую благодать.

1851.

XXXIX.

10 Вечеръ ясенъ и тихъ;
Спать въ туманѣ поля;
Въ голубыхъ небесахъ
Ярко пышетъ заря.

15 Золотыхъ облаковъ
Разноцвѣтный узоръ
Накрываетъ лѣса,
Какъ волшебный коверъ;

20 Вотъ пахнулъ вѣтерокъ,
Зашепталъ въ тростникѣ;
Вотъ и мѣсяць взошелъ
И глядится въ рѣкѣ.

Что за чудная ночь!
Что за тѣни и блескъ!
Какъ душѣ говорить
Волнѣ задумчивый плескъ!

Можетъ быть, въ этотъ часъ
Сонмы свѣтлыхъ духовъ
Гимны неба поютъ
Богу дивныхъ міровъ.

1851.

XL.

Суровый холодъ жизни строгой 5
Спокойно я перенешу
И у Небесъ дороги новой
Въ часы молитвы не прошу.

Отраду тайную находить 10
И въ самой грусти гордый умъ:
Такъ часто моря стонъ и шумъ
Насъ въ восхищеніе приводитъ.

Къ борьбѣ съ судьбою я привыкъ,
Окрѣпъ подъ бурей искушеній:
Она высокихъ думъ родникъ, 15
Причина слезъ и вдохновеній.

1852.

XLI.

Пѣвцу.

(1-я редакция).

Не пой о счасти, пѣвецъ, не утѣшай 20
Себя надеждой невозможной:
Она невидимый и недоступный рай,
Воображенья призракъ ложный.
Пусть пѣснь твоя звучна,—она одинъ обманъ
И обольстительныя грёзы;
Она не исцѣлитъ души глубокихъ ранъ
И не осушить сердца слезы.

Всмотрися пристально въ печальные плоды
 Людскихъ заботъ и заблужденій,
 Разнообразные тревоги и труды
 Ума и сердца убѣжденій,
 5 Въ противорѣчіе разсудка и страстей,
 Святаго долга и желаній,
 Въ картины свѣтлыя давно-минувшихъ дней
 И въ годы горькихъ испытаній; —

Вездѣ откроешь ты неясные слѣды
 10 Ничтожества и ослѣпленья,
 Причины темныя безсмысленной борьбы, —
 Нетвердой вѣры и сомнѣнья,
 Замѣтишь жалкаго невѣжества печать,
 Или безсиліе свободы,
 15 Постыднымъ торжествомъ увѣнчанный раз-
 вратъ
 И оскорбленіе природы....

И многое прочтеть внимательный твой взоръ
 Въ страницахъ жизни ежедневной,
 Гдѣ робко, въ темнотѣ, скрывается позоръ,
 20 И зло цвѣтеть уединенно;
 Гдѣ безнаказанно надъ алтаремъ святымъ
 Невѣрье дерзкое глумится,
 И гдѣ, подъ бархатомъ и рубищемъ простымъ,
 Корысть глубокая таится.

25 Не пой же намъ, пѣвецъ, о счастіи пустомъ
 Въ годину нашего позора;
 Пусть пѣснь твоя межъ насъ, какъ правосуд-
 ный громъ,

Раздастся голосомъ укора!
 Пусть умъ пробудитъ нашъ и сердце потрясетъ
 30 Твое пророческое слово,
 И душу холодомъ и страхомъ оболеть,
 И воскреситъ для жизни новой.

XII.

Пѣвцу.

(2-я редакція).

Не пой о счасти, пѣвецъ, не утѣшай
 Себя забавою ничтожной;
 Пусть это счастье невозмутимый рай,—
 Оно въ нашъ вѣкъ лишь призракъ ложный.
 Пусть пѣснь твоя звучна—она одинъ обманъ 5
 И обольстительныя грезы:
 Она не исцѣлитъ души глубокихъ ранъ
 И не осушитъ сердца слезы.

Взгляни, какъ наша жизнь лѣнивая идетъ
 И скучно, и однообразно, 10
 Запечатлѣнная тревогою заботъ
 Одной дѣйствительности грязной;
 Взгляни на всѣ плоды, которые въ нашъ вѣкъ
 Собрать доселѣ мы успѣли,
 На все, чѣмъ окружень и занятъ человекъ 15
 До позднихъ лѣтъ отъ колыбели.

Вездѣ откроешь ты печальные слѣды
 Ничтожества, иль ослѣпленья,
 Причины тайныя безсмысленной борьбы,
 Нетвердой вѣры и сомнѣнья, 20
 Замѣтишь грубаго ничтожества печать,
 Добра и чести оскорбленье,
 Безсовѣстный расчетъ, обдуманый развратъ,
 Или природы искаженье.

И многое прочтетъ внимательный твой взоръ 25
 Въ страницахъ ежедневной жизни...
 И этотъ ли слѣпой, общественный позоръ
 Оставишь ты безъ укоризны?
 И не проснется вмигъ въ тебѣ свободный духъ
 Глубокаго негодованья? 30

И ты, земной пророкъ и правды смѣлый другъ,
Не вспомнишь своего призванья?

О, нѣтъ! не пой, пѣвецъ, о счастья пустомъ
Въ минуту нашего позора!

Пусть пѣснь твоя межъ насъ, какъ правосуд-
ный громъ,

Раздастся голосомъ укора!

Пусть умъ нашъ пробудить и душу потрясетъ
Твое пророческое слово,

И сердце холодомъ и страхомъ обольетъ,

И воскресить для жизни новой!

1852 г.

XLIII.

Развалины.

Какъ безыменная могила

Давно забытаго жильца,

Лежать въ пустынь молчаливой

Обломки стараго дворца.

Густою пылюю покрыла

Рука столѣтій камни стѣнь

И фантастическихъ письменъ

На нихъ фигуры начертила.

Тяжелый сводъ упасть готовъ,

Карнизъ массивный обвалился,

И дикій плющъ вокругъ столбовъ

Живой гирляндю обвился,

И моха желтаго узоръ,

Однообразно испещренный,

Покрыль разбитыя колонны,

Какъ чудно-вытканый коверъ.

Чье это древнее жилище,

Пустыни грустная краса?

Надъ нимъ такъ свѣтлы небеса—

Оно печальнѣе кладбища!
 Гдѣ эти люди съ ихъ страстями
 И позабытымъ ихъ трудомъ?
 Гдѣ безыменный, старый холмъ
 Надъ ихъ истлѣвшими костями?..

5

Была пора, здѣсь жизнь цвѣла,
 Пороки, можетъ быть, скрывались,
 Иль благородныя дѣла
 Рукою твердой совершались.
 И, можетъ быть, среди пировъ
 Пѣвецъ, въ минуты вдохновенья,
 Здѣсь пѣлъ о доблестяхъ отцовъ
 И плакалъ, полный умиленья;
 И пѣснямъ сладостнымъ его
 Въ восторгѣ гости удивлялись,
 И дружно кубки вокругъ него
 Въ честь славныхъ дѣдовъ наполнялись.
 Теперь все тихо... нѣтъ слѣда
 Минувшей жизни. Небо ясно,
 Какъ и въ протекшіе года,
 Земля цвѣтущая прекрасна...
 А люди?.. Этотъ вѣтерокъ,
 Пустыни житель одинокой,
 Разносить, можетъ быть, далеко
 Съ ихъ прахомъ смѣшанный песокъ!..

10

15

20

25

1852.

XLIV.

Кладбище.

Какъ часто я съ глубокой думой
 Вокругъ могилъ одинъ брожу
 И на курганы ихъ гляжу
 Съ тоской тяжелой и угрюмой.
 Какъ больно мнѣ, когда, порой,
 Могильщикъ, грубою рукой

30

Гробъ, новый въ землю опуская,
Стоить съ ослабленнымъ лицомъ
Надъ безотвѣтнымъ мертвецомъ,
Святыню смерти оскорбляя.
5 Или когда въ травѣ густой,
Остатокъ жалкій разрушенья,
Вдругъ черепъ я найду сухой,
Престоль ума и вдохновенья,
Лишенный чести погребенья.
10 И пораженъ, и недвижимъ,
Сомнѣнья холодомъ облитый,
Я мыслю, скорбю томимъ,
Надъ жертвой тлѣнія забытой:
Кто васъ въ сонъ вѣчный погрузилъ,
15 Земли невѣдомые гости,
И ваши брошенные кости
Съ живую плотью разлучилъ?
Какъ ваше вѣчное молчанье
Намъ безошибочно понять:
20 Ничтожества ль оно печать,
Или печать существованья?
Въ какой загадочной странѣ,
Невидимой и неизвѣстной,
Здѣсь кости положивъ однѣ,
25 Витаетъ духъ вашъ безтѣлесный?
Чѣмъ занять онъ въ міру иномъ?
Что онъ, безстрастный, созерцаетъ?
И помнить ли онъ о земномъ,
Иль все за гробомъ забываетъ?
30 Быть можетъ, небомъ окруженъ,
Жилецъ божественнаго свѣта,
Какъ на песчинку, смотритъ онъ
На нашу бѣдную планету;
Иль, можетъ быть, сложивъ съ себя
35 Свои тѣлесныя оковы,
Безъ нихъ другого бытія
Не отыскалъ онъ въ мірѣ новомъ.
Быть можетъ, все, чѣмъ мы живемъ,

Чѣмъ умъ и сердце утѣшаемъ,
 Землѣ, какъ жертву, отдаемъ
 И въ ней одной похороняемъ...
 Нѣтъ! прочь бесплодное сомнѣнье!
 Я вѣрю истинѣ святой,—
 Святымъ глаголамъ Откровенья
 О нашей жизни неземной.
 И сладко мнѣ въ часы страданья
 Припоминать, порой, въ тиши,
 Загробное существованье
 Неумирающей души.
 1852.

5

10

XLV.

Степная дорога.

Спокойно небо голубое;
 Одно въ бездонной глубинѣ
 Сіяетъ солнце золотое
 Надъ степью въ радужномъ огнѣ;
 Горячій вѣтеръ наклоняетъ
 Траву волнистую къ землѣ,
 И даль въ полупрозрачной мглѣ,
 Какъ въ млечномъ морѣ, утопаетъ;
 И надъ душистою травой,
 Палящимъ солнцемъ разрѣженный,
 Струится воздухъ благовонный
 Неосязаемой волной.
 Гляжу кругомъ: все та жъ картина,
 Все тотъ же яркій колоритъ.
 Вотъ слышу,—тихо надъ равниной
 Трель музыкальная звучитъ:
 То жаворонокъ одинокой,
 Кружась въ лазурной вышинѣ,
 Поетъ надъ степію широкой
 О вольной жизни и веснѣ.
 И степь той пѣсни переливамъ

15

20

25

30

И безотвѣтна, и пуста,
Въ забытїи внемлетъ молчаливомъ,
Какъ безмятежное дитя;
И, спрятавшись въ коврахъ зеленыхъ,
5 Цвѣтовъ вдыхая ароматъ,
Мильоны легкихъ насѣкомыхъ
Неумолкаемо жужжать.

О степь! люблю твою равнину,
И чистый воздухъ, и просторъ,
10 Твою безлюдную пустыню,
Твоихъ ковровъ живой узоръ,
Твои высокіе курганы,
И золотистый твой песокъ,
И перелетный вѣтерокъ,
15 И серебристые туманы...
Вотъ полдень... жарки небеса...
Иду одинъ. Передо мною
Дороги пыльной полоса
Вдали раскинулась змѣю.
20 Вотъ надъ оврагомъ, близъ рѣки,
Цыгане таборъ свой разбили,
Кибитки вокругъ постановили
И разложили огоньки;
Одни обѣдъ готовятъ
25 Въ котлахъ, наполненныхъ водой,—
Другіе на травѣ густой,
Въ тѣни кибитокъ отдыхаютъ,
И тутъ же, смирно, съ ними въ рядъ,
Ихъ псы косматые лежатъ,
30 И съ крикомъ прыгаетъ, смѣется
Толпа оборванныхъ дѣтей
Вкругъ загорѣлыхъ матерей;
Вдали табунъ коней пасется...
Ихъ миноваль—и тотъ же видъ
35 Вокругъ меня и надо мною;
Лишь дикій коршунъ надъ травой
Порою въ воздухъ кружить,

И также лентою широкой
 Дорога длинная лежитъ,
 И также солнце одиноко
 Въ прозрачной синевѣ горитъ.
 Вотъ день сталъ гаснуть... вечерѣть... 5
 Вотъ поднялись издалека
 Грядю длинной облака,
 Въ пожарѣ западъ пламенѣть,
 Вся степь, какъ спящая краса,
 Румянцемъ розовымъ покрылась, 10
 И потемнѣли небеса,
 И солнце тихо закатилось.
 Густѣетъ сумракъ... вѣтерокъ
 Пахнулъ прохладю ночью,
 И надъ уснувшею землею 15
 Зарницы вспыхнулъ огонекъ.
 И величаво мѣсяцъ полный
 Изъ-за холмовъ далекихъ всталъ
 И надъ равниною безмолвной,
 Какъ чудный свѣточъ, засіялъ... 20
 О, какъ божественно-прекрасна
 Картина ночи средь степи,
 Когда торжественно и ясно
 Горятъ небесные огни,
 И степь, раскинувшись широко, 25
 Въ туманѣ дремлетъ одиноко,
 И только слышится вокругъ
 Необъяснимый жизни звукъ!
 Брось посохъ, путникъ утомленный,
 Тебѣ не надобно двора: 30
 Здѣсь твой ночлегъ уединенный,
 Здѣсь отдохнешь ты до утра;
 Твоя постель—цвѣты живые,
 Трава пахучая—коверъ,
 А эти своды голубые— 35
 Твой раззолоченный шатерь.

XLVI.

Художнику.

Я знаю часъ невыразимой муки,
 Когда одинъ, въ сомнѣннн нѣмомъ,
 Сложивъ крестомъ ослабнувшія руки,
 Ты думаешь надъ мертвымъ полотномъ;
 5 Когда ты кисть упрямую бросаешь
 И, голову свою склонивъ на грудь,
 Твоихъ идей невыразившій трудъ
 И жалкое искусство проклинаешь.
 Проходитъ гнѣвъ—и творческою силой
 10 Твоя душа опять оживлена,
 И, все забывъ, съ любовью терпѣливой
 Ты день и ночь сидишь близъ полотна.
 Оконченъ трудъ. Толпа тебя вѣнчаетъ,
 И похвала вокругъ тебя шумить,
 15 И клевета въ смущеннн молчитъ,
 И все вокругъ колѣна преклоняетъ.
 А ты, бѣднякъ! поникнувши челомъ,
 Стоишь одинъ, съ тоскою подавленной,
 Не находя въ созданнн своемъ
 20 Ни красоты, ни мысли воплощенной.
 1853.

XLVII.

(1-я редакция).

Не повторяй холодной укоризны:
 Не суждено тебѣ меня любить.
 Я не хочу безжалостно сгубить
 Спокойствнн твоей невинной жизни.
 25 Я все готовъ тебѣ, мой другъ, отдать
 И счастье твое купить моимъ страданьемъ,—
 Но свыше силъ моихъ соединять
 Твою судьбу съ моимъ существованьемъ!

Чѣмъ заплачу, что дамъ тебѣ взаменъ
 За мѣръ души и дѣвственныя грезы?
 Бесплодный рядъ, быть можетъ, грустныхъ
 сценъ

И никому невидимыя слезы...
 Ты знаешь ли всю жизнь мою вполнѣ, 5
 Все зло дѣйствительности грязной,
 И горечь нуждъ, знакомыхъ съ дѣтства мнѣ,
 И скорбь моей тоски однообразной?
 Такою ли дорогой проходить
 Тебѣ, мой другъ, не знавшей огорченій, 10
 И цѣлый вѣкъ мнѣ въ жертву приносить
 Беспечный мѣръ забавъ и наслажденій!
 И что въ тотъ день, измученный тоской,
 Въ свое тебѣ скажу я оправданье,
 Когда ты мнѣ упрекомъ и слезой 15
 Отвѣтишь вдругъ на ласки и лобзанье?
 Нѣтъ, этихъ жертвъ я не хочу принять!
 Но кто жъ меня безчувствію научить
 И, наконецъ, заставить позабыть
 Все, что меня и радуетъ и мучить, 20
 Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
 Подъ гнетомъ нуждъ, и горя, и лишеній,—
 Единая отрада и оплотъ,
 Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній?
 1853.

 XLVIII.

(2-я редакція).

Не повторяй холодной укоризны: 25
 Не суждено тебѣ меня любить.
 Беспечный миръ твоей невинной жизни
 Я не хочу безжалостно сгубить.
 Тебѣ ль, съ младенчества не знавшей огор-
 ченій,
 Со мною объ-руку идти однимъ путемъ, 30

Глядѣтъ на зло и грязь, и гаснуть за трудомъ,
И плакать, можетъ быть, подъ бременемъ ли-
шеній,

Страдать не день, не два,— всю жизнь свою
страдать!..

5 Но гдѣ жъ на это силъ, гдѣ воли нужно взять?
И что тебѣ въ тотъ часъ скажу я въ оправ-
данье,

Когда, убитая и горемъ и тоской,
Упрекомъ мнѣ и горькою слезой
Отвѣтишь ты на ласки и лобзанье?
Слезы твоей себѣ не могъ бы я простить...

10 Но кто жъ меня безчувствію научить
И наконецъ заставить позабыть
Все, что меня и радуетъ, и мучить,
Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
Подъ гнетомъ нуждъ, печали и сомнѣній,—
15 Единая отрада и оплотъ,
Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній?..

 XLIX.

Засохшая береза.

Въ глуши, на почвѣ раскаленной,
Береза старая стоитъ;
Въ ея вершинѣ обнаженной
20 Зеленый листъ не шелеститъ.

Кругомъ, сливаясь съ небесами,
Полуодѣтыми въ туманъ,
Пестрѣетъ чудными цвѣтами
Волнистой степи океанъ.

25 Курганы ярко зеленѣютъ,
Росу приносятъ вечера,
Прохладой тихой ночи вѣютъ,
И пышетъ заревомъ заря.

Но беззащитная береза
 Глядитъ съ тоской на небеса,
 И на вѣтвяхъ ея, какъ слезы,
 Сверкаетъ чистая роса;

Далеко бурей суровой
 Ея листы разнесены,
 И нѣтъ для ней одежды новой
 И благодѣтельной весны.

1853.

L.

(1-я редакція).

Снимаетъ степь свой бархатный уборъ,
 Нагихъ полей безжизненный просторъ
 Не радуетъ задумчиваго взгляда;
 Холодныхъ тучъ воздушныя громады
 Суровыя закрыли небеса,
 И мглой густой одѣлися лѣса.

Короткій день ночь длинная смѣняетъ;
 По вечерамъ край неба освѣщаетъ
 Пожаръ зари пурпуровымъ огнемъ.
 И инеемъ, какъ-будто серебромъ,
 Покрыты деревья, а ночи темны,
 Какъ ворона крыло, иль уголь черный.

Привѣтъ мой вамъ, предвѣстники зимы, —
 Туманами покрытые холмы,
 И утренній морозъ, и непогода!
 Теперь, вдали отъ шума и народа,
 Въ тиши ночной за сладостнымъ трудомъ,
 Я отдохну и сердцемъ, и умомъ.

Тщеславія и праздности отрада,
 Наскучила мнѣ роскошь маскарада,
 Изысканность блистательныхъ пировъ

И музыка веселыхъ вечеровъ,
И юношей заносчивые споры,
И стариковъ докучливыхъ укоры.

5 Милѣ мнѣ мой уголокъ простой,
Украшенный иконою святой,
И легкой трудъ, моей души отрада,
И другъ ночей, горящая лампада. —
Вотъ все, къ чему привыкъ я съ давнихъ поръ,
15 Что любить мой неприхотливый взоръ.

10 Мнѣ кажется, живу я въ мѣрѣ новомъ,
Когда одинъ, въ спокойствіи суровомъ,
Забывъ молву и всѣ заботы дня,
До полночи сажу здѣсь близъ огня,
И лѣтопись былыхъ вѣковъ читаю,
15 И о судьбѣ народовъ размышляю.

И грустно мнѣ, когда дневной разсвѣтъ
Меня отъ думъ глубокихъ оторветъ,
Когда рука дѣйствительности строгой
Укажетъ мнѣ печальную дорогу,
20 И жизни шумъ и праздничный нарядъ
Займетъ меня, какъ вѣчный маскарадъ.
1853.

 LI.

(2-я редакція).

Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей
И тишина безжизненныхъ полей,
25 Одѣтая сырмъ туманомъ степи
И облаковъ неправильныя цѣпи,
Холодное сіяніе небесъ
И инеемъ осеребренный лѣсъ!

Привѣтъ мой вамъ, морозъ и непогода!
Теперь, вдали отъ шума и народа,

Въ часы ночей, за сладостнымъ трудомъ,
 Въ моемъ углу, и скромномъ, и спокойномъ,
 И тишиной глубокой окруженномъ,
 Я отдохну и сердцемъ и умомъ.

Пускай сыны тщеславія и лѣни, 5
 Поклонники мгновенныхъ наслажденій,
 Изысканность забавъ своихъ любя,
 Въ нихъ радости находятъ для себя
 И на алтарь непостоянной моды
 Несутъ, какъ дань, часы своей свободы. 10

Милѣ мнѣ мой уголокъ простой,
 Божественной иконы ликъ святой,
 И передъ нимъ горящая лампада,
 И тихій трудъ, души моей отрада:
 Здѣсь все, къ чему привыкъ я съ давнихъ поръ, 15
 Что любить мой непрехотливый взоръ.

Мнѣ кажется: живу я въ мѣрѣ новомъ,
 Когда одинъ, въ безмолвіи суровомъ,
 Забывъ весь шумъ заботливаго дня,
 Недвижимый, сижу я близь огня 20
 И лѣтопись минувшаго читаю,
 И скромный стихъ задумчиво слагаю.

И грустно мнѣ, когда дневной разсвѣтъ
 Меня отъ думъ любимыхъ оторветъ,
 Когда рука дѣйствительности строгой 25
 Укажетъ мнѣ печальную дорогу,
 И все мое вниманье поглотитъ,
 И всѣ мои восторги умертвитъ.

1853.

II.

Жизнь и смерть.

Невидимой цѣпью
 Жизнь связана тѣсно 30

Съ таинственной смертью.
 И въ самомъ началѣ
 Зародыша жизни
 Сокрыта возможность
 5 Его разрушенья,
 И въ жалкихъ остаткахъ
 Ничтожнаго праха
 Таятся начала
 Для будущей жизни...
 10 Такъ годы проходятъ
 И цѣлые вѣки,
 И все поглощаетъ
 Могущество смерти,
 Всегда оставаясь
 15 Источникомъ жизни;
 И такъ существуетъ
 Доселѣ природа,
 Служа колыбелью
 И вмѣстѣ могилой.
 1853.

LIII.

Успокоеніе.

20 О, умъ мой холодный!
 Зачѣмъ, уклоняясь
 Отъ кроткаго свѣта
 Божественной вѣры,
 Ты гордо блуждаешь
 25 Во мракъ сомнѣнья?
 Отвѣть, если можешь:
 Кто далъ тебѣ силу
 Разумной свободы
 И къ истинамъ вѣчнымъ
 30 Любовь и влеченье?
 Кто плотью животной
 Покрылъ мнѣ такъ чудно

Скелетъ обнаженный,
 Наполнилъ всѣ жилы
 Горячею кровью,
 Далъ каждому нерву
 Свое назначенье 5
 И сердце заставиль
 Впервые забиться
 Дотоль ему чуждой,
 Невѣдомой жизнью?
 Кто далъ тебѣ средство 10
 Черезъ малую точку
 Подвижнаго ока
 Усвоивать знанье
 О видимомъ мірѣ?
 И какъ назовешь ты 15
 Тотъ духъ въ человѣкѣ,
 Который стремится
 Отъ грани земного,
 Съ сознаньемъ свободы
 И сильнымъ желаньемъ 20
 Познаній и блага, —
 Который владѣеть
 Порывами сердца,
 Одинъ торжествуетъ
 Въ страданіяхъ тѣла, 25
 Законы природы
 Себѣ подчиняя?..
 Кто далъ это свойство
 Цвѣтущей природѣ, —
 Что въ ней разрушенье 30
 Единого тѣла
 Бываетъ началомъ
 Для жизни другого?
 Кто этотъ Художникъ
 Рукой всемогущей 35
 Въ цвѣткѣ заключившій
 Цѣлебную силу,
 И ядъ смертоносный,

И яркія краски,
 И тѣни, и запахъ?..
 Смирись-же и вѣруй,
 О, умъ мой надменный:
 5 Законы вселенной,
 И смерть, и рожденье
 Живущаго въ мірѣ,
 И мощная воля
 Души человѣка
 10 Даютъ мнѣ постигнуть
 Великую тайну,
 Что есть Высшій Разумъ,
 Все дивно создавшій,
 Всѣмъ правящій мудро.
 1853.

LIV.

Кое изобиліе человѣку во всемъ
 трудѣ его, имъ-же трудится подъ
 солнцемъ: родъ переходитъ и родъ
 приходитъ, а земля во вѣкъ стоитъ.
 Екклесіаста гл. I, ст. 3 и 4.

15 Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный
 Изъ неизвѣстныхъ намъ началъ
 Образовался непонятно
 И бытіе свое началъ,—
 20 Событій зритель величавый,
 Какъ много видѣлъ онъ одинъ
 Борьбы добра и зла, и славы,
 И разрушенія картинъ!
 Какъ много царствъ и поколѣній,
 И вдохновеннаго труда,
 25 И гениальныхъ наблюденій
 Похоронилъ онъ навсегда!..
 И вотъ теперь, какъ и тогда,
 Природа вѣчная сіяетъ:

Надъ нею бури и года,
Какъ тѣни легкія, мелькають,

И между тѣмъ какъ человѣкъ,
Земли развѣнчанный владыка,
Въ цѣпяхъ страстей кончаетъ вѣкъ
Безъ цѣли ясной и великой,—

Все также блещутъ небеса,
И стройно движутся планеты,
И яркой зеленью одѣты
Непроходимые лѣса;

Цвѣтутъ луга, поля и степи,
Моря глубокія шумятъ,
И горъ заоблачныя цѣпи
Въ снѣгахъ нетающихъ горятъ.
1853.

 LV.

Новый завѣтъ.

Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.

Какъ дышатъ святыя ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они!..

Здѣсь все въ чудно-сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:
И міръ, существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ.

И сущаго въ мірѣ значенье,
Причина, и цѣль, и конецъ,

И Вѣчнаго Сына рожденье,
 И крестъ, и терновый вѣнецъ.
 Какъ сладко читать эти строки,
 Читая, молиться въ тиши,
 И плакать, и черпать уроки
 Изъ нихъ для ума и души!
 1853.

LVI.

Молитва дитяти.

(1-ая редакція).

Молись, дитя: въ устахъ младенца
 Молитва, чуждая страстей,
 Какъ голосъ радостнаго сердца,
 И чище вѣрой, и святѣй.

Молись дитя: тебѣ внимааетъ
 Творецъ безчисленныхъ міровъ,
 И капли слезъ твоихъ считаетъ
 И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть можетъ, свѣтлый ангелъ мира
 Всѣ эти слезы соберетъ,
 И ихъ изъ чувственнаго міра
 Къ престолу Бога отнесетъ...

О, если бъ послѣ многихъ лѣтъ,
 Въ часы молитвы, со слезами,
 Взглянуло ты на Божій свѣтъ
 Такими жъ свѣтлыми очами!

Но если дѣтства чистота
 Когда-нибудь тебя оставитъ
 И горькой жизни нагота
 Тебя на жизнь роптать заставитъ, —

Въ тѣ дни къ подножію креста
 Приникни съ дѣтскою любовью,
 И твердой вѣры чистота
 Здѣсь примиритъ тебя съ собою.

Здѣсь ангелъ дѣтства твоего
 Къ тебѣ опять слетитъ незримо
 И о тебѣ Творцу всего
 Молиться станетъ невидимо.
 1853.

LVII.

Молитва дитяти.

(2-я редакція).

Молись, дитя: сомнѣнья камень 5
 Твоей груди не тяготить;
 Твоей молитвы чистый пламень
 Святой любовію горить.

Молись дитя: тебѣ внимаетъ 10
 Творецъ безчисленныхъ міровъ,
 И капли слезъ твоихъ считаетъ,
 И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть можетъ, ангелъ, твой хранитель,
 Всѣ эти слезы соберетъ
 И ихъ въ надзвѣздную обитель 15
 Къ престолу Богу отнесетъ.

Молись, дитя, мужай съ лѣтами!
 И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
 Такими жъ свѣтлыми очами
 Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ! 20

Но если жизнь тебя измучить,
 И умъ и сердце возмутить,
 Но если жизнь роптать научить,
 Любовь и вѣру погасить, —

Приникни съ жаркими слезами, 25
 Креста подножье обойми:

Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.
И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель ангелъ твой сойдетъ
5 И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ.

LVIII.

(1-я редакція).

Я помню счастливые годы,
Когда безопасно и шутя,
Безукоризненной свободой
10 Я наслаждался, какъ дитя;
Когда, невинное созданье,
Какъ воплощенный херувимъ,
Тревогой гордаго желанья
Я не былъ мучимъ и томимъ;
15 Когда со мной краснорѣчиво
Миръ оживленный говорилъ;
Когда мечты самолюбивой
Въ своемъ умѣ я не таилъ;
20 Когда холодное сомнѣнье
Въ высокой цѣли бытія
Не наводило размышленья
И тяжелой грусти на меня.
То были дни святой свободы, —
Очарованья и чудесъ
25 На лонѣ мира и природы, —
То на землѣ былъ рай небесъ.
Тѣ дни прошли, какъ сновидѣнье;
Уже давно, давно ихъ нѣтъ;
Явленій новыхъ впечатлѣнья
30 Изгладили ихъ блѣдный слѣдъ.

И послѣ ихъ другія строки
 Въ страницахъ жизни я прочелъ
 И непонятные уроки
 Для сердца бѣднаго нашелъ;

Узналъ преступныя желанья
 И соблазнительное зло,
 И новой жизни содержанье
 Мнѣ много горя принесло.

О, если бѣ, въ пору перехода
 Изъ дѣтства въ зрѣлые года,
 Игрой страстей моя свобода
 Не увлекалась никогда!

Но съ обольстительнымъ порокомъ
 Я слишкомъ рано началъ споръ,
 И мнѣ спасительнымъ урокомъ
 Не былъ паденія позоръ.

Печальныхъ заблужденій повѣсть
 Я съ упоеніемъ читалъ
 И укоряющую совѣсть
 Софизмомъ смѣлымъ усыплялъ.

И если умъ нетерпѣливый
 О лучшихъ дняхъ мнѣ говорилъ, —
 Его призывъ краснорѣчивый
 Однѣ мнѣ слезы приносилъ, —

Тѣ слезы ранъ не исцѣляли,
 И лишь о прожитой веснѣ
 Онѣ невольно пробуждали
 Воспоминаніе во мнѣ...

И грустно мнѣ: мою ничтожность
 Я понимаю глубоко,
 Но юныхъ лѣтъ неосторожность
 Вполнѣ загладить не легко.

И, вотъ, тропой уединенной,
Какъ утомленный пилигримъ,
Иду я къ цѣли отдаленной,
Пустымъ раскаяньемъ томимъ;

5 И жаль мнѣ, что мой вѣкъ суровый
Пройдетъ печально, безъ плода,
И не оставитъ мысли новой
И вдохновеннаго труда.

10 Что въ массу общаго познанья
Другимъ взыскательнымъ вѣкамъ,
Какъ результатъ существованья,
Я ничего не передамъ,

15 Что одинокій, безъ значенья,
Какъ гость, забытый на пиру,
Подъ вѣчнымъ холодомъ забвенья
Я въ неизвѣстности умру.

20 Что внуки скоро позабудутъ
Мою могилу, мой пріютъ,
И пѣсни грустныя разлюбятъ,
И слезы... слезы осмѣютъ.

1853. Декабрь.

LIX.

(2-я редакція).

Я помню счастливые годы,
Когда безопасно и шутя,
Безукоризненной свободой
Я наслаждался, какъ дитя;

25 Когда въ тиши уединенья,
Какъ воплощенный херувимъ,
Тревогой горя и сомнѣнья
Я не былъ мучимъ и томимъ.

Съ какимъ восторгомъ непонятнымъ
Тогда часъ утра я встрѣчалъ,
Когда надъ полемъ необъятнымъ
Востокъ безоблачный пылалъ,

И серебристыми волнами,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Надъ благовонными лугами
Паровъ вставали облака!

Съ какою дѣтскою отрадой
Глядѣлъ я на кудрявый лѣсъ,
Весенней дышащей прохладой,
На сводъ сіяющихъ небесъ,

На тихо спящіе заливы
Въ зеленыхъ рамахъ береговъ,
На блескъ и тѣнь волнистой нивы
И на узоры облаковъ!...

То были дни святой свободы,
Очарованья и чудесъ
На лонѣ мира и природы,
То на землѣ былъ рай небесъ!

Пришла пора... иныя строки
Въ страницахъ жизни я прочелъ
И въ нихъ тяжелые уроки
Уму и сердцу я нашелъ.

О, если бъ въ пору перехода
Изъ дѣтства въ зрѣлые года
Широкій путь моя свобода
Нашла для скромнаго труда!

Согрѣтый мыслю живую,
Какъ гражданинъ и человѣкъ,
Быть можетъ, свѣтлою чертою
Тогда бъ отмѣтилъ я свой вѣкъ!

Но горекъ жребій мой суровый!
И много силъ я схоронилъ,
Пока дорогу жизни новой
Средь зла и грязи проложилъ!

5 И грустно мнѣ, и стыдно вспомнить
Ничтожность прожитыхъ годовъ:
Чтобъ пустоту ихъ всю пополнить,
Отдать полжизни бѣ я готовъ!

10 Но дни идутъ, идутъ бесплодно...
И больно мнѣ, что и теперь
Одною мыслью благородной
Я не загладилъ ихъ потерь!

15 Что въ массу общаго познанья
Другимъ взыскательнымъ вѣкамъ,
Какъ весь итогъ существованья,
Я ничего не передамъ.

И одинокій, безъ значенья,
Какъ лишній гость въ пиру чужомъ
Ничтожной жертвою забвенья
20 Умру въ краю моемъ родномъ!
1853.

LX.

(1-я редакция).

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной,
Неопытной рукой я струны пробуждалъ,
И пѣсни грустныя, какъ лучшій даръ небесный,
Какъ драгоценный кладъ, таилъ и сберегалъ.

25 Я пѣлъ святой Руси величіе и славу,
Родного сѣвера высокую судьбу,
И радостей своихъ минутную забаву,
И пламенныхъ страстей печальную борьбу.

Быть можетъ, пѣснь моя не много выражала:
Искусства строгаго она была чужда;
Но мнѣ знакомое она напоминала
Подъ холодомъ заботъ, тревоги и труда.

Отраднo было мнѣ въ моемъ уединеньи, 5
Когда струнамъ своимъ съвосторгомъ я внималъ,
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю бѣдную завидной почиталъ...

Но вотъ, нечаянно, напѣвъ мой одинокой
Холодная толпа подслушала въ тиши — 10
И чувства лучшія, всю жизнь моей души,
Разоблачила вдругъ съ насмѣшкою жестокой.

И больно слышать мнѣ, когда мой скромный
стихъ,
Проникнутый огнемъ и мыслию свободной,
Перетолкованный, звучитъ въ устахъ чужихъ, 15
Какъ звукъ безчувственный, безжизненный,
холодный...

И странны мнѣ языкъ двусмысленныхъ похвалъ
И толки смѣлые судей самолюбивыхъ,
И жаль мнѣ прежнихъ дней, глубоко-молча-
ливыхъ,
Когда одинъ, въ глуши, я пѣснь свою слагалъ. 20
1853.

LXI.

(2-я редакція).

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынь неизвѣстной,
Неопытной рукой я струны пробуждалъ,
И пѣсни грустныя, какъ лучшій даръ небесный,
Какъ драгоценный кладъ, таилъ и сберегалъ.

Быть можетъ, силой чувствъ и мыслию глубокой 25
Я струнъ одушевить не могъ и не умѣлъ;

Никѣмъ незнаемый, съ лѣтъ раннихъ одинокой,
Какъ птица вольная, я безъ искусства пѣлъ.

И пѣснь слагалася легко и беззаботно,
Какъ ни былъ тѣсенъ міръ, гдѣ возмужалъ
мой умъ,

5 Со мною говорилъ и вѣтеръ перелетный,
Я понималъ лѣсовъ, и волнь, и вьюги шумъ.

И все, что грязнаго есть въ жизни самой
бѣдной, —

И горе, и разгуль, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачь нужды оборванной и блѣд-
ной, —

10 Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ!
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почиталъ.

15 За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ
я Бога,

Казался раемъ мнѣ мой темный уголокъ,
Тогда какъ за стѣной и пьяная тревога
Была подлѣ меня, и шелъ о рынкѣ толкъ...

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохно-
венный,

20 Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши,
И чувства лучшія, вся жизнь моей души
Разоблачилися рукой непосвященной!

И больно слышать мнѣ, когда мой скромный
стихъ,

25 Проникнутый огнемъ и мыслью благородной,
Перетолкованный, звучить въ устахъ чужихъ
Какъ звукъ безчувственный, безжизненный, хо-
подный...

И странны мнѣ языкъ двусмысленныхъ по-
 хвалъ
 И толки смѣлые судей самолюбивыхъ,
 И жаль мнѣ прежнихъ дней, глубоко - молча-
 ливыхъ,
 Когда одинъ, въ глуши, я пѣснь свою слагалъ.
 1853.

LXII.

(3-я редакція).

Съ суровой долею я рано подружился: 5
 Не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не
 зналъ,
 Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился,
 Ни отъ кого рѣчей разумныхъ не слыхалъ.

Но все, что грязнаго есть въ жизни самой
 бѣдной,
 И горе, и разгуль, кровавый потъ трудовъ, 10
 Порокъ и плачь нужды, оборванной и блѣдной,
 Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Мучительные дни съ безсонными ночами,
 Какъ много васъ прошло безъ свѣта и тепла!
 Какъ вы мнѣ памятны тоскою и слезами, 15
 Потерями надеждъ, безсильемъ противъ зла!...

Но были у меня отрадныя мгновенья,
 Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ,
 И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
 И долю горькую завидной почиталъ. 20

За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ я
 Бога,
 Казался раемъ мнѣ пріютъ печальный мой,
 Межь тѣмъ, безумная и пьяная тревога,
 Горячій споръ и брань кипѣли за стѣной...

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдох-
 новенный,
 Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши, —
 И чувства лучшія, вся жизнь моей души,
 Разоблачилися рукой непосвященной.

5 Я слышу надъ собой и приговоръ, и судъ...
 И стала пѣснь моя, пѣснь муки и восторга,
 Съ людьми и съ жизнію меня мирившій
 трудъ, —
 Предметомъ злыхъ остротъ, и клеветы, и
 торга...

LXIII.

Поэту.

(1-я редакція).

10 Не говори, что жизнь ничтожна,
 Сперва, въ глубокой тишинѣ,
 Не изучивши осторожно
 Ея значенія вполнѣ.

15 Оставь печальныя сомнѣнья,
 Ума неопытнаго плодъ.
 Оно въ минуты вдохновенья
 Твои восторги осмѣетъ.

20 Повѣрь, на праздникъ жизни шумный,
 Наслѣдникъ будущихъ небесъ,
 Не даромъ ты, какъ гость разумный,
 Дары высокіе принесъ;

Не даромъ въ звуки пѣснопѣній
 Ты чувства сердца перелилъ
 И фантастическихъ видѣній
 Край заколдованный открылъ.

Взгляни кругомъ: не для тебя ли,
Художникъ, полный юныхъ силъ,
Дитя сомнѣнья и печали,
Весь мѣръ сокровища раскрылъ?

Не для тебя ли небо блещетъ,
И звѣзды радужно горятъ,
И музыкально море плещетъ,
Лѣса дремучіе шумятъ,

5

И разноцвѣтными коврами
Лежатъ широкія поля,
И съ голубыми небесами
Степей сливаются края,

10

Въ туманѣ бѣломъ тонуть горы,
И очаровываютъ взоръ
Долинъ роскошные узоры,
Луговъ приволье и просторъ?

15

Пойми, что шепчетъ спѣлый колось,
И вѣтерокъ о чемъ шумитъ,
И не тебѣ ль ихъ чудный голосъ
О тайнахъ жизни говорить?...

20

Нѣтъ, не суди о жизни строго!
Повѣрь, прекрасное любя,
Ты въ ней всегда отыщешь много
Отрады новой для себя.

Умѣй изъ груди безобразной
Картину стройную создать
И положить на слѣпокъ грязный
Живого творчества печать:—

25

И ты поймешь свое призванье
Въ минуты свѣтлыя труда
И выше своего страданья
Себя поставишь навсегда.

30

И бесполезныя сомнѣнья
 Въ тебѣ въ ту пору замолчатъ,
 И слезы, слезы вдохновенья,
 Тебя за трудъ вознаградятъ...

1853. XII.

LXIV.

Поэту.

(2-я редакція).

5 Не говори, что жизнь ничтожна.
 Нѣтъ, послѣ бурь и непогодъ,
 Борьбы суровой и тревожной,
 И цвѣтъ, и плодъ она даетъ.

10 Невѣчны всѣ твои печали.
 Въ тебѣ самомъ источникъ силъ.
 Взгляни кругомъ: не для тебя ли
 Весь міръ сокровища раскрылъ.

15 Кудрявъ и зеленъ лѣсъ дремучій,
 Листы зарей освѣщены,
 Огнемъ охваченныя тучи
 Въ стеклѣ рѣки отражены.

20 Покрытъ цвѣтами скатъ кургана.
 Взойди и встань на вышинѣ, —
 Какой просторъ! Сквозь сѣть тумана,
 Село чуть видно въ сторонѣ.

Звенить и льется птички голось,
 Узнай, о чемъ она поеть,
 Пойми, что шепчетъ спѣлый колось,
 И что за рѣчи ключъ ведетъ.

25 Вотъ царство жизни и свободы!
 Здѣсь всюду блескъ! Здѣсь вѣчный пирь!
 Пойми живой языкъ природы, —
 И скажешь ты: прекрасенъ міръ!

LXV.

Пѣсня.

Зашумѣла, разгулялась
 Въ полѣ непогода;
 Принакрылась бѣлымъ снѣгомъ
 Гладкая дорога.

Бѣлымъ снѣгомъ принакрылась, 5
 Не осталось слѣду,
 Поднялася пыль и вьюга,
 Не видать и свѣту.

Да удалому дѣтинѣ 10
 Буря не забота:
 Онъ проложить путь-дорогу,
 Лишь была бѣ охота.

Не страшна глухая полночь,
 Дальній путь и вьюга,
 Если молодца въ свой теремъ 15
 Ждетъ краса-подруга.

Ужъ какъ встрѣтитъ она гостя
 Утренней зарею,
 Обойметъ его стыдливо 20
 Бѣлою рукою,

Опустивши ясны очи,
 Друга приголубить...
 Вспыхнетъ онъ: и холодъ ночи,
 И весь свѣтъ забудеть.

1853.

LXVI.

Война за вѣру.

Какъ волны грозныя, встаютъ сыны Востока, 25
 Народный фанатизмъ муллами подождень,

Толпы мятежниковъ подъ знамена пророка,
Съ надеждой грабежа, сошлись со всѣхъ сто-
ронъ.

Языческихъ временъ воскресъ театръ кровавый,
Глумится надъ крестомъ безумство мусульманъ,
5 И смотрятъ холодно великія державы
На униженіе и казни христіанъ.

За слезы ихъ и кровь нѣтъ голоса и мщенья!

Отъ бѣдныхъ матерей отнятые сыны
Въ рабы презрѣнному Еврею проданы,
10 И въ пламени горятъ несчастныя селенья...

Скажите намъ, враги поклонниковъ креста:
Зачѣмъ оскорблены храмъ истиннаго Бога
И древней Греціи священныя мѣста,
Когда жидовская спокойна синагога?

15 Когда мятежниковъ, безчестія сыновъ,
Орудіе крамоль, тревогъ и возмущенья,
Не заклемили вы печатію презрѣнья,
Но дали ихъ толпамъ гостепріимный кровъ?

Скажите намъ, враги Руси миролюбивой:
20 Ужель вы лучшаго предлога не нашли,
Чтобы извлечь свой мечъ въ войнѣ несправед-
ливой

И положить свой прахъ въ поляхъ чужой
земли?

Ужель чужихъ умовъ холодное коварство
Васъ въ жалкихъ палачей умѣло обратить

25 И для безславія жестокаго тиранства
Народныя права заставило забыть?

Ужели въ лѣтопись родной своей отчизны
Не стыдно вамъ внести свой собственный по-
зоръ,

Потомковъ заслужить суровый приговоръ

30 И современниковъ живыя укоризны?

Иль духа русскаго досель вы не узнали?

Иль неизвѣстно вамъ, какъ Сѣвера сыны
За оскорбленіе родной своей страны

По слову царскому миллионами вставали?

Вамъ хочется борьбы! но страшень будетъ
 споръ
 За древнія права, за честь Руси державной:
 Мы вашей кровію скрѣпимъ нашъ договоръ —
 Свободу христіанъ и Вѣры православной!
 Мы вновь напомнимъ вамъ героевъ Рымника, 5
 И ужасъ Чесменскій, и славный бой Кагула,
 И грозной силою холоднаго штыка
 Смиримъ фанатиковъ надменнаго Стамбула!
 Впередъ, святая Русь! Тебя зоветъ на брань
 Народа твоего поруганная Вѣра! 10
 Съ тобой и за тебя молитва христіанъ!
 Съ тобой и за тебя Святая Матерь-Дѣва!
 Придетъ пора, — ее недолго ждать, —
 Оцѣнять твой порывъ, поймутъ твой подвигъ
 громкій,
 И будетъ свѣтъ тебѣ рукоплескать, 15
 И позавидуютъ тебѣ твои потомки.
 1853.

LXVII.

Старикъ другоженецъ.

(1-я редакція).

Удружилъ ты мнѣ, свать, молодую женой!
 Стала жизнь мнѣ и радость не въ радость:
 День и ночь ни за-что она спорить со мной
 И бранить мою бѣдную старость; 20
 Судить добрыхъ людей, малыхъ пасынковъ
 бьетъ,
 Да съ сосѣдями ссоры заводитъ;
 Кто что ѣсть, кто что пить, и какъ дома
 живетъ,
 Все наружу съ насмѣшкой выводитъ;
 Ходить изъ дому въ домъ, переносить слова, 25
 Выдаетъ небылицы за были;
 У себя же въ дому не расти хоть тразя,—

И съ иконъ не смететь густой пыли.
По недѣлямъ въ избѣ соръ на лавкахъ ле-
жить,

Въ стекла тускляя свѣтъ не проходитъ;

По угламъ на стѣнахъ паутина висить,

5 Плѣсень съ мокраго пола не сходить;

На холодной печи ребятишки кричатъ,

Инда сердце въ тоскѣ замираеть,—

Дѣла мачехѣ нѣтъ, хотъ ложись умирать,—

Ни заботы, ни горя не знаетъ;

10 Отъ двора моего отучила родныхъ,

Отказала знакомымъ съ порога,

Знать не хочеть молвы, пересудовъ худыхъ,

Ни людей не боится, ни Бога...

Тяжкимъ, долгимъ трудомъ я добро собираль,

15 Много нуждъ перенесъ и заботы,

Худо ѣлъ, мало пилъ, рѣдко спалъ-отдыхаль,

Не покладываль рукъ за работой:

То на пашнѣ съ зарей, съ бороной и сохой,

То съ цѣпомъ на гумнѣ заваленномъ;

20 То въ лѣсу съ топоромъ, то съ широкой косою

На степи, иль въ лугу отведенномъ.

Вездѣ былъ, успѣваль, силу-матушку клаль,

Свою бѣдность хотѣлъ я поправить,—

И спорилось въ рукахъ: не чужимъ собираль,

25 Думаль счастье дѣтишкамъ оставить,

Чтобъ они въ сиротствѣ на отцовскую лѣнь,

Послѣ смерти моей, не пеняли

И меня, старика, при нуждѣ въ черный день

Добрымъ словомъ всегда поминали...

30 Да на старости лѣтъ умъ за разумъ зашелъ

У меня въ головѣ посѣдѣлой:

Въ тихій домъ свой жену молодую я ввелъ,

И жена принялася за дѣло.

И пошло все вверхъ дномъ: потекло серебро,

35 Какъ вода между рукъ, на обновки;

Началася гульба, и погибло добро

Въ одинъ годъ отъ безстыдной мотовки.

Эхъ! не прежняя мочь, не былая пора,
 Молодецкая удаль и сила, —
 Не ходить бы женѣ, не спросясь, со двора,
 И воды бы она не взмутила...
 Спohватился теперь, да не сладишь съ бѣдой, 5
 Лишь гляди на жену, да казнися,
 Да молчи, какъ дуракъ, когда скажутъ порой:
 По-дѣломъ старику, — не женися!
 1853.

LXVIII.

Старикъ другоженецъ.

(2-я редакція).

Удружилъ ты мнѣ, свать, молодою женой!
 Стала жизнь мнѣ и радость не въ радость: 10
 День и ночь ни за-что она спорить со мной
 И бранить мою бѣдную старость;
 Ни за-что, ни про-что малыхъ пасынковъ
 бьетъ,
 Да заводить съ сосѣдями ссоры;
 Кто что ѣсть, кто что пьетъ, и какъ дома 15
 живетъ, —
 Хоть бѣжать, какъ начнетъ разговоры.
 И ужъ пусть бы сама человѣкомъ была!
 Не повѣришь, весь домъ разорила!
 И грозилъ ей, — да что!... значить волю
 взяла!...
 Женскій стыдъ, — Божій гнѣвъ позабыла! 20
 А любовь... ужъ куда тутъ! молчи про лю-
 бовь!...
 За себя мнѣ бѣда небольшая, —
 Погубилъ я дѣтей, погубилъ свою кровь:
 Доканаетъ ихъ мачеха злая!
 Эхъ! не прежняя мочь, не былая пора, 25
 Молодецкая удаль и сила —
 Не ходить бы женѣ, не спросясь, со двора,

И воды бы она не взмутила...
Спохватился теперь, да не сладишь съ бѣдой,
Лишь гляди на жену, да казнися,
Да молчи, какъ дуракъ, когда скажутъ порой:
5 По-дѣломъ старику,—не женися!

LXIX.

Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.

10 Мѣсяца лучами
Божій храмъ облить;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча, горить.

15 Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

20 Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И неслышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

25 Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горить:
Бѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ.

Думаетъ-гадаетъ
 Про своихъ сиротъ:
 Кто ихъ приласкаетъ,
 Какъ она умретъ.

Горемыки-дѣтки!
 Долго ли до бѣды!
 Оба малолѣтки,
 Разуму въ нихъ нѣтъ,

5

Какъ начнутъ шататься
 По дворамъ чужимъ,—
 Мудрено ль связаться
 Съ человѣкомъ злымъ...

10

А ужъ тутъ дорога
 Не къ добру лежитъ:
 Позабудутъ Бога,
 Потеряютъ стыдъ.

15

Господи, помилуй
 Горемыкъ-сиротъ!
 Дай имъ разумъ—силу,
 Будь Ты имъ въ оплотъ!...

20

И въ лампадкѣ мѣдной
 Теплится огонь,
 Освѣщая блѣдно
 Ликъ святыхъ иконъ,

И черты старушки,
 Полныя заботъ,
 И въ углу избушки
 Дремлющихъ сиротъ.

25

Вотъ пѣтухъ безсонный
 Гдѣ-то закричалъ;
 Полночи спокойной
 Долгій часъ насталь.

30

И, Богъ вѣсть, отколѣ,
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ поле
Съ тройкой удалой,

И въ морозной дали
Тихо потонулъ
И напѣвъ печали,
И тоски разгуль.

1853.

LXX.

Наслѣдство.

Не осталось
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;

Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.

Съ ними молодцу
Всюду весело!
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.

Въ горѣ, черный день,
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ
Смотришь соколомъ;

Нараспашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою
Улыбаешься.

И мила душѣ
 Доля всякая,
 И весь бѣлый свѣтъ
 Раемъ кажется!

1853.

LXXI.

Дума.

Въ глубокой мглѣ холоднаго забвенья 5
 Теряются народовъ поколѣнья,
 Законы ихъ, междоусобный споръ,
 И доблести, и слава, и позоръ.
 Лицо земли печально измѣнилось,
 И много царствъ великихъ сокрушилось, 10
 И скрылося подъ пепломъ городовъ,
 Лишь темный слѣдъ исчезнувшихъ вѣковъ —
 Нестройное собраніе обломковъ,
 Да вымыслы невѣдомыхъ пѣвцовъ
 И письма намъ чуждыхъ языковъ 15
 Отъ праотцевъ осталось для потомковъ...
 Пройдутъ вѣка въ событіяхъ вселенной,
 И мы мелькнемъ, какъ метеоръ мгновенный,
 И, можетъ быть, потомства поздній родъ
 Забудетъ нашъ угаснувшій народъ. 20
 Такъ! вѣчности не суждено земному;
 Покорствуя всеобщему закону,
 Все умереть когда-нибудь должно;
 Но жизнь однихъ, какъ чудное зерно,
 Останется въ самомъ процессѣ тлѣнья 25
 Залогомъ силъ другого поколѣнья.
 Да, не вотще подъ холодомъ время
 Идутъ ряды безчисленныхъ племенъ;
 Наслѣдники безсмертья и свободы,
 Какъ даръ благой, инымъ гостямъ природы 30
 Мы отдаемъ въ извѣстный періодъ
 Свои права на жизнь, свой цвѣтъ и плодъ.

Окончивъ здѣсь вполнѣ свое призванье —
Быть сѣменемъ въ системѣ мірозданья.
1853, XII.

LXXII.

Не вини одинокую долю,
О судьбѣ по ночамъ не гадай,
5 Сберегай свою дѣвичью волю,
Словно кладъ золотой, сберегай:

Ужъ не долго тебѣ оставаться
Въ красномъ теремѣ съ няней родной,
На лѣса изъ окна любоваться,
10 Расцвѣтатъ ненаглядной зарей;

Слушать пѣсни подругъ свѣтлоокихъ
И по бархату золотомъ шить,
И безопасно въ стѣнахъ одинокихъ
Беззаботною пташкою жить.

15 Отопрется твой теремъ дубовой,
И простится съ тобою отецъ,
И, гордясь подвѣнечной обновой,
Ты пойдешь съ женихомъ подъ вѣнецъ;

20 Да не радость—желанную долю
Ты найдешь на порогѣ чужомъ:
Грубый мужъ твою юную волю
Похоронитъ за крѣпкимъ замкомъ.

И ты будешь сносить терпѣливо,
Когда злая старуха-свекровь
25 Отвѣчать станетъ бранью ревнивой
На покорность твою и любовь;

Будешь глупой бояться золовки,
Пересуды сосѣдей терпѣть,

За работой сидѣть безъ умолку
И отъ тайнаго горя худѣть,

Слушать хмельнаго мужа укоры,
До разсвѣта его поджидать;
И забудешь ты пѣсню, уборы, 5
Станешь злую судьбу проклинать;

И, здоровье въ груди полумертвой
Отъ бесплодной тоски погубя,
Преждевременной жалкою жертвой
Въ гробъ досчатый положишь себя. 10

И никто со слезой и молитвой,
На могилу къ тебѣ не придетъ,
И дорогу къ могилѣ забытой
Густымъ снѣгомъ метель занесетъ.
1853, XII.

LXXIII.

Наскучивъ роскошью блистательныхъ забавъ, 15
Забывъ высокія стремленья
И пресыщеніе до времени узнавъ,
Старѣетъ наше поколѣнье.
Сталь недоувѣрчивѣй угрюмый человѣкъ;
Святого чуждый назначенья, 20
Оканчиваетъ онъ однообразный вѣкъ
Въ глубокой мглѣ предубѣжденья.

Ему не принесло прекраснаго плода
Порока и добра познанье,
И на челѣ его осталось навсегда 25
Безсильной гордости сознанье;
Свое ничтожество не хочетъ онъ понять
И юныхъ силъ не развиваетъ,
Забытой старинѣ стыдится подражать
И новаго не создаетъ. 30

Слабѣя медленно, подъ бременемъ борьбы
Съ дѣйствительностію суровой,
Онъ смутно прожилъ всю слѣпую нить судьбы,
Влачить сомнѣнія оковы,
5 И въ жалкихъ хлопотахъ, въ заботахъ мелоч-
ныхъ,
Въ тревогѣ жизни ежедневной,
Онъ тратитъ попусту избытокъ чувствъ свя-
тыхъ,
Минуты мысли вдохновенной.

10 Не зная гдѣ найти страданію исходъ
Или вопросамъ объясненъе,
Печальныхъ перемѣнъ онъ равнодушно ждетъ,
Не требуя успокоенья;
Во всѣхъ явленіяхъ всегда одно и тожъ
Предупознаваетъ онъ унылый,
15 И сонъ хладѣющей души его похожъ
На миръ безжизненной могилы.
1853, XII.

LXXIV.

О, сколько разъ я проклиналъ
Позоръ слѣпого заблужденья
И о самомъ себѣ рыдалъ
20 Въ часы молитвъ и размышленья!
И какъ бы я благословилъ
Въ ту пору неба громъ неожиданный,
Когда бы этотъ гость желанный
Надменный умъ мой поразилъ!..
25 Но мигъ святой прошелъ—и снова
Страстямъ, какъ прежде, я служу,
И на позоръ ихъ и оковы,
Какъ на свободу, я гляжу.
Такъ, влажный воздухъ разсѣкая

Межъ облаковъ, во тьмѣ ночной,
 Блится молнія порой,
 Мгновенно небо освѣщая.
 1853.

LXXV.

Мщеніе.

Поднялась, шумить Непогодушка, Низко боръ сырой Наклоняется.	5
Ходятъ, плаваютъ Тучи по небу, Ночь осенняя Чернѣй ворона.	10
Въ зипунѣ мужикъ Къ дому барскому Черезъ садъ густой Тихо крадется.	15
Онъ идетъ, глядитъ Во всѣ стороны, Про себя одинъ Молча думаетъ:	
„Вотъ теперь съ тобой, Баринъ-батюшка, Мужикъ-лапотникъ Посчитается;	20
Хорошо ты мнѣ Вчера вечеромъ Вплоть до плечъ спустилъ Кожу бѣдную.	25

Виновать я былъ,
Самъ ты вѣдаешь:
Тебѣ дочь моя
Приглянулася.

5 Да отецъ ея—
Несговорчивый,
Не велить онъ ей
Слушать барина...

10 Знаю, ты у насъ
Самъ большой-старшой,
И судить-рядить
Тебя некому.

15 Такъ суди жь Господь
Меня грѣшника:
Не видать тебѣ
Мое дѣтище!"

20 Подошелъ мужикъ
Къ дому барскому,
Тихо выломилъ
Раму старую,

Поднялся, вскочилъ
Въ спальню темную,—
Не вставать теперь
Утромъ барину...

25 На дворѣ шумить
Непогодушка,
Низко боръ сырой
Наклоняется;

30 Черезъ садъ домой
Мужикъ крадется,
У него лицо
Словно бѣлый снѣгъ.

Онъ дрожить, какъ листь,
 Озирается,
 А господскій домъ
 Загорается.

1853.

LXXVI.

Моленіе о чашѣ.

И прешедъ мало, паде на лицѣ Своемъ,
 моляся и глаголя: Отче Мой, аще возможно
 есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія:
 обаче не яко же Азь хошу, но яко же Ты.
 Мате. Гл. XXVI, ст. 39—47.

День ясный тихо догораетъ,	5
Чистъ неба куполь голубой;	
Весь западъ въ золотѣ сіяетъ	
Надъ Іудейскою землей;	
Спокойно высясь надъ полями,	
Закатомъ солнца освѣщенъ,	10
Стоитъ высокій Елеонъ	
Съ благоуханными садами.	
И, полный блеска, передъ нимъ,	
Народа шумомъ оживленный,	
Лежитъ святой Ерусалимъ,	15
Стѣною твердой окруженный.	
Вдали Геваль и Гаразинъ,	
Къ востоку воды Іордана	
Съ роскошной зеленью долинъ	
Рисуются въ волнахъ тумана,	20
И моря Мертваго краса	
Сквозь сонъ глядитъ на небеса,	
А тамъ, на западѣ, далеко,	
Лазурныхъ Средиземныхъ волнъ	
Разливъ могучій огражденъ	25
Песчанымъ берегомъ широко...	
Темнѣеть... всюду тишина...	
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила,—	
И ярко полная луна	

Садъ Геосиманскій озарила.
Въ травѣ, подъ вѣтвями оливоу,
Сыны Божественнаго Слова,
Ерусалима шумъ забывъ,
5 Спятъ три Апостола Христовы.
Ихъ сонъ спокоенъ и глубокъ;
Но тяжело спалъ мiръ суровый:
Вѣковъ наслѣдственный порокъ
Его замкнулъ въ свои оковы.
10 Проклятъ праотцевъ на немъ
Пятномъ безславiя лежало
И, съ каждымъ вѣкомъ, новымъ зломъ
Его, какъ язва, поражало...
Но часъ свободы наступалъ —
15 И, чуждый общему позору,
Посланникъ Бога, въ эту пору,
Судьбу всемирную рѣшалъ.
За слово истины высокой
Голгоескiй крестъ предвидѣлъ Онъ,
20 И, чувствомъ скорби возмущенъ,
Отцу молился одиноко:
„Ты знаешь, Отче, скорбь Мою
И видишь, какъ Твой Сынъ страдаетъ,—
О, подкрѣпи Меня, молю,
25 Моя душа изнемогаетъ!
День казни близокъ: онъ придетъ,—
На жертву отданный народу
Твой Сынъ безропотно умретъ,
Умретъ за общую свободу...
30 Проклятемъ черни пораженъ,
Измученный и обнаженный,
Передъ толпой поникнетъ Онъ
Своей главой окровавленной.
И тѣ, которымъ со креста,
35 Пошлетъ Онъ даръ благословенья,
Съ улыбкой гордаго презрѣнья
Поднимутъ руку на Христа...
О, да минуетъ чаша эта,

Мой Отче, Сына Твоего!
 Мнѣ горько видѣть злобу свѣта
 За искупленіе его!
 Но не Моя да будетъ воля,
 Да будетъ такъ, какъ хочешь Ты! 5
 Тобой назначенная доля
 Есть дѣло вѣчной правоты,
 И если Твоему народу
 Позоръ Мой благо принесетъ,—
 Пускай за общую свободу 10
 Сынъ человѣческой умретъ!“
 Молитву кончивъ, скорби полный,
 Къ ученикамъ Онъ подошелъ,
 И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
 Сказалъ имъ: „Встаньте, часъ пришелъ! 15
 Оставьте сонъ свой и молитесь,
 Чтобъ въ искушеніе не впасть.
 Тогда вы въ вѣрѣ укрѣпитесь
 И съ вѣрой встрѣтите напасть.“
 Сказалъ и тихо удалился 20
 Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
 И той же скорбью возмущень,
 На землю палъ Онъ и молился:
 „Ты, Отче, въ міръ Меня послалъ,
 Но Сына міръ Твой не приемлетъ: 25
 Ему любовь Я завѣщалъ,
 Моимъ глаголамъ онъ не внемлетъ;
 Я былъ врачомъ его больнымъ,
 Я за враговъ Моихъ молился, —
 И надо Мной Ерусалимъ, 30
 Какъ надъ обманщикомъ, глумился!
 Народу миръ Я завѣщалъ, —
 Народъ судомъ Мнѣ угрожаетъ,
 Я въ міръ мертвыхъ воскрешалъ —
 И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!.. 35
 О, если можно, отъ Меня
 Да мимо идетъ чаша эта!
 Ты Богъ любви, начало Свѣта,

И все возможно для Тебя!
Но если кровь нужна святая,
Чтобъ землю съ небомъ примирить, —
Твой вѣчный судъ благословляя,
5 На крестъ готовъ Я восходить!“
И взоръ, въ тоскѣ невыразимой,
Съ небесъ на землю Онъ низвелъ
И снова, скорбію томимый,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ.
10 Но ихъ смежившіяся очи
Невольный сонъ отягощаль;
Великой тайны этой ночи
Ихъ бѣдный умъ не постигалъ.
И сталъ Онъ, молча, полный муки,
15 Чело высокое склонилъ
И на груди святыхъ руки
Въ изнеможеніи сложилъ.
Что думалъ Онъ въ минуты эти,
Какъ человѣкъ и Божій Сынъ,
20 Подъявшій грѣхъ тысячелѣтій —
То зналъ Отецъ Его одинъ.
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
25 Въ Его груди была тогда,
И люди вѣрно-бъ не поняли,
Весь грѣшный міръ нашъ не постигъ
Тѣхъ слезъ, которыя сіяли
Въ очахъ Спасителя въ тотъ мигъ.
30 И вотъ опять Онъ удалился
Подъ сѣнь смоковницъ и оливъ,
И тамъ, колѣна преклонивъ,
Опять Онъ плакалъ и молился:
„О, Боже Мой! Мнѣ тяжело!
35 Мой умъ колеблется, темнѣетъ,
Все человѣческое зло
На Мнѣ единомъ тяготѣетъ.
Позоръ людской, — позоръ вѣковъ, —

Все на себя Я принимаю,
 Но Самъ, подъ тяжестью оковъ,
 Какъ человѣкъ, изнемогаю...
 О, не оставь Меня въ борьбѣ
 Съ Моею плотію земною, — 5
 И все угодное Тебѣ,
 Тогда да будетъ надо Мною.
 Молюсь, да снидетъ на Меня
 Святая сила подкрѣпленья,
 Да совершу съ любовью Я 10
 Великій подвигъ примиренья!“
 И руки къ небу Онъ подъялъ
 И весь въ молитву превратился,
 Огонь лицо Его сжигалъ,
 Кровавый потъ по Немъ струился. 15

И вдругъ съ безоблачныхъ небесъ,
 Лучами свѣта окруженный,
 Явился въ садъ уединенный
 Глашатай Божіихъ чудесъ.
 Былъ чуденъ взоръ его прекрасный, 20
 И безмятежно и свѣтло
 Одушевленное чело,
 И ликъ сіялъ, какъ полдень ясный;
 И близъ Спасителя онъ сталъ
 И рѣчью свыше вдохновенной 25
 Освободителя вселенной
 На славный подвигъ укрѣплялъ;
 И самъ, подобный легкой тѣни,
 Но полный благодатныхъ силъ,
 Свои воздушныя колѣни 30
 Съ молитвой пламенной склонилъ.

Вокругъ молчало все глубоко;
 Была на небѣ тишина, —
 Лишь въ царствѣ мрака одиноко
 Страдалъ бесплодно сатана. 35
 Онъ зналъ, что въ мірѣ колебался

Его владычества кумиръ,
И что безславно падшій міръ
Къ свободѣ новой приближался.
Винovníкъ зла, онъ понималъ,
5 Кто былъ Мессія воплощенный,
О чемъ Отца Онъ умолялъ,
И, страшной мукой подавленный,
Духъ гордый молча изнывалъ,
Безсильной злобой сокрушенный...

10 Спокойно въ выси голубой
Свѣтилъ блистали мирады,
И полонъ сладостной прохлады,
Былъ чистый воздухъ. Надъ землей
Поднявшись тихо, небожитель
15 Летѣлъ къ надзвѣзднымъ высотамъ, —
Межъ-тѣмъ всемірный Искупитель
Опять пришелъ къ ученикамъ.
И въ это чудное мгновенье
Какъ былъ Онъ истинно-великъ,
20 Какимъ огнемъ одушевленья
Горѣлъ Его прекрасный ликъ!
Какъ ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Какъ радостно свѣтила ночи
25 Съ высотъ глядѣли на Него!

Ученики, какъ прежде, спали.
И вновь Спаситель имъ сказалъ:
„Вставайте, близокъ день печали ·
И часъ предательства насталъ...“
30 И звукъ мечей остроконечныхъ
Садъ Геѳсиманскій пробудилъ
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лицо Іуды освѣтилъ.

LXXVII.

Сладость молитвы.

Бываютъ минуты, — тоскою убитый,
 На ложѣ до утра безъ сна я сижу,
 И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
 И съ грустью на образъ святой я гляжу,

Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно... 5
 Лампада въ углу одиноко горить,
 И кажется мнѣ, что святая икона
 Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.

И дума за думой на умъ мнѣ приходитъ,
 И жарь непонятный по жиламъ течетъ, 10
 И сердце отрады ни въ чемъ не находитъ,
 И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ.

И вспомню тогда я тревогу желаній
 И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
 Невѣрность надежды и горечь страданій, 15
 И скрытый подъ маской глубокой развратъ,

Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
 Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
 Все зло въ этомъ мирѣ, всю скорбь челоуѣка,
 И грозную вѣчность, и съ жизнью расчетъ; 20

И вспомню я крестъ на Голгоѣ позорной,
 Облитаго кровью Страдальца на немъ,
 При шумѣ и кликахъ насмѣшки народной
 Поникшаго тихо покорнымъ челомъ...

И страшно мнѣ станетъ отъ этихъ видѣній, 25
 И съ ложа невольно тогда я сойду,
 Склоню предъ иконой святою колѣни
 И съ жаркой молитвою ницъ упаду.

И мнится мнѣ, слышу я шепотъ невнятный,
И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть можетъ, незримо, въ тотъ мигъ благодатный,
Мой ангель-хранитель молитву творить.

5 И въ душу прольется мнѣ свѣтлая радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну,
И, чувствуя въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну.

1854. I, 15.

LXXVIII.

Ночлегъ извозчиковъ.

(1-я редакція).

10 Широко лежатъ
Поля бѣлыя;
Высоко горятъ
Звѣзды яркія;

15 Мѣсяцъ въ дальній путь,
Вслѣдъ за тучками,
Надъ селомъ плыветъ
Бѣлымъ лебедемъ.

20 Со смолой обозъ,
Съ горы на гору,
Не спѣша, къ селу
Подвигается.

Рѣзко снѣгъ скрипитъ
Подъ полозьями,
На уздахъ звенятъ
Кольца мѣдныя.

25 Идутъ лошади
Съ ноги на ногу;

Мужички кряхтятъ,
Пожимаются.

Отъ мороза ихъ
Брови, бороды
Поросли густымъ
Бѣлымъ инеемъ.

Вотъ въ село они
Дружно вѣхали,
Подошли къ двору
Постоялому.

И навстрѣчу къ нимъ
Дворникъ ласковый
Подошелъ и снялъ
Шапку старую.

Поклонился всѣмъ,
Поздоровался;
Сталъ ихъ звать къ себѣ,
Приговаривать:

„Что, на дворъ что ль вамъ?
Просимъ милости:
У меня овесъ —
То же золото;

Я не то, что вонъ
Сосѣдъ-выжига, —
Люди добрые
Со мной знаются,

Я вѣдь самъ въ извозъ,
Братцы, хаживалъ,
Нужды, голода
Много видывалъ;

Угощу, небось,
По пріятельски

Провожу съ двора
Хлѣбомъ, солию;

5 Поѣзжайте-ка,
Просимъ милости,
У меня изба
Баня банею.“

10 Мужички его
Словъ послушались, —
На широкій дворъ
Къ нему въѣхали;

Отпрягли коней
Подъ сараями,
Въ хрептуги овса
Понасыпали.

15 Со двора пошли
Въ избу теплую;
Образамъ святымъ
Помолилися,

20 Распоясались,
Шубы скинули,
На полатяхъ ихъ
Поразвѣшали,

25 Водой чистою
Руки вымыли
И за длинный столъ
Посажалися.

30 Подала имъ хлѣбъ
Жена дворника,
Въ мисъ крашеной
Щи поставила.

Мужички ѣдятъ,
Согрѣваются,

Сами рѣчь ведутъ
О Саратовѣ.

Прислонясь къ стѣнѣ,
Подлѣ притолки,
Ихъ разговоръ, сквозь сонъ,
Дворникъ слушаетъ.

Про себя жъ одинъ,
Молча, думаетъ:
Вишь сидятъ они,
Прохлаждаются,

А овса, такъ вотъ,
Почти не брали;
Угощу жъ я васъ
По-пріятельски!

LXXIX.

Ночлегъ извозчиковъ.

(2-я редакция).

Далеко, далеко раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, что бѣлымъ ковромъ,
И звѣзды зажглися, и мѣсяцъ, что лебедь,
Плыветъ одиноко надъ соннымъ селомъ.

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ-то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ:
То взѣдетъ онъ тихо на длинную гору,
То въ темной лоцинѣ изъ глазъ пропадетъ.

И вотъ на дорогѣ онъ вновь показался
И на гору сталъ подниматься шагкомъ;
Вотъ слышно, какъ снѣгъ заскрипѣлъ подъ
санями,

И кони заржали подъ самымъ селомъ.

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ шап-
кахъ,
Съ обозомъ, и съ правой, и съ лѣвой руки,
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхтя, пожимаясь, идутъ мужики.

5 Избились ихъ лапти отъ дальней дороги,
Ихъ жесткія лица морозъ заклеимилъ,
Высокія шапки, усы ихъ и брови,
И бороды иней пушистый покрылъ.

10 Подходятъ они ко дворамъ постояннымъ,
Навстрѣчу имъ дворникъ спѣшитъ изъ воротъ,
И шапку снимаетъ, привѣтствуя словомъ:
„Откуда, братцы, Господь васъ несетъ?“

— Да ѣдемъ вотъ съ рыбой въ Москву изъ
Ростова, —

15 Передній извозчикъ ему отвѣчалъ, —
А что на дворѣ-то не тѣсно ль намъ будетъ?
Теперь ты, я чаю, насъ вовсе не ждалъ? —

20 „Для добраго гостя найдется мѣстечко“,
Привѣтливо дворникъ плечистый сказалъ
И, рыжую бороду тихо погладивъ,
Слегка ухмыляясь, опять продолжалъ:

„Вѣдь, я не таковъ, какъ сосѣдъ-прощалыга,
Готовый за грошъ свою душу продать;
Я знаю, какъ надо съ людьми обходиться,
Кого какъ привѣтить и чѣмъ угощать.

25 „Овесъ мой — овинный, изба — та же баня,
Не какъ у сосѣда, — зубовъ не сберешь;
И есть, гдѣ прилечь, посидѣть, обсушиться,
А квасъ, то есть брага, и нехотя пьешь.

„Въѣзжайте-ка, братцы; намъ стыдно счи-
таться;

30 Ужъ я по-пріятельски васъ угощу,

И встрѣчу, какъ водится, хлѣбомъ и солью,
И съ хлѣбомъ и солью съ двора отпущу.“

Послушались дворника добрые люди:
На дворъ помѣстились, коней отпрягли,
Къ санямъ привязали и корму имъ дали, 5
И въ теплую избу чрезъ сѣни вошли.

Снявъ шапки, святымъ образамъ помолились,
Очистили иней пушистый съ волосъ,
Раздѣлись, тулупы на нары поклали
И рѣчь завели про суровый морозъ. 10

Погрѣлись близъ печки и руки помыли,
И, грудь осѣнивши широкимъ крестомъ,
Хозяйкъ хлѣбъ-соль подавать приказали,
И ужинать сѣли за длиннымъ столомъ.

И вотъ, въ сарафанѣ, покрытая кичкой, 15
Къ гостямъ молодая хозяйка вошла;
Сказала: „здорово, родные, здорово!“
И каждому порознь поклонъ отдала;

По крашеной ложкѣ имъ всѣмъ разложила,
И соли въ солонкѣ, и хлѣбъ подала, 20
И въ чашкѣ глубокой съ надтреснутымъ краемъ
Изъ кухни горячія щи принесла.

И блюдо за блюдомъ пошла перемѣна...
Извозчики молча и дружно ѣдятъ,
И потъ начинается съ нихъ градомъ катиться, 25
Глаза оживились и лица горять.

„Послушай, хозяйюшка!“ молвилъ извозчикъ,
Съ трудомъ проглотивши свинины кусокъ:
„Нельзя ли найти намъ кваску-то получше?
Вѣдь, этотъ слѣпому глаза продеретъ.“ 30

— И, что ты, родимый! квасокъ-ать, что брага,
Его и купцамъ доводилося пить. —

„Спасибо, хозяйка!“ сказалъ ей извозчикъ,
„Не скоро намъ брагу твою позабыть.“

— Ну, полно-те спорить, вишь съ бабой
связался! —

Промолвилъ другой, обтирая усы:

5 Аль къ тещѣ съ женою пріѣхалъ на праздникъ?
Что есть, то и ладно, а нѣтъ — не проси! —

„Вѣстимо, Данилыч“, сказалъ ему третій:
„За хлѣбомъ и солью шумѣть не рука;
Вѣдь, мы не бояре: что есть, тѣмъ и сыты...
10 А ну-ка, хозяйюшка, дай-ка гуська!“

— Эхъ, братцы! рукою расправивши кудри,
Товарищамъ молвилъ дѣтина одинъ:
Разъ, ѣздилъ я лѣтомъ въ Макарьевъ на тройкѣ.
Нанялъ меня, знаешь, купеческій сынъ.

15 — Ну, что за раздолье мнѣ было въ дорогѣ!
Признаться, ужъ попилъ тогда я винца!
Какъ свистнешь, бывало, и тронешь лошадокъ,
Захочешь потѣшить порой молодца,

— И птицей несется залетная тройка,
20 Лишь пыль подымается чернымъ столбомъ,
Звенить колокольчикъ, и версты мелькають,
На небѣ ни тучки, и поле кругомъ,

— Въ лицо вѣтерокъ подуваетъ навстрѣчу,
И на сердцѣ любо, и пышетъ лицо...
25 Пріѣхалъ въ деревню: готова закуска,
И дворника дочка подносить винцо.

— А вечеромъ, знаешь, мой купчикъ удалый,
Какъ этакъ порядкомъ уже подгульнетъ,
На улицу выйдетъ, вся грудь на-распашку,
30 Вокругъ себя парней толпу соберетъ,

— Одѣлать деньгами и весело крикнетъ:
„А ну-ка, валяй: не бѣлы-то снѣги!“

И парни затянуть, и самъ онъ залъется,
И тутъ ужъ его кошелекъ береги.

—Бывало, шепнешь ему: „Яковъ Петровичъ!
Припрячь кошелекъ-то,—вѣдь, спросить отецъ.“
„Молчи, братъ! за словомъ въ карманъ не полѣзу: 5
Въ товаръ убытокъ,—и дѣлу конецъ“—

Такъ, сидя на лавкахъ за хлѣбомъ и солью,
Смѣясь, мужички продолжаютъ разсказъ;
И, стоя близъ печки, качаясь въ дремотѣ,
Ихъ слушаетъ дворникъ, прищуривши глазъ, 10

И думаетъ самъ онъ съ собою спросонокъ:
„Однако, отъ этихъ барышъ мнѣ придетъ;
Овса-то, вотъ видишь, по мѣрочкѣ взяли,
А ѣсть,—такъ одинъ за троихъ уберетъ.

„Куда жъ это, Господи, все уложилось!— 15
Баранина, щи, поросенокъ и гусь,
Лапша и свинина, и медъ на заѣдки...
Ну, я же по своему съ ними сочтусь!“

Вотъ кончился ужинъ. Извозчики встали...
Хозяйка мочалкою вытерла столъ, 20
А дворникъ внесъ въ избу охапку соломы,
Взглянулъ исподлобья и молча ушелъ.

Провѣдавъ лошадокъ, сводивъ ихъ къ колодцу,
Извозчики снова всѣ въ избу вошли,
Постлали постель, помолилися Богу, 25
Раздѣлись, разулись и спать залегли.

И все замолчало... Лишь въ кухнѣ хозяйка,
Поставивъ посуду на полку рядкомъ,
Изъ глиняной чашки, при свѣтѣ огарка,
Поила теленка густымъ молокомъ. 30

Но вотъ, наконецъ, и она улеглася,
Подъ голову старый зипунъ положивъ,
И крѣпко на печкѣ горячей заснула,
Всѣ хлопоты кухни своей позабывъ.

Все тихо... всѣ спятъ... и давно уже полночь,
Раскинувши руки, храпятъ мужики:
Лишь, хрюкая, въ кухнѣ больной поросенокъ
Въ широкой лохани собираетъ куски...

5 Свѣтатъ начинается. Извозчики встали.
Хозяйка остатокъ огарка зажгла,
Гостямъ утереться дала полотенце,
Ковшомъ въ рукомойникъ воды налила.

10 Умылися гости, предъ образомъ стали,
Молитву, какую умѣли, прочли
И къ спящему дворнику въ избу другую
За кормъ и хлѣбъ-соль расчитаться вошли.

15 Сердитый, спросонокъ, глаза протирая,
Поднялся онъ съ лавки и счеты сыскалъ,
За столъ сѣлъ, нахмурясь, потеръ свой затылокъ
И молвилъ: „ну, кто изъ васъ что забираль?“

— Заборъ нашъ ты знаешь: мы поровну
брали;

20 А ты вотъ за ужинъ изволь положить
Себѣ не въ обиду и намъ не въ убытокъ,—
Съ тобою хлѣбъ-соль намъ впередъ чтобъ водить.

„Да что же, давай четвертакъ съ человѣка;
Оно хоть и мало,—да такъ ужъ и быть.“
— Не много ли будетъ, почтенный хозяинъ?
Богатъ скоро будешь! нельзя ли сложить?—

25 „Нѣтъ, складки, ребята, не будетъ и гроша,
И эта цѣна-то пустякъ-пустякомъ;
А будете спорить—заплатите вдвое:
Ворота, вѣдь, заперты добрымъ замкомъ.“

30 Подумавъ, извозчики крѣпко вздохнули
И, нехотя вынувъ свои кошель,
Хозяину деньги сполна отсчитали
И въ путь свой, въ дорогу собираться пошли.

Всю выручку въ старый сундукъ положивши,
 Хозяинъ одѣлся и вышелъ на дворъ
 И, видя, что гости коней запрягаютъ,
 Взялъ ключъ и замокъ на воротахъ отперъ.

Накинувъ арканы на шею лошадокъ, 5
 Извозчики стали съѣзжать со двора.
 „Спасибо, хозяинъ!“ промолвилъ послѣдній:
 „Смотри, разживайся съ чужого добра!“

— Ну, съ Богомъ, любезный! сказалъ ему
 дворникъ:

Еще изъ-за гроша ты сталъ толковать! 10
 Впередъ, просимъ милости, къ намъ заѣзжайте,
 Ужъ мнѣ не учиться, кого какъ принять. —
 1854.

LXXX.

Новая борьба.

Опять призывъ къ войнѣ! Еще на Русь святую
 Двѣ тучи новыя грозу свою несутъ
 И снова нашу Русь на битву роковую, 15
 На битву страшную, помѣряться зовутъ!
 И не забыли мы своей недавней славы,—
 Еще не прожилъ силъ великій нашъ народъ;
 И такъ же грозный онъ, и такъ же величавый,
 Какъ буря зашумитъ и двинется впередъ. 20
 Впередъ за христіанъ, позорно умерщвленныхъ!
 Впередъ за нашу честь и за права отцовъ,
 За славу мѣсть, нечестьемъ оскорбленныхъ,
 За вѣру русскую,—наслѣдіе вѣковъ!
 Пришла теперь пора для нашего народа 25
 Рѣшить своимъ мечомъ современный вопросъ,
 Свята ли христіанъ поруганныхъ свобода,
 И крѣпокъ ли досель нашъ Сѣверный колоссъ?..
 Понятно Англии кичливое волненье:
 Народный русскій духъ немного ей знакомъ; 30

Она не видѣла Полтавскаго сраженья,
И чужды ей нашъ снѣгъ и Бородинскій громъ.
И, можетъ быть, она узнаетъ слишкомъ поздно
Своей политики запятнанную честь,
5 И начатой войны расчетъ неосторожной,
И нашу правую воинственную месть.
Но этотъ ли Парижъ, ужъ дважды пощаженный
Благословеннаго державною рукой,
Опять подѣмлетъ мечъ, безчестно обнаженный,
10 Заранѣ хвастаясь безславною борьбой!
Вы ль это, жаркіе поклонники свободы,
Объ общемъ равенствѣ твердившіе всегда,
На брань позорную сзываете народы
И защищаете насилье безъ стыда!
15 Вы ль, представители слѣпые просвѣщенья,
Сыны Британіи и Франціи сыны,
Забыли все свое народное значеніе
И стали съ гордостью подъ знаменемъ Луны!...
Съ какимъ презрѣніемъ потомокъ оскорбленный,
20 Краснѣя, вашъ позоръ въ исторію внесетъ
И, гнѣвомъ праведнымъ невольно увлеченный,
Постыдный вашъ союзъ, быть можетъ, прокля-
нетъ!

Но славу Сѣвера, наслѣдіе столѣтій,
Но честь своей страны Россія сохранить!
25 Возстанетъ старъ и младъ, и женщины, и дѣти,
И благородный гнѣвъ въ сердцахъ ихъ закипитъ!
И далеко нашъ кличъ призывный пронесется,
И пробудитъ онъ всѣхъ униженныхъ Славянъ,
И грозно племя ихъ въ одинъ народъ сольется,
30 И страшной карою падетъ на Мусульманъ!
И вновь увидитъ міръ, какъ мы въ борьбѣ
кровавой

Напомнимъ скопищамъ забывшихся враговъ
Свой богатырскій мечъ, запечатлѣнный славой,
И силу Русскую, и доблести отцовъ!

1854.

LXXXI.

Ссора.

„Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
 И опять за работу приняться!
 Промоталъ хомуты, промоталъ лошадей,—
 Вѣрно, по міру хочешь таскаться?
 Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья, 5
 Показаться на улицу стыдно;
 Словно въ трубы трубятъ: что, родная моя,
 Твоего Пантелея не видно?
 А ты думаешь: гдѣ же oprичь ему быть,
 Чай, опять загулялъ съ бурлаками? 10
 И сердечко въ груди закипитъ, закипитъ,
 И, вздохнувши, зальешься слезами.“
 — Не дурачь ты меня, мужъ женѣ отвѣчалъ:
 Я не первый денекъ тебя знаю.
 Да по чьей же я милости пьяницей сталъ 15
 И теперь ни за что пропадаю?
 Не вино съ бурлаками,—я кровь свою пью,
 Ею горе мое заливаю;
 Да за чаркой тебя проклинаю, змѣю,
 И тебя, и себя проклинаю! 20
 Ахъ, ты время мое, золотая пора!
 Не видать ужъ тебя, вѣрно, болѣ!
 Какъ, бывало, съ зарей, на телѣгахъ съ двора
 Ѣдешь рожь убирать въ свое поле:
 Сбруя вся на заказъ, кони—любо взглянуть, 25
 Словно звѣри изъ упряжи рвутся;
 Не успѣешь, бывало, вожжей шевельнуть—
 Ужъ, голубчики, вихремъ несутся.
 Пашешь—пѣсню поешь, косишь—устали нѣтъ;
 Придетъ праздникъ,—помолишься Богу, 30
 По деревнѣ идешь,—и почетъ, и привѣтъ:
 Старики уступаютъ дорогу!
 А теперь... Одрго я вотъ въ толкъ не возьму:
 Въ закромахъ, у насъ чисто и пусто;

Ину пору и нѣту соломы въ дому,
 Въ кошелѣ и подавно негусто;
 На тебя жъ поглядишь,—что откуда идетъ,
 Что ни праздникъ,—иная обновка...
 Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
 Да не вѣрится... что-то неловко!..—

„Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ
 ходить?“

Покраснѣвши, жена отвѣчала:

„Кажись, было на что мнѣ обновки купить,—
 Я, вѣдь, цѣлую зимушку пряла.
 Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, великая честь!
 Вишь, онъ рѣчи какія заводитъ:
 Самому же лаптишекъ не хочется сплести,
 А зипунъ-то онучи не стоитъ.“
 — Поистерся немного: не всѣмъ щеголять;
 Бѣдняку что Богъ далъ, то и ладно.
 А ты любишь гостей-то по платью встрѣчать!
 Сосѣдъ ходить не даромъ нарядно.—

„Ахъ, родные мои“,—закричала жена:

„Ужъ и гостя привѣтитъ нѣтъ воли!
 Ну, хорошъ муженекъ, хороши времена:
 Не води съ людьми хлѣба и соли!
 Да вотъ на-ка тебѣ! Не по твоему быть!
 Я не больно тебя испугалась!
 Таки будетъ сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
 Чтобъ сердечко твое надрывалось!“
 — Коли такъ, ну и такъ!—мужъ женѣ отвѣ-
 чаль:

Мнѣ тебя переучивать поздно;

Ужъ и то я грѣха много на душу взялъ,
 А сосѣда попробовать можно...
 Перестанемъ кричать! Собери-ка поѣсть:
 Я и то другой день безъ обѣда,
 Дай хоть хлѣба ломоть, да влей щей, коли есть,
 Молоко-то оставь для сосѣда.—

„Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь!“

Жена, съ лавки вскочивши, сказала:

„Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь...“

И на печку она указала.

Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ; 5

Взялъ зипунъ свой и шапку съ постели,

Постоялъ у окна, головой покачалъ

И пошелъ, куда очи глядѣли.

Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ вотъ онъ —

идеть,

Шляпа на-бокъ, халатъ на-распашку, 10

Отъ коневыхъ сапогъ чистымъ дегтемъ не-

сеть,

И застегнута лентой рубашка.

„Будь здоровъ, Пантелей! Что повѣсилъ, братъ,

носъ?

Аль запала въ головушку дума?“

— Видишь бойкой какой! А ты что мнѣ за 15

спрось?..—

Пантелей ему молвилъ угрюмо.

„Что такъ больно сердить? знать болитъ го-

лова,

Или просто некстати зазнался?..“

Пантелей второпяхъ засучалъ рукава,

Исподлобья кругомъ озирался. 20

— Эхъ, была не была! ну, держися, дру-

жокъ! —

И мужикъ во всю мочь развернулся,

Да какъ хватить сосѣда съ размаху въ високъ,

И не охнулъ, бѣднякъ — протянулся.

Вечеру Пантелей ужъ сидѣлъ съ кабакѣ 25

И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,

Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,

Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

LXXXII.

Измѣна.

Ты взойди, взойди,
Заря ясная,
Изъ-за темныхъ тучъ
Взойди, выгляни;

5 Подымись, туманъ,
Отъ сырой земли,
Покажись ты мнѣ,
Путь-дороженька.

10 Шель къ подругѣ я
Вчера вечеромъ,
Мужики въ селѣ
Спать ложилися.

15 Вотъ взошелъ я къ ней
На широкій дворъ,
Отворилъ избы
Дверь знакомую.

20 Глядь, — огонь горить
Въ чистой горенкѣ,
Въ углу столъ накрытъ
Бѣлой скатертью;

У стола сидитъ
Гость разряженный,
Вплоть до плечъ лежать
Кудри черныя.

25 Подлѣ, рядомъ съ нимъ,
Моя милая:
Обвила его
Рукой бѣлою

И, на грудь къ нему
Склонивъ голову,
Рѣчи тихія
Шепчетъ ласково...

Поднялись мои
Дыбомъ волосы,
Обдало меня
Жаромъ-холодомъ.

На столъ лежалъ
Бѣлый хлѣбъ и ножъ:
Знать, кудрявый гость
Званъ былъ ужинать.

Я схватилъ тотъ ножъ,
Къ гостю бросился;
Не успѣлъ онъ встать,
Слова вымолвить, —

Облило его
Кровью алою;
Словно снѣгъ, лицо
Заблѣлося.

А она, вскочивъ,
Громко ахнула
И, какъ листъ вздрогнувъ,
Пала замертво.

Стало страшно мнѣ
Въ свѣтлой горенкѣ:
Распахнулъ я дверь,
На дворъ выбѣжалъ...

Ну, подумалъ я,
Добрый молодецъ,
Ты простись теперь
Съ отцомъ, съ матерью!

И пришелъ мнѣ въ умъ
Дальній, темный лѣсъ,
Жизнь разгульная
Подъ дорогою...

5 Я сказалъ себѣ:
Больше некуда!
И, махнувъ рукой,
Въ путь отправился...

10 Ты взойди, взойди,
Заря ясная,
Покажи мнѣ путь
Къ лѣсу темному!

1854.

LXXXIII.

(1-я редакція).

15 Полно спать тебѣ, степь, подѣ туманомъ:
Зимы-матушки кончился срокъ,
Съ юга гости летятъ караваномъ,
Настаетъ весны теплый денекъ.

20 Уберись, какъ невѣста, цвѣтами
И умой лицо первымъ дождемъ,
Грудь накрой травы новой шелками,
Изукрасься росы жемчугомъ.

Посмотри: небеса надъ тобою
Развернулись шатромъ голубымъ,
Вьются бѣлыя тучки толпою,
Блещетъ солнце огнемъ золотымъ.

25 Вѣтерокъ тебя нѣжитъ, ласкаетъ,
Вѣетъ юною жизнію день,
И отъ тучекъ слегка пробѣгаетъ
По груди твоей длинная тѣнь.

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Гнѣзда дѣтямъ своимъ будутъ вить,
Съ утра до ночи пѣсни полюбятъ.
Станутъ гости до осени жить.

И растительной силы избыткомъ,
Какъ младенца любимаго мать,
Свѣжихъ соковъ здоровымъ напиткомъ
Ты начнешь траву щедро питать.

И трава на привольномъ просторѣ
Шелкъ зеленыхъ кудрей разовьетъ,
По зарямъ сквозь дремоту, что море,
Съ вѣтромъ шопоть и шумъ заведетъ.

Косари, помолясь предъ иконой,
Изъ далекихъ придутъ хуторовъ,
Огласятъ тебя пѣснью знакомой
И намечутъ душистыхъ стоговъ.

И тогда отдыхай беззаботно,
Погружайся въ глубокой свой сонъ;
Про тебя сложу пѣснь я охотно
И отдамъ тебѣ низкій поклонъ.

1854.

LXXXIV.

(2-я редакція).

Полно, степь моя, спать безпробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнетъ скатерть дорожки безлюдной,
Снѣгъ пропаль, — и тепло, и свѣтло.

Пробудись и умойся росою,
Въ ненаглядной красѣ покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Какъ невѣста, въ цвѣты нарядись.

Полюбуйся: весна наступаетъ,
Журавли караваномъ летять,
Въ яркомъ золотѣ день утопаетъ,
И ручьи по оврагамъ шумять.

5 Бѣлоснѣжныя тучки толпами
Въ синевѣ на просторѣ плывутъ,
По груди у тебя полосами,
Другъ за дружкой, тѣни бѣгутъ.

10 Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Сколько гнѣздъ понавѣютъ, — посмотри!
Что за звуки, за пѣсни польются
День-деньской, отъ зари до зари!

15 Тамъ ужъ лѣто... Ложись подъ косою,
Ковыль бѣлый, въ угоду косцамъ!
Подымайся копна за копною!
Распѣвайте, косцы, по ночамъ!

20 И тогда, — при мерцаньи румянѣмъ
Ясныхъ зорекъ, въ прохладные дни,
Отдохни, моя степь, подъ туманѣмъ,
Беззаботно и крѣпко усни.

LXXXV.

Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

25 Окаймленное кустами
Молодыхъ ракичь,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блестить.

Тишинъ и солнцу радо,
По равнинъ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветь;

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями, — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички, вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку,
Тянуть сътъ съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горить;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенить.

„Ну, катай на-перегонки!..“
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотрить изъ кустовъ.

„Тянуть, тянуть!“ закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и шукъ.“

Вотъ, на берегъ отлогомъ
Показалась сътъ.

„Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ,
Нечего глядѣть!“

Такъ сказалъ старикъ высокой,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

3 Съть намокшую подняли,
Дружно рыбаки;
На песокъ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
10 „Будеть на денекъ!“
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

„Ты, подкидышъ, къ намъ откуда?
Не зови, — придетъ...
15 Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь, — такъ вотъ!..“

И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
— Ну, за что ее ты, Мишка?—
20 Упрекнулъ другой.

„Экой малый уродился“,
Говорилъ старикъ:
„Все бѣ дрался онъ да бранился,
Экой озорникъ!“

25 — Ты бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!—
Свату свать сказалъ.

„Эхъ!.. дѣвчонка надоѣла...
30 Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша безъ дѣла
Одѣвать изволь.“

„Хлѣбъ, смотри—вотъ, вздорожаетъ, —
Ты чужихъ корми;
А, вѣдь, мать, небось, гуляетъ,
Прахъ ее возьми!“

— Потерпи: чай, не забудеть 5
За добро Господь!
Вѣдь, она работать будетъ,
Богъ дастъ, подрастетъ.—

„Такъ то такъ... вѣстимо, надо 10
Къ дѣлу приучить!
Да теперъ беретъ досада
Безъ-толку кормить.

И дѣвчонка-то больная:
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ... дрянъ такая! 15
А на грѣхъ жива.“

Мужички потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли. 20

А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.
1854.

LXXXVI.

Отецъ и дочь.

(1-я редакція).

„Ты хоть плачь, не плачь — быть по моему! 25
Я сказалъ: тебя не послушаю;

Молода еще, рано умничать:
Знаю всѣ твои бабьи присказки.
— Пожалѣй меня, родной батюшка,
Не сведи меня во гробъ заживо;
5 Мой женихъ-де мотъ, горькій пьяница,
Его братья всѣ — тѣ жъ разбойники,
У него-де вотъ жена первая
Съ горя въ гробъ пошла безо-времени,
У него дѣтей малыхъ четверо;
10 Пожалѣй мою волю дѣвичью,
Натерплюсь-де съ нимъ нужды, холоду,
Погублю красу, очи выплачу... —
„Вишь, безпутная, что придумала.
Замолчи! Не смѣй слова вымолвить!
15 Я сказалъ тебѣ: быть по моему!“
Захватило духъ въ груди дочери,
Полотна бѣлѣй лицо сдѣлалось;
Зарывавъ навзрыдъ, съ мольбой горькою
Вдругъ къ отцу она въ ноги бросилась:
20 — Аль чужая я тебѣ, батюшка,
У тебя въ дому не работница?
Али мѣста мнѣ много надобно?
Аль я въ чемъ когда провинилася?
Помяни, родной, слова матушки,
25 Помяни ея слова при смерти:
„Береги мою дочь покорную,
Выбирай ты ей мужа по сердцу...“
Не губи же ты мою молодость!
Не хочу я быть женой пьяницы!
30 Лучше въ дѣвкахъ я буду старѣться,
Вмѣстѣ жить съ тобой до сѣдыхъ волосъ,
День и ночь сидѣть за работою!
Откажи только свахѣ засланной!—

„Прочь ты съ глазъ моихъ, дочь ослушница!
35 Прокляну тебя! съ двора выгоню!
Не увидишь ты себѣ счастья,
Будешь жить людямъ на посмѣшище,

Отъ тоски, какъ листь, вся ты высохнешь,
До поры умрешь, не покаявшись!“

Вотъ прошло семь дней. Дѣло сладилось;
Отець празднуетъ свадьбу дочери,
За столомъ сидятъ гости званые, 5
Межъ собой ведутъ рѣчи весело;
Подъ хмелькомъ отецъ пляшетъ съ радости,
Зятемъ, дочерью выхваляется.

Зять сидитъ въ углу, гладитъ бороду;

На плечахъ его кафтанъ новенькій, 10

Сапоги съ гвоздьми, поясъ розовый.

Молодая съ нимъ сидитъ объ руку,

Душегрѣйка вся крыта бархатомъ,

Золотой узоръ на кокошникѣ;

На глазахъ дрожать слезы жгучія, 15

На лицѣ лежитъ блѣдность смертная.

Убралась хлѣбъ-соль. Столъ окончился.

Гости хмельные плясать начали.

Зять и дочь съ отцомъ распрощались.

Проводилъ старикъ свое дѣтище. 20

Вдоль по улицѣ тройка тронулась,

Поднялася пыль, закружилася.

Скоро годъ прошелъ. Насталъ праздничекъ.

Мужички идутъ въ церковь весело,

На крещеный людъ смотритъ солнышко, 25

Колокольный звонъ раздавается...

Въ церкви Божіей бѣлый гробъ стоитъ,

По бокамъ его два подсвѣчника,

Какъ мертвецъ, стоитъ въ головахъ старикъ

И не сводитъ глазъ съ своей дочери. 30

Вотъ окончилась служба долгая,

Мужички снесли гробъ на кладбище;

Приняла земля дочь покорную.

Обернулся зять къ тестю блѣдному,

И сказалъ, заткнувъ руки за поясъ: 35

„Не пришлось пожить съ твоей дочерью...“

— „Отойди, злодѣй, горькій пьяница!
Положилъ ты въ гробъ мое дѣтище,
Схоронилъ ты съ нимъ мои радости.“

1854—III—18.

LXXXVII.

Упрямый отецъ.

(2-я редакция).

— Ты хоть плачь, не плачь—быть по-моему!
5 Я сказалъ тебѣ: не послушаю!
Молода еще, рано умничать!
„Мой женихъ-де вотъ и буянъ, и мотъ,
Онъ въ могилу свелъ жену первую...“
Ты скажи прямѣй: мнѣ, молъ, батюшка,
10 Полюбился сынъ Кузьмы-мельника.
Такъ сули ты мнѣ горы золота, —
Не владѣть тобой сыну знахаря,
Онъ добро скопилъ, — пусть имъ хвалится;
Наживи же онъ имя честное!
15 Я съ сумой пойду, умру съ голода,
Не отдамъ себя на посмѣшище, —
Не хочу я быть родней знахаря!
Колдуновъ у насъ въ роду не было.
А ты этимъ-то мнѣ, безстыдница,
20 За мою хлѣбъ-соль платить вздумала,
Жениховъ своихъ пересуживать?
Да ты знаешь ли власть отцовскую?
Съ пастухомъ, велю, подъ вѣнецъ пойдешь!
Не учи, скажу: такъ мнѣ хочется! —
25 Захватило духъ въ груди дочери,
Полотна бѣлѣй лицо сдѣлалось,
И, дрожа, какъ листь, съ мольбой горькою
Къ старику она въ ноги бросилась:
„Пожалѣй меня, милый батюшка,

- Не своди меня во гробъ заживо!
 Аль въ избѣ твоей я ужъ лишняя,
 У тебя въ дому не работница?..
 Ты, кормилецъ мой, самъ говаривалъ,
 Что не выдашь дочь за немилаго. 5
 Не губи же ты мою молодость:
 Лучше въ дѣвкахъ я буду старѣться,
 День и ночь сидѣть за работою!
 Откажи, родной, свахѣ засланной!
- Хороша твоя рѣчь, разумница; 10
 Только гдѣ ты ей научилась?
 Понимаю я, что ты думаешь:
 Мой отецъ, молъ, старъ, — ему бѣлый гробъ,
 Красной дѣвицѣ своя волюшка...
 Али, можетъ быть, тебѣ не любо, 15
 Что отецъ въ почетъ по селу пойдетъ,
 Что богатый зять тестю бѣдному
 При нуждѣ, порой, будетъ помочью?
 Такъ ступай же ты съ моего двора,
 Чтобъ ноги твоей въ домѣ не было! — 20
- „Не гони меня; сжался, батюшка,
 Ради горькихъ слезъ моей матушки!
 Вѣдь, она тебя Богомъ, при смерти,
 Умоляла быть мнѣ защитою...
 Не гони, родной: я, вѣдь, кровь твоя!“ 25
- Знаю я твои бабьи присказки!
 Что по мертвому, что ль, расплакалась?
 Да хоть встань твоя мать-покойница,
 Я и ей скажу: „быть по моему!“
 Проклянупу, коли не послушаешь...— 30
- Протекло семь дней: дѣло сладилось,
 Отецъ празднуетъ свадьбу дочери.
 За столомъ шумятъ гости званые;
 Подъ хмелькомъ, старикъ пляшетъ съ радости,
 Зятемъ, дочерью выхваляется. 35
 Зять сидитъ въ углу, гладитъ бороду,

На плечахъ его кафтанъ новенькій,
Сапоги съ гвоздьми, съ мѣдной прошвою,
Подпоясанъ онъ краснымъ поясомъ.
Молѣдая съ нимъ сидитъ объ руку;
5 Сарафанъ на ней съ рядомъ пуговокъ,
Кичка съ бисернымъ подзатыльникомъ, —
Но лицо бѣлѣй снѣга чистаго:
Вѣрно, много слезъ красной дѣвицей
До вѣнца въ семь дней было пролито...

10 Вотъ окончился деревенскій пиръ.
Проводилъ старикъ съ двора дѣтище.
Только пыль пошла вдоль по улицѣ,
Когда зять, надѣвъ шляпу на ухо,
Во весь духъ пустилъ тройку дружную,
15 И безъ умолку подъ дугой большой
Залилися два колокольчика...

Замолчало все въ селѣ къ полночи,
Не спалось только сыну мельника,
Онъ сидѣлъ и пѣлъ на завалинкѣ:
20 То души тоска въ пѣснѣ слышалась,
То разгуль, будто воля гордая
На борьбу звала судьбу горькую.

Сталъ одинъ старикъ жить хозяиномъ,
Молодую взялъ въ домъ работницу...
25 Выпалъ первый снѣгъ. Зиму-матушку
Деревенскій людъ встрѣтилъ весело;
Мужички въ извозъ отправляются,
На гумнахъ вездѣ молотѣба идетъ,
А старикъ почти съ утра до ночи
30 Въ кабакѣ сидитъ, пригорюнившись.
„Что, старинушка, чай, богатый зять
Хорошо живетъ съ твоей дочерью?..“
Подъ хмелькомъ ему иной вымолвить;
Вмигъ сожметъ Пахомъ брови съ просѣдью
35 И, потупивъ взоръ, скажетъ нехотя;
— У себя въ дому за женой смотри,

А въ чужую клѣть не заглядывай!—
 „За женой-то мнѣ глядѣть нечего;
 Лучше ты своимъ зятемъ радуйся:
 Вонъ теперь въ грязи онъ на улицѣ.“

Минулъ свадьбѣ годъ. Насталъ праздничекъ, 5
 Разбудилъ село колокольный звонъ;
 Мужички идутъ въ церковь весело;
 На крещеный людъ смотритъ солнышко.
 Въ церкви Божіей бѣлый гробъ стоитъ,
 По бокамъ его два подсвѣчника; 10
 Въ головахъ, одинъ, въ зипунѣ худомъ,
 Сирота-Пахомъ думу думаетъ
 И не сводитъ глазъ съ мертвой дочери...
 Вотъ окончилась служба долгая,
 Мужички снесли гробъ на кладбище; 15
 Приняла земля дочь покорную.
 Обернулся зять къ тестю блѣдному
 И сказалъ, заткнувъ руки за поясъ:
 „Не пришлось пожить съ твоей дочерью!
 Хлѣбъ и соль была, кажись, вольная, 20
 А все какъ-то ей нездоровилось...“
 А старикъ стоялъ надъ могилою,
 Опустивъ, въ тоскѣ, на грудь голову,
 И когда на гробъ земля черная
 Съ шумомъ глыбами вдругъ посыпалась, — 25
 Пробѣжалъ морозъ по костямъ его,
 И ручьемъ изъ глазъ слезы брызнули...
 И не разъ съ тѣхъ поръ въ ночь безсонную
 Этотъ шумъ ему дома слышался.

1854.

LXXXVIII.

Три встрѣчи.

Помню я вечеръ весенній, 30
 Розовый блескъ облаковъ,

Запахъ душистой сирени,
Свѣтлыя стекла прудовъ,

Яблонь расцвѣтшихъ вершины,
Группы черемухъ и липъ
5 И, вдоль широкой равнины,
Сада причудливый видъ.

Помню, близъ липы склоненной,
Въ платицѣ бѣломъ своемъ
Ты на скамейкѣ зеленой
10 Рядомъ сидѣла съ отцомъ;

Яркимъ пурпуровымъ блескомъ
Солнца васъ лучъ обливалъ,
И на лицѣ твоємъ дѣтскомъ
Нѣжный румянецъ игралъ.

Помню твой смѣхъ серебристый,
Звонкій, живой голосокъ,
Ямочки щекъ и душистый,
15 Свѣжій по кудрямъ вѣнокъ.

Какъ въ эту пору сіяла
Радость въ очахъ у тебя!
Что за міры создавала
20 Въ будущемъ ты для себя!..

Дни и года миновали;
Дѣтство твое протекло.
Вдругъ ты узнала печали,
25 Слезы и бѣдности зло.

Изъ-дому васъ безпощадно
Выгналъ за долгъ ростовщикъ;
Съ горя, въ тоскѣ безотрадной,
30 Умеръ отецъ твой старикъ.

Стала ты жить сиротою,
Горечь заботъ узнавать,
Молча, подъ кровлей чужою,
Ночи одна работать.

Такъ я разстался съ тобою...
 Но черезъ годъ, при рѣкѣ,
 Встрѣтилась снова со мною
 Ты въ небольшомъ городкѣ.

День ужъ къ закату склонялся; 5
 Шумомъ разлившихся водъ,
 Берегъ покрывъ, любовался
 Празднѣй, безпечнѣй народъ.

Помню: въ роскошномъ нарядѣ 10
 Рядомъ съ мужчиной ты шла;
 Тайная злость въ твоёмъ взглядѣ
 Слишкомъ замѣтна была.

Помню: въ толпѣ разнородной 15
 Ты замѣчала не разъ
 Отзывъ насмѣшки холодной,
 Звуки двусмысленныхъ фразъ,

И на лицѣ твоёмъ грустномъ
 Вдругъ выступала тогда,
 Горькимъ рожденная чувствомъ,
 Яркая краска стыда. 20

Было сознаться мнѣ больно,
 Кто съ тобой рядомъ идетъ,
 И я подумалъ невольно,
 Что впереди тебя ждетъ.

1854—III—21.

LXXXIX.

Село замолчало; безлюдны дороги; 25
 Недвижно боръ темный стоитъ;
 На свѣтлыя воды, на берегъ отлогій
 Задумчиво мѣсяць глядитъ.

Какъ яркія звѣзды, въ туманѣ сверкають
Вдоль луга огни косарей,
И блѣдныя тѣни ихъ смутно мелькають
Вокругъ разведенныхъ огней.

5 И вторитъ отчетливо чуткое эхо
Уснувшихъ давно береговъ
Разгульные пѣсни, и отзывы смѣха,
И говоръ веселыхъ косцовъ.

10 Вотъ пѣсни умолкли; огни потухають;
Пустынно и тихо вокругъ;
Лишь свѣтлыя звѣзды на небѣ сіяють
И смотрять на воды и лугъ.

15 Какъ призраки, въ зеркалѣ водъ отражаясь,
Зеленыя ивы стоятъ
И, мѣрно отъ тихаго вѣтра качаясь,
Чуть слышно вѣтвями шумять.

20 И въ сумракѣ лунномъ, поднявшись высоко
Надъ крѣпко уснувшимъ селомъ,
Бѣлѣтся церковь отъ избъ недалеко,
Село осѣняя крестомъ.

Спитъ людъ деревенскій, трудомъ утомленный;
Лишь гдѣ-нибудь бѣдная мать
Ребенка, при свѣтѣ лучины зажженной,
Сквозь сонъ продолжаетъ качать;

25 Да съ жесткой постели поднятый нуждою,
Бездѣтный и слабый старикъ
Плететь себѣ обувь дрожащей рукою
Изъ свѣжихъ размоченныхъ лыкъ.

ХС.

С. В. Чис ой.

Да не смущается сердце ваше,
вѣруйте въ Бога...

Іоанна, гл. XIV, ст. 1.

Тяжелъ вашъ крестъ!.. Что было съ вами
 Въ глуши безлюдной и степной,
 Когда у васъ передъ глазами,
 На рыхломъ снѣгѣ, сынъ родной,
 Назадъ минуто жизни полный, 5
 Какъ цвѣтъ, подрѣзанный косою,
 Лежалъ недвижный и нѣмой,
 Мгновенной смертью пораженный?
 Когда любимое дитя
 Вы къ жизни воплемъ призывали 10
 И безотвѣтныя уста
 Своимъ дыханьемъ согрѣвали?..
 Тяжелъ вашъ крестъ и ваша чаша
 Горька! Но живъ Господь всего:
 Да не смутится сердце ваше, 15
 Молитесь, вѣруйте въ Него!
 Слеза-ль падеть у васъ, — Онъ знаетъ
 Число всѣхъ капель дождевыхъ,
 И ваши слезы сосчитаетъ,
 Оцѣнить каждую изъ нихъ. 20
 Онъ—весь любовь, и жизнь, и сила;
 Съ Нимъ благо все, съ Нимъ свѣтъ во тьмѣ!..
 И, наконецъ, скажите мнѣ,
 Ужели такъ страшна могила?
 Что лучше: раньше умереть, 25
 Или страдать и сокрушаться,
 Глядѣть на зло, и зло терпѣть,
 И вѣровать, и сомнѣваться?
 Утраты, нужды испытать,
 Прочестъ весь свитокъ жизни горькой, 30
 Чтобъ у дверей могилы только

Ихъ смыслъ таинственный понять?..
 Блажень, кто къ вѣчному покою,
 Не испытавъ житейскихъ волнъ,
 Причалилъ рано утлый челнъ,
 5 Хранимый Вышнею рукою!
 Кто знаетъ? Можетъ быть, въ тотъ часъ,
 Когда въ тиши, въ тоскѣ глубокой,
 Вы на молитвѣ одинокой
 Стоите долго, — подлѣ васъ
 10 Вашъ сынъ, теперь жилецъ небесный,
 Стоитъ, какъ ангелъ безтѣлесный,
 И слышитъ васъ и, можетъ быть,
 За васъ молитвы онъ творить;
 Иль въ хорѣ ангеловъ летаетъ,
 15 И, — чуждый всѣхъ земныхъ заботъ, —
 И славу Бога созерцаетъ,
 И гимны райскіе поетъ.
 Къ чему же плачь? Настанетъ время,
 Когда въ надзвѣздной сторонѣ
 20 За все свое земное бремя
 Вознаградитесь вы вполнѣ.
 Тамъ, окруженный неба свѣтомъ,
 Сынъ радость съ вами раздѣлитъ.
 И, по разлукѣ въ мірѣ этомъ.
 25 Васъ вѣчность съ нимъ соединитъ.

1854.

 ХСІ.

Вечеръ послѣ дождя.

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное
 поле,
 Послѣ грозы, озарилось улыбкой румянаго солнца.
 Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя
 тучи
 Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.

Спятъ неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой ве-
черней.

О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и до-
ждемъ освѣженный!

Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ,
благодатный!

Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ тем-
носиній: отъ жару

Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ
землѣ раскаленной. 3

Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо
на стеблѣ.

Солнце-художникъ покрыло его золотистою кра-
ской,

Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на го-
ловкѣ махровой;

Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жуж-
жащая пчелка,

Сокъ ароматный собирая. А какъ забѣлѣлася
ярко 10

Гречка расцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ
пыли!

Издали кажется, снѣгъ это бѣлой лежитъ по-
лосу.

Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опусти-
лась на колосья;

Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ
тучки.

Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кру-
гомъ оглянулся, 15

Сталь осторожно на заднія лапки и слушаетъ:
тихо...

Только кричитъ гдѣ-то перепелъ, и распѣваетъ
овсянка;

Весело свистнулъ и онъ и водицы напился изъ
лужи.

Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣсу.
Подъ мышкой

И идешь, поешь.
 Шапка на ухо.
 А сосѣдка ждетъ,
 Пѣсню слушаетъ.

Продавай сосѣдъ
 Муку въ городъ, —
 Молодой женѣ
 Деньги надобны.

1854—IV—16.

ХСІІІ.

Жена ямщика.

(1-я редакція).

Скоро будетъ полночь...
 Тишина въ избѣ: 10
 Только вѣтеръ воетъ
 Жалобно въ трубѣ,
 И горитъ лучина,
 Издавая трескъ,
 И вокругъ дрожащій 15
 Разливая блескъ.
 Въ старомъ зипунишкѣ,
 Прислонясь къ стѣнѣ,
 Дремлетъ подлѣ печки
 Мальчикъ на скамьѣ. 20
 Слабо освѣщаетъ
 Блѣдный огонекъ
 Дѣтскую головку
 И румянецъ щекъ.
 Съ дремлющимъ малюткой 25
 Рядомъ мать сидитъ
 И, лаская сына,
 Кротко говоритъ:

„Ты бы легъ, касатикъ,
Вѣдь, ужъ ночь давно;
На-ка вотъ шубенку;
Вишь, какъ холодно“.

— А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь;
И вечеръ все пряла,
И теперь не спишь.—

10 „Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!

15 „Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.

20 „Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.

„Дѣло мое бабье,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станетъ
Одѣвать, кормить?..“

25 — Полно плакать, мама!—
Грустно сынъ сказалъ
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ,

30 И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой
И, заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.

„Я не стану плакать,
Лягъ, усни, дружокъ,
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

„Постелю постельку,
И Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро принесетъ;

„Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать...“

И дитя забылось...
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтъцѣ горить.
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумить.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,
Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена;

Какъ ей, умирая,
Говорила мать:
„Тошно сиротою
Мнѣ тебя кидать!“

5

10

15

20

25

30

„Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!

5 „И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія то сестры
Кровь, вѣдь, съ молокомъ.“

10 „И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то какъ стануть
Въ полѣ работать,—

15 „Хоть жара, хоть вѣтеръ—
Все равно для нихъ:
Оттого и замужъ
Скоро взяли ихъ.

20 „А тебя за разумъ
Хвалить вся семья,
Да любить-то любить
Только мать твоя.

25 „Все ты сшить умѣешь
И въ избѣ прибрать,
Ребятишекъ-братьевъ
Любишь обмывать,

30 „Да въ быту крестьянскомъ,
Знаешь ты сама,
Сила-то дороже
Разума-ума“...

35 Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ.
Какъ ее покойный
Тестъ любилъ, старикъ.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
„Ахъ, отецъ!“ проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.

— Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!—
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...

И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ.

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?..
Экая погодка,
Слѣду въ полѣ нѣтъ!

— Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.—

„А мой мужъ?“ — спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

— Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.

— На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять.—

5 Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.

10 Опустивъ ручки,
Сынъ ея стоялъ,
Блѣдный, и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.

15 „Вишь, какая притча!“
Думалъ такъ мужикъ:
„Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.

20 „А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить“.

— Полно горевать-то,
Вслухъ онъ ей сказалъ:
Стало неча дѣлать,
Богъ знать наказалъ!

25 — Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди, возьми ихъ;
Мнѣ домой пора.

30 — Да!.. вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

— Самъ онъ черезъ силу
 Съ шеи его снялъ,
 Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
 Въ руки и сказалъ:

„Вотъ благословенье
 Сыну моему;
 Пусть не забываетъ
 Мать, скажи ему“.

5

— А тебя-то, видно,
 Крѣпко онъ любилъ:
 По смерть твое имя,
 Бѣдный, онъ твердилъ.—
 1854.

10

 ХСІV.

Жена ямщика.

(2-я редакція).

Жгучъ морозъ трескучій,
 На дворѣ темно;
 Серебристый иней
 Запустилъ окно.

15

Тяжело и скучно,
 Тишина въ избѣ;
 Только вѣтеръ воетъ
 Жалобно въ трубѣ.

20

И горитъ лучина,
 Издавая трескъ,
 На палаты, стѣны
 Разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки,
 Прислонясь къ стѣнѣ,

25

Мальчуганъ курчавый
Въ старомъ зипунѣ.

5 Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

10 Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ, за прялкой,
Мать его сидитъ.

15 Ей не даромъ снился
Страшный сонъ вчера;
Вся душа изныла
Съ раннего утра.

Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ.
Мужъ, что въ воду канулъ,
Вѣсточки не шлетъ.

20 „Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ...

25 „Дѣло мое бабѣ,
Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной-одна!

30 „Сынъ еще ребенокъ,
Скоро ль подрастетъ!
Бѣдный!.. все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ!..“

И глядитъ на сына
Горемыка-мать.

„Ты бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!“

— А зачѣмъ же, мама,
Ты сама не спишь,
И вечеръ все пряла,
И теперь сидишь?—

„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!“

— Полно плакать, мама!—
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой
Головой припаль.

„Я не стану плакать,
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

„Постелю постельку,
И Господь пошлетъ —
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

„Новыя салазки
Сдѣлаеть опять,
Будеть въ нихъ сыночка
По двору катать...“

И дитя забылось.
Ночь длинна, длинна...
Мѣрно раздаётся
Звукъ веретена.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,

Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумить.

5 Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

10 И на память пряхѣ
Молодость пришла,
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ:
„Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говоритъ;

15 „Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ порой рабочей
Въ полѣ выносить!

20 „И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
Кровь, вѣдь, съ молокомъ!

25 „И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то имъ — шутка
Молотить и жать.

30 „А тебя за разумъ
Хвалить вся семья,
Да любить-то... любить
Только мать твоя.“

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.

„Батюшка пріѣхалъ!“
Мальчуганъ сказалъ.

И вскочилъ съ постели,
Щечки ярче розъ.

„Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!..“

— Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!—
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...

И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогъ съ шапки
Иней отряхнулъ,

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка,
— Въ полѣ слѣду нѣтъ!

— Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.—

„А мой мужъ?“ спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣ снѣга
Сдѣлалась она.

— Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,

И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.—

Вѣсть, какъ громъ, упала...
И, едва жива,
5 Перевестъ дыханья
Не могла вдова.

Опустивъ ручки,
Сынъ дрожалъ, какъ листь...
10 За стѣной избушки
Былъ и плачъ, и свистъ...

„Вишь, какая притча!“
Разсуждалъ мужикъ:
„Вѣрно, я не впору
15 Развязалъ языкъ.

„А, вѣдь, жалко бабу,
Что и говорить!
20 Скоро ей придется
По міру ходить.“

— „Полно горевать-то“,
Онъ вдовѣ сказалъ:
— „Стало, неча дѣлать,
25 Богъ, знать, наказалъ!

— „Ну, прощай покуда,
Мнѣ домой пора;
30 Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.

— „Да!.. вѣдь, эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
35 Крестъ велѣлъ отдать.

— „Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,

Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

„Вотъ благословенье
Сыну моему;
Пусть не забываетъ
Мать, скажи ему.“

5

— А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По-смерть твое имя,
Бѣдный, онъ твердилъ. —

10

XCV.

Купецъ на пчельникѣ.

Межъ ульевъ, къ лѣску примыкая густому,
Подъ тѣнью гибкихъ березъ и ракичь,
Недавно покрытая новой соломой,
Изба одинокая въ полѣ стоитъ.
Вкругъ ульевъ ветловый плетень. За избою
На толстыхъ столбахъ обветшалый навѣсъ;
Правѣе ворота съ одной вереею,
А далѣе поле, дорога и лѣсъ.
И какъ хорошо это поле! Вотъ гречка
Межъ рожью высокой и спѣлымъ овсомъ
Блѣнется ярко, что млечная рѣчка;
Вотъ стелется просо зеленымъ ковромъ,
Склоняясь къ почвѣ густыми кистями;
Съ нимъ рядомъ желтѣетъ овесъ золотой,
Красиво качая своими кудрями;
А воздухъ струится прозрачной волной,
И солнце такъ ярко, привѣтно сіяетъ!
Вонъ коршунъ лукавый надъ рожью плыветъ,
Вдали колокольчикъ звенить, замираетъ,
И мнѣ насѣкомыхъ немолчно поетъ.

15

20

25

30

Близъ пчельника, въ полѣ, подь тѣню ракиты,
Съ купцомъ и сватами пчелинецъ сидитъ,
Широкая лысина шляпой покрыта,
Глаза его мутны, лицо все горитъ;
5 Лежать на щекахъ загорѣлыхъ морщины,
И просѣдь бѣлѣетъ въ его волосахъ,
Рубашка на немъ изъ крученой холстины,
А ноги въ онучахъ и новыхъ лаптяхъ.
Съ нимъ рядомъ бесѣдуютъ три его свата:
10 До плечъ изъ-подъ шапокъ ихъ кудри висятъ,
Всѣ въ синихъ рубахахъ, на шапкахъ заплаты,
Всѣ пылью покрыты съ лица и до пятъ.
Предъ ними, на бѣлой разостланной тряпкѣ,
Ведро деревянное съ квасомъ стоитъ,
15 Желтѣется медъ въ неокрашенной чашкѣ,
И чернаго хлѣба краюха лежитъ.
Напротивъ пчелинца, въ поддевокѣ суконной,
Въ жилетѣ и въ плисовыхъ черныхъ штанахъ,
Купецъ темнорусый на травкѣ зеленой
20 Сидитъ, подбоченясь, съ бутылкой въ рукахъ.
Подалѣе, въ кичкѣ, въ цвѣтномъ сарафанѣ,
Невѣстка пчелинца, нагнувшись, стоитъ
И съ саломъ свинымъ, на чугунномъ таганѣ,
Яичницу въ глиняной чашкѣ варитъ.
25 Лѣвѣй, по дорогѣ, близъ ивы тѣнистой,
Двѣ лошади подлѣ повозокъ стоятъ,
И два медолома во ржи золотистой,
Позавтракавъ, трубки лѣниво курятъ.
Безоблачно небо; безлюдно все поле;
30 Лишь пчелы жужжатъ, не смолкая, кругомъ,
Да громко, подь тѣню ракитъ, на просторѣ,
Ведутъ мужички свои рѣчи съ купцомъ.

1-й сватъ.

Нѣтъ, ты ужь на свата, купецъ, положися:
Вѣдь, онъ не захочетъ душою кривить;
35 Давай-ка задатокъ да Богу молися,
Товаръ—тоже золото, можно купить.

Пчелинецъ.

Не знаю я, сватушка, хитрыхъ уловокъ;
 Да мой и родитель-то былъ не таковъ.
 Ты видишь, что за десять лучшихъ колодокъ
 Всего-то я выпросилъ триста рубливъ.

Купецъ.

Эхъ, скупъ ты, Кудимычъ! грѣшишь противъ
 Бога! 5
 Знать, вздумалъ на старости въ кладъ соби-
 рать.
 И двадцать цѣлковыхъ, по моему, много:
 Вѣдь, было бъ и мнѣ изъ чего хлопотать.

2-й сватъ.

Вѣстимо, гдѣ польза, легка и работа,
 Я помню говаривалъ кумъ мой Сысой: 10
 Родись только просо, косить не забота,
 Семья будетъ съ кашей, хозяинъ съ казной.

Пчелинецъ.

Да, сватушка, любо на свѣтѣ съ казною.
 А я вотъ на старости лѣтъ обѣднѣлъ;
 Лишился дѣтишекъ, да вотъ и съ женою 15
 Жить вмѣстѣ недолго Господь мнѣ велѣлъ.
 Невѣстка, ты знаешь, зимой овдовѣла;
 Самъ старъ: и пахать, и косить ужъ не въ
 мочь;
 Тутъ горе—избушка недавно сгорѣла;
 Одна мнѣ утѣха осталася—дочь. 20
 Господь дастъ, голубушку къ мѣсту пристрою
 (А ей наступилъ девятнадцатый годъ),
 Тогда и глаза я покойно закрою.
 Да денегъ-то нѣтъ: вся надѣжа на медь.

Купецъ.

Э, полно грустить-то... А лучше, Кудимычъ, 25
 Давай-ка вотъ выпьемъ по чаркѣ одной!

Пчелинецъ.

Спасибо, родимый мой, Яковъ Данилычъ!
Премного доволенъ, спасибо, родной!

Купецъ.

Да кушай, дружище! Зачѣмъ тутъ считается?
Сторгуемся,—ладно, а нѣтъ—не порокъ;
Мнѣ стыдно отказомъ твоимъ обижаться:
Я знаю тебя ужъ не первый годокъ.

Пчелинецъ.

Да какъ же! Еще твой родитель покойный
Лѣтъ двадцать со мной по-пріятельски жилъ.
Вотъ былъ человекъ-то! Ужъ этакой скромный!
А какъ онъ моихъ ребятишекъ любилъ!
За то, коли бабы порой посмѣются
И скажутъ, бывало: „вонъ ѣдетъ купецъ!“
Ребята мои его ждуть, не дождутся,
Глядятъ на дорогу,—и играмъ конецъ.
Душа былъ покойникъ!.. Повѣришь, бывало,
Полсотни колодокъ онъ купить съ двухъ словъ.

Купецъ.

Я самъ не охотникъ болтать, что попало,
Да что жъ, вѣдь, десятокъ не триста жъ руб-
левъ?

Пчелинецъ.

Ну, двадцать пять сбавлю: оно дешевенько,
Да надо тебѣ дать копейку нажить!

Купецъ.

Спасибо, Кудимычъ. Испей-ка маленько!
Успѣемъ поладить: куда намъ спѣшить.

Пчелинецъ.

Я выпью; гляди только, Яковъ Данилычъ,
Чтобъ дѣло покончить по совѣсти намъ.

Купецъ.

По совѣсти кончимъ. Ну, кушай, Кудимычъ!
Покамѣсть, я, кстати, налью и сватамъ.

2-й сватъ.

Вотъ добрый купецъ-атъ! Вишь, какъ уго-
щаетъ!

Люблю за обычай!.. А что, сватъ Иванъ,
Мнѣ кажется, день померкать начинается,
И по полю ходитъ какой-то туманъ?

3-й сватъ.

Въ глазахъ, вѣрно, сватъ, у тебя потем-
нѣло:

На полѣ идетъ все своимъ чередомъ.
Туманъ, или ясно,—неважное дѣло...
Вотъ пчельникъ-то ходитъ немного кругомъ.

Купецъ.

Послушай, Пахомовна, что тамъ хлопчешь?
Поди-ко сюда, побесѣдуй со мной;
Ты, видно, меня и привѣтить не хочешь,
Какъ будто мы вовсе чужіе съ тобой.

Пахомовна.

И, что ты! коли я тебя забывала?
Хозяйкѣ грѣшно про гостей забывать.
Я все за яичницей тамъ хлопотала:
Дрова-то сырыя, совсѣмъ не горятъ.

Купецъ.

Небось, загорятся: закуска не къ сроку,
Ты на-ка вотъ чарочку выпей пока;
А я, вѣдь, тебѣ приготовилъ обновку,—
Кусокъ миткалю и два красныхъ платка.
Смотри же, какъ съ свекромъ-то ладить я
буду,
Такъ ты, молодлица, меня поддержи;

А я и въ другой разъ тебя не забуду;
Теперь лишь попрежнему мнѣ послужи.

Поморщившись, баба стаканъ осушила
И вытерла губы слегка рукавомъ,
5 Намазала меду на хлѣбъ, закусила
И бойко промолвила свекру потомъ:
„Зачѣмъ у васъ, батюшко, дѣло-то стало?
Уважь, коли можно, купецъ-атъ хорошъ;
Иной нападеть, вѣдь, такой тряпыхало,
10 Пожалуй, и денегъ гроша не возьмешь.
Вотъ прошлое лѣто, у свата Степана,
Какой-то прїѣзжій его подпоилъ,
А послѣ, мошенникъ, надѣлалъ изъяну
И къ вечеру слѣдъ его въ полѣ простыль.“
15 — Ты сущую правду сказала про свата, —
Поднявшись, пчелинецъ съ трудомъ бормоталъ:
— Купцы надувають, вѣдь, нашего брата,
Я самъ этотъ грѣхъ на себѣ испыталъ.
Ну, слушай-же, Яковъ Данилычъ! Вотъ ви-
дишь,
20 Признаться, ей-Богу въ умѣ не было,
За то, что въ расчетъ меня не обидишь,
Долой семь цѣлковыхъ! куда что ни шло!—
„Нѣтъ, такъ не придется. Я радъ бы душою,
Да слишкомъ, любезный, цѣна высока,
25 Ты, видно, не хочешь поладить со мною,
А ждешь себѣ въ гости купца-кулака!
Что жъ? — Вольному воля; пожалуй, какъ зна-
ешь,
Но только такого, какъ я, не найдешь:
Съ меня ты червонцы всегда получаешь,
30 Съ другого и лыками всѣхъ не возьмешь“.
Пахомовна ложки межъ тѣмъ разложила,
Холоднаго квасу въ ведро подлила,
Поближе гостей всѣхъ присѣсть пригласила
И въ чашкѣ яичницу имъ подала.
35 И, весело гуторя, около чашки

Сваты и пчелинецъ усѣлись въ кружокъ;
 Разгладили бороды, скинули шапки
 И каждый взялъ ложку и хлѣба кусокъ.
 И дружно обѣдъ свой они продолжали;
 Но хмельный пчелинецъ не ѣлъ и молчалъ: 5
 Глаза старика черезъ силу моргали
 И носъ его въ воздухъ что-то клевалъ.
 Купецъ и Пахомовна рядомъ сидѣли,
 И глазъ не сводилъ съ нея ловкѣй сосѣдъ,
 И щеки молодки румянцемъ горѣли... 10
 Вотъ медомъ окончился сытный обѣдъ.
 „Спасибо за хлѣбъ-соль и ласку, Кудимычъ“,
 Сваты говорили и силились встать:
 „Спасибо тебѣ тоже, Яковъ Данилычъ,
 Довольны, родимый: ужъ неча сказать!“ 15
 — Не стоитъ, сваточки: вы вовсе не ѣли,—
 Сватамъ, спотыкаясь, пчелинецъ сказалъ:
 — А чтобы одну вы мнѣ пѣсенку спѣли?
 Я пѣсень, признаться, давно не слыжалъ!—
 „Ну, чтоже, Кудимычъ, какъ будемъ мы ладить?“ 20
 Платкомъ утираясь, промолвилъ купецъ:
 „Нельзя ли съ цѣны твоей что-нибудь сбавить!“
 Скажи покороче, — и дѣлу конецъ“.
 — Да вотъ что, кормилецъ, я сбавлю не-
 много:
 Ты хочешь мнѣ двѣсти и двадцать отдать? 25
 Не то, — такъ ступай себѣ... вонъ и дорога!
 Я больше не стану съ тобой толковать. —
 „Сто двадцать!... упрямя ты маленько, Ку-
 димычъ!“
 Какъ будто обидясь, купецъ повторилъ.
 — Сто двадцать! Сто двадцать! какъ знаешь,
 Данилычъ! 30
 Ни гроша не сбавлю, — и такъ уступилъ —
 „Ну, вѣрно, часъ добрый! помолимся Богу!
 Куплю хоть въ убытокъ на зло кулакамъ...“
 И, синій картузь приподнявши немного,

Съ пчелинцемъ ударилъ купецъ по рукамъ.
„Да только, братъ, вотъ что: вѣдь, я поку-
паю

На Божію волю, на милость твою,
И если я улы плохіе сломаю,
5 Поправь, ради дружбы, ошибку мою“.

— Не бойся, родимый, обиды не будетъ...
Родитель мой посмерть всегда говорилъ:
Будь честенъ, Ванюшка, Господь не забудетъ,
10 Гляди, чтобы ты никого не забылъ. —

„Давайте, ребята, проворнѣй кадушку!“
Работниковъ кликнувъ, купецъ имъ сказалъ:

„Да кстати сейчасъ же зажгите курушку
И вмѣстѣ съ ножемъ не забудьте рѣзецъ;
Теперь ужъ позволь намъ, хозяинъ, за дѣло,
15 И тотчасъ ребята работу начнуть“.

— Чась добрый, чась добрый! работайте
смѣло!

Пускай себѣ съ Богомъ на пчельникъ идутъ. —

И вотъ медоломы къ труду приступили.

Купецъ мужичковъ продолжалъ угощать,

20 И вновь даровое вино они пили,

И стали съ покупкой купца поздравлять.

Но праздникъ былъ полный для свата Ивана:

Смекнувъ, что безъ дѣла сидѣть не рука,

Досталъ онъ жилейку свою изъ кармана

25 И, кашлянувъ, началъ играть трепака.

Не долго Пахомовна смирно сидѣла, —

Ей сватова пѣсня знакома была, —

Въ красавицѣ-бабѣ вся кровь закипѣла,

И, вставши, плясать она бойко пошла;

30 И крѣпко подъ тактъ застучала котами,

Рукой подбоченяся, грудью впередъ,

И тихо вокругъ поводила глазами,

И градомъ катился съ лица ея потъ.

„Спасибо, невѣстка! воскликнулъ Кудимычъ:

35 Всему свое время — гулять, такъ гулять!...

Какъ думаешь, батюшка, Яковъ Данилычъ,

Такого намъ праздника долго, вѣдь, ждать?“
 — Катай! и моя не щербата копейка! —
 Вскочивъ и шатаясь, сватъ Карпъ закричалъ:
 — Ну что жъ ты тамъ дремлешь съ своею жи-
 лейкой?

Играй веселѣе, коли заигралъ!— 5
 И, свистнувъ, онъ крѣпко притопнулъ ногами,
 Хватилъ оземь шапку, подперся въ бока,
 Тряхнулъ молодецки густыми кудрями, —
 И началъ въ присядку плясать трепака.
 И долго со звукомъ жилейки сливался 10
 И свистъ его звонкій, и стукъ сапоговъ...
 На пляску съ улыбкой купецъ любовался
 И думалъ: „ну, разъ я надулъ мужичковъ,
 Не дурно бъ теперь и въ другой постараться.“
 Межъ тѣмъ подошелъ ужъ одинъ медоломъ... 15
 „Ну что, братъ: успѣли ли съ медомъ у-
 раться?“

Хозяинъ работнику молвилъ тишкомъ.
 — Вотъ, есть о чемъ думать! вѣдь, намъ не
 учиться!

Ну, польза, хозяинъ, отъ меду придетъ:
 Полтиною можно на рубль поживиться; 20
 Всѣ ульи на выборъ... отличнѣйшій сортъ!—
 „Ступай же, тамъ все убери хорошенько;
 Мы скоро поѣдемъ“, — купецъ отвѣчалъ.
 „Ну, что, другъ Кудимычъ! Вѣдь дѣло пло-
 хенько:

Ты медомъ-то крѣпко меня наказалъ! 25
 Не дай ужъ въ обиду, — прибавь двѣ колодки...
 Такая досада! и самъ я не свой!“
 — Охъ, нѣтъ ли, родимый, какой тутъ улов-
 ки?—

Кудимычъ сказалъ, покачавъ головой.
 „Какой же уловки?.. Я развѣ мошенникъ? 30
 Ты, стало быть, хочешь меня обижать?“
 — Ей-Богу, не думалъ!... пойдѣмъ-ка на пчель-
 никъ:

Колодку сверхъ счета не шутка отдать. —
Купецъ говорилъ, что одной маловато,
Но твердо пчелинецъ стоялъ на своемъ,
И тутъ же сослался на перваго свата,
Промолвивъ: „мы знаемъ, вѣдь, дѣло-то въ
5 чемъ!“

Насилу упрямый купецъ согласился,
Пчелинцу сто двадцать рублей отсчиталъ,
И честью своей передъ нимъ похвалился,
И шляпу въ подарокъ ему обѣщаль.
И, вотъ, всѣ на пчельникъ отправились
10 вмѣстѣ.

Пахомовна въ тряпку посуду взяла,
И только на прежнемъ, оставленномъ мѣстѣ
Дымился огонь, и бѣлѣла зола.

Толкая другъ друга, махая руками,
15 Сваты охмелѣвшіе медленно шли,
И пыль загребали съ дороги ногами,
И подъ руки свата-пчелинца вели.

„Ну, вотъ когда вдоволь мы всѣ погуляли!“
Сватамъ съ разстановкой старикъ говорилъ:
20 „Вишь, дѣло какое... и медъ мы продали,
И шляпу мнѣ добрый купецъ посулилъ,
Вотъ праздникъ-то Богъ далъ!.. Теперь я съ
казною.

Еще десять ульевъ послѣднихъ продамъ;
25 Построю избушку... и дочку зимою
За парня хорошаго замужъ отдамъ...
Постойте... постойте... вѣдь, я и забылся...
Эхъ, то-то, вѣдь старому пить не рука!
Я, кажется, съ вами за что-то бранился,
Простите, родные, меня старика!“

30 — Да что ты, Кудимычъ!—сваты отвѣчали:
— Не грѣхъ ли объ этомъ тебѣ говорить?
Коли отъ тебя мы обиду видали?
Намъ по-вѣкъ, родимый, тебя не забыть.—
Свать Карпъ, головою кудрявой качая,
35 И, старую шапку назадъ заломивъ,

Съ открытою грудью шель, пѣснь напѣвая,
 Широкою руку къ щекѣ приложивъ:
 „Эхъ, воля моя, молодецкая воля!
 Не надолго, вѣрно, была ты дана:
 Сгубила тебя горемычная доля, 5
 На вѣкъ погубила злодѣйка-жена!
 Какъ вспомнишь ту волю, — слеза навернется,
 И съ горя бѣ на свѣтъ, на людей не глядѣлъ!
 Да видно, живи, молодецъ, какъ живется,
 Когда свое счастье беречь не умѣлъ!“ 10
 И долго сваты на дорогѣ шумѣли...
 Но силы остатокъ имъ сталъ измѣнять:
 Ихъ очи безъ цѣли и мысли глядѣли,
 И рѣчи ихъ трудно ужъ было понять.
 До пчельника кой-какъ съ трудомъ дотащив-
15
 шись,
 Межъ ульевъ бродили они съ полчаса,
 И всѣ, наконецъ, на траву повалившись,
 Въ тяжелой дремотѣ закрыли глаза.
 И все приутихло... Одинъ лишь Кудимычъ
 Порою, невнятно, сквозь сонъ бормоталъ: 20
 „Сто двадцать... сто двадцать... какъ знаешь,
 Данилычъ!
 Ни гроша не сбавлю... Я сразу сказалъ.“
 Садилось солнце. Волнистыя нивы
 Горѣли румянцемъ; весь западъ пылалъ.
 Чуть слышно шептали зеленыя ивы; 25
 Вечерней прохладою воздухъ дышалъ.
 Очистивши улей, подарокъ пчелинца,
 Купецъ отдалъ бабѣ миткаль и платки,
 Примолвивъ: „Ну, вотъ тебѣ вдругъ три го-
30
 стинца!
 Носи, не жалѣй, съ моей легкой руки;
 У тебя, вѣдь, обновокъ, я думаю, мало?“
 — Охъ, мало, касатикъ! откуда ихъ взять?
 Намъ, послѣ пожара, какъ лѣто настало,
 И хлѣбъ-то пришлось у людей занимать!
 Теперь хоть отъ меду копейка собьется, — 35

Старикъ не минуетъ избушку купить;
 А дочь-то опять жениха не дождется...
 Да плохо, кормилецъ мой, стало намъ жить!
 Я думаю въ городъ... въ кухарки наняться...
 5 Не то похоронимъ, глядишь, старика,
 Дочь станеть въ селѣ безъ пріюта шататься,
 И я-то останусь тогда безъ куска... —
 „Эхъ, жаль“, купецъ думаль: „дѣла въ беспо-
 рядкѣ...”

Въ другой разъ тутъ нечего будетъ купить.
 10 Ну, если бъ я зналъ, что пчелинецъ въ упадкѣ,—
 Мнѣ въ мутной водѣ рыбу легче бъ ловить...“
 Межъ тѣмъ ужъ коней запрягли медоломы;
 Купецъ сѣлъ въ повозку, картузь приподнялъ,
 Слегка поклонился молодкѣ знакомой
 15 И тронуть своихъ лошадей приказаль.
 И лошади крупною рысью пустились,
 На уздахъ раздался бубенчиковъ звукъ,
 И спицы тяжелыхъ колесъ закружились,
 И пыль за повозками встала вокругъ...
 20 Вотъ кони, исчезнувъ за пылью густою,
 Еще на горѣ показались разъ,
 Свернули налѣво и вдругъ, за горою,
 Въ глубокой лощинѣ пропали изъ глазъ.
 1854.

 ХСVI.

Неудачная присуха.

Ударъ за ударомъ,
 25 Полуночный громъ,
 Полнеба пожаромъ
 Горить надъ селомъ.
 И дождь поливаетъ,
 И буря шумить,
 30 Избушку шатаетъ,
 Въ оконце стучить.

Ночникъ одиноко
 Въ избушкѣ горить;
 На лавкѣ широкой
 Кудесникъ сидить.

Сидить онъ, колдуетъ
 Надъ чашкой съ водой,
 То на воду дуетъ,
 То шепчетъ порой.

На лбу бороздами
 Морщины лежатъ,
 Глаза подъ бровями,
 Какъ угли, горять.

У притолки парень
 Въ халатѣ стоитъ:
 Онъ, бѣдный, печалень
 И въ землю глядитъ.

Лицо некрасиво,
 На видъ простоватъ,
 Но сложенъ на диво
 Отъ плечъ и до пятъ.

„Ну слушай: готово!
 Хоть трудъ мой великъ“, —
 Промолвилъ сурово
 Кудесникъ-старикъ:

„Я сдѣлаю дѣло:
 Красотка твоя
 И душу и тѣло
 Отдастъ за тебя!

„Ты самъ ужъ, вѣстимо,
 Зѣвать — не зѣвай:
 Безъ ласки ей мимо
 Пройти не давай...

„Спасибо, кормилецъ!
За все заплачу;
Поможешь, — гостинѣць
Съ поклономъ вручу.

5 „Крупы, коли скажешь,
Мѣшокъ нипочемъ!
А денегъ прикажешь, —
И деньги найдемъ.“

10 И съ радости дома
Такъ парень мой спалъ,
Что бури и грома
Всю ночь не слыхалъ.

15 Пять дней пролетѣло...
Вотъ разъ вечеркомъ
На лавкѣ безъ дѣла
Лежить онъ ничкомъ,

20 На крѣпкія руки
Припавъ головой,
Колотить отъ скуки
Объ лавку ногой.

И вдругъ повернулся,
Плечо почесалъ,
Зѣвнулъ, потянулся
И громко сказалъ:

25 „Слышь, матушка! бають,
У насъ въ деревняхъ,
Вишь, доки бьвають, —
И вѣрить-то страхъ!

30 „Кого, вишь, присушать,
Немилъ станеть свѣтъ:
Тоска такъ и душить!..
Что — правда, аль нѣтъ?“

— Бываютъ, вѣстимо,—
 Отвѣтила мать:
 Не дай Богъ, родимый,
 Ихъ видѣть и знать!..—

„Ну, правда, такъ ладно!
 Сынъ думаль: дождусь!..
 Эхъ, жить буду славно,
 Коли я женюсь!..“

5

Но, видно, напрасно
 Кудесникъ шепталъ
 И дѣвицъ красной
 Тоской угрожалъ:

10

Другого красотка
 Любила тайкомъ
 За пѣсни, походку
 И кудри кольцомъ...

15

А парень гуляетъ:
 Какъ праздникъ придетъ,
 Лицо умываетъ
 И гребень беретъ,

20

И кудри направо,
 Налѣво завьетъ,
 Подумаетъ: „браво!“
 И пальцемъ щелкнетъ.

Какъ снѣгъ въ чистомъ полѣ,
 Рубашка на немъ,
 Кумачъ на подолѣ
 Краснѣетъ огнемъ.

25

На шляпѣ высокой,
 Межъ плисовыхъ лентъ,
 Горитъ одиноко
 Витой позументъ.

30

Онучи обвиты
Кругомъ бичевой,
И лапти прошиты
Суровой пенькой.

5 Тряхнеть волосами,
Идетъ въ хороводъ.
„Ну, вотъ, дескать, нами
Любуйся народъ!“

10 Какъ встрѣтился съ милой, —
Ни словъ, ни рѣчей;
Что въ памяти было, —
Забылъ, хоть убей!

15 Вдругъ правда случайно
До парня дошла:
Ужъ дѣвкина тайна
Не тайной была...

20 Вся кровь закипѣла
Въ бѣднягѣ... „Такъ вотъ,
Онъ думалъ, въ чемъ дѣло!
Кудесникъ-ать вретъ.“

„Не грѣхъ ему палкой
Бока обломать,
Обманщику,... жалко
Мнѣ руки марать!“

25 И два дни, угрюмый,
Убитый тоской,
Все думалъ онъ думу
Въ избушкѣ родной.

30 На третій, —лишь только
Отправилась мать
На рѣчку въ ведерко
Водицы набрать; —

Съ гвоздя торопливо
Котомку онъ снялъ,
„Пойду, молъ!..“ и живо
Ремни развязалъ.

Въ тряпицѣ рубашку
Въ нее положилъ
И съ ложкою чашку
Туда жъ опустилъ.

Халать для дороги,
Про непогодъ, взялъ...
Мать входитъ, онъ въ ноги
Ей палъ и сказалъ:

„Ну, мамушка, горько,
Признаться, иди
Съ родимой сторонки...
А видно, прости!“

Мать такъ и завывла:
— Касатикъ ты мой!
Ахъ, крестная сила!
Что это съ тобой?—

„Да что тутъ мнѣ биться,
Какъ рыбъ объ ледъ!
Пойду потрудиться,
Что Богъ ни пошлетъ.“

„И тутъ жиль трудами,
Талана, вишь, нѣтъ...“
Старушка руками
Всплеснула въ отвѣтъ:

— Да какъ же подъ старость
Мнѣ жить-то одной?
Вѣдь, ты—моя радость,
Кормилецъ родной!—

И къ сыну припала
На грудь головой,
И все повторяла:
— Кормилецъ родной!—

5
Сынъ крѣпко рукою
Хватилъ себя въ лобъ
И думалъ съ собою:
„Прямой остолопъ!“

10
„Ну, вотъ тебѣ здравствуй!..
Наладилось мнѣ:
Иди, малый! царствуй
Въ чужой сторонѣ!

15
„А, стало, старушкѣ
Одной пропадать:
Казны-то полушки
Ей негдѣ достать.“

20
И парень украдкой
Лицо отвернулъ
И старую шапку
На лавку швырнулъ.

25
„Ну, полно, родная!
Я въ шутку... пройдетъ...
Все доля дурная...
Наука впередъ!“

30
Румяное солнце
Къ полямъ подошло,
Въ избушкѣ оконце
Огнемъ залило.

35
Румянить, золотить
Лѣсокъ въ сторонѣ.
Мой парень молотить
Овесъ на гумнѣ.

Тяжелыя муки
 Въ душѣ улеглись:
 Могучія руки
 За трудъ принялись.

Цѣпь такъ и летаетъ,
 Какъ молнія, жжетъ,
 На снопъ упадаетъ,
 По колосу бьетъ.

Богъ помочь дѣтина!
 Давно бѣ такъ пора!...
 Долой ты, кручина,
 Долой со двора!

1854.

ХСVII.

Бурлакъ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
 Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
 Нѣтъ, послушай-ка ты, что вотъ я испыталъ,
 Такъ узнаешь о жизни тяжелой! 15
 Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
 Я остался одинъ сиротою;
 Дочь сосѣда любила меня, молодца.
 Я женился, — и зажилъ съ женою! 20
 Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла;
 Дай Богъ царство небесное бѣдной!
 Ужъ такая-то, братецъ, хозяйка была, —
 Дорожила полушкою мѣдной.
 Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ 25
 И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;
 Пѣтухи пропоютъ, ну, тогда отдохнетъ
 И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ, —
 Ужъ она на ногахъ: поглядишь, — побѣжитъ
 И овцамъ, и коровамъ дастъ корму, 30

Печь истопить, — и снова за прялкой сидить,
Или что прибираетъ по дому.

Лѣтомъ рожь станеть жать, иль снопы пода-
вать

Съ земли на возъ, — и горя ей мало.

5 Я, бывало, скажу: „не пора ль отдыхать?“

— Ничего, говорить, не устала. —

Иногда ей случится обновку купить

Для утѣхи, такъ скажетъ: „напрасно!

10 Мы безъ этого будемъ другъ-друга любить,

Что ты тратишься, соколъ мой ясный!“

Какъ въ раю съ нею жилъ!.. Да не намъ, вѣрно,
знать,

Гдѣ и какъ насъ кручина застанеть!

Улеглася жена въ землю на-вѣки спать...

Вспомнишь, — жизнь не мила тебѣ станеть!

15 Вся надѣжа была, — словно вылитый въ мать,

Темнорусый красавецъ сынишка.

По складамъ ужъ псалтырь было началъ чи-
тать...

Думалъ: „выйдетъ, молъ, въ люди мальчишка!“

Да не то ему Богъ на роду написалъ:

20 Заболѣлъ отъ чего-то весною, —

Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ,

И поилъ наговорной водою,

Обѣщался рублевую свѣчку купить,

Предъ иконою въ церкви поставить, —

25 Не услышалъ Господь... и пришлось положить

Сына въ гробъ, на кладбище отправить...

Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!

Опустились совсѣмъ мои руки.

Стали хлѣбъ убирать, — въ полѣ пѣсни, огни,

30 А я сохну отъ горя и скуки!

Снѣга перваго ждалъ: я продамъ, молъ, вотъ
рожь,

Справлю сани, извозничать буду, —

Вдругъ, — бѣда за бѣдой, — на скотину падежъ...

Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду!

Кой-какъ зиму провелъ; вижу — честь мнѣ
не та:

То на сходкѣ иной посмѣется:

„Дескать, всякая вотъ что ни есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!“

То бранять за глаза: „не съ его де умомъ 5
Жить въ нуждѣ: видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по-нашему такъ: коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!“

Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ;

Видно, Богъ свою помочь мнѣ подаль! 10

Запросилась душа на широкій просторъ...

Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ

И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску

Волги-матушки синія волны!..

Коли отдыхъ придетъ, — на крутомъ бережку 15

Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,

Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,

Тѣ подхватятъ, — и въ мигъ встрепенешься,

Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,

Слезы сдержишь, — и самъ тутъ зальешься! 20

Непогода ль случится и вдругъ посѣтитъ

Мою душу забытое горе, —

Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣ-
жить

И про волю поетъ на просторѣ;

Ретивое забьется, и вспыхнешь огнемъ; 25

Осень, холодъ, — не надобна шуба!

Сядешь въ лодку, — гуляй! размахнешься вес-
ломъ,

Силой съ бурей помѣряться любо!

И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...

Крикнешь: „ну, теперь Божія воля! 30

Коли жить, — будемъ жить, умереть, — такъ
умремъ!“

И въ душѣ словно не было горя!

ХСVIII.

Старый мельникъ.

Отдыхай, старикъ,
Думу думая;
Замолчала - спить
Твоя мельница.

5

Убыла вода
Подъ колесами,
Не шумить ручей
За плотиною.

10

Рано кончилъ онъ
Молодой разгулъ,
Погубилъ, прожилъ
Силу юную.

15

И текутъ его
Слезы каплями,
По сырой землѣ
Тихо точатся.

20

Было времячко,
Пѣлъ онъ весело,
Разсыпалъ кругомъ
Брызги-золото,

25

Серебромъ кипѣлъ
Подъ колесами,
Поднималъ ключомъ
Пѣну бѣлую.

И сіялъ, горѣлъ
Противъ солнышка
Цвѣтной радугой
Огнемъ - искрами,

Изъ живой волны
Въ полночь тихую
Высыпаль на свѣтъ
Дивы чудныя;

Запоютъ онѣ
И заплещутся,
Закипитъ вокругъ
Вода жемчугомъ,

5

Великанъ старикъ
Подъ березою
Весь, какъ лунь, сѣдой
Имъ откликнется...

10

И стоишь, дрожишь,
Пѣсни слушаешь,
Инда волосы
Встаютъ иглами...

15

Чуть зажгла заря
Небо синее, —
Мужички тащатъ
Хлѣбъ на мельницу.

20

Вмигъ заставки всѣ
Дружно выдвинешь, —
Жернова начнутъ
Свою музыку.

И на камни рожь
Тихимъ дождикомъ
Изъ ковшей идетъ,
Въ муку мелется.

25

Только гуль стоитъ
Вокругъ мельницы,
Ходить ходенемъ
Поль бревенчатый,

30

И бѣжитъ на шумъ
Рыбка смѣлая,
Стоитъ бредень взять —
Будешь съ ужиномъ.

5 Отдохнуть прилежъ,—
Спишь подъ музыку,
Въ богатырскомъ снѣ
Видишь праздники.

10 Къ мужику пришелъ,—
Мѣсто первое,
Что ни годъ, кафтанъ
Новый на плечи.

15 Отвезешь вина,
Пшена знахарю,—
И копишь добро
Припѣваючи...

20 Не тужи, старикъ!
Было пожито.
Хоть не сынъ, такъ внукъ
Вспомнить дѣдушку!

Есть на черный день
Въ сундукъ казна,
Въ крѣпкомъ закромѣ
Хлѣбъ некупленный.

1854—VIII—11.

XCIX.

25 Подлѣ рѣки одиноко стою я подъ тѣнью
ракиты;
Свѣтъ ослѣпительный солнца скользитъ по ши-
рокимъ уступамъ
Горъ мѣловыхъ, будто снѣгомъ नेताющимъ
плотно покрытыхъ;

Въ зелени яркой садовъ, подъ горою, бѣлѣются
 хаты;
 Бродятъ лѣнливо вдоль луга стада, — и по пыль-
 ной дорогѣ
 Тянется длинный обозъ; подгоняя воловъ уто-
 мленныхъ,
 Тихо идутъ чумаки, и одинъ черномазый хох-
 ленокъ
 Спитъ крѣпкимъ сномъ на возу, беззаботно
 раскинувши руки. 5
 Но поглядите налѣво: о, Боже, какая картина!
 Влага прозрачная, кажется, дышитъ, разли-
 шись широко!
 Синее небо и бѣлыя тихо плывущія тучки,
 Берега желтый песокъ, неподвижнаго лѣса вер-
 шины,
 Тонкій пушистый камышъ и рыбакъ, опускаю-
 щій сѣти, — 10
 Все отразилось въ стеклѣ этой влаги такъ
 живо и ясно,
 Такъ сохранило всю чудную прелесть и тѣни,
 и свѣта,
 Что вдохновенный художникъ съ своею вол-
 шебною кистью,
 Смѣлый поэтъ съ своимъ словомъ послушнымъ,
 сознали бѣ здѣсь оба
 Жалкую бѣдность искусства предъ жизнію вѣч-
 ной природы. 15
 Съ перваго взгляда все кажется просто, но
 сколько тутъ силы,
 Жизни, величія, новыхъ предметовъ для пѣсенъ
 и думы!
 Слышишь ли эти немолчные звуки серебряной
 влаги?
 Что она хочетъ сказать? не разгула ли просить
 и воли?
 Иль на своемъ языкѣ непонятномъ и годы, и
 вѣки 20

Вторить свободно торжественный гимнъ вездѣ-
 сущему Богу?
 Есть ли таинственный смыслъ въ этомъ говорѣ
 вѣтра съ листьями?
 Я ли одинъ созерцаю присутствіе Бога въ тво-
 реньи,
 Иль надо мною здѣсь духи витають незримой
 толпою,
 Жизнью, мнѣ незнакомой, живутъ и доступенъ
 имъ лучшій,
 Полный прекраснаго, міръ съ его тайнами, си-
 лой и славой?
 Видно, не чуждъ онъ и мнѣ: будто что-то род-
 ное я слышу
 Въ шопотъ вѣтра съ травой и въ говорѣ волнъ
 подъ ногами.
 Вижу на каждомъ шагу своемъ тайны; но
 сладко мнѣ думать:
 Въ царствѣ природы не лишній я гость съ
 моей думой и пѣсней.

1854—VIII—12.

С.

Лѣсникъ и его внукъ.

„Дѣдушка, дѣдушка! Вотъ я чудесь-то когда
 посмотрѣлся!
 Пѣсней наслышался всякихъ!.. и вспомню, такъ
 сердце забьется.
 Утромъ я сѣлъ на полянѣ подъ дубомъ и сталъ
 дожидаться,
 Скоро ли солнышко встанетъ. Въ лѣсу было
 тихо, такъ тихо,
 Словно все замерло... Вижу я, тучки на небѣ
 алѣютъ —
 Больше да больше,—и солнышко встало! Какъ
 будто пожаромъ

Лѣсъ освѣтило! Цвѣты на полянѣ, листы на
 деревьяхъ,
 Ожило все, засіяло... ну, точно смѣется сквозь
 слезы
 Божьей росы!.. Сквозь просѣку увидѣлъ я чи-
 стое поле:
 Яркимъ румянцемъ покрылось оно, а пары под-
 нимались
 Выше и выше, и золотомъ тучки отъ солнца
 горѣли.
 Богъ вѣсть, кто строилъ изъ тучекъ мосты,
 колокольни, хоромы,
 Горы какія-то съ мѣдными шапками... Диво и
 только!
 Глянулъ я вверхъ: надо мною на вѣткахъ была
 паутина,—
 Мнѣ показалось, серебряной сѣти я вижу узоры.
 Самъ-то паукъ длинноногій, какъ умный хо-
 зяинъ, поутру
 Вышелъ, работу свою осмотрѣлъ и двѣ ниточки
 новыхъ
 Бойко провелъ, да и скрылся подъ листикомъ,—
 вотъ ужъ лукавый!..
 Вдругъ на сухую березу сѣлъ дятель и носи-
 комъ длиннымъ
 Началъ стучать, будто вымолвить хочетъ: „про-
 снитесь, сони!“
 Слышу: малиновка гдѣ-то запѣла, за нею другая,
 И раздалися въ кустахъ голоса, будто празд-
 никъ великій
 Вольныя птички встрѣчали... такъ весело!...
 Вѣтеръ прохладный
 Что-то шепнулъ потихоньку осинѣ,—она встре-
 пенулась,
 Съ листьевъ посыпались свѣтлыя капли, какъ
 дождикъ, на травку;
 Вдругъ зашумѣли березы, орѣшникъ, и лепеть,
 и говоръ

По лѣсу всюду пошелъ, словно гости пришли
на бесѣду...“

— Охъ, ты, кудрявый шалунъ, наяву начи-
наешь ты грезить!

Вѣтеръ въ лѣсу зашумѣлъ — у него это чудо
большое.

Любишь ты сказки-то слушать и самъ ихъ раз-
сказывать мастеръ.

Вишь, вчера вечеромъ сѣлъ у ручья да гла-
зѣветъ на звѣзды,

Невидалъ точно какая! Кололъ бы ты лучше
лучину!

Что, и ручей, чай, вчера рассказалъ тебѣ но-
ваго много? —

„Какъ же, рассказывалъ, дѣдушка! Я любо-
вался сначала,

Какъ потухала заря, и на небѣ, одна за другою,
Звѣздочки стали выглядывать; мнѣ показалось

въ ту пору:

Ангеловъ свѣтлыя очи глядятъ къ намъ оттуда
на землю;

Видѣлъ я, какъ поднимался и мѣсяцъ надъ
лѣсомъ; не знаю.

Что онъ не смотритъ, какъ солнышко? все будто
думаетъ что-то.

Любо мнѣ было. Прилежъ я на травку подъ
ивой зеленой,—

Слышу, ручей говорить: „хорошо мнѣ журчатъ
въ темномъ лѣсѣ:

Въ полночь тутъ дивы приходятъ ко мнѣ, поютъ
пѣсни и пляшутъ;

Только раздолья здѣсь нѣтъ. Будетъ время, я
выйду на волю,

Выйду изъ темнаго лѣса, увижу я синее море;
Въ морѣ дворцы изъ стекла и сады съ золо-
тыми плодами;

Есть тамъ русалки, бѣлѣй молока ихъ откры-
тыя плечи;

Очи, какъ звѣзды, горять; въ волосахъ дорогіе
 каменя.
 Есть тамъ старикъ-чародѣй; разсылаетъ онъ
 вѣтры по волѣ;
 Слушаютъ рыбы его; вѣсти чудныя рѣки при-
 носятъ...
 — Вотъ, погоди, — подрастешь, позабудешь ты
 эти рассказы;
 Люди за нихъ не дадутъ тебѣ хлѣба и ска-
 жутъ: трудися!
 Вонъ нашъ пастухъ съ раннихъ лѣтъ обучился
 играть на свирѣли,
 Такъ и состарился нищимъ, все новыя пѣсни
 слагаетъ! —
 „Развѣ не плакалъ ты, дѣдушка, самъ, когда
 вечеромъ позднимъ
 Брался пастухъ за свирѣль, и по темному лѣсу
 далеко
 Пѣснь соловьиная вдругъ разливалась,—и все
 замолкало,
 Словно и лѣсъ ее слушалъ, и синее небо, и
 звѣзды?
 Нѣтъ, не брани меня, дѣдушка! Вырасту, буду
 трудиться,
 Буду и пѣсни я пѣть, какъ поетъ вѣтерокъ
 перелетный,
 Вольныя птицы по днямъ, по ночамъ темный
 лѣсъ подъ грозою,
 Буду пѣть радость и горе и улыбаться сквозь
 слезы!“

Сі.

Б у р я.

Тучи идутъ разноцвѣтной грядкою по синему
 небу.
 Воздухъ прозраченъ и чистъ. Отъ лучей захо-
 дящаго солнца

Бора опушка горитъ за рѣкой золотыми огнями.
Въ зеркалѣ водѣ отразилися небо и берегъ,
Гибкій высокій тростникъ и ракъ изумрудная
зелень.
Здѣсь чуть замѣтная зыбь ослѣпительно блещетъ
отъ солнца,
Тамъ—вонъ, отъ тѣни крутыхъ береговъ воро-
неною сталью
Кажется влага. Вдали полоскою широкой, что
скатерть,
Тянется лугъ, поднимаются горы, мелькаютъ
въ туманѣ
Села, деревни, лѣса, а за ними синѣется небо.
Тихо кругомъ. Лишь шумитъ, не смолкая, вода
у плотины;
Словно и просить простора и ропщеть, что
мельнику служить,
Да иногда пробѣжить вѣтерокъ по травѣ не-
видимкой,
Что-то шепнетъ ей украдкой и, вольный, умчится
далеко.
Вотъ ужъ и солнце совсѣмъ закатилось, но
пышетъ доселѣ
Алый румянецъ на небѣ. Рѣка, берега и деревья
Залиты розовымъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ гас-
нетъ, темнѣетъ...
Вотъ еще разъ онъ мелькнулъ на поверхности
дремлющей влаги,
Вотъ отъ него пожелтѣвшій листокъ на при-
брежной осинѣ
Вдругъ, какъ червонецъ, блеснулъ, засіялъ—и
угасъ постепенно.
Тѣни густѣютъ. Деревья вдали принимать на-
чинаютъ
Странные образы. Ивы стоятъ надъ водою, какъ
будто
Думаютъ что-то и слушаютъ. Боръ какъ-то
смотреть угрюмо.

Тучи, какъ горы, поднятыя къ небу невидимой
 силой,
 Грозно плывутъ и растутъ, и на нихъ прихот-
 ливою грудой
 Башенъ, разрушенныхъ замковъ и скалъ гро-
 моздятся обломки.
 Чу! пахнулъ вѣтеръ! Пушистый тростникъ
 зашепталъ, закачался,
 Утки плывутъ торопливо къ осокъ, откуда-то
 съ крикомъ 5
 Чибись несется, сухіе листы полетѣли съ ра-
 киты,
 Темнымъ столбомъ закружилася пыль на пес-
 чаной дорогѣ,
 Быстро, стрѣлою колѣнчатой молнія тучу раз-
 сѣкла,
 Пыль поднялася густѣе, — и частою, крупною
 дробью
 Дождь застучалъ по зеленымъ листьямъ; не про-
 шло и минуты, 10
 Онъ превратился ужъ въ ливень, и боръ встре-
 пенулся отъ бури,
 Что исполинъ, закачалъ головою своею кудрявой
 И зашумѣлъ, загудѣлъ, словно нѣсколько мель-
 ницъ огромныхъ
 Начали разомъ работу, вращая колеса и камни.
 Вотъ все покрылось на мигъ оглушительнымъ
 свистомъ, и снова 15
 Гулъ непонятный раздался, похожій на шумъ
 водопада.
 Волны, покрытыя бѣлою пѣной, то къ берегу
 хлынутъ,
 То побѣгутъ отъ него и гуляютъ вдали на
 свободѣ.
 Молнія ярко блеснетъ, вдругъ освѣтитъ и небо
 и землю,
 Мигъ—и опять все потонетъ во мракѣ, и грома
 удары 20

Грянуть, какъ выстрѣлы страшныхъ орудій.

Деревья со скрипомъ

Гнутся и вѣтвями машутъ надъ мутной водою.

Вотъ еще разъ прокатился ударъ громовой,—

и береза

На берегъ съ трескомъ упала и вся загорѣ-

лась, какъ свѣточъ.

Любо глядѣть на грозу! Отчего-то сильнѣй въ

это время

Кровь обращается въ жилахъ, огнемъ заго-

раются очи,

Чувствуешь силы избытокъ и хочешь простора

и воли!

Слышится что-то родное въ тревогѣ дремучаго

бора,

Слышатся пѣсни, и крики, и грозныхъ рѣчей

отголоски...

Мнится, что ожили богатыри старой Матушки-

Руси,

Съ недругомъ въ битвѣ сошлись и могучія

мѣряютъ силы...

Вотъ темносиняя туча рѣдѣть. На влажную

землю

Изрѣдка падаютъ капли дождя. Словно свѣчи,

на небѣ

Кое-гдѣ звѣзды блеснули. Порывистый вѣтеръ

слабѣть,

Шумъ постепенно въ бору замираетъ. Вотъ

мѣсяцъ поднялся,

Кроткимъ серебрянымъ свѣтомъ осыпалъ онъ

бора вершину,

И, послѣ бури. повсюду глубокая тишь воцари-

лась,

Небо попрежнему смотритъ съ любовью на грѣш-

ную землю.

СII.

Подула непогодушка съ родной моей сторо
 нушки,—
 Пришла отъ милой грамотка, слезами вся
 облитая;
 Назадъ она прислала мнѣ кольцо мое завѣтное.
 Сгубили ненаглядную, сгубили—замужъ выдали!
 Лежить она въ чужомъ дому, въ постели же-
 сткой при смерти,
 Кладеть вину и жалобу на мужа да на мачеху...
 Гори огнемъ, добро мое! Прощай, родная ма-
 тушка!
 Не долго быть мнѣ, молодцу, твоей подпорой
 крѣпкою.
 Ужъ что за день безъ солнышка, а жизнь
 безъ друга милаго!

1854—X.

СIII.
 Болѣсть.
 Порча.

„Сходи-ка, старуха, невѣстку провѣдать, 10
 Не стала бѣ она на дворѣ голосить?“
 — А что тамъ я стану съ невѣсткою дѣлать?
 Вѣдь, я не могу ей руки подложить.
 Вотъ нажили, Богъ далъ, утѣху подъ старость!
 Твердила тебѣ: „захотѣлъ ты, моль, взять, 15
 Старикъ, бѣлоручку за сына на радость, —
 Придется тебѣ на себя попенять,“—
 Вотъ такъ и сбылось! Что ни день—съ ней за-
 бота:
 Тутъ вотъ это не такъ, тамъ вотъ то не по ней,
 То, вишь, не подъ силу ей въ полѣ работа, 20
 То скажетъ: въ избѣ зачѣмъ держимъ свиней.
 Печь топить,—головка отъ дыму кружится,
 Все ей вотъ опрятной да чистою быть,

А хлѣвъ велишь чистить,—ну, тутъ и лѣнится,
Чуть станешь бранить,—и пойдетъ голосить:
„Ихъ-охъ! Ихъ-охъ!“—

„Старуха, побойся ты Бога!

Зачѣмъ ты объ этомъ кричишь день и ночь?

Ну, знахаря кликни: бѣды-то немного,—

У бабы, вѣдь, порча, ей надо помочь.

А лгать тебѣ стыдно! она не лѣнится,

Безъ дѣла и часу не станетъ сидѣть;

Бранить ее станешь, отвѣтить боится;

10 Коли ей ужъ тошно,—уйдетъ себѣ въ клѣть

И плачетъ украдкой, и мужу не скажетъ;

„Зачѣмъ, дескать, ссору въ семьѣ начинать?“

Смотри же, Господь тебя, право, накажетъ;

Невѣстку напрасно не слѣдъ обижать.“

15 — Охъ, батюшки, кто говоритъ-то, — досада!

Лежи на печи, коли Богъ наказалъ;

Ослѣпъ и оглохъ, ну, чего жъ тебѣ надо?

Туда же жену переучивать сталъ!

И такъ у меня отъ хозяйства по дому,

20 Хрычъ старый, вотъ этакъ идетъ голова!

Да ты еще вздумалъ ворчать по-пустому, —

Тьфу! вотъ тебѣ что на твои всѣ слова!

Вишь важное дѣло, что взялъ онъ за сына

Разумную дѣвку, мѣщанскую дочь, —

25 Ни платя за нею, казны ни алтына,

Теперь и толкуеть: „ей надо помочь!“

Пришла въ чужой домъ и болѣзни узнала,

Нѣтъ, я еще въ руки ее не взяла...—

Тутъ шорохъ старуха въ сѣняхъ услышала

30 И смолкла. Невѣстка въ избушку взошла.

Лицо у больной было грустно и блѣдно,

Какъ видно, на немъ положили слѣды

Тяжелыя думы и трудъ ежедневной,

И тайныя слезы и горечь нужды.

35 — Ну, что же, голубушка, спать-то раненько,

Возьми-ка, мнѣ на ночь постель приготовь,

Да сядь, поработай за прялкой маленько,—

Невѣсткѣ сквозь зубы сказала свекровь.
 Невѣстка за свѣжей соломой сходила,
 На нарахъ въ сторонкѣ ее постлала,
 Къ стѣнѣ въ изголовье зипунъ положила,
 Присѣла на лавку и прясть начала. 5
 Въ избѣ было тихо. Лучина пылала,
 Старикъ беззаботно и сладко дремалъ,
 Старуха чугунъ на полу вытирала,—
 И только подъ печью сверчокъ распѣвалъ,
 Да котъ вокругъ старухи ходилъ, увивался 10
 И, шурясь, мурлыкалъ, но баба ногой
 Толкнула его, проворчавъ: „разгулялся!
 Гляди, передъ порчею, видно, какой.“
 Вдругъ дверь отворилась: стуча сапогами,
 Вошелъ сынъ старухи, снялъ шапку, кафтанъ, 15
 Ударилъ ихъ объ полъ, потряхнулъ волосами
 И крикнулъ: „ну, матушка, вотъ я и пьянъ!“
 — Что это ты сдѣлалъ? когда это было?
 Ты отъ роду не пилъ и капли вина. —
 „Я не пилъ, когда мое сердце не ныло, 20
 Когда, какъ былинка, не сохла жена!“
 — Спасибо, сыночекъ!.. спасибо безпутный!..
 Ужъ я и ума не могу приложить!
 Куда же мнѣ дѣться теперь, безпріютной?
 Невѣсткѣ что скажешь, начнетъ голосить, 25
 Не то сложить руки, и горя ей мало;
 Старикъ только ѣсть да лежить на печи,
 А вотъ и отъ сына почету не стало,—
 Живи—сокрушайся, терпи да молчи!
 Ахъ, Царь мой небесный! Да это подъ ста- 30
 рость
 Хотъ руки пришлось на себя наложить!
 Взростили, взлелѣяли сына на радость,
 Онъ мать-то ужъ скоро не станетъ кормить!—
 „Неправда! я по смерть кормить тебя буду!
 Я лучше зипунъ свой послѣдній продамъ, 35
 Пойду въ кабалу, а тебя не забуду,
 И крошку съ тобой раздѣлю пополамъ!

Ты мною болѣла, подѣ сердцемъ носила
 Меня, и твоимъ молокомъ я вспоенъ,
 Сызмала меня ты къ добру приучила, —
 И вотъ тебѣ честь и земной мой поклонъ...
 5 Да чѣмъ же невѣстка тебѣ помѣшала?
 За что на жену-то мою нападать?
 — Гляди ты, безпутный, пока я не встала,
 Я скоро заставлю тебя замолчать!... —
 „На, бей меня, матушка! бей, чтобъ отъ боли
 10 Я плакалъ и выплакалъ горе мое!
 Эхъ-ма! не далось мнѣ талана и доли!
 Когда жъ пропадешь ты, худое житье?“
 — Вотъ дѣло-то! жизнь тебѣ стала постыла!
 Ты вздумалъ вино-то отъ этого пить!
 15 Такъ вотъ же тебѣ!.. —

И старуха вскочила
 И кинулась палкою сына учить.
 Невѣстка къ ней броситься съ лавки хотѣла,
 Но только что вскрикнула: „сжался хоть
 разъ.“
 И вдругъ пошатнулась назадъ, поплѣднѣла —
 20 И на полъ упала.

— Помилуй ты насъ,
 Царица Небесная, мать Пресвятая!
 Ахъ, батюшки! — гдѣ тутъ вода-то была?
 Что это съ тобою, моя золотая? —
 Надъ бабой свекровь голосить начала.
 25 „Ну, матушка, Богъ тебѣ будетъ судьей!..“
 Сынъ тихо промолвилъ и самъ зарыдалъ.
 — Чай, плачуть?! Аль вѣтеръ шумить за стѣ-
 ною? —

Проснувшись, старикъ на печи разсуждалъ:
 — Не слышу... Чай, сынъ о женѣ все горюетъ:
 30 У ней это порча, тутъ можно понять,
 Старуха не смыслить, свое мнѣ толкуеть,
 А нѣтъ, чтобы знахаря къ бабѣ позвать.—
 1854—X.

СІV.

Бобыль.

(Посвящается Н. В. Кукольнику).

Дай взгляну веселѣй:

Дума — не помога.

Для меня ль, бобыля,

Всюду не дорога!

Безъ избы — я пригрѣтъ,

5

Соколь — безъ наряда,

Безъ казны — мнѣ почетъ,

Умирать не надо!

Въ чистомъ полѣ идешь, —

Вѣтерокъ встрѣчаетъ,

10

Забѣгаетъ впередъ,

Стежки подметаешь.

Рожь стоитъ по бокамъ,

Отдаетъ поклоны;

Ляжешь спать — подъ тобой

15

Постланъ шелкъ зеленый;

Звѣзды смотрятъ въ глаза;

Бѣлый день настанетъ, —

Умываетъ роса,

Солнышко румянить.

20

На людей поглядишь, —

Право, смѣхъ и горе!

Цѣлый вѣкъ имъ труды

На дворѣ и въ полѣ.

А тутъ вотъ молодець:

25

За сохой не ходитъ, —

Да привѣтъ, и хлѣбъ-соль,

И пріютъ находить.

Ну, а нечего ѣсть, —
Стянешь поясъ крѣпче,
Волосами тряхнешь, —
Вотъ оно и легче.

5 А не то — къ богачамъ:
Имъ работникъ нуженъ;
Помолотишь денекъ, —
Вотъ тебѣ и ужинъ.

10 Ужъ зато, коли есть
Зипунишка новый,
На ногахъ сапоги,
Въ кошелькѣ цѣлковый, —

15 И раздумье прошло,
И тоска пропала;
Сторонись, богачи:
Бѣдность загуляла!

20 Какъ взойдешь въ хороводъ
Да начнешь тамъ пляску,
При вечерней зарѣ,
Съ присвистомъ въ присядку, —

Бабы, дѣвки глядятъ,
Стукаютъ котами,
Парни нехотя въ ладъ
Шевелятъ плечами.

25 Вотъ на старости лѣтъ
Кто-то меня вспомнить, —
Приглядитъ за больнымъ,
Мертваго схоронитъ?

30 Да бобыль-сирота
Ничего не просить,
Надъ могилой его
Буря поголосить,

Окропить ее дождь
 Чистою слезою,
 Принакроетъ весна
 Шелковой травою.

1854—XI.

CV.

Разсказъ ямщика.

Вѣкъ жить — увидишь и худо порою. 5
 Жаль, что вотъ темно, а то изъ окна
 Я показалъ бы тебѣ: за рѣкою
 Есть у насъ тутъ деревенька одна.
 Тамъ живетъ баринъ. Господь его знаетъ,
 Этакой умница, братецъ ты мой, 10
 Ну, а теперь ни за что пропадаетъ.
 Разъ онъ немножко размолвилъ съ женой:
 Барыня сдѣлала что-то неладно, —
 Мужъ сгоряча-то ее побранилъ.
 Правду сказать, вѣдь, оно и досадно: 15
 Онъ безъ ума ее, слышно, любилъ.
 Та, — дѣло барское, — знаешь, обидно,
 Къ матушкѣ нѣжной отправилась въ домъ,
 Да сиротою прикинулась, видно, —
 Съ годъ и жила со старухой вдвоемъ. 20
 Только и тутъ она что-то... да это
 Дѣло не наше, я самъ не видалъ...
 Баринъ-ать сохъ; иногда до разсвѣта
 Съ горя и глазъ, говорятъ, не смыкалъ.
 Все, вишь, грустилъ да жены дожидался, 25
 Ей поклониться онъ самъ не хотѣлъ;
 Ну, а потомъ въ путь-дорогу собрался,
 Нанялъ меня и къ женѣ полетѣлъ.
 Какъ помирился онъ съ нею, — не знаю;
 Барыня что-то сердита была... 30
 Самъ-ать я, братецъ ты мой, помекаю —
 Мать по неволѣ ее прогнала.

Вотъ мы поѣхали. Вижу — ласкаеть
Баринъ жену: то въ глаза ей глядитъ,
То, знаешь, ноги ковромъ укрываетъ,
То этакъ ласково съ ней говоритъ, —
5 Ну, а жена пожимаетъ плечами,
Въ сторону смотритъ, — ни слова въ отвѣтъ...
Онъ и присталь къ ней почти со слезами:

„Или въ тебѣ и души, дескать, нѣтъ?

Я, дескать, все забываю, прощаю...

10 Такъ же люблю тебя, милый мой другъ...“

Тутъ она молвила что-то — не знаю,

И покатила со смѣху вдругъ.

Баринъ притихъ. Ужъ и зло жъ меня взяло!

Я какъ хвачу коренного кнотомъ...

15 Послѣ одумался, — совѣстно стало:

Тройка шла на гору, шла-то съ трудомъ,

Конь головой обернулся немного;

Этакъ глядитъ на меня, все глядитъ...

„Ну, молъ, ступай ужъ своею дорогою.

20 Грѣхъ мой на барынѣ, видно, лежитъ...“

Вотъ мы... о чемъ, бишь, я рѣчь велъ сна-
чала?

Да, — я сказала, что тутъ баринъ притихъ.

Вотъ мы и ѣдемъ. Ужъ ночь наступала.

Я приударилъ лошадокъ лихихъ.

25 Въѣхали въ городъ... Эхъ-ма! забываю.

Чей это дворъ, гдѣ коней я кормилъ?

Дворъ-то мощный... постой, вспоминаю...

Нѣтъ, провались онъ совсѣмъ, позабылъ!

Ну, ночевали. Заря занималась;

30 Баринъ проснулся — глядь: барыни нѣтъ!

Кинулись шарить-искать, — не сыскалась;

Только нашли у воротъ одинъ слѣдъ,

Кто-то, знать, былъ съ подрѣзными санями...

Мы тутъ въ погоню. Ужъ день разсвѣталъ:

35 Версть этакъ семь пролетѣли полями —

Слѣдъ неизвѣстно куда и пропалъ.

Мы завернули въ село, да въ другое, —

Нѣтъ нигдѣ слуху; а баринъ сидить,
 Руки ломаетъ. Лицо-то больное,
 Самъ-ать озябъ, словно листь весь дрожить...
 Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Проѣхаль немного
 И говорю ему: „слѣду, молъ, нѣтъ; 3
 Этой вотъ что ли держать намъ дорогой?“
 Онъ и понесъ чепуху мнѣ въ отвѣтъ.
 Сердце мое облилось тогда кровью!
 „Эхъ, погубилъ, молъ, сердечный ты мой,
 Жизнь и здоровье горячей любовью!“ 10
 Ну и привезъ его къ ночи домой.
 Жаль горемычнаго! Вчужѣ сгрустнется:
 Въ годъ онъ согнулся и весь посѣдѣлъ.
 Нынче надъ нимъ ужъ и дворня смѣется:
 „Баринъ-ать нашъ, молъ, совсѣмъ одурѣлъ“... 15
 Диво мнѣ! Какъ онъ жену не забудеть!
 Нѣтъ, вотъ, поди! коротаеть свой вѣкъ!
 Хлѣба не ѣстъ, все по ней, вишь, тоскуеть...
 Этакой, братецъ ты мой, человѣкъ!
 1854.

СѢ.

Встрѣча зимы.

Поутру вчера дождь 20
 Въ стекла оконъ стучаль;
 Надъ землею туманъ
 Облаками вставаль.

Вѣяль холодъ въ лицо
 Отъ угрюмыхъ небесъ, 25
 И, Богъ знаетъ, о чемъ
 Плакаль сумрачный лѣсъ.

Въ полдень дождь пересталь,
 И, что бѣлый пушокъ,
 На осеннюю грязь 30
 Началь падать снѣжокъ.

Ночь прошла. Разсвѣло.
Нѣтъ нигдѣ облачка,
Воздухъ легокъ и чистъ,
И замерзла рѣка.

5 На дворахъ и домахъ
Снѣгъ лежитъ полотномъ
И отъ солнца блеститъ
Разноцвѣтнымъ огнемъ.

10 На безлюдный просторъ
Поблѣввшихъ полей
Смотритъ весело лѣсъ
Изъ-подъ черныхъ кудрей, —

15 Словно радъ онъ чему.
И на вѣткахъ березъ,
Какъ алмазы, горятъ
Капли сдержанныхъ слезъ.

20 Здравствуй, гостья-зима!
Просимъ милости къ намъ
Пѣсни сѣвера пѣть
По лѣсамъ и степямъ.

Есть раздолье у насъ, —
Гдѣ угодно гуляй;
Строй мосты по рѣкамъ
И ковры разстилай.

25 Намъ не стать привыкать, —
Пусть морозъ твой трещитъ:
Наша русская кровь
На морозѣ горитъ.

30 Искони ужъ таковъ
Православный народъ.
Лѣтомъ, смотришь, жара—
Въ полушубкѣ идетъ;

Жгучій холодъ пахнулъ, —
 Все равно для него:
 По колѣни въ снѣгу,
 Говорить: „ничего!“

Въ чистомъ полѣ метель
 И кутить и мутить, —
 Нашъ степной мужичокъ
 Ъдетъ въ санкахъ, кряхтитъ:

„Ну, соколики, ну!
 Выносите, дружки!“
 Самъ сидитъ и поетъ
 „Не бѣлы-то снѣжки!“

Да и намъ ли, подчасъ,
 Смерть не встрѣтитъ шутя,
 Если къ бурямъ у насъ
 Привыкаетъ дитя?

Когда мать въ колыбель
 На ночь сына кладетъ,
 Подъ окномъ для него
 Пѣсни вьюга поетъ,

И разгуль непогодъ
 Съ раннихъ лѣтъ ему любъ,
 И растеть богатырь,
 Что подъ бурями дубъ.

Разсыпай же, зима,
 До весны золотой
 Серебро по полямъ
 Нашей Руси святой!

И случится ли, къ намъ
 Гость незванный придетъ
 И за наше добро
 Съ нами споръ заведетъ, —

Ужъ прими ты его
На сторонкѣ чужой,
Хмельный пиръ приготовь,
Гостю пѣсню пропой;

5 Для постели ему
Бѣлый пухъ припаси
И метелью засыпь
Его слѣдъ на Руси!

1854.

CVI.

Воздадимъ хвалу Русской землѣ.

(Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ).

10 Ужъ какъ былъ молодець —
Илья Муромецъ,
Сидѣлъ сиднемъ Илья
Ровно тридцать лѣтъ, —

15 На тугой лукъ стрѣлы
Не накладываль,
Богатырской руки
Не показываль.

20 Какъ провѣдалъ онъ тутъ,
Долго сидючи,
О лихомъ Соловьѣ,
О разбойникѣ, —

25 Снарядилъ въ путь коня:
Его первый скокъ
Былъ пять верстъ, а другой —
Пропаль изъ-виду.

30 По коню былъ сѣдокъ:
Къ князю въ Кіевъ-градъ
Онъ привезъ Соловьѣ
Въ торокахъ живьемъ.

Вотъ таковъ-то народъ
Руси-Матушки!
Онъ, безъ нужды, не вдругъ
Съ мѣста тронется:

Не привыкъ богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удальствомъ,
Умомъ-разумомъ;

Ужъ зато кто на брань
Самъ напросится,
За живое его
Тронеть не въ пору, —

Прочь раздумье и лѣнь!
Послѣ отдыха
Онъ, какъ буря, встаетъ
Противъ недруга!

И поднимется кличъ
Съ отголосками,
Словно громъ загремить
Съ перекатами.

И за тысячи верстъ
Людь откликнется,
И пойдетъ по Руси
Гуль безъ умолку.

Тогда все тринь-трава
Бойцу смѣлому:
На куски его рѣжь, —
Не поморщится.

Эхъ, родимая мать,
Русь-кормилица!
Не пришлось тебѣ знать
Нѣги-роскоши!

Подъ грозой ты росла
Да подъ вьюгами,
Буйный вѣтеръ тебя
Убаюкивалъ;

5 Умывалъ бѣлый снѣгъ
Лицо полное,
Холодъ щеки твои
Подрумянивалъ.

10 Много видѣла ты
Нужды смолоду,
Часто съ злыми людьми
На смерть билася.

15 То не служба была,
Только службишка;
Вотъ теперь сослужи
Службу крѣпкую.

20 Видишь: тучи несутъ
Громъ и молнію,
При моряхъ города
Загораются,

Всѣ друзья твои врозь
Поразсыпались,
Ты одна подъ грозой...
Стой, Русь - Матушка!

25 Не дадутъ тебѣ пасть
Дѣти - соколы.
Встань, послушай ихъ кликъ
Да порадуйся...

30 „Для тебя — все добро,
Платье цѣнное,
Нашихъ женъ, кровь и жизнь,—
Все для матери.“

Пронесеть Богъ грозу,
Взглянетъ солнышко,
Шире прежняго, Русь,
Ты раздвинешься!

Будеть имя твое
Людыамъ памятно,
Пока міру стоятъ
Богомъ сужено.

И ужъ много могиль
Нашихъ недруговъ
Порастеть на Руси
Травой дикою!

1854.

CVII.

Черемуха.

Много листьевъ красовалося
На черемухѣ весной,
И гостей перебивалося
Вплоть до осени сырой.

Издалека въ ночь прохладную
Вѣтерокъ къ ней прилеталъ
И о чемъ-то вѣсть отрадную
Ей, какъ другъ, передавалъ.

Чуть, бывало, загорается
Алой зорьки полоса, —
Разной краской покрывается
На кудряхъ ея роса.

И она вся зарумянится,
Сонъ забудетъ, гостя ждетъ,
Смотришь, — гость любимый явится,
Сядетъ, свищетъ и поетъ...

Но пришла зима сердитая,
И, какъ уголь, вся черна,
На морозѣ, беззащитная,
Сиротой стоитъ она.

5 И меня весна покинула, —
Милый другъ меня забылъ;
Съ нимъ моя вся радость минула,
Онъ мою всю жизнь сгубилъ.

10 Все къ нему сердечко просится,
Все его я жду, одна;
Но ко мнѣ, знать, не воротится,
Какъ къ черемухѣ весна...

1854.

СѴІІІ.

Ужъ не я ли тебя, милая, упрашивалъ,
Честью, ласкою, какъ друга уговаривалъ:
15 „Позабудь меня, — ты послѣ будешь счастлива.
Обвѣнчаютъ насъ, — ты вспомнишь волю дѣ-
вичью.

У меня зимой въ избушкѣ сыро, холодно,
Мать-старуха привередлива, причудлива,
Сестры злы, а я головушка разгульная,
20 Много горя ты со мною понатерпишься.“

Ты не вѣрила, сквозь слезы улыбалася,
Улыбаясь, обняла меня и молвила:
— Не покинь меня, надежа, все я вынесу,
При тебѣ и злое горе будетъ радостью...—

25 Ужъ на что жъ теперь ты поздно стала каяться,
На свекровь и на золовокъ горько плакаться?
Не онѣ тоски-кручины тебѣ придали, —
Что трава отъ вѣтра, отъ меня ты высохла.

Разлюбилъ я друга, какъ—и самъ не вѣдаю!
 Ноетъ мое сердце, разума не слушаетъ:
 О тебѣ печалюсь, объ иной я думаю,
 Ты вся сокрушилась, — весь и я измучился!
 1854.

СІХ.

Разсказъ крестьянки.

Охъ, много, мои матушки, 5
 И слезъ я пролила,
 И знала горя горькаго,
 И нуждь перенесла!

Тутъ Богъ послалъ безвремяе— 10
 Овинъ у насъ сгорѣлъ,
 Тутъ, эдакъ черезъ полгода,
 Вдругъ мужъ мой заболѣлъ.

Пора была рабочая— 15
 И кинуть жаль его,
 И въ полѣ-то не убрано,
 Какъ надо, ничего.

А тамъ дѣтишки малыя,— 20
 Хлопочешь день деньской,
 Разломить всѣ суставчики
 Ночною-то порой.

Разъ въ полѣ я работаю—
 Жара, терпѣть не въ мочь,
 Напиться-то мнѣ нечего...
 Пока настала ночь,

Ужъ такъ я утомилася— 25
 Не подыму руки.
 Щемить мое сердечушко
 И ноетъ отъ тоски.

Охъ, ну-ка, молъ, провѣдаю
Больного я, пойду;—
Пришла, а онъ, касатикъ мой,
Ужъ мечется въ бреду.

5 Теленокъ былъ на привязи—
Покромку оборвалъ,
И всю солому кой-куда
Въ избѣ поразбрыкалъ.

10 Сынишка перепуганный
Сидитъ, кричитъ въ углу,
А дочь грудная ползаетъ
И плачетъ на полу.

15 Я на нее какъ глянула—
Едва не обмерла!
Взяла бѣдняжку на руки
Да къ мужу подошла.

20 „Васильевичъ! Васильевичъ!
Опомнись, молъ, на часъ.
Ужъ на кого, родименькій,
Ты покидаешь насъ?“

Онъ застоналъ, голубчикъ мой,
Рукой вотъ такъ махнулъ,
Сказалъ:—На волю Божию.—
Да на-вѣкъ и уснулъ.

25 Осталася съ дѣтишками
Одна я одной...
Покрылся безъ хозяина
Широкий дворъ травой.

30 Пришла зима съ морозами—
А я безъ дровъ сижу,
Не знаю себѣ отдыха,
Горюю и тужу.

Туть дѣти просятъ хлѣбушка,
Покою не даютъ,
Тамъ лошади голодныя
Стоять и корму ждуть;

То надо печь соломою
Топить и щи варить;
То за водою на рѣку
Съ ведерками сходить;

То снѣгъ самой откидывать
Лопатой отъ воротъ, —
Денекъ-ать какъ помаешься,
Ѣда на умъ нейдетъ.

Дѣтишки, мои ягодки,
Сиротками глядятъ,
Общипаны, оборваны,
Худѣютъ, да болятъ.

Смотрю на нихъ и думаю:
„Ужъ чѣмъ ихъ я вскормлю?“
И думу свою крѣпкую
И сплю-то не засплю...

Вдругъ за меня посватался
Зажиточный мужикъ;
Такой, Господь съ нимъ, взбалмошный,
Причудливый старикъ,

Всегда съ женою ссорился,
А бабу грѣхъ корить —
Она была разумная,
Умѣла домомъ жить.

И былъ онъ мнѣ не по-сердцу,
А вышла за него;
Теперь глаза и колетъ мнѣ
Семья-то вся его:

„Что вотъ-де навязалася
Какая-то съ дѣтьми,
Сама родила, нянчила,
Сама ихъ и корми!“

5 Да благо, что сиротки-то
Пригрѣты у меня,
А о себѣ-то, матушки,
Ужъ не забочусь я.

1854—XII—23.

СХ.

Утро.

(1-я редакція.)

10 Пышетъ на небѣ заря, словно села горять.
Спятъ поля и луга подѣ туманами.
Какъ толпа силачей, сосны въ думѣ стоятъ
На крутомъ берегу великанами.

15 Что дитя въ пеленахъ, чутко дремлетъ рѣка,
Лишь камышъ шелеститъ и колышется,
Пробѣжить по водѣ полоса вѣтерка,
Или крикъ пѣтуховъ въ селахъ слышится.

20 Отдохнулъ Божій міръ, освѣжилась земля
И росой небесной умылася;
Сквозь дремотную лѣнь ждуть луга и поля,
Чтобы солнышко вновь появилось.

Вѣетъ влажной прохладой въ лицо вѣтерокъ.
И туманъ въ облака собирается,
Засинѣлася даль, загорѣлся востокъ,
И все выше огонь подымается.

Вотъ кричить коростель, тамъ и сямъ поднялись
 Чибиса надъ болотами топкими,
 И проснувшихся птицъ въ одну пѣсню слились
 Голоса переливами звонкими.

Вотъ и солнце взошло. Пробудилась земля, 5
 Деревя и кусты тѣнь откинули,
 И, какъ волны, потоки лучей на поля,
 На луга и лѣса разомъ хлынули.

Засіяла рѣка, заблестѣла роса,
 Смотритъ весело травка душистая, 10
 Разноцвѣтнымъ огнемъ освѣтились лѣса,
 Тонетъ въ золотѣ рожь колосистая.

Всюду радости жизнь, всюду пѣсни звучать...
 Тамъ дымокъ надъ селомъ подымается;
 Тутъ шумятъ рыбаки, въ полѣ косы звенять, 15
 Вотъ на тройкѣ ямщикъ заливається...

Только я, какъ чужой, среди бѣлаго дня,
 И не въ радость мнѣ утро веселое:
 Безъ разсвѣта лежитъ на душѣ у меня
 Ночью темною горе тяжелое. 20

1854—XI—16.

СХІ.

Утро.

(2-я редакція).

Звѣзды гаснутъ. Поля и дороги молчать.
 Полоса ранней зорьки алѣется.
 Надъ заливами ивы въ дремотѣ стоятъ,
 За рѣкою лѣсъ темный чернѣется.

Что дитя въ пеленахъ, спитъ спокойно рѣка, 25
 Лишь камышъ шелеститъ и колышется,
 Иль порою зашепчутъ листья лозняка,
 Или крикъ дикой цапли послышится.

Воздухъ влаженъ; отъ сочныхъ зеленыхъ лу-
говъ,

Окропленныхъ росой серебристою
И задернутыхъ бѣлою тканью паровъ,
Тихо вѣетъ прохладой душистою.

3 Тронешь вѣтки куста, — словно крупный жем-
чугъ,

Капли съ сонныхъ листовъ осыпаются...
И, куда ни посмотришь, — безлюдье вокругъ,
Но луга и поля просыпаются:

Гдѣ-то свистнулъ куликъ; пронеслись надъ
рѣкой

10 Утки съ шумомъ и, Богъ-вѣсть, гдѣ скрылися...
Въ полѣ перепелъ крикнулъ, за нимъ и другой...
Вотъ стада чибисовъ закужилися...

Ужъ заря поблѣднѣла. Окрѣпъ вѣтерокъ,
И, рѣдѣя, туманъ подымается,
15 Показалася даль; загорѣлся востокъ,
Яркимъ пурпуромъ лѣсъ покрывается...

Дождалася румянаго утра земля,
Птицы теплая гнѣзда покинули
И запѣли; и солнца лучи на поля
20 Золотыми потоками хлынули:

Вонъ вдали тамъ, какъ стекла, озера блестятъ,
Весъ, какъ шелковый, лугъ зеленѣется,
И привѣтливо какъ-то деревья глядятъ,
И, что холстъ, въ полѣ греча бѣлѣется;

25 Чуть примѣтно волнуется желтый ячмень,
Рожь высокая медленно движется...
Всюду свѣтъ... Лишь отъ тучекъ подвижная
тѣнь

Тамъ и сямъ полосами раскинется.

Пѣсня птицъ все звучить... вонъ мелькаетъ
челнокъ,
И рыбакъ ловить рыбу собирается;
Тамъ надъ дальнимъ селомъ за клубился дымокъ,
Тутъ на тройкѣ ящикъ заливается;

Подъ дугой колокольчикъ звенить и гудить... 5
Прочь заботы и горе тяжелое!
Въ этотъ мигъ и во мнѣ сила жизни кипить, —
Здравствуй, солнце и утро веселое!

1855 — I.

СХІІ.

Утро.

(3-я редакція).

Звѣзды меркнуть и гаснуть. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается. 10
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.

Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь - безлюдье во-
кругъ.

Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ, — на лицо тебѣ вдругъ 15
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.

Потянулъ вѣтерокъ, — воду морщить, рябить.
Понеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенить.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися, 20

Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ не-
сутъ...

А востокъ все горить-разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.

Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень бле-
стить;

За морями ночлеги свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.

5 Ёдетъ пахарь съ сохой, ёдетъ — пѣсню поетъ
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли, ты душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

СХІІІ.

10 За какую-жъ вину и бѣду
Я состарѣлся рано безъ старости,
И терплю съ малолѣтства нужду,
И не вижу отрады и радости?

15 Только я, бѣдный, на ноги сталъ —
Сиротою остался безъ матушки;
И привѣта и ласки не зналъ
Во всю жизнь отъ родимаго батюшки.

20 Помню, какъ онъ, бывало, возьметъ
Съ полки крашеной книгу измятую,
Подъ хмелькомъ мнѣ приказъ отдастъ —
Прочитать ему заповѣдь пятую,

И ударить объ столъ кулакомъ...
Я стою, отъ испуга шатаюся,
Что скажу, — позабуду потомъ,
Начинаю опять, — заикаюся...

25 Помню, какъ я не разъ убѣгалъ
По утрамъ въ лѣсъ зеленый украдкою, —
Что родной, меня онъ принималъ,
Утѣшалъ рѣчью тихой и сладкою;

И когда по немъ буря порой
 Съ грознымъ шумомъ, бывало, расходится,
 Притаюся я въ чащѣ глухой,
 И мнѣ страшно и любо становится.

И не разъ я съ любовью глядѣлъ,
 Когда солнце надъ нимъ поднималось,
 И на листьяхъ румянецъ горѣлъ,
 И кругомъ меня все просыпалось.

Годы шли... Сталь я ночи не спать,
 Думы думать про степи раздольныя,
 Чудныхъ звуковъ игру понимать,
 Втихомолку слагать пѣсни вольныя.

Но иное судилъ мнѣ Господь...
 Гдѣ тутъ пѣть, когда жизнь ужъ наскучила,
 И не слезы изъ глазъ — кровь течетъ,
 И всю душу кручина измучила!

У людей хоть и бѣдность, да миръ.
 У меня въ домѣ крикъ, ссора шумная,
 При тяжелой нуждѣ — хмельный пиръ,
 При печали—веселость безумная.

Но какъ доля моя ни горька,
 И сквозь слезы пѣть пѣсни мнѣ хочется,
 Лежитъ на-сердцѣ камнемъ тоска, —
 На уста звуки чудные просятся.

И придетъ часъ — отрада души,
 Пѣсню грустную сложишь украдкою,
 И забудется горе въ тиши,
 И на мигъ жизнь покажется сладкою!..

СХІV.

Пошутила я — и другу слово молвила:
 Не ходи ты темной ночью въ нашъ зеленый садъ,
 Молодой сосѣдъ догадливъ, онъ дознается,
 Быль и небыль станетъ всѣмъ про насъ раз-
 сказывать.

Милый другъ мой, что ненастный день, нахму-
 рился,
 Не подумаль и отвѣтилъ мнѣ съ усмѣшкою:
 „Не молвы людской боишься ты, измѣнница,
 Вѣрно видѣться со мною тебѣ нелюбо“.

Вотъ недѣля — моя радость не является,
 Засыпаю — мнѣ во снѣ онъ, соколъ, видится,
 Просыпаюсь — мнѣ походка его чудится,
 Вспомню рѣчь его — все сердце разрывается.

Для чего же меня, другъ мой, ты обманываль,
 Называль душою, дорогою радостью?
 Покидая радость, ты слезы не выронилъ,
 И съ душой разстался, что съ заботой скучною.

Не виню я друга, на себя я плачуся:
 Ужь зачѣмъ его я слушала, лелѣяла?
 Полюбить умѣла лучше милой матери —
 Позабыть нѣтъ силъ, разлюбить нѣтъ разума.
 1855—1—19.

СХV.

Взгляни: небесный сводъ безоблаченъ надъ
 нами,
 И безмятежно угасаетъ день,
 И листья темныхъ ивъ, нависшихъ надъ водами.
 Объяли сонъ и сладостная лѣнь.

Не тронется трава, камышь не шевелится,
 Безлюдны берега, молчитъ полей просторъ,
 И солнце на покой торжественно садится,
 И въ золотъ горитъ недвижный боръ.

Повсюду тишина и миръ невозмутимый... 5
 Лишь слышенъ мельницы однообразный шумъ,
 Даръзвой рыбы плескъ... О, другъ неутомимый!
 Зачѣмъ же ты одинъ и мраченъ, и угрюмъ?

— Вотъ отъ того-то такъ мнѣ тяжело и больно,
 Что все покоится въ глубокой тишинѣ, 10
 Тогда какъ нѣтъ отрады только мнѣ,
 Тогда какъ плачу я отъ горькихъ думъ невольно.
 1855—I—20.

 СХVI.

Поголяла вода
 По зеленымъ лугамъ,—
 Вдоволь бури понаслушалась; 15
 Поломала мостовъ,
 Потопила дворовъ,—
 Вольной жизнью понатѣшилась.

Миновала весна,
 Присмирѣла рѣка,— 20
 По песку течетъ — не мутится;
 Въ ночь при мѣсяцѣ спитъ,
 Дунетъ вѣтеръ — молчитъ,
 Только хмурится да морщится.

Поголялъ молодецъ 25
 По чужимъ сторонамъ,—
 Удальствомъ своимъ похвастался;
 По пирамъ походилъ,
 Чужихъ женъ поласкалъ,
 Ихъ мужьямъ придалъ заботушки. 30

А теперь при огнѣ
 Сиди, лапоть плети,—
 Всю вину на старость сваливай;
 Молодая жена
 Ею колетъ глаза,—
 Ну, радъ не радъ — а смалчивай.
 1855—1.

СХVII.

Надъ свѣтлымъ озеромъ пурпуровой зари
 Вечернїй пламень потухаетъ.
 На берегу огни разводять косари,
 И беззаботно собираетъ
 Рыбакъ, близъ камыша, сѣтъ мокрую въ челнокъ;
 Уснули въ сумракъ равнины,
 И только изрѣдка прохладный вѣтерокъ
 Пошевелить листы осины.

Люблю я этотъ часъ, когда со всѣхъ сторонъ
 Ко мнѣ идутъ густыя тѣни,
 И вѣтъ свѣжестью, и воздухъ напоенъ
 Дыханьемъ дремлющихъ растеній,
 Когда становится яснѣе каждый звукъ,
 Горитъ зарница надо мною,
 И мѣсяцъ огненный, безмолвный ночи другъ,
 Встаетъ надъ ближнею горою.

Что нужды? Этотъ день печально я прожилъ
 Подъ гнетомъ горькихъ впечатлѣнїй,
 Зато теперь кипитъ во мнѣ избытокъ силъ,
 И новыхъ чувствъ, и размышлений.
 Я вновь теперь живу! И какъ отраденъ мнѣ
 И сонъ полей въ тиши безлюдной,
 И этихъ яркихъ звѣздъ, горящихъ въ вышинѣ,
 Языкъ торжественный и чудный.

1855—1.

СХVIII.

Е л к а.

Посвящено Е. П. Долгорукой.

Одиноко выростала
Елка стройная въ лѣсу,
Холодъ съ молоду узнала,
Часто видѣла грозу.

Но, покинувъ лѣсъ родимый,
Елка бѣдная нашла
Уголокъ гостепріимный,
Новой жизнью зацвѣла.

Вся огнями засвѣтилась,
Въ серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
Въ лучшій міръ перенеслась.

Дѣти нужды и печали!
Точно елку, васъ, сиротъ,
Матерински приласкали
И укрыли отъ невзгодъ,

Обогрѣли, пріютили,
Святъ и свѣтелъ вашъ пріютъ,
Здѣсь васъ рано научили
Полюбить добро и трудъ.

И добра живое сѣмя
Не на камень упадетъ:
Дастъ Господь, оно во время
Плодъ сторичный принесетъ.

Начать сѣвъ во имя Бога.
Подрастайте въ добрый часъ!
Жизни тѣсная дорога
Пораздвинется для васъ.

Но невзгода ль васъ застанеть
 На пути, или порокъ
 Съти хитря разставитъ, —
 Дѣтства помните урокъ.

5 Для борьбы дана вамъ сила;
 Не родное по крови
 Вамъ свѣтъ истины открыло
 Сердце, полное любви.

10 И о немъ воспоминанье
 Да хранить васъ въ дни тревогъ,
 Въ пору счастья и страданья,
 Какъ добра святой залогъ.

1855—1.

СХІХ.

Другъ (Степь).

Пусть снова дни мои мнѣ горе принесутъ, —
 Часы тяжелаго томленья,
 15 Я знаю, выкупить восторгъ иныхъ минутъ,
 Другія чувства и явленья.

Когда поверхность водъ при мѣсяцѣ блеститъ,
 Когда закатъ огнемъ пылаеть,
 20 Иль по дорогѣ вихрь густую пыль кружитъ,
 Иль въ полночь молнія блистаетъ,

Когда поля зимой подъ бѣлымъ пухомъ спятъ,
 Иль гнется лѣсъ отъ вьюги грозной,
 Иль на небѣ столбы, какъ радуги, горять
 При свѣтѣ солнца въ день морозный, —

25 За всѣмъ отрадно мнѣ и весело слѣдить,
 Все такъ знакомо мнѣ и ново,
 И все я въ памяти желалъ бы сохранить,
 Замкнуть въ обдуманное слово!..

Природа, ты одна, наставникъ мой и другъ,
 Миръ полный мысли мнѣ открыла,
 Счастливымъ сдѣлала печальный мой досугъ
 И съ бѣдной долей примирила!

Отъ тайной ли тоски болить и ноеть грудь, 5
 Иль мучить сердце нуждъ тревога,—
 Въ твои объятія спѣшу я отдохнуть,
 Какъ въ храмъ невидимаго Бога.

И мнѣ ли не любить тебя отъ всей души,
 Мой другъ, не знающій забвенья! 10
 Меня и мертваго ты пріютишь въ тиши,
 Теперь живого утѣшенье!

1855—III.

СХХ.

Слѣпой гусярь.

Давно ужъ не вижу я солнца и неба,
 Не знаю, какъ миръ и живетъ и цвѣтеть,
 Какъ птица, не сѣю зернистаго хлѣба, 15
 Пою и ночью, гдѣ Богъ приведетъ.

Но слухъ мой въ замѣну отраднаго зрѣнья
 Невѣдомой силою чудно развить,—
 Когда и былинка стоитъ безъ движенья,
 Со мною незримая жизнь говоритъ: 20

Листокъ ли на землю сырую ложится,
 Змѣя ли ползетъ гдѣ нибудь въ сторонѣ,
 Камышъ ли сквозь сонъ вдалекѣ шевелится,—
 Я все различаю въ ночной тишинѣ.

И голосъ веселья, и стонъ тайной муки 25
 Въ тревогѣ дневной я умѣю ловить;
 И въ душу однажды запавшіе звуки
 Въ согласныя пѣсни спѣшу перелить,

Когда же порой, окруженный гостями,
 Подъ крышей чужою найду я пріютъ,
 И гусли вздрогнуть у меня подъ руками,
 И звуки волнами отъ струнъ потекуть,—

Откуда-то вдругъ во мнѣ сила возьмется,
 Забѣгаютъ пальцы и кровь закипитъ,
 Развернется дума,— и пѣсня польется...
 И свѣтъ мои очи тогда озаритъ!

Мнѣ кажется, вижу я степи роздолье,
 Блескъ солнца и краски душистыхъ цвѣтовъ,
 И свѣтлая воды, и луга приволье,
 И темныя сѣни родимыхъ лѣсовъ.

Пою,— и на мнѣ подымается волосъ,
 И впалыя щеки румянцемъ горять,
 И звучнымъ становится слабый мой голосъ,
 И гости, заслушавшись, молча сидятъ.

Умолкну,— гусяра толпа окружаетъ.
 Но я ужъ не слышу тутъ грома рѣчей:
 Душа, словно вѣтеръ, по свѣту гуляетъ.
 И слезы ручьями бѣгутъ изъ очей!

1855—III.

СХХІ.

Не спится мнѣ. Окно отворено,
 Давно горятъ небесныя свѣтила,
 Сіяетъ прудъ, въ густомъ саду темно,
 Ночь ясная безмолвна, какъ могила.

Но тамъ — въ гробахъ, навѣрно, есть покой;
 Здѣсь жизни пиръ; во тьмѣ кипятъ желанья,
 Во тьмѣ порокъ идетъ своей тропой,
 Во тьмѣ не спятъ ни страсти, ни страданья!

И больно мнѣ, и страшно за людей,
 Въ ночной тиши мнѣ чудятся ихъ стоны,
 И вижу я, какъ въ пламени страстей
 И мечутся, и плачутъ миллионы...

И плачу я... Мнѣ думать тяжело,
 Что день и ночь, минута и мгновенье
 Родятъ на свѣтъ невидимое зло
 И новое тяжелое мученье.

1855—VI.

СХХII.

Уличная встрѣча.

Словно безлюдный, спокоенъ весь городъ.
 Солнце чуть видно сквозь сѣть облаковъ. 10
 Пусто на улицѣ. Утренній холодъ
 Вывель узоры на стеклахъ домовъ.
 Крыши повсюду покрыты коврами
 Мягкаго снѣга; изъ трубъ тамъ и сямъ
 Дымъ поднимается кверху столбами, 15
 Вьется, рѣдѣетъ, подобно клочкамъ
 Тучекъ прозрачныхъ, — и вдаль улетаешь...
 Скучная улица! Вѣрно, народъ
 Здѣсь неохотно дворы покидаетъ...
 Вотъ только баба, согнувшись, несетъ 20
 Гробикъ подъ мышкою... Вотъ и другая
 Встрѣтилась съ нею, поклонъ отдала,
 Кланяясь, молвила: „Здравствуй, родная!“
 Остановилась и рѣчь повела:

„Кому же этотъ гробикъ-то
 Ты, мать моя, взяла,
 Сыночекъ, что-ли, кончился,
 Иль дочка умерла?“ 25

— Сынка, моя голубушка,
Сбираюсь хоронить;
Да вотъ насилу сбилася
И гробикъ-то купить.

5 А ужъ свѣчей и ладану
Не знаю, гдѣ и взять...
Есть старый самоваришка,
Хочу въ закладъ отдать.

10 Мужъ боленъ. Вотъ три мѣсяца
Лежить все на печи,
Просить на бѣдность — совѣстно,
Хоть голосомъ кричи. —

15 „И, мать! И я стыдилася
Просить въ твои года;
Глупа была, ужъ что таить,
Глупа да и горда.

20 Теперь привыкла, горя нѣтъ:
Придешь въ знакомый домъ,
Поплачешь да поклонишься,
Разскажешь обо всемъ:

Вдова, молъ, я несчастная...
Глядишь, — присѣсть велятъ.
Дадутъ какое платишко
И къ чаю пригласятъ.

25 Другое дѣло, мать моя,
Подъ окнами ходить, —
Вѣстимо, это совѣстно,
Ужъ надо нищей быть.

30 А примутъ тебя въ комнатѣ, —
Какой же тутъ порокъ?..
Ты, кажется, кручинишься,
Что померъ твой сыночекъ?“

— Охъ, я, вѣдь, съ нимъ заботушки
 Не мало приняла!..
 Кормить его, по немочи,
 Я грудью не могла.

Поутру жидкой кашицы 5
 Вольешь ему въ рожокъ,
 Сосеть ее онъ, бѣдненькій,
 Да тѣмъ и сытъ денекъ.

Тутъ, знаешь, у насъ горенка,
 Зимой-то, что ледникъ, — 10
 Чуть, сонный, онъ размечется,
 Ну и подыметъ крикъ...

И весь дрожить отъ холода...
 Начнешь ему дышать 15
 На красныя ручонки-то,
 Ну, и заснетъ опять. —

„И плакать тебѣ нечего,
 Что Богъ его прибралъ...
 Онъ, мать моя, я думаю,
 Не долго прохворалъ?“ 20

— Съ недѣлю, другъ мой, маялся
 И не бралъ въ ротъ рожка;
 Бывало, только капельку
 Проглотить молока.

Вчера, моя голубушка, 25
 Ласкаю я его,
 Глядь, — слезки навернулись
 На глазкахъ у него.

Какъ будто жизнь безгрѣшную 30
 Онъ кинуть не хотѣлъ...
 А умеръ, тихо, бѣдненькій,
 Какъ свѣчка, догорѣлъ! —

„О чемъ же ты заплакала?
Тутъ воля не твоя.
И дѣти-то при бѣдности —
Желѣзы, мать моя!

5 Вотъ и у меня Аринушка
И умница была,
По бархату, душа моя,
Шить золотомъ могла;

10 Бывало, за работою
До пѣтуховъ сидитъ;
А мнѣ съ поклономъ по людямъ
И выйти не велитъ:

15 „Сама ужъ, дескать, маменька,
Я пропитаю васъ“.
Работала, работала, —
Да и лишилась глазъ.

20 Связала мои рученьки:
Вѣдь, чахнетъ отъ тоски;
Слѣпа, а вяжетъ кое-какъ
Носчишки да чулки.

Чужого калача не съѣстъ,
А если и возьметъ
Кусокъ какой отъ голода,
Все сердце надорветъ:

25 И ѣстъ, и плачетъ, глупая,
Журишь, — отвѣта нѣтъ...
Вотъ каково, при бѣдности,
Съ дѣтьми-то жить, мой свѣтъ!“

30 — Охъ, горько, моя милая!
Растетъ дитя — печаль,
Умретъ оно, — своя, вѣдь, кровь,
Жаль, другъ мой, крѣпко жаль! —

„Молися Богу, мать моя,
 Не надобно тужить.
 Прости же, я зайду къ тебѣ
 Блиновъ-то закусить.“

Бабы разстались. На улицѣ снова
 Пусто. Заборы и стѣны домовъ
 Смотрятъ печально и какъ-то сурово.
 Солнце за длинной грядой облаковъ
 Спряталось. Небо такъ блѣдно, безцвѣтно,
 Точно какъ мертвое... и облака
 Такъ безотрадно глядятъ, безпривѣтно,
 Что поневолѣ находятъ тоска.
 1855.

СХХІІІ.

Въ лѣсу.

(Послѣ выздоровленія).

Привѣтъ тебѣ, знакомецъ мой кудрявый!
 Приими меня подъ сѣнь твоихъ дубовъ,
 Раскинувшихъ навѣсъ свой величавый
 Надъ гладью свѣтлыхъ водъ и зеленью луговъ.
 Какъ жаждалъ я, измученный тоскою,
 Въ недугѣ медленномъ сгорая, какъ въ огнѣ,
 Твоей прохладою упиться въ тишинѣ
 И на траву прилечь горячей головою!
 Какъ часто въ тягостномъ безмолвіи ночей,
 Въ часы томительнаго бдѣнья,
 Я вспоминалъ твой мракъ, и музыку рѣчей,
 И птицъ веселый свистъ, и пѣнье,
 И дни давнишніе, когда свой скучный домъ
 Я покидалъ, ребенокъ нелюдимый,
 И, молча, въ сумракѣ твоёмъ
 Бродилъ, взволнованный мечтой невыразимой!

СХХІV.

Внезапное горе.

Вотъ и осень прошла. Убранъ хлѣбъ золотой,
 Все гумно у сосѣда завалено...
 У меня только смотреть оно сиротой, —
 Ничего-то на немъ не поставлено!

А ужъ я ль свою силу для пашни жалѣлъ, 5
 Былъ лѣнивъ за любимой работою,
 Иль, какъ надо, удобрить ее не успѣлъ,
 Или началъ посѣвъ не съ охотою?

А ужъ я ли кормилицъ — теплой веснѣ,
 Не былъ радъ и обычая старого 10
 Не держался, для гостяи съ людьми наравнѣ—
 Не затеплилъ свѣчи воску яраго!..

День и ночь все я думалъ: авось, моль, дождусь,
 Стану осенью рожь обмолачивать,
 Все, глядишь, на одежду дѣтишкамъ собьюсь 15
 И оброкъ буду въ пору уплачивать.

Не дозрѣла моя колосистая рожь,
 Крупнымъ градомъ до корня побитая!..
 Ужъ когда же ты, радость, на дворъ мой войдешь?
 Охъ, бѣда ты моя непокрытая! 20

Посидятъ, вѣрно, дѣтки безъ хлѣба зимой,
 Безъ одежи натерпятся холоду...
 Привыкайте, родимые, къ долѣ худой!
 Закаляйтесь въ кручинушкѣ смолоду!

Всѣмъ не стать — пировать... Къ горькимъ 2
 горе идетъ,

Съ ними всюду, какъ другъ, уживается,
 Съ ними сѣть и жнеть, съ ними пѣсню поеть,
 Когда грудь по частямъ разрывается!..

СХХV.

Дѣлѣжь.

Да, сударь мой, нерѣдко вотъ бываетъ:
Отець на столъ, а дѣтки за дѣлѣжь,
И брата братъ за шиворотъ хватаетъ...
Изъ-за чего? И въ толкъ-ать не возьмешь!..

5 У васъ-то, баръ, я чаю, нѣтъ разлада...
А мужики, извѣстно, вахлаки:
У нихъ за грошъ — остуда и досада,
За гривенникъ какой-нибудь — пинки!

10 Тутъ изъ-за бабъ, дѣтишекъ выйдетъ злоба...
Вотъ мы теперь: всего-то двое насъ —
Мой братъ да я; женаты, сударь, оба,
И хлѣбъ всегда имѣли про запасъ,

15 И жили бы себѣ, домкомъ собирались...
Нѣтъ, погоди! Вишь, жены не въ ладу:
Вотъ у одной коты поистаскались...
„Я говорить, на рѣчку не пойду,

20 Пускай идетъ невѣстка, коли хочеть,
Ей мужъ успѣлъ обнову-то купить...“
А та себѣ, какъ бѣшеная, вскочить,
Начнетъ вотъ такъ руками разводить,

И ну — кричать: „А ты — что за дворянка?
Котовъ-де нѣтъ, да сѣла и сидить...“
И тутъ пойдетъ такая перебранка,
Что у тебя въ ушахъ инда звенить.

25 Братъ за жену, глядишь, замолвить слово
И дурую мою-то назоветь,
А у тебя на слово пять готово, —
Вотъ, сударь мой, потѣха и пойдетъ!

Все это такъ... И при отцѣ бывало,
 Да старичокъ насъ скоро разводилъ;
 Чуть крикнетъ: „Эй!“ — бѣжишь, куда попало,
 Не то — бѣда! Охъ, крутъ покойникъ былъ!

Какъ померъ онъ, мой братъ и позазнался: 5
 Срамить меня, срамить мою жену;
 Вы, дескать, что? Старшимъ-то я остался.
 Я, говорить, васъ вотъ какъ поверну!

И повернулъ... Тутъ надо лыкъ на лапти,
 Онъ бражничать возьметъ да гулять; 10
 Ты цѣлъ берешь, онъ лѣзетъ на полати,
 Ну, одному не растянуться стать.

Жена его все, знаешь, поджигаетъ:
 „Дѣлись, дескать! Твой братъ-то лежебокъ,
 Какъ куколку жену-то снаряжаетъ, 15
 Исподтишка весь домъ поразволокъ...“

Сама-то, вишь, она скупенька больно,
 Готова вѣкъ въ отрепьяхъ пропадать,
 Да любить жить хозяйкой самовольной,
 По-своему все, знаешь, поворачать. 20

Ну, а моя бабенка не сварлива,
 А грѣхъ таить, — отъ щегольства не прочь,
 Да и того... въ работѣ-то лѣнива,
 Что есть, то есть, — тутъ ложью не помочь.

Вотъ, сударь мой, и завязалось дѣло: 25
 Что день, то шумъ, подъ шумомъ и заснешь,
 И брату-то все это надоѣло,
 И мнѣ равно, — и начали дѣлежъ.

Сперва-то мы по совѣсти дѣлились;
 Не сладились, — взяли было за судъ, — 30
 Ну, кое-какъ въ расправѣ помирились,
 Остался споръ за старенькій хомутъ...

И я кричу, и братъ не уступаетъ:
 „Нѣтъ“, говорить, „хоть тресни, не отдамъ!“
 Я за шлею,—онъ, знаешь, вырываетъ,
 Да норовить ударить по рукамъ.

5 И смѣхъ и грѣхъ... Стоимъ за дрянъ горою...
 Вдругъ, сударь мой, моргнуть я не успѣлъ,
 Какъ крикнулъ братъ: „Возьми, пусть за
 тобою!“
 Да на меня хомуть-то и надѣлъ.

10 Я сгоряча въ шлеѣ позапутлялся;
 Народъ ореть: „Вонъ, обрядилъ коня!..“
 Ужъ такъ-то я въ ту пору растерялся, —
 Инда слеза прошибла у меня!..

Вамъ, сударь, смѣхъ... Нѣтъ, тутъ смѣшного
 мало:

15 Вѣдь, братъ-то мой по-барски чаялъ жить;
 Взялся за гужъ, — анъ силы не достало,
 Тужилъ, тужилъ и началъ съ горя пить.

И мнѣ не медъ... Вѣдь праздниковъ не
 знаешь:

20 Работаешь, спины не разогнешь,
 Чуть непогодъ — все стонешь да перхаешь...
 Вотъ, сударь мой, мужицкѣй-то дѣлежъ!

1855.

СХХVI.

Выѣздъ ямщика.

Ну, кажись, я готовъ:
 Вотъ мой кафтанишко,
 Рукавицы на мнѣ,
 Новый кнутъ подь мышкой...

Въ головѣ-то шумить...
 Вотъ что мнѣ досадно!
 Правда, хмель вѣдь не дурь, —
 Выспался — и ладно.

Ты, жена, замолчи:
 Безъ тебя все знаю;
 Ёду съ бариномъ... да!
 Ухъ, какъ погуляю!

Да и баринъ... поди, —
 У родного сына
 Онъ невѣсту отбилъ, —
 Стало, молодчина!

Схоронилъ двѣ жены,
 Вотъ нашель и третью...
 А сердить... чуть не такъ,
 Заколотить плетью!

Ну, ништо... говорятъ,
 Эта-то невѣста
 И сама дастъ отпоръ, —
 Не отыщешь мѣста.

За богатство идетъ, —
 Вѣтрогонка, значить...
 Сына пустить съ сумой,
 Мужа одурачить...

Сынъ, къ примѣру, не глупъ,
 Да запуганъ, вѣрно:
 Все глядитъ сиротой...
 Смиренъ непомѣрно.

Ну, да пусть судить Богъ,
 Что черно и бѣло...
 Вотъ лошадокъ запречь —
 Это наше дѣло!

Слышь, жена! погляди,
Каковы уздечки?
Вишь, вотъ мѣдный наборъ,
Вотъ мохры, колечки.

5 А дуга-то, дуга,
Въ золотѣ сѣяетъ...
Прр... Шалишь коренной!
Знай, песокъ копаеть!

10 Ты, дружокъ, не блажи;
Старость твою жалко!..
Такъ кнутомъ проучу, —
Станеть небу жарко!..

15 Сидоръ вожжи возьметъ, —
Чорта не боится!
Пролетить, — на него
Облачко дивится!

20 Только крикнешь: „ну, ну!
Эхъ, ты, беззаботный!“
Отстаеть позади
Вѣтеръ перелетный!

А сѣдокъ-ать мнѣ — тѣфу!
Коли скажетъ: „Легче!“
Нѣтъ, молъ, сѣлъ, такъ сиди,
Да держись покрѣпче.

25 Ужъ у насъ, коли лѣнь, —
День и ночь спимъ сряду;
Коли пиръ — наповаль,
Трудъ — такъ до упаду;

30 Коли ѣхать, — катай!
Головы не жалко!..
Намъ безъ свѣта свѣтло,
Безъ дороги — гладко!..

Ну, Матрена, прощай!
 Оставайся съ Богомъ;
 Жди обновки себѣ,
 Да гляди за домомъ.

Да! кобылѣ больной
 Парь трухою ногу...
 Не забудь!.. А воды
 Не давай помногу.

Ну-ка, въ путь! Шевелись!
 Эхъ, какъ понеслися!
 Берегись, ты, мужикъ,
 Глухъ, что ль?.. Берегись!..
 1855.

 СХХVII.

Отвяжися, тоска,
 Пылью поразвѣйся!
 Что за грусть, коли живъ —
 И сквозь слезы смѣйся!

Не диковинка — пирь
 При хорошей долѣ;
 Удадь съ горя поеть,
 Пляшетъ и въ неволѣ.

Ужъ ты какъ ни хвались
 Умной головою, —
 Громовыхъ облаковъ
 Не отвесь рукою.

Грусть-забота не спить,
 Безъ бѣды крушится;
 Беззаботной душѣ
 И на камнѣ спится.

Коли солнышка нѣтъ, —
 Ясный мѣсяць свѣтитъ;
 Измѣнила любовь, —
 Пѣсня не измѣнить!

5 Сердце просить не слезъ,
 А живетъ отрадой;
 Вотъ умрешь, — ну, тогда
 Ничего не надо.

1855.

СХХVIII.

Послѣднее свиданіе.

10 „Зачѣмъ это ты, матушка,
 Кручинишься всегда,
 И отдыха и праздника
 Не знаешь никогда?“

15 Коли вотъ дома дѣдушка,
 Такъ ты сидишь себѣ,
 Какъ будто и здорова ты,
 И весело тебѣ;

20 А чуть одна останешься
 Иль дѣдушка заснетъ,
 Все плачешь ты, да молишься,
 Ажъ грусть меня возьметъ.“

— Ты не грусти, касаточка,
 Поди ко мнѣ присядь,
 Я буду сказку сказывать,
 Коли не хочешь спать.

25 Сошью тебѣ и куколку;
 Ты никогда, смотри,
 Подружкамъ или дѣдушкѣ,
 Дружокъ, не говори,

Что плачу я... ты умница.
 Всегда такую будь.
 Ну сядь же, поцѣлуй меня,
 Прилягъ ко мнѣ на грудь.

Вотъ такъ. Что, хорошо тебѣ?
 Ну, спи тутъ у меня.
 Какая ты красавица,
 Касаточка моя.—

„А я въ обѣдъ съ подружками
 Играла на гumnѣ...
 Зачѣмъ это, родимая,
 Онѣ смѣются мнѣ?“

А гдѣ дескать отецъ-ать твой
 И какъ его зовутъ,—
 И сами переглянутся,
 Да со смѣху помрутъ...

Сказать имъ не придумаешь
 Въ ту пору ничего,
 И станетъ что то стыдно мнѣ...
 Не знаю отъ чего.“

— Твои подружки дурочки,
 Не слѣдъ къ нимъ и ходить;
 А ты, моя касаточка,
 Ты станешь мать любить?—

„Ну, вотъ ты и заплакала!
 Нечаянно войдетъ,
 Глядишь, въ избушку дѣдушка—
 Бранить тебя начнетъ.“

— Не буду, ненаглядная,
 Послушаюсь тебя.
 Ну, вотъ ужъ мнѣ и весело.
 Ну, обними жъ меня!—

Горитъ заря вечерняя,
Листы деревъ молчать.
Во ржи густой безъ умолку
Перепела кричать.

5
Вдоль рѣчки тѣни длинныя
Легли отъ береговъ.
Туманъ встаетъ и стелется
По бархату луговъ.

10
По роцѣ шумъ отъ мельницы
Во всѣ концы идетъ,
И шумъ тотъ роца слушаетъ,
Листомъ не шевельнетъ.

15
Давно въ избушкѣ смерклося;
Покрывшись зипуномъ,
Малютка спить, не тронется,
На лавкѣ подъ окномъ.

20
Мать сучить шерсть на варежки,
Ночникъ едва горитъ,
А сѣрый котъ на коникѣ
Мышенка сторожить.

Но вотъ звенять бубенчики,
И слышенъ скрипъ воротъ,
Дверь настежь отворяется,
Гость нежданный идетъ.

25
Плечистый и приземистый,
Лицо, что маковъ цвѣтъ,
Бородка свѣтлорусая,
На лбу морщинки нѣтъ.

30
Халатъ суконный на плечи
Накинуть щегольски,
Рубашка темносиняя,
Со скрипомъ сапоги,

Вошелъ онъ бойкой поступью,
 Картузъ проворно снялъ,
 Раскланялся съ хозяйкою
 И весело сказалъ:

„Настасья Агафоновна,
 Поклонъ тебѣ и честь!
 Я къ вамъ по старой памяти,
 Прикажешь ли присѣсть?“

Хозяйка зарумянилась
 И молвила въ отвѣтъ:
 — Въ угоду ль будетъ батюшкѣ?
 Его, вишь, дома нѣтъ. —

„Э! что тутъ, все уладится:
 Прикрикнетъ—помолчи.
 Вотъ ты о самоварчикѣ
 Сперва похлопочи.“

И кучеру кудрявому
 Купчина молодецъ
 Велѣлъ достать подъ войлокомъ
 Дорожный погребецъ.

На дѣвушку съ улыбкою
 Настасья указалъ
 И два медовыхъ пряника
 Ей молча передалъ.

Гуляютъ тучи по небу,
 Село покойно спить;
 На тайны міра здѣшняго
 Ночь черная глядитъ.

Все видитъ, гдѣ что дѣется,
 Все знаетъ издавна...
 И вотъ слезами крупными
 Заплакала она.,,

Молчитъ Настасья бѣдная,
Не сводитъ глазъ съ окна;
Не смотритъ ли кто съ улицы —
Все думаетъ она.

5 И страшно ей, и совѣстно.
Бѣда, коли опять
Пойдетъ молва недобрая;
Куда тогда бѣжать?..

10 Купчинѣ нѣтъ заботушки,—
Сидитъ онъ за столомъ
И называетъ кучера
Набитымъ дуракомъ.

15 „Да скоро ли ты, увалень,
Подашь мнѣ самоваръ?“
И кучеръ съ горя чешется
И раздуваетъ жаръ;

20 Поотдохнетъ, пощурится,
Надсадитъ кашлемъ грудь
И снова принимается
Въ трубу со свистомъ дуть.

„Ну, слава Тебѣ, Господи!
Насилу паръ пошелъ...“
И самоваръ съ досадою
Поставилъ онъ на столъ.

25 Но только гость подвинулся
Поближе къ огоньку,
Взялъ бережно изъ чайницы
Щепоточку чайку

30 И сталъ его заваривать—
Бѣда какъ тутъ была:
Хозяина нелегкаѣ,
Какъ на-смѣхъ, принесла,

Старикъ сѣдой съ сутулиной,
Угрюмый и рябой,
На немъ лаптишки старые.
Въ пыли чекмень худой.

Неласково и пристально 5
На гостя онъ взглянулъ,
Взглянулъ на дочь съ усмѣшкою,
И голову тряхнулъ.

— Зачѣмъ это пожаловалъ,
Коли велишь спросить? 10
Да ты тутъ по домашнему...
Ужъ чай усѣлся пить.—

„Нельзя-съ... погрѣться надобно,
Въ дорогѣ то продрогъ... 15
Здоровъ ли, какъ смогаешься,
Какъ милуетъ васъ Богъ?“

— Нешто... живемъ по старому...
А помнятся ль тебѣ
Слова твои разумныя
Вотъ въ этой же избѣ? 20

Давненько, самъ ты вѣдаешь,
А я ихъ не забылъ.
Ты, песъ, мнѣ въ ноги кланялся
И вотъ что говорилъ:

Прости меня... не гнѣвайся... 25
Вотъ образомъ клянусь—
Тебя на волю выкуплю,
На дочери женюсь.

Торгашъ, торгашъ безсовѣстный,
Ты радъ, что обманулъ... 30
Ужъ лучше бы мнѣ въ ту пору
Ты въ сердце ножъ воткнулъ.

Вѣдь я теперь посмѣшище
У добрыхъ то людей,
А дочь, какъ щепка, высохла;
Все отъ тебя, злодѣй.

5 Вонъ дѣвочка несчастная,
Изволь-ка отвѣчать:
Что, любо намъ на улицу
Бѣдняжку выпускать?—

10 Смутился гость. Рукой со лба
Отеръ холодный потъ,
И думалъ: дѣло скверное,
Не въ духѣ старый чортъ!

15 Пришлось кошель развязывать...
„Эхъ, Агафонъ Петровъ!
Ну стоитъ ли намъ ссориться,
Шумѣть изъ пустяковъ!

20 Какъ быть! Не то случается
На свѣтѣ межъ людьми,
Да все концы хоронятся...
Вотъ сто рублей... возьми!“

Старикъ назадъ попятился,
Немного покраснѣлъ,
И на Настасью блѣдную
Пытливо поглядѣлъ.

25 — Ну, дочка... вотъ, ты плакалась:
Насъ нищими зовутъ,—
Казна, вишь, съ неба валится,
Бери, коли даютъ.—

30 Дочь вспыхнула, что зарево,
И къ гостю подошла;
Въ глазахъ у ней мутилося,
Но рѣчь тверда была:

„Не надо намъ казны твоей!
 Не смѣйся надо мной!“
 И деньги на полъ бросила
 Дрожащею рукой.

— Вишь,—молвилъ гость—знать, дешево 5
 Чужое-то добро.—
 И гнулся въ три погибели,
 Сбирая серебро.

Сѣдой старикъ не вытерпѣлъ
 И крикнулъ: „Осмотришь! 10
 Пощупай и въ лоханкѣ-то—
 Тамъ звякнуло, кажись!

Эхъ, Настя, Настя бѣдная!
 Сгубила ты свой вѣкъ!
 Гляди, какъ тварь то ползаетъ; 15
 А... тоже человѣкъ!..“

Дочь опустила голову
 И плакала навзрыдъ,
 Какъ будто разомъ выплакать 20
 Хотѣла гнѣвъ и стыдъ.

„Ухъ, батюшки, измучился!
 Всю спину изломалъ!“
 Насилу выпрямляясь,
 Купчина разсуждалъ.

И за дверь тихо выбравшись, 25
 Сталъ кучера ругать:
 „Впрягай коней-то, увалень!
 Покудова мнѣ ждать?“

— Эхъ-ма!—въ отвѣтъ слышалось,
 И, плюнувъ на ладонь, 30
 Дугу взялъ кучеръ нехотя
 И натянулъ супонь.

И сталъ просить хозяина:
— Ой, какъ болить животъ!
Чайку тамъ не осталось?
Равно онъ пропадетъ.—

5 „Толкуй вотъ съ деревенщиной!
Смѣется вѣдь, смотри.
Пошелъ въ избушку, увалень,
Что нужно, собери.“

10 Гремятъ, звенятъ бубенчики...
Купчина подъ дождемъ
Свою досаду горькую
Отмщаетъ на другомъ:

15 „Дороги-то, дороги-то!
Поѣдешь да не радъ!
За чѣмъ это, бездѣльники,
Исправники глядятъ?...“

20 Молчить избушка тѣсная.
Настасья въ темнотѣ
Стоить и Богу молится
О дочкѣ-сиротѣ.

Старикъ лежитъ и думаетъ:
„Еще прожить денекъ.
А что то завтра старостѣ
Скажу я про оброкъ...“

1855—X.

СХХІХ.

19 октября.

25 Что это за утро! Серебряный иней
На зелени луга лежитъ;
Камышъ пожелтѣвшій надъ рѣчкою синей
Сквозною оградой стоитъ.

Надъ черною далью безлюдной равнины
 Клубится прозрачный туманъ,
 И длинныя нити сѣдой паутины
 Опутали сѣрый бурьянъ.

А небо такъ чисто, свѣтло, безмятежно, 5
 Что вонъ — далеко въ сторонѣ—
 Я вижу, мелькнулъ рыболовъ бѣлоснѣжный
 И тонетъ теперь въ вышинѣ.

Веселой прохладой луговъ освѣженный, 10
 Я краснаго солнышка жду,
 Любуюсь на пашни, на лѣсъ обнаженный,
 И въ сонную чашу вхожу.

Листы шелестятъ у меня подъ ногами,
 Два дятла гдѣ-то стучать...
 А солнышко тихо встаетъ надъ полями, 15
 Озера румянцемъ горять.

Вотъ ярко блеснули лучи золотые
 И крадутся въ чашу березъ
 Все дальше и дальше, — и вѣтки сырыя
 Покрылися каплями слезъ. 20

У осени поздней, порою печальной,
 Есть чудныя краски свои,
 Какъ есть своя прелесть въ улыбкѣ прощаль-
 ной,
 Въ послѣднемъ объятъи любви.

1855—X—19.

СXXX.

Надъ полями вечерняя зорька горитъ, 25
 Алой краскою рожь покрываетъ;
 Зарумянившись, лѣсъ надъ рѣкою стоитъ,
 Тихой музыкой день провожаетъ.

Задымились огни на крутомъ бережку,
Вкругъ огней косари собралися,
Полилась у нихъ пѣснь про любовь и тоску,
Отголоски во мракъ понеслися.

5 Ну, зачѣмъ тутъ одинъ я подъ ивой сижу
И ловлю заунывные звуки,
Вспоминаю, какъ жиль, да насильно бужу
Въ бѣдномъ сердцѣ заснувшія муки?

Эхъ ты, жизнь, моя жизнь! Ночь, бывало, не
спишь,

10 Выжидаешь минутку досуга;
Чуть семья улеглась,—что на крыльяхъ летишь
Въ темный садъ ненагляднаго друга!

Ключъ въ карманѣ давно отъ калитки готовъ,
И къ бесѣдкѣ знакома дорожка...

15 Свиснешь разъ соловьемъ въ сонной чащѣ
кустовъ, —

И раскроется настезь окошко.

Стало, спягъ старики... И стоишь, къ головѣ
Съ шумомъ кровь у тебя приливаетъ.

20 Вотъ идетъ милый другъ по росистой травѣ,
„Это ты!“ — и на грудь припадаетъ.

И не видишь, не знаешь, какъ время летитъ...

Ужъ давно зорька ранняя свѣтитъ,
Садъ густой золотистымъ румянцемъ по-
крыть, —

Ничего-то твой взглядъ не замѣтитъ.

25 Эхъ, веселыя ночки! Что сонъ, вы прошли...

Волю дѣвицы разомъ сковали:
Старика-жениха ей, бѣдняжкѣ, нашли,
Полумертвую съ нимъ обвѣнчали...

Безотрадной тоскъ не сломить меня вдругъ:
 Много силъ у меня и отваги!
 Каково-то тебѣ, ненаглядный мой другъ,
 Подъ замкомъ у ревниваго скряги!
 1855—X—27.

СXXXI.

Не смѣйся, родимый, кормилецъ! 5
 Кори ты меня — не кори, —
 Куплю я хозяйкѣ гостинецъ,
 Ну, право, куплю, посмотри.

Вѣдь баба-то, слышь, молодая, 10
 Красавица, вотъ что, мой свѣтъ!
 А это бѣда небольшая,
 Что лысь я немножко, да сѣдь.

Иной вѣдь и соколъ по виду, 15
 Да что онъ? живетъ на авось!
 А я ужъ не дамся въ обиду,
 Я всякаго вижу насквозь!

Сосѣди меня и поносятъ:
 Надъ нимъ-де смѣется жена...
 Не вѣрь имъ, напрасно обносятъ,
 Все враки, все зависть одна! 20

Ну, ходитъ жена моя въ гости,
 Да мнѣ это нуждушки нѣтъ,
 Не стать мнѣ ломать свои кости,
 За нею подсматривать вслѣдъ.

Я крутъ! И жена это знаетъ, 25
 Во всемъ мнѣ отчетъ отдаетъ...
 Случится ли, домъ покидаетъ, —
 Она мнѣ винца принесетъ.

Ну, что жъ тутъ? И пусть себѣ ходитъ!
 Она вотъ пошла и теперь...
 О-охъ, поясницу-то сводитъ!
 А ты никому, свѣтъ, не вѣрь.
 1855—X—29.

СXXXII.

5 Затеплились звѣзды одна за другою
 Надъ темною далью луговъ;
 Куда-то со скрипомъ, за сонной рѣкою,
 Проѣхалъ обозъ чумаковъ.

10 Задумавъ поужинать, подлѣ залива
 Рыбакъ разложилъ огонекъ;
 И вдругъ освѣтились: плакучая ива,
 Плечистый старикъ и челнокъ,

15 Развѣсистый неводъ, подпертый шестами,
 Шалашъ на крутомъ берегу,
 20 Кусты лозняка и, вдали за кустами,
 Стреноженный конь на лугу.

Вотъ въ сторону, вѣрно, испуганный свѣтомъ,
 Со свистомъ куликъ пролетѣлъ...
 Все тихо... лишь въ полѣ, туманомъ одѣтомъ,
 20 Богъ вѣсть кто-то пѣсню запѣлъ.

А къ полночи, кажется, дождь соберется,
 Ужъ наволочь кой-гдѣ пошла;
 Теперь мужичокъ его ждетъ, не дождется:
 Вѣдь рожь наливать начала!

25 Ложись, горожанинъ, въ постель пуховую
 И спи до утра безъ заботъ!
 Хлѣбъ будетъ: крестьянинъ свѣчу восковую
 Сегодня жъ съ молитвой зажжетъ.

Вонъ тучки находятъ; отрада народа,
 Господь дастъ, и дождикъ пойдетъ...
 Ужъ сколько же завтра душистаго меда
 Пчела моя въ полѣ найдетъ!

1855—XI—7.

СXXXIII.

Музыка лѣса.

Безъ конца поля	5
Развернулись,	
Небеса въ водѣ	
Опрокинулись,	
За крутой курганъ	
Солнце прячется,	10
Облаковъ гряда	
Развернулася.	
Поднялись, растутъ	
Горы мѣдныя,	
На горахъ дворцы	15
Золоченые.	
Между горъ мосты	
Перекинуты,	
Въ серебро и сталь	
Позакованы.	20
По травѣ, по ржи	
Тѣни крадутся,	
Въ лѣсъ густой бѣгутъ,	
Собираются.	
Лѣсъ стоитъ, покрытъ	25
Краской розовой,	
Провожаетъ день	
Тихой музыкой.	

Разливайтесь,
Звуки чудные!
Самъ не знаю я,
Что мнѣ весело...

5
Все мнѣ кажется,
Что давнымъ давно
Гдѣ-то слышаль я
Эту музыку.

10
Все мнѣ помнится
Сумракъ вечера,
Тѣсной горенки
Стѣны темныя.

15
Огонекъ горѣлъ
Передъ образомъ,
Какъ теперь горитъ
Эта звѣздочка.

20
На груди моей
Милой матушки
Я дремалъ, и мнѣ
Пѣсни слышались.

Были пѣсни тѣ
Звуки райскіе,
Неземная жизнь
Отъ нихъ вѣяла!..

25
И тогда сквозь сонъ
Все мнѣ видѣлся
Яркій блескъ и свѣтъ
Въ темной горенкѣ.

30
Не отъ этого-ль
Такъ мнѣ весело
Слушать въ сумерки
Лѣса музыку,

Что при ней одной
Дѣтство помнится,
Безотрадный день
Забывается?

1855—XI.

СXXXIV.

Пѣсня.

Ковыль моя травушка, ковыль безпріютная, 5
Росла ты подь бурями, отъ зноя повысохла,
Идетъ зима съ вьюгами, а все ты шатаешься;
Прошла почти молодость, — отрады нѣтъ мо-
лодцу.

Жиль дома — кручинился, покинулъ домъ на
горе;
Работаль безъ устали, — остался безъ прибыли; 10
Служиль людямъ правдою, — добра я не выслу-
жилъ;
Нашель друга по-сердцу, — сгубиль свою го-
лову!

О милой вся думушка, и грусть, и забо-
тушка,
Жду, вотъ съ нею встрѣчуся, а встрѣчусь —
раскаюся:
Скажу ей что ласково, — молчить и не слу- 15
шаетъ;
Я мукою мучуся, — она улыбается...

Легко красной дѣвицѣ чужой тоской тѣ-
шиться,
Съ ума сводить молодца, шутить злой измѣ-
ною:
Полюбить не надолго — забудеть по прихоти,
Безъ друга соскучится, — нарядомъ утѣшится... 20

Ужъ полно печалиться!—твердятъ мнѣ товарищи:

Чужое безвремяе не трудно обсуживать!
Узнаешь безсонницу, повѣсишь головушку,
Прощаяся на-вѣки съ послѣднею радостью...

5 Ковыль моя травушка, ковыль безпріютная,
Росла ты подъ бурями, отъ зноя повысохла...
Когда же мы, бѣдные, съ тобой красовались?
Зачѣмъ съ тобой, горькіе, на свѣтъ показались?
1855.

СXXXV.

На взятіе Карса.

Во храмы, братья! На колѣни!
10 Возсталъ нашъ Богъ и грянулъ громъ!
На память позднихъ поколѣній
Судъ начатъ кровью и огнемъ...

Таковъ удѣлъ твой, Русь святая, —
Величье кровью покупать;
15 На грудахъ пепла, вырастая,
Не въ первый разъ тебѣ стоять.

Въ борьбѣ съ чужими племенами
Ты возмужала, развилась
И надъ мятежными волнами
20 Скалой громадной поднялась.

Опять борьба! Растутъ могилы...
Опять стоишь ты подъ грозой!
Но чую я, какъ крѣпнуть наши силы,
И вижу я, какъ дѣти рвутся въ бой...

25 За Русь!—гремитъ народный голосъ.
За Русь!—по ратямъ кликъ идетъ,

И дыбомъ подымается мой волосъ, —
За Русь!—душа и тѣло вопіеть.

Все въ гнѣвѣ проснулось и все закипѣло;
Великою мыслью все царство живетъ;
На страшныя битвы за правое дѣло
Народъ оскорбленный, какъ буря, идетъ.

Задвигались рати, какъ тучи съ громами,
Откликнулись степи, вздрогнули лѣса,
Мелькаютъ знамена съ святыми крестами,
И меркнутъ отъ пыли густой небеса.

За падшихъ героевъ отмщенье настало:
По сушѣ, по морю гулъ битвы пошелъ, —
И знамя Ислама позорно упало,
Надъ Карсомъ поднялся двуглавый орелъ.

Да царствуетъ наша родная держава,
Сыновъ-исполиновъ безсмертная мать!
Да будетъ тебѣ вѣковѣчная слава,
Облитая кровью, могучая рать!

Пусть огнедышащихъ орудій
Намъ зѣвы мѣдныя грозятъ, —
Мы не закроемъ нашей груди
Гранитомъ стѣнъ и сталью латъ.

Любовь къ отчизнѣ закалила
Въ неравныхъ спорахъ нашъ народъ, —
Вотъ сверхъ естественная сила
И чудотворный нашъ оплотъ!

Твердыня Руси — плоть живая,
Несокрушимая стѣна,
Надежда, слава вѣковая,
И честь, и гордость — все она!

За насъ Господь! Онъ Русью править;
Онъ Моисеевъ жезлъ пошлетъ,
Царь по волнамъ жезломъ ударить, —
И рати двинутся впередъ,

5 И грянуть новые удары...
И вамъ, защитникамъ Луны,
За грабежи и за пожары
Отплатятъ Сѣвера сыны.

1855.

СХХХVI.

Староста.

10 Что не туча темная
По небу плыветъ, —
На гумно по улицѣ
Староста идетъ.

15 Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткіе
Завились въ кольцо.

20 Пузо перевязано
Краснымъ кушакомъ,
Плеча позатянуты
Синимъ кафтаномъ.

Палкой подпирается,
Бровью не ведетъ,
Въ сапоги-то новые
Мѣра ржи войдетъ.

25 Онъ идетъ по улицѣ, —
Безъ метлы мететъ;
Курица покажется, —
Въ ворота шмыгнетъ.

Одаль, да съ поклонами
 Мужики идутъ,
 Ребятишки малые.
 Ко дворамъ ползугъ.

Утомился староста:
 На гумнѣ стоитъ,
 Гладитъ усъ и бороду,
 Да на людъ глядитъ.

На-небѣ ни облачка,
 Вѣтерокъ-атъ спитъ,
 Солнце землю-матушку,
 Какъ огнемъ, палитъ.

Отъ цѣповъ-то стукъ и дробь —
 Стонетъ все гумно,
 Бабъ и дѣвокъ жаръ печетъ,
 Мужичковъ равно.

Староста надумался:
 „Молоти дружнѣй!“
 Бабъ и дѣвокъ потъ прошибъ,
 Мужичковъ сильнѣй.

Бабу чернобровую
 Староста позвалъ,
 Рѣчь-то велъ разумную, —
 Дѣло толковалъ...

Дура баба плюнула,
 Молотить пошла.
 То-то, значить, молодость,
 Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
 Рубить не съ плеча:
 Староста не выпуститъ
 Слова сгоряча.

На скирды посматривалъ,
Поглядѣлъ на рожь,
Поглядѣлъ и вымолвилъ:
5 „Умолоть хорошъ!“

Улыбнулся ласково,
Дѣвокъ похвалилъ,
Бабѣ съ бровью черною
Чорта посулилъ.

10 „Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣвъ пошлю...“
— Не грѣшно ли, батюшка? —
„Нѣтъ, коли велю!“

Баба призадумалась...
Староста пошелъ,
Онъ прошелъ по улицѣ —
15 Безъ метлы подмель.

На гумнѣ-то стонъ стоитъ,
Весело гумно:
Потомъ обливается
20 Каждое зерно.
1856.

СXXXVII.

Новая утрата.

Давно-ль повеселѣлъ мой уголокъ печальной,
Давно-ль я межъ друзей сидѣлъ
И слушалъ ихъ и радовался тайно?
И вотъ опять осиротѣлъ!

25 Кругомъ глубокое молчанье...
Однимъ я позабытъ, другой умчался въ даль...
Да и кому нужна моя печаль?
У всякаго свое страданье.

Послѣдній другъ безвременно зарыть.
 Угасъ, замученный борьбою
 Съ суровой долею, съ безчувственной семьєю,
 Тоскою медленной убить!

Погибли молодая силы!
 Безжалостной судьбы не могъ онъ побѣдить...
 Мой бѣдный другъ! И гробъ твой до могилы
 Не удалось мнѣ проводить!

Все чудится: я слышу милый голосъ,
 Все жду, что другъ отворить дверь...
 Одинъ остался я теперь,
 На сжатой нивѣ позабытый колось!

Безоблачны покуда небеса,
 Но сердце у меня недаромъ изнываетъ...
 Поется пѣснь, но вызываетъ
 Она мнѣ слезы на глаза...

Такъ иногда, передъ грозюю,
 Надъ зеркальной поверхностью рѣки
 Тревожно дѣлая круги,
 Щебечетъ ласточка порою...

1856—II—22.

СХХХVIII.

Разсказъ моего знакомаго.

Позвольте-ко... Сысой... Сысой...
 Не вспомню вотъ отечества...
 Ахъ, Боже мой! И братъ-то свой —
 Изъ нашего купечества...

Ну, все равно-съ! Мужикъ - добрякъ
 И голова торговая,
 А смиренъ, сударь, то-есть-такъ,
 Что курица дворовая.

Ни Боже мой-съ, не пьеть вина!
Ребенокъ съ ребятишками...
Но слабость у него одна —
И спить, то-есть, за книжками...

5 Оно ничто. Тутъ нѣтъ вреда,
Изъ книгъ, то-есть, вывѣдывать
И что, и какъ... да вотъ-съ бѣда —
Любилъ онъ проповѣдывать.

10 Въ торговлѣ де у насъ обманъ,
Намъ вѣрить де сомнительно,
И то, и то... Такой туманъ,
Что слушать уморительно.

15 Бранилъ и билъ отецъ крутой
Его за эти шалости. —
Все толку нѣтъ... Махнулъ рукой
И пересталъ... изъ жалости!

И вздумалъ онъ-съ его женить.
Сынъ плачетъ, убивается:
— Постой, дескать! Зачѣмъ спѣшить? —
20 Въ ногахъ, то-есть, валяется!

Отецъ сказалъ, что это вздоръ,
Одно непослушаніе.
Сынъ такъ и сякъ... и бросилъ споръ,
Исполнилъ приказаніе.

25 Жена лицомъ, что маковъ цвѣтъ,
Дородная, работница,
Мететь, скребеть, встаетъ чуть свѣтъ
И мыть и шить охотница.

Ну-съ, мужъ того... Ей не мѣшалъ.
30 Что думалъ, — дѣло темное,
И все, то-есть, сидѣлъ - читалъ,
Все разное-съ, мудреное.

Когда-то онъ, когда съ женой
Словечкомъ перебросится!
Лежить, то-есть, что пень какой,
Пойдетъ куда, — не спросится...

Жена со зла и ну рыдать:
Что вотъ де напущеніе, —
И день читать, и ночь читать,
Жены милѣе чтеніе!..

Мужъ все молчитъ. Картузь возьметъ,
На рынкѣ пошатается...
Нельзя-съ — купецъ!.. Домой придетъ,
Никакъ не начитается.

Груститъ жена: зачѣмъ она
Жизнь дѣвичью покинула?
Она ль глупа? Она ль дурна?..
Да книжки въ печь и кинула.

Тотъ, знаете, тужиль - тужиль,
Да съ кислою улыбкою
И молвилъ ей: „Себя сгубиль,
Связалъ тебя ошибкою...“

Возьметъ картузь, изъ дома вонъ,
На рынкѣ пошатается.
Придетъ домой, — опять трезвонъ!
Жена не понимаетъ:

— Куда ходилъ? Зачѣмъ пропалъ?
Такой сякой и грамотникъ!
Жена плоха, иной искалъ...
Не грамотникъ ты, лапотникъ!—

И завтра тожъ, и послѣ тожъ,
Попреки да разладица,
И нѣтъ, то-есть, добра на грошъ,
Такая безпорядица!

Оказія-съ!.. Жену винить?
 Любовь, то-есть, ревнивая...
 И мужа, сударь, грѣхъ чернить:
 Природа молчаливая...

5 Молчалъ онъ годъ, молчалъ онъ два,
 Читалъ, что попадалося,
 Тайкомъ, то-есть... Но голова...
 Да-съ! Тутъ - вотъ помѣшалось.

10 Онъ живъ теперь. Все внизъ глядитъ,
 Ничѣмъ не занимается,
 Глупъ, знаете!.. И все молчитъ,
 Да горько улыбається.

1856—III.

СXXXIX.

15 У кого нѣтъ думы
 И заботъ-кручины,
 Да зато есть радость —
 Уголокъ родимый,

20 Сядетъ онъ, усталый,
 Съ милою женою,
 Отдохнетъ въ бесѣдѣ
 Сердцемъ и душою.

На дворѣ невзгода, —
 Свѣчка нагораетъ...
 На полу малютка
 Весело играетъ.

25 Къ дому онъ подходитъ, —
 Путь неровный — гладокъ;
 Ужинать присядетъ, —
 Бѣдный ужинъ сладокъ.

Не съ кѣмъ подѣлиться
 Теплыми словами, —
 Поведешь бесѣду
 Съ голыми стѣнами!

Облаку да вѣтру
 Горе перескажешь
 И съ подушкой думать
 Съ вечера приляжешь.
 1856.

СХЛ.

Помню я: бывало, няня,
 Долго сидя за чулкомъ,
 Молвить: „баловень ты, Ваня,
 Все дурачишься съ котомъ.“

Встань, подай мою шубейку,
 Что-то холодно... дрожу...
 Да присядь вотъ на скамейку,
 Сказку длинную скажу.“

И старушка съ разстановкой
 До полночи говорить.
 Съ приподнятою головкой
 Я сажу. Свѣча горить.

Пѣтухи давно пропѣли.
 Поздно. Тянется ко сну...
 Гдѣ-то дрожки прогремѣли...
 И подъ говоръ я засну.

Сонъ покоенъ. Утромъ встанешь,
 Прямо въ садикъ... Рай земной!
 Пѣсни, говоръ... А какъ глянешь
 На росинки, — самъ не свой!

Чуть сорока прощекочетъ, —
 Понимаешь, хоть молчишь,
 Упрекнуть, молъ, она хочетъ:
 „Здравствуй, Ваня!.. долго спишь!“

5 А теперь ночной порою
 На груди гора лежитъ:
 День прожитый предъ тобою
 Страшнымъ призракомъ стоитъ.

10 Видишь зла и грязи море,
 Племя жалкое невѣждъ,
 Униженье, голодъ, горе,
 Ключья нищенскихъ одеждъ.

15 Потъ на пашняхъ за сохами,
 Потъ въ лѣсу за топоромъ,
 Потъ на гумнахъ за цѣпами,
 На дворѣ и за дворомъ.

20 Видишь горькія потери,
 Слезы падшей красоты
 И затворенныя двери
 Для убитой нищеты...

И съ тоскою ждешь разсвѣта...
 Давить голову свинецъ.
 О, когда же горечь эта
 Вся исчезнетъ, наконецъ?
 1856.

 СХLІ.

Въ альбомъ Н. В. П—вой.

25 Прохладно. Всѣ окна открыты
 Въ душистый и сумрачный садъ.
 Въ прудѣ горять звѣзды. Ракиты
 Надъ гладью хрустальною спятъ.

Пѣвучіе звуки рояли
 То стихнуть, то вновь потекутъ;
 Съ утра соловьи не смолкали
 Въ саду—и теперь все поютъ.

Поникъ я въ тоскѣ головою,
 Подъ пѣсни душа замерла...
 Затѣмъ, что подъ кровлей чужою
 Минутное счастье нашла....
 1856.

СХІІ.

Въ альбомъ М. И. Ж.

И дикъ, и невеселъ нашъ сѣверъ холодный,
 Но ты сохранила вполнѣ
 Горячее сердце и разумъ свободный
 Въ суровой, чужой сторонѣ. 10

Съ тяжелой тоскою по родинѣ дальней,
 Скромна, благородно-горда,
 Ты шла одиноко дорогой печальной
 Подъ гнетомъ заботъ и труда. 15

Ты злomu невѣждѣ и плуту не мстила,
 Какъ голубь, нѣжна и кротка,
 Ты черныя сплетни презрѣньемъ казнила,
 Прощала всегда дурака. 20

Ты грусти своей показать не хотѣла
 Предъ бѣдной и жалкой толпой
 И смѣло на пошлыя лица глядѣла,
 Сквозь слезы смѣялась порой.

Но рано, иль поздно минуетъ невзгода,—
 Недаромъ ты крѣпла въ борьбѣ,—
 Какъ дочери милой, родная природа
 Откроетъ объятъя тебѣ. 25

И ты отдохнешь... Но подъ кровлей родною
 Не помни минувшаго зла;
 Повѣрь: на Руси не одною душою
 Ты крѣпко любима была.
 1856.

СХLIII.

5 Чуть сошлись мы—другъ друга узнали.
 Ваши рѣчи мнѣ въ душу запали,
 Но, увы! не услышать мнѣ ихъ,
 Не услышать мнѣ звуковъ родныхъ.

10 Не помочь, видно, горю словами!
 На мгновенье я встрѣтился съ вами,
 Разстаюсь навсегда, навсегда:
 Унесетесь вы, Богъ вѣсть, куда!

15 Вотъ какъ жизнь иногда безтолкова!
 Вотъ какъ доля глупа и сурова!
 Ужъ какъ ляжетъ она на плечахъ,—
 Бѣлый свѣтъ помутится въ глазахъ!
 1856.

СХLIV.

20 День и ночь съ тобой жду встрѣчи,
 Встрѣчусь,—голову теряю;
 Рѣчь веду, но эти рѣчи
 Всею душой я проклинаяю.

Рвется чувство на свободу,
 На любовь хочу отвѣта,
 Говорю я про погоду,
 Говорю, какъ ты одѣта.

Не сердись, не слушай болѣ:
 Этой лжи я самъ не вѣрю...
 Я не радъ своей неволѣ,
 Я не радъ, что лицемѣрю.

Такова моя отрада,
 Такъ свой вѣкъ я коротаю:
 Тяжело ль,—молчать мнѣ надо,
 Полжублю ль,—любовь скрываю.
 1856.

 СXLV.

Пыль.

Безъ умолку вѣтеръ
 Поеть и свистить,
 Постылая гостья,
 Пыль въ окна летить. 10

Садится на стѣны,
 На платьѣ и полъ,
 Святыя иконы,
 Постелю и столъ. 15

Все пачкаетъ сряду...
 Совсѣмъ бы бѣда,
 Да благо есть тряпки
 И въ чашкѣ вода. 20

Но ты, наше горе,
 Ты, ѣдкая пыль,
 Домашняя сплетня,
 Невѣрная быль!

Съ тобой не покончишь
 Горячей водой,
 Ни чистою тряпкой,
 Ни щеткой густой! 25

Ты стѣну проточишь,
Сквозь камень пройдешь,
Ты огненной искрой
На грудь упадешь,

5 Ты ядомъ весь воздухъ
Кругомъ напоишь,
Всю кровь перепортишь,
Всю жизнь отравишь,

10 Влетишь незамѣтно
Ты пылью сухой,
И жертву зарѣжешь
Тупою пилой.

1856.

SXLVI.

Сплетня.

15 Живи, какъ отшельникъ,
Гуляй или плачь,
Найдетъ тебя сплетня,
Придетъ твой палачъ!

20 Двери не отворишь, —
Подъ дверь подползешь,
Ограда мѣшаетъ, —
Сквозь камень пройдетъ.

Въ чемъ грѣшенъ, не грѣшенъ —
Въ набатъ прогудить.
На вѣкъ обезчестить,
По гробъ осрамить.

25 И въ грязь тебя втопчетъ
И недругъ и другъ...
Проклятая сплетня!
Проклятый недугъ!

СXLVII.

Въ саду.

(1-я редакція).

Ясный прудъ задремалъ. Садъ окутала тѣнь.
 Въ синемъ небѣ заря догораетъ.
 Не смолкалъ соловей въ темной чащѣ весь день
 И теперь онъ поетъ — не смолкаетъ.

Долго ль буду я тутъ одиноко бродить, 5
 Слушать пѣсню и свистъ соловьиный,
 Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
 Молча сдерживать слезы кручины?

На печаль, милый другъ мой, тебя я узналъ,
 На тоску я съ тобой повстрѣчался, 10
 На бѣду моимъ свѣтомъ и счастьемъ назвалъ,
 Всей душою къ тебѣ привязался!

Ужъ и такъ моя жизнь не весельемъ была...
 Все я вынесъ! Я скрылъ свои муки...
 Ты безъ умысла мнѣ сладкій ядъ поднесла — 15
 Ты сковала мнѣ ноги и руки...

Воли нѣтъ у меня, помутился мой умъ,
 Источилось по каплѣ здоровье,
 Каково мнѣ легко отъ заботъ и отъ думъ —
 Знаетъ Богъ да мое изголовье! 20

Нѣтъ, нейти намъ съ тобой по дорогѣ одной,
 И не жить намъ подъ крышей одною...
 Научи же меня, какъ разстаться съ тобой, —
 На-вѣкъ тѣлу разстаться съ душою!..

И за что жъ ты, мой другъ, у меня отнята?.. 25
 Ты права. Не тебя обвиняю, —
 Виноватъ, видно, я, да моя бѣднота —
 Въ первый разъ я ее проклиная!

СXLVIII.

Въ саду.

(2-я редакция).

При зарѣ, по водѣ и румянецъ и тѣнь,
Въ чащѣ пѣсня да свистъ раздается;
Притаилъ садъ дыханье, весь нѣга и лѣнь,
По кудрямъ его золото льется.

5 Долго ль буду я тутъ одиноко бродить,
Слушать пѣсню и свистъ соловьиный,
Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
Молча сдерживать слезы кручины?

10 На печаль, милый другъ мой, тебя я узналъ,
На тоску я съ тобой повстрѣчался,
На бѣду моимъ свѣтомъ и счастьемъ назвалъ,
Всею душою къ тебѣ привязался!

Ужъ и такъ мои дни были днями потерь:
Гибли молодость, сила, здоровье...
15 Выносилъ я, терпѣлъ... каково жъ мнѣ теперь —
Знаетъ Богъ да мое изголовье!

Нѣтъ, не жить мнѣ съ тобою подъ крышей
одной,
Какъ простимся — и полно встрѣчаться!
Тяжело мнѣ и горько разстаться съ тобой,
20 Легче бъ тѣлу съ душою разстаться!

И за что жъ ты, мой другъ, у меня отнята?..
Ты права. Не тебя обвиняю, —
Виновать, видно, я, да моя бѣднота —
Въ первый разъ я ее проклиная!

СXLIX.

Разсыпались звѣзды, дрожать и горять;
 За пашнями диво творится:
 На воздухъ синія горы висять,
 И въ полыми людъ шевелится.

Подвинулось небо назадъ отъ земли, 5
 Водъ золотой уступило,
 Безъ вѣтра плывутъ по водѣ корабли,
 Бока ихъ огнемъ охватило...

А ночь черезъ лѣсъ торопливо ползеть,
 Ползеть — и листа не зацѣпитъ, 10
 Насупила брови, глазами сверкнетъ —
 Широкое поле освѣтитъ.

Опять я съ тоскою домой ворочусь.
 Молчалъ бы, да нѣтъ моей мочи;
 Одинъ я средь поля пятномъ остаюсь, 15
 Чернѣе и пашень, и ночи!

Гляжу и люблюсь: просторъ и краса...
 Въ себя заглянуть только стыдно:
 Закиданы грязью мои небеса,
 Звѣзды ни единой не видно!.. 20

1856.

CL.

Гнѣздо ласточки.

Кипить вода, реветъ ручьемъ,
 На мельницѣ и стукъ, и громъ,
 Колеса-то въ водѣ шумять,
 А брызги вверхъ огнемъ летять,
 Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ, 25
 Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
 Шумить вода, рукавъ трясеть,
 На камни рожь дождемъ течеть,

Подъ жерновомъ муку родить,
 Идетъ мука, въ глаза пылить.
 Объ мельникъ и рѣчи нѣтъ.
 Въ пыли, въ мукѣ, и лысь, и сѣдь,
 5 Кричитъ весь день про бѣдный людъ:
 Вотъ тотъ-то мотъ, вотъ тотъ-то плутъ...
 Самъ, старый чортъ, какъ звѣрь глядитъ,
 Чужимъ добромъ и пьянъ, и сытъ,
 Дѣтей забылъ, жену извелъ,
 10 Барбось съ нимъ жилъ, Барбось ушелъ...

Одна пѣвунья-ласточка
 Подъ крышей обжилась,
 Свила-слѣпила гнѣздышко,
 Дѣтьми обзавелась.

15 Поеть, пока не выгнали.
 Чужой-то кровь — не свой;
 Хоть нелюбо, невесело,
 Да свыкнешься съ нуждой.

20 Въ ночь темную, подъ крылышко
 Головку подогнетъ
 И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
 Носкомъ не шевельнетъ.
 1856.

СЛІ.

25 Какъ голубь, кротка и нѣжна,
 Какъ лань молодая, пуглива.
 О, Боже! Да будетъ она
 Какъ Ангелъ небесный счастлива.
 1856—VIII—26.

СЛІІ.

Н. И. Второву.

Ну, вотъ я дождался разсвѣта,
 Гляжу въ окно—все нѣтъ добра!
 Чортъ знаетъ! Ни зима, ни лѣто...
 Бѣги хоть съ горя со двора!

Мой другъ! Скажите, ради Бога, 5
 Когда жъ падеть надежный снѣгъ,
 Окончится ѣзда телѣгъ,
 Настанетъ зимняя дорога?

Напрасно я за ворота 10
 Спѣшу, обозовъ поджидая;
 Безмолвна улица пустая,
 Дворъ пусть, въ карманѣ пустота!

Дай, помолюсь въ тоскѣ-печали:
 Не медли, матушка-зима!
 Мы безъ тебя оголодали, 15
 Всѣмъ дворникамъ грозить сума...

О, горе, горе! Въ избахъ пусто...
 Куда же дѣнется у насъ
 Въ кадушкахъ припасенный квасъ
 И наша кислая капуста,— 20
 Чѣмъ дорожить, къ чему привыкъ
 Нашъ русскій баринъ и мужикъ?

Амины! Да будетъ власть Господня 25
 „Лукичъ“ мой просится сегодня
 Къ вамъ въ гости. Этакой осель!
 Какъ зюзя съ ярмарки пришелъ...

СЛШ.

Лампадна.

Предъ образомъ лампадка догораетъ,
Кидая тѣнь на потолокъ;
Какъ много думъ, думъ горькихъ вызываетъ
Глазамъ знакомый огонекъ!

5 Я помню ночь: передъ моей кроваткой,
Сжавъ руки, съ мукою въ чертахъ,
Вся блѣдная, освѣщена лампадкой,
Молилась мать моя въ слезахъ.

10 Я былъ въ жару. А за стѣною пѣли, —
Шель пиръ семейный, какъ всегда!..
Испуганный, я вздрагивалъ въ постели...
Зачѣмъ не умеръ я тогда?

15 Я помню день: лампадка трепетала;
Шель дождикъ, по стеклу звеня.
Отецъ мой плакалъ... мать въ гробу лежала...
Въ глазахъ мутилось у меня.

20 Но молодость сильна. Вдали блестяло;
Полна надежды,—жить спѣша,
Изъ омота, гдѣ сердце холодѣло,
Рвалась впередъ моя душа.

Вотъ эта даль, страна моей святыни,
Гдѣ, мнѣ казалось, свѣтъ горить...
Иду по ней,—и холодомъ пустыни
Со всѣхъ сторонъ меня язвить.

25 Увы! лампадки яркое сіянье,
Что было—пробуждая вновь,
Бросаетъ лучъ на новое страданье,
Недавнихъ ранъ живую кровь!

Я не нашель съ годами лучшей доли,
 Не спасъ меня завѣтный путь
 Отъ тонкихъ иглъ, что входятъ противъ воли
 Въ горячій мозгъ, въ больную грудь.

Все мракъ и плачь... рубцы отъ бичеванья... 5
 Разсвѣтъ спасительный далекъ...
 И гаснуть дни средь мрака и молчанья,
 Какъ этотъ блѣдный огонекъ.

1857.

CLIV.

(Отрывокъ).

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣеть.
 Пожаръ зари надъ нимъ краснѣеть, 10
 Во влажной почвѣ листь сухой
 Безъ звука тонетъ подъ ногой.
 Недвижны сосны. Сонъ ихъ чудный
 Такъ полонъ грезъ. Едва, едва
 Примѣтна неба синева 15
 Сквозь вѣтви. Сѣтью изумрудной
 Покрыла цѣпкая трава
 Сухое дерево. Грозою
 Оно на землю свалено
 И до корней обожжено. 20
 Тропинка черной полосою
 Лежить въ травѣ. По сторонамъ
 Грибы бѣлѣютъ тутъ и тамъ.
 Порою вѣтеръ шаловливый
 Разбудить листья, слышенъ шумъ, 25
 И вдругъ все стихнетъ — и на умъ
 Приходятъ сказочныя дивы.
 Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ
 И, мнится, видишь яркій блескъ
 Двухъ яркихъ глазъ... Одно мгновенье — 30
 И все пропало. Вотъ рѣка.

Въ зеленой рамѣ лозняка
 Ея спокойное теченье
 Такъ полно силы. Въ челноки
 Собрали сѣти рыбаки,
 5 Плывутъ, струи бѣгутъ отъ весель,
 Угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ,
 Мостъ подъ телѣгами дрожить,
 И скрипъ колесъ и стукъ копытъ
 Тревожитъ цаплю, и пугливо
 10 Она летитъ изъ-подъ куста.
 Веселый шумъ и суета
 На мельницѣ. Нетерпѣливо
 Вода сердитая реветъ,
 Мелькаетъ жерновъ торопливо...

15 Пора домой. Ужъ ночь идетъ,
 Огни по небу разсыпаетъ.
 Пора домой: семья заботъ
 Меня давно тамъ поджидаетъ;
 Приду, — и встрѣтитъ у воротъ,
 20 И крѣпко, крѣпко обойметъ...
 1857.

CLV.

Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна,
 Пѣтухи пропѣли;
 Погасилъ я свѣчку
 И лежу въ постели.

25 Спать бы — да не спится,
 Весь я, какъ разбитый;
 Голову и сердце
 Мучитъ день прожитый.

Пусть бы мнѣ на долю
 30 Выпалъ трудъ тяжелый —

Что за робкіе гости! Чуть мимо идешь, —
 Торопливо головки поднимаютъ,
 Смотрятъ долго и зорко... Того только ждешь,
 Что бѣдняжки приютъ свой покинутъ.

5 Какъ я радъ имъ! Боюсь и окно отворять:
 Все мнѣ кажется, ихъ испугаю;
 Беззащитнымъ созданьямъ легко помѣшать,
 А легко ль имъ живется — я знаю.

10 Чуть окрасится небо полоской огня
 И сквозь стекла разсвѣтъ забѣлѣетъ, —
 Воркотнею своей они будятъ меня:
 Посмотри, молъ, какъ зорька алѣетъ.

15 Сталъ уютнѣй, свѣтлѣй уголокъ мой теперь:
 Этой кроткой семьи новоселье,
 Можетъ быть, послѣ смутъ, и борьбы, и потерь,
 Предвѣщаетъ мнѣ миръ и веселье!

1857.

 CLVII.

20 Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
 Облака съ золотыми краями;
 Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
 Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.

Вотъ ужъ вѣетъ прохладой ночью;
 Грезитъ колосъ надъ узкой межою;
 Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
 Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.

25 Кротко звѣздъ золотое сіянье:
 Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
 Точно въ храмъ стою я въ тиши
 И въ восторгѣ молюсъ отъ души.

1857—VII.

CLVIII.

Ярко звѣздъ мерцанье
 Въ синевѣ небесъ;
 Мѣсяца сіянье
 Падаеть на лѣсъ.

Въ зеркало залива
 Сонный лѣсъ глядитъ;
 Въ чащѣ молчаливой
 Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
 Смѣхъ и разговоръ;
 Жарко косарями
 Разведенъ костерь.

По травѣ высокой,
 Съ цѣпью на ногахъ,
 Бродитъ одиноко
 Бѣлый конь впотьмахъ.

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
 Пѣсенникъ лихой,
 Изъ кружка выходитъ
 Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
 Ловитъ — не глядитъ,
 Пляшетъ-присѣдаетъ,
 Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
 Коростель въ лугахъ,
 Пѣсня замираетъ
 Далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы,
 Гладь и блескъ озеръ,
 Свѣтлыя заливы,
 Безъ конца просторъ,

Звѣзды надъ полями,
 Глушь да камыши...
 Такъ и льются сами
 Звуки изъ души!

1857—VII.

 CLIX.

5 Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ,
 Пѣсня изъ лѣсу несется,
 Листъ зеленый задѣваетъ,
 Желтый колось окликаетъ,
 За курганомъ отдается.

10 За курганомъ, за холмами,
 Дымъ-туманъ стоитъ надъ нивой,
 Свѣтъ мигаетъ полосами,
 Зорька тучекъ рукавами
 Закрывается стыдливо.

15 Рожь да лѣсъ, зари сиянье,
 Дума, Богъ вѣсть гдѣ, летаетъ...
 Смутно листьевъ очертанье,
 Вѣтерокъ сдержалъ дыханье,
 Только молнія сверкаетъ.

1857—VII.

 CLX.

(1-я редакція).

20 Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ.
 Озлобленъ умъ, и ноетъ тѣло.
 Все, отъ чего душа скорбитъ,
 Вокругъ меня весь день кипѣло,

Не излѣчить мнѣ ранъ чужихъ...
 Мой братъ! Какъ ты, и я молился,—
 Увы!—источникъ слезъ моихъ
 Бесплодной злостью изсушился.

Теперь — и горько и смѣшно, —
 Хоть жолчь кипить, а надо вѣрить,
 Что намъ во вѣкъ не суждено
 Могучихъ силъ съ судьбою мѣрить.

Межъ нами мучениковъ нѣтъ;
 На крикъ: „спасите!“ нѣтъ отвѣта!..
 Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
 Нашъ рабскій духъ боится свѣта!

Молчи, мой братъ! Такъ Богъ велѣлъ...
 Съ судьбой намъ биться невозможно.
 Къ чему таиться? Нашъ удѣлъ —
 Удѣлъ печальный и ничтожный.
 1857.

 CLXI.

(2-я редакція).

Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ.
 Озлобленъ умъ, и ноетъ тѣло.
 Все, отъ чего душа скорбитъ,
 Вокругъ меня весь день кипѣло.

Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?
 Мы всѣ добры и непорочны!
 Боготворить себя готовъ
 Иной другъ правды безупречный!

Убита совѣсть, умеръ стыдь,
 И ложь во тьмѣ царить свободно;
 Никто позора не казнить,
 Никто не плачетъ всенародно!..

Межъ нами мучениковъ нѣтъ,
 На крикъ: „спасите!“ нѣтъ отвѣта!..
 Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
 Нашъ рабскій духъ боится свѣта!

5 Быть можетъ, въ воздухѣ весь вредъ, —
 Чему бы гибнуть, — процвѣтаетъ;
 Чему бѣ цвѣсти, — роняетъ цвѣтъ
 И жалкой смертью умираетъ...

 CLXII.

Соха.

10 Ты, соха ли, наша матушка,
 Горькой бѣдности помощница,
 Неизмѣнная кормилица,
 Вѣковѣчная работница!

15 По твоей ли, соха, милости
 Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
 Сыты злые, сыты добрые,
 По полямъ ковры раскинуты.

20 Про тебя и вспомнить некому...
 Что жъ молчишь ты, безпривѣтная,
 Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
 Не въ честь служба безотвѣтная?..

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
 Мужичка рука желѣзная,
 И покоить соху-матушку
 Одна ноченька беззвѣздная!

25 На межѣ трава зеленая,
 Полынь дикая качается,
 Не твоя ли доля горькая
 Въ ея сокѣ отзывается?

Ужъ и кѣмъ же ты придумана,
 Къ дѣлу навѣки приставлена?
 Кормишь малаго и стараго,
 Сиротой сама оставлена...

1857.

CLXIII.

Ахъ, ты, бѣдность горемычная, 5
 Дома въ горѣ терпѣливая,
 Къ куску черствому привычная,
 Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь, 10
 Сирота, стыдомъ убитая,
 Къ богачу придешь, — въ углу стоишь,
 Безпривѣтная, забытая.

Ты плывешь — куда водой несетъ,
 Стороной бредешь — гдѣ путь дадутъ,
 Просишь солнышка — гроза идетъ, 15
 Скажешь правду — силой ротъ зажмутъ.

У тебя весна безъ зелени,
 А любовь твоя безъ радости,
 Твоя радость безо времени,
 Немочь съ голодомъ при старости. 20

Вѣкъ ты мучишься, да маешься,
 Все на сердцѣ грусть великая;
 Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься, —
 На могилѣ травка дикая!..

1857.

CLXIV.

Удаль и забота.

Таеъ забота, какъ свѣчка.
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе не горе, —
Въ цѣпи закуй, — распѣваетъ.

3 Ляжетъ забота — не спится,
Спитъ ли, пройди — встрепенется;
Спитъ молодецкая удаль,
Громомъ ударь — не проснется.

10 Клонится колось отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонить;
Встрѣтится удаль съ грозой —
На ухо шапку заломить.

15 Всѣхъ-то забота боится,
Топнулъ ногой — поблѣднѣетъ,
Топнуть ногою на удаль —
Лѣзетъ на ножъ, не робѣетъ.

20 По-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ;
Удаль, не думавъ, добудетъ.
Кинетъ на вѣтеръ — хохочетъ.

Пѣсня заботы не пѣсня:
Слышать — тоска одолѣетъ;
Удаль присвистнетъ, притопнетъ —
Горе и думу развѣетъ.

25 Явится въ гости забота,
Въ домѣ и скука, и холодъ,
Удаль влетитъ да обниметъ, —
Станешь и весель, и молодъ.

1857.

CLXV.

Безталанная доля.

Доля безталанная,
 Что жена сварливая,
 Не уморить съ голода,
 Не накормить досыта,

Дома гонить изъ дому, 5
 Ведеть въ гости на-горе;
 Ломить, что ни вздумаетъ,
 Поперекъ да надвое.

Ахъ, жена сварливая 10
 Пошумить — уходится,
 Съ пѣтухами поздними
 Заснетъ — успокоится.

Доля безталанная 15
 Весь день потѣшается,
 Растолкаетъ соннаго —
 Всю ночь насмѣхается.

Грозить мукой-бѣдностью,
 Сулить дни тяжелые,
 Смотрѣть велить соколомъ,
 Пѣсни пѣть веселыя. 20

Пѣсни тѣ веселыя
 Свистомъ покрываются,
 Послѣ пѣсень въ три ручья
 Слезы проливаются.

1857.

CLXVI.

Медленно движется время, 25
 Вѣруй, надѣйся и жди...

Зрѣй, наше юное племя,
 Путь твой широкъ впереди.
 Молніи насъ освѣтили,
 Мы на распутьи стоимъ...
 5 Мертвые въ мирѣ почили,
 Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,
 Корни въ землѣ глубоко;
 Срубишь лѣса топорами,
 10 Зло вырывать не легко:
 Намъ его въ дѣтствѣ привили,
 Дѣды сроднились съ нимъ...
 Мертвые въ мирѣ почили,
 Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безмысленно тужить,
 Листья зашепчуть — онъ нѣмъ!
 Слава, кто истинѣ служить,
 Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
 Поздно глаза мы открыли,
 20 Дружно на трудъ поспѣшимъ...
 Мертвые въ мирѣ почили,
 Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
 Сѣйте, покуда весна:
 25 Добраго дѣла и слова
 Не пропадутъ сѣмена.
 Гдѣ мы и какъ ихъ добыли —
 Внукамъ отчетъ отдадимъ...
 Мертвые въ мирѣ почили,
 30 Дѣло настало живымъ.

1857.

CLXVII.

Незамѣнимая, безцѣнная утрата!
 И вѣра въ будущность, и радости труда,

Чѣмъ жизнь была средь горести богата,—
 Все сгублено безъ цѣли и плода!
 Какъ хрупкое стекло, все вдребезги разбито
 Желѣзнымъ молотомъ судьбы!...
 Такъ вотъ зачѣмъ такъ много лѣтъ прожито 5
 Въ тяжеломъ воздухѣ, средь горя и борьбы!
 Осталась боль... Незримо и несмѣло,
 Но врагъ подходить въ тишинѣ.
 До времени изношенное тѣло
 Горитъ на медленномъ огнѣ... 10
 Жизнь обманула горько и обидно!
 А все не вѣрится... все хочешь на пути,
 Въ глухой степи, гдѣ зги не видно,
 Хоть точку свѣтлую найти.
 Но гдѣ жъ она? Гдѣ отдохнуть возможно? 15
 Гдѣ путеводные, небесные огни?
 Неужто кончатся такъ пошло и ничтожно
 Слезами памятные дни?..

 Такъ, полная тревожнаго волненья,
 Не смѣя тишины дыханьемъ нарушать, 20
 Младенца милаго послѣднія мгновенья
 Тоскливо сторожить трепещущая мать.
 Неужто онъ умереть? И, чуду вѣрить рада,
 Въ слезахъ предъ образомъ ницъ падаетъ она;
 Но часъ пробилъ. Едва зажженная лампада 25
 Таинственной рукой погашена...

1857.

CLXVIII.

Разговоры.

(1-я редакция).

Новой жизни заря —
 И тепло и свѣтло:
 О добрѣ говоримъ,
 Негодуемъ на зло.

Раздаются, растутъ
Золотыя слова,
Засыхай-пропадай
Ты, худая трава.

5 Дождался ты, порокъ,
Приговора-суда,
Не уйдешь ты теперь
Отъ клейма, отъ стыда...

10 Полно, такъ ли, друзья?
Не притихъ ли онъ гдѣ?
Не взялся ли ловить
Рыбу въ мутной водѣ?

15 Гдѣ жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ.
Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

20 Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Надо твердой ногой
Новый путь проложить,
Да всѣ силы на немъ,
Да весь умъ положить.

25 Какъ повѣрить словамъ, —
Чудеса настаютъ,
Прозираютъ слѣпцы,
И больные встаютъ.

30 Какъ приходитъ пора
Трудъ тяжелый подъять, —
Начинаетъ нашъ жаръ
Остывать, потухать;

Туть и робость найдетъ,
 Тутъ и лѣнь, и дрема, —
 У разумныхъ головъ
 Нѣтъ ни силъ, ни ума!

1857.

CLXIX.

Разговоры.

(2-я редакція).

Новой жизни заря —
 И тепло и свѣтло:
 О добръ говоримъ,
 Негодуемъ на зло.

3

За родимый нашъ край
 Наше сердце болитъ;
 За прожитые дни
 Мучить совѣсть и стыдъ.

10

Что намъ цвѣсть не даетъ,
 Держить ростъ молодой, —
 Такъ и сбросилъ бы съ плечъ
 Этотъ хламъ вѣковой!

15

Гдѣ жъ вы, слуги добра?
 Выходите впередъ,
 Подавайте примѣръ!
 Поучайте народъ!

20

Нашъ разумный порывъ,
 Нашу честную рѣчь
 Надо въ кровь претворить,
 Надо плотью облечь.

Какъ повѣрить словамъ —
 По часамъ мы растемъ!
 Закричатъ „помоги!“ —
 Черезъ пропасть шагнемъ!

25

Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ
Глубока, глубока!..

3 А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать, —
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять:

10 Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ...
А слова... на словахъ
Соколиный полетъ!..

СЛХХ.

Нищій.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
15 Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
20 Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

25 Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
Не поидетъ онъ просить подъ окномъ.
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды да пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.

Спать въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
 Богатырь въ безысходной бѣдѣ,
 Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
 Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

По-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
 По-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
 О немъ облако слезы роняетъ,
 Про тоску его буря поетъ.

1857.

CLXXI.

Пахарь.

Солнце за день нагулялося,
 За кудрявый лѣсъ спускается,
 Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
 Въ золотомъ огнѣ купається.

На бугрѣ трава зеленая
 Спать, вся искрами обрызгана,
 Пылью розовой осыпана,
 Да каменьями унизана.

Не слыжать-то въ полѣ голоса,
 Молча воронъ на межѣ сидитъ,
 Только слышенъ голосъ пахаря,
 За сохой онъ на коня кричитъ.

Съ ранней зорьки пашня черная
 Бороздами подымается,
 Конь идетъ, понурилъ голову,
 Мужичокъ идетъ, шатается...

Ужъ когда же ты, кормилецъ нашъ,
 Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
 Изъ земли ты роешь золото,
 Самъ-то сытъ сухою коркою!

Зрѣеть рожь—тебѣ заботушка :
 Какъ бы градомъ не побилася,
 Безъ дождей въ жары не высохла,
 Отъ дождей не положилася.

5 Хлѣбъ поспѣлъ—тебѣ кручинушка :
 Убирать ты не справишься,
 На корню-то онъ осыплется,
 Безъ куска-то ты останешься.

10 Урожай—купцы спесивятся,
 Годъ плохой—въ семьѣ всѣ мучатся—
 Все твой дворъ не поправляется,
 Дѣтки грамотѣ не учатся.

15 Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
 Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался ?
 На труды твои да на-горе
 Вдоволь вчужѣ я наплакался !

1857.

 СLXXII.

Деревенскій бѣднякъ.

Мужика-бѣдняка
 Господь-Богъ наградилъ :
 Душу теплую далъ
 20 И умомъ надѣлилъ.

Да злодѣйка-нужда
 И глупа, и сильна,
 Закидала его
 Соромъ, грязью она.

25 Ёдкимъ дымомъ въ избѣ,
 И курной, и сырой,
 Выѣдаетъ глаза,
 Душитъ зимней порой.

То работа не въ мочь,
 То расправа и судъ
 Молодца-силача
 Въ три-погибели гнугъ.

Присмирѣлъ онъ, притихъ,
 Рѣчи скупю ведетъ,
 Исподлобья глядитъ,
 Силу въ землю кладетъ.

5

Захирѣй его конь—
 Бѣдный чортъ виновать,
 Плаксу-бабу бранитъ
 И голодныхъ ребятъ.

10

Пропадай, дескать, всѣ!..
 На печь ляжетъ ничкомъ,
 Вихорь крышу развѣй,
 Съ горя все нипочемъ!

15

А какъ крикнуть: „пожаръ!“
 Не зови и не тронь,—
 За чужое добро
 Радъ и въ дымъ, и въ огонь.

20

Коли хмель въ гололѣ—
 Загуляетъ душа:
 Тутъ и горе прошло,
 Тутъ и жизнь хороша;

На дворѣ подъ дождемъ
 Онъ зипунъ распахнетъ,
 Про лѣса и про степь,
 Да про Волгу поетъ.

25

Проспался, гдѣ упалъ,—
 И притихъ онъ опять:
 Передъ всѣми готовъ
 Шапку рваную снять.

30

Схватить немочь—молчить,
Только зубы сожметъ ;
Скажутъ : смерть подошла,—
Онъ рукою махнетъ.

1857.

CLXXIII.

Ночлеги въ деревнѣ.

5 Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ ;

10 Закоптѣлыя палаты,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряжи, плачь дитяти...
О, нужда, нужда !

15 Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть.

1858.

CLXXIV.

Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
20 Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испытимъ лицомъ.
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло ; пропала сила,
 Притупился взглядъ ;
 Смерть въ могилу уложила
 Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой 5
 Коть одинъ живетъ.
 Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
 Съ печки не прыгнетъ.

Старику немного надо :
 Лапти сплестъ, да сбыть— 10
 Вотъ и сытъ. Его отрада—
 Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
 Станетъ тамъ, кряхтя,
 И за скорби славить Бога, 15
 Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,—
 Въ темный уголокъ...
 Гдѣ ты черпалъ эту силу,
 Бѣдный мужичокъ? 20

1858.

СLXXV.

Пряха.

Ночь и непогодь. Избушка
 Плохо топлена.
 Нитки бѣдная старушка
 Сучить у окна.

Ужъ грозы ль она боится, 25
 Скучно ли, — сидитъ,
 Спать ложилась, да не спится,
 Сердце все щемить.

И трещить, трещить лучина,
Свѣтъ на пряху льетъ.
Прожитая грусть-кручина
За-сердце беретъ.

5 Бѣдность, бѣдность! Мужъ, бывало,
Хоть подчасъ и пилъ, —
Все жилось съ нимъ горя мало:
Все жену кормилъ.

10 Вотъ подъ старость, какъ ужъ зрѣнье
Потерялъ навѣкъ,
Потерялъ онъ и терпѣнье —
Грѣшный человекъ!

15 За сохой ходить — не видитъ.
Побираться — стыдъ,
Тутъ безвинно кто обидитъ, —
Онъ молчитъ, молчитъ,

20 Плюнетъ, срамными словами
Долю проклянетъ
И зальется вдругъ слезами,
Какъ дитя, реветъ...

Такъ и умеръ. Богъ помилуй —
Вотъ морозъ-то былъ!
Бились-бились! Сынъ могилу
Топоромъ рубилъ!..

25 Паренекъ тогда былъ молодъ.
Выросъ, возмужалъ,
Что за сила! Въ зной и холодъ
Устали не зналъ!

30 Поведеть ли рѣчь, бывало, —
Что старикъ ведетъ;
Запоетъ при зорькѣ алой,
Слушать — духъ замретъ...

Человѣкъ ли утопаеть,
Иль изба горить,
Что бѣ ни дѣлалъ — все бросаетъ,
Помогать бѣжить.

И веселье, и здоровье
Далъ ему Господь;
Будь хоть камень изголовье,
Легъ онъ — и заснетъ...

Справить думалъ онъ избушку,
Въ бурлаки пошелъ;
Нѣтъ! Беречь ему старушку
Богъ ужъ не привелъ!

Приусталъ подъ лямкой въ стужу,
До костей промокъ,
Платье — ветошь, грудь наружу, —
Заболѣлъ и слегъ.

Умеръ, бѣдный! Мать узнала, —
Слезъ что пролила!
Умъ и память потеряла,
Грудь надорвала!

И трещить, трещить лучина;
Ниткѣ нѣтъ конца.
Мучить пряжу грусть-кручина;
Нѣтъ на ней лица.

Плачь да стонъ она все слышитъ
И, припавъ къ стеклу,
На морозный иней дышитъ,
Смотрить: по селу

Кто-то въ бѣломъ пробѣгаетъ,
Съ бѣлой головой,
Горстью звѣзды разсыпаетъ
Въ улицѣ пустой;

Звѣзды искрятся... А вьюга
 Въ ворота стучить...
 И старушка отъ испуга
 Чуть жива сидить.

1858.

CLXXVI.

Въ альбомъ Е. А. П — вой.

5 Съ младенчества дикарь печальной,
 Больной, съ изношеннымъ лицомъ,
 Съ какой-то робостію тайной
 Вхожу я въ незнакомый домъ.

10 Но гдѣ привыкъ, гдѣ я встрѣчаю
 Хозяйки милое лицо, —
 Тутъ все забыто: я вбѣгаю,
 Здоровъ и веселъ, на крыльцо.

15 Вотъ такъ и здѣсь: я точно дома;
 Мнѣ и отрадно, и тепло;
 И радъ я на листкѣ альбома
 Писать, что въ голову пришло.

20 Хозяйка милая, я знаю,
 Мнѣ все простить: она добра;
 И сталь неловкаго пера
 Я неохотно покидаю.
 Хотѣлъ бы вновь писать, писать —
 До безконечности болтать.

1858.

CLXXVII.

Въ альбомъ А. Н. О — вой.

Послушный вашему желанью,
 Беру перо, сажусь писать:

Грѣшно прекрасному созданью
Въ невинной просьбѣ отказать.

Конечно, жаль, я васъ не знаю;
Увы! Скорбитъ моя душа!
Молвъ я съ жадностью внимаю,
Что вы, какъ ангель, хороша.

Но все равно. Идите съ Богомъ,
Мои стихи! Счастливый путь!
Отрадной встрѣчи мнѣ залогомъ
Послужите когда-нибудь.

Какъ угадать! Сѣдой и хилый,
Когда весь сморщусь и согнусь,
Авось съ красавицею милой
Лѣтъ черезъ десять я сойдусь.

Въ тотъ мигъ — его воображаю —
Добра, прекрасна, молода,
Она мнѣ скажетъ: „Я васъ знаю!“
И буду счастливъ я тогда.

„Я съ вами ужъ давно знакома...“
И этихъ строкъ напомнить рядъ,
Покажетъ мнѣ листокъ альбома,
И я отвѣчу: „Виновать!“

Позвольте... эта встрѣча съ вами...“
И волю дамъ карандашу,
И вдохновенными стихами
Ея портретъ я напишу.

1858.

CLXXVIII.

Въ небѣ радуга сіяетъ,
Розы дождикомъ омыты,
Солнце въ зелени играетъ,
Темный садъ благоухаетъ,
Кудри золотомъ покрыты.

Свѣтъ и тѣнь подъ деревьями
Переходятъ, какъ живые:
Мохъ унизанъ огоньками,
Надъ душистыми цвѣтами
5 Вьются пчелы золотыя.

Въ чащѣ свиста переливы,
Стрекотня и пѣсень звуки,
Подлѣ ты, мой другъ стыдливый...
Слава Богу! Мигъ счастливый
10 Уловилъ я въ часъ разлуки!

1858.

CLXXIX.

(1-я редакция).

Звѣзды сыплются. Ткань облаковъ
Серебрится при лунныхъ лучахъ;
Ночь глядитъ изъ-за старыхъ дубовъ.
Свѣтъ играетъ на сонныхъ листьяхъ.

15 Синій воздухъ волнами плыветъ,
Онъ прохладенъ, и свѣжъ, и душистъ;
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листь.

20 Подъ кустомъ въ травѣ искра горитъ,
Чей-то свистъ замираетъ вдали,
Кто-то въ чащѣ весь въ бѣломъ стоитъ...
Сказки дѣтства на умъ мнѣ пришли.

Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
25 Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бѣ продлилъ безъ конца, безъ конца...

CLXXX.

(2-я редакція).

Въ темной чашѣ замолкъ соловей,
Прокатилась звѣзда въ синевѣ;
Мѣсяцъ смотритъ сквозь сѣтку вѣтвей,
Зажигаетъ росу на травѣ.

Дремлютъ розы. Прохлада плыветъ. 5
Кто-то свистнулъ... вотъ замерь и свистъ.
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.

Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ 10
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бѣ продлилъ безъ конца, безъ конца.
1858.

CLXXXI.

Помнишь? — съ алыми краями
Тучки въ озерѣ играли;
Шапки на ухо, верхами 15
Ребятишки въ лѣсъ скакали.

Табуномъ своимъ покинуть,
Конь въ водѣ остановился,
И, какъ будто опрокинуть,
Недвижимъ, въ ней отразился. 20

При зарѣ румяный колось
Сквозь дремоту улыбался;
Лѣсъ синѣлъ. Кукушки голось
Въ сонной чашѣ раздавался.

По полянѣ передъ нами, 25
Что ни шагъ, цвѣты пестрѣли,
Тѣнь бродила за кустами,
Краски вечера блѣднѣли...

Трепетъ сердца, упоенье, —
 Вамъ въ слова не воплотиться!
 Помнишь!... Чудныя мгновенья!
 Суждено ль имъ воротиться?
 1858.

СЛXXXII.

Дачная жизнь.

Дождь и холодъ — нѣтъ погоды!
 Выйти некуда — хоть брось!
 Виды — сальные заводы,
 Выздравливай, небось!

Наслаждайся въ этомъ раѣ!
 Слушай, музыка пошла:
 Свинки хрюкають въ сараѣ,
 Лай собака подняла,

На дворѣ кричатъ вороны,
 Вѣтеръ свищетъ и поетъ;
 Въ полѣ слякоть, рожь поклоны
 Поминутно отдаетъ.

Вотъ такъ дача! Вотъ такъ радость!
 Тутъ отъ скуки пропадешь!
 Тутъ не жизнь, а просто гадость,
 Тутъ отъ холоду умрешь!

Правда, книги — утѣшенье,
 Но весь день читать, читать, —
 Въ головѣ пойдетъ круженье,
 Можно зрѣнье потерять!

Не пойти ль къ сосѣду съ горя?
 Тамъ хоть люди, говоръ, смѣхъ,
 Отдохнешь, шутя иль споря...
 Какъ тутъ быть? Идти не грѣхъ;

Жаль, сосѣдъ съ утра до ночи
 Занять дѣломъ... Боже мой!
 Какъ ему хватаетъ мочи?
 Это — мученикъ святой!

Онъ уменъ — въ глаза не скажетъ:
 „Эхъ, братъ, шутъ тебя принесть!...“
 Онъ и виду не покажетъ,
 А подумать... гм!... вопросъ!

Что жъ? повѣситься мнѣ, что ли?
 Нѣтъ, на дачѣ не рука!
 Стало — дурно, хорошо ли, —
 Маршъ съ двора! Ей-ей тоска!
 1858—VI—7.

CLXXXIII.

Горькія слезы.

In meiner Brust, da sitzt ein Weh,
 Das will die Brust zersprengen.

Heine.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
 Я жизнь растратилъ безъ плода,
 И вотъ проснулась совѣсть-мститель
 И жжетъ лицо огнемъ стыда.

Чужой бѣдой я волновался,
 Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь, —
 И все молчалъ, и все боялся,
 И никому не могъ помочь.

Убить нуждой, убить трудами,
 Мой братъ и чахъ, и погибалъ,
 Я закрывалъ лицо руками
 И плакалъ, плакалъ — и молчалъ.

Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша;
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

5 Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
Тропой пробитою я шель:
Святую личность чловѣка
До пошлой мелочи низвелъ.

10 Ты ль это жизнь къ добру съ любовью,
Плодь мысли, горя и борьбы?
Увы! Отмѣчена ты кровью,
Насмѣшка страшная судьбы!...

1858.

CLXXXIV.

Мнѣ, видно, нѣтъ другой дороги—
Одна лежитъ... иди впередъ,
15 Тащись, покуда служатъ ноги,
А впереди—что Богъ пошлетъ.

Все грязь да грязь... Господь, помилуй!
Устанешь, духъ переведешь,
Опять впередъ! Хоть не подь силу,
20 Хоть плакать въ пору,—все идешь!

Нужда, печаль, тоска и скука,
Нѣтъ воли сердцу и уму...
Изъ-за чего вся эта мука—
Извѣстно Богу одному.

25 Ужъ пусть бы радость пропадала
Для блага хоть чьего-нибудь,—
Была бы цѣль, душа бь молчала,
Имѣлъ бы смыслъ тяжелый путь;

Такъ нѣтъ! Какой-то врагъ незримый
 Изъ жизни пытку создаетъ
 И, какъ палачъ неутомимый,
 Надъ жертвой хохотъ издаетъ.
 1858.

CLXXXV.

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы— 5
 Только васъ вспомнишь,—улыбка и слезы...
 Голову няня въ дремотѣ склонила,
 На полъ съ лежанки чулокъ уронила,
 Прыгаетъ котъ, шевелить его лапкой,
 Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой, 10
 Двигается сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
 Зимняя вьюга шумить и гудить.

Прогнали сонъ мой рассказы старушки.
 Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
 Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая— 15
 Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
 Замеръ лѣсъ темный,—ни свиста, ни шума,
 Смотрять деревья угрюмо, угрюмо!
 Сердце мое замираетъ-дрожить...
 Зимняя вьюга шумить и гудить. 20

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
 На ночь постелю мою оправляетъ.
 „Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
 Божія сила да будетъ съ тобою...“
 Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла, 25
 Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
 Сплю и не сплю я... Лампадка горитъ.
 Зимняя вьюга шумить и гудить.

Вѣчная память, веселое время!
 Грудь мою давить тяжелое бремя, 30
 Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,

Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
 Гдѣ вы—веселье, и сонъ, и здоровье?
 Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
 Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
 5 Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

1858—XI—7.

CLXXXVI.

Радость и кручина.

(1-я редакція).

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
 Золотыя да яркія перья!
 Навѣститъ она, — ночь просіяетъ,
 Полумертвый встаетъ - оживаетъ!

10 Мудрено съ нею, рѣзвою, ладить:
 Косо взглянешь, — она испугалась,
 Полетитъ, — и стрѣлой не догонишь,
 Призывай-умоляй, — не воротишь.

15 Тяжела, чернѣй тучи кручина,
 Подойдетъ, — бѣлый свѣтъ помутится;
 Прогонять, — непослушная злѣетъ,
 Съ нею жить, — богатырь захирѣетъ.

20 Нападеть она, — сердце измучить,
 Изожжетъ огонькомъ-невидимкой;
 Не залить его крупной слезою:
 Онъ замретъ подъ доской гробовою...

1858.

CLXXXVII.

(2-я редакція).

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
 Золотыя да яркія перья!
 Прилетитъ, — вся душа встрепенется,
 25 Передъ смертью больной улыбнется!

Ужъ зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
 Задержать и мольбою, и лаской,
 Отъ тумана глаза бѣ прояснились,
 На веселый ладъ пѣсни сложились.

Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта, 5
 Безъ разсвѣта да съ холодомъ, съ вѣтромъ:
 При тебѣ—вся краса изсушится,
 При тебѣ—въ головѣ помутится.

Ужъ и будь ты, кручинушка, пепломъ — 10
 Весь бы по полю въ бурю развѣялъ,
 Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
 Да на сердцѣ смола не кипѣла!

1858.

СЛXXXVIII.

Опять знакомыя видѣнья! 6
 Опять, подъ дѣтскій смѣхъ и шумъ,
 Прожитый день припомнилъ умъ, 15
 Проснулось чувство отвращенья!
 О, Боже правый! Вотъ она,
 И лжи и подлостей страница,—
 На каждой буквѣ кровь видна...
 Какой позоръ! Вотъ эти лица 20
 Ханжей, предателей, льстецовъ,
 Низкопоклонниковъ, рабовъ,
 Рабовъ расчета и разврата,
 Рабовъ бездушныхъ, ледяныхъ,
 Рабовъ, продать готовыхъ брата, 25
 И друга, и дѣтей родныхъ,
 Рабовъ бездѣлья, скуки праздной,
 Страстишекъ мелкихъ и заботъ...
 И ты, въ своей одеждѣ грязной,
 Нашъ бѣдный труженикъ — народъ, 30
 Несущій крестъ свой терпѣливо,

Ты, за кого краснорѣчиво
 Ведемъ мы споръ, добро любя,
 Пора ль на свѣтъ вести тебя, —
 И ты мнѣ вспомнился...

Угрюмо,

3 Въ печальной долѣ хлѣбу радъ,
 Ты мимо каменныхъ палатъ
 Идешь на трудъ съ тупою думой,
 Полуодѣтъ, полуобутъ,
 10 Нуждой безжалостной согнуть...
 Неужто, молодое племя,
 Въ тебѣ воскреснетъ наше время,
 Развратъ души, развратъ ума,
 И лѣнь, и мелочность, и тьма?
 Намъ нѣтъ изъ пропасти исхода...
 15 Влачась и въ прахъ, и въ пыли,
 О, если бъ мы сказать могли:
 „Вамъ, дѣти, счастье и свобода,
 Широкий путь, разумный трудъ...“
 Увы! невѣдомъ Божій судъ!

1858.

СLXXXIX.

Пѣсня бобыля.

20 Ни кола ни двора,
 Зипунъ—весь пожитокъ...
 Эхъ, живи—не тужи,
 Умрешь—не убытокъ.

25 Богачу-дураку
 И съ казной не спится;
 Бобыль голъ, какъ соколъ,
 Поеть-веселится.

Онъ идетъ да поеть,
 Вѣтеръ подпѣваетъ;

Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ
Отдаетъ поклоны...
Эхъ, присвистни, бобылы!
Слушай, лѣсъ зеленый!

5

Ужъ ты плачь ли, не плачь, —
Слезъ никто не видитъ,
Оробѣй, загорюй, —
Курица обидить.

10

Ужъ ты сытъ ли, не сытъ, —
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ да умремъ, —
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ, —
Пѣсенка допѣта!

15

1858.

СХС.

Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодець.
Сталъ онъ на дворъ лошадей покормить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
Въ красной рубашкѣ, кудрявъ и румянъ,
Вышелъ на улицу весель и пьянъ.
Собралъ онъ дѣвокъ-красавиць въ кружокъ,
Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ.
Потчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
„Пей-пропивай! Проживемъ-наживемъ!..“
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ,

20

25

Шутятъ и пляшутъ, и пѣсни поютъ.
Ухарь-купецъ подпѣваетъ-свиститъ,
Оземь ногой молодецки стучитъ.

Синее небо, и сумракъ, и тишь.
5 Смотрится въ воду зеленый камышъ,
Полосы свѣта по рѣчкѣ лежатъ.
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горятъ.
Дѣвичья пляска при зоркѣ видна,
Дѣвичья пѣсня за рѣчкой слышна,
10 По лугу льется, по чащѣ лѣсной...
Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой;
Бѣлый, какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.
Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаеъ,
15 Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ.
Рвется красотка за дѣвичій кругъ:
Совѣстно ей отъ родныхъ и подругъ.
Смотрятъ подруги, — ихъ зависть беретъ,
Вотъ, молъ, упрямицѣ счастье идетъ.
20 Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смекнулъ,
Локтемъ жену торопливо толкнулъ.
Сѣдъ онъ, и рваная шапка на немъ,
Глазомъ мигнулъ и пропалъ за угломъ.
Дѣвкина мать расторопна, смѣла,
25 Съ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла:
„Полно, касатикъ, отстань — не балуй!
Дѣвки моей не позорь, не цѣлуй!“
Ухарь-купецъ позвенѣлъ серебромъ:
— Нѣтъ, такъ не надо... другую найдемъ!..—
30 Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать.
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять.

Звѣздная ночь и ясна, и тепла.
Дѣвичья пѣсня давно замерла.
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
35 Вѣтромъ шатаеъ камышъ молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плывеъ,

Темную зелень огнемъ обдаеть.
 Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
 Спитъ на печи подгулявшій старикъ,
 Спитъ въ зипунишкѣ и старыхъ лаптяхъ, 5
 Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
 Молится Богу старуха-жена,
 Плакать бы надо, — не плачетъ она.
 Дочь ихъ красавица поздно пришла,
 Дѣвичью совѣсть виномъ залила.
 Что тутъ за диво! И замужъ пойдетъ... 10
 То-то, чай, дѣтокъ на путь наведетъ!..
 Кѣмъ ты, людъ бѣдный, на свѣтъ порождень?
 Кѣмъ ты на гибель и срамъ осуждень?
 1858.

СХСІ.

Мертвое тѣло.

Парень-извозчикъ въ дорогѣ продрогъ,
 Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ. 15
 Въ грязной избѣ онъ на печкѣ лежитъ,
 Горло распухло, чуть-чуть говорить.
 Ноетъ душа отъ тяжелой тоски:
 Пашни родныя куда далеки!
 Какъ на чужой сторонѣ умереть! 20
 Хоть бы на мать, на отца поглядѣть!
 Въ горѣ товарищи держатъ совѣтъ:
 „Ну-ка умереть, — попадемъ мы въ отвѣтъ!
 Изъ дому паспортовъ не взяли мы, —
 Ну-ка умереть, — не уйдемъ отъ тюрьмы!“ 25
 Дворникъ встревоженъ, священника ждетъ;
 Медленнымъ шагомъ священникъ идетъ.

Встали извозчики, всталъ и больной;
Свѣчка горитъ предъ иконой святой,

Бѣлая скатерть на столъ постлана.
Въ душевой избѣ тишина, тишина...

3 Кончилъ молитву священникъ съдой,
Вышли извозчики за дверь толпой.

Парень шатается, дышитъ съ трудомъ,
Старецъ стоитъ недвижимъ со крестомъ.

10 „Страшенъ судъ Божій, покайся, мой сынъ!
Богъ тебя слышитъ да я лишь одинъ...“

„Батюшка!.. грѣшенъ!..“—больной простоналъ;
Паль на колѣни и громко рыдалъ...

Грѣшника старецъ во всемъ разрѣшилъ,
Крови и плоти святой приобщилъ,

15 Съѣлъ, написалъ: вотъ такой приобщень.
Дворнику легче: исполненъ законъ.

Полночь. Всѣ въ домѣ уснули давно.
Въ душевой избѣ, какъ въ могилѣ, темно.

20 Скупю въ углу рукомойникъ течетъ,
Капля за каплею звукъ издаетъ.

Мѣрно кузнечикъ куетъ въ тишинѣ,
Кто-то невнятно бормочетъ во снѣ.

Вѣтеръ печально поетъ подъ окномъ,
Воетъ-голоситъ, Господь вѣсть, по комъ.

25 Тошно впотъмахъ одному мужику:
Сны-вѣщуны навѣваютъ тоску.

Помочи, видно, тутъ нечего ждатель...
 Быть тому такъ, что покойника взять.

Бѣлѣтъ снѣгъ въ степи глухой,
 Стоитъ на ней ковыль сухой;
 5 Ковыль сухой и старъ, и сѣдъ,
 Блеститъ на немъ мороза слѣдъ.
 Просторъ и сонъ, могильный сонъ,
 Туманъ, что дымъ, со всѣхъ сторонъ.
 А глубь небесъ въ огняхъ горитъ;
 10 Вкругъ мѣсяца кольцо лежитъ;
 Звѣзда звѣздѣ привѣты шлетъ,
 Холодный свѣтъ на землю льетъ.
 Въ степи глухой обозъ скрипитъ,
 Передній конь идетъ - храпитъ.
 15 Продрогъ мужикъ, глядитъ на снѣгъ,
 Съ ума нейдетъ въ селѣ ночлегъ;
 Въ своемъ селѣ онъ сонъ найдетъ.
 Теперь его все страхъ беретъ:
 Мертвецъ за нимъ въ саняхъ лежитъ,
 20 Живому степь бѣдой грозитъ.
 Мелькнула тѣнь, зашла впередъ,
 Растетъ сѣдой и рѣчь ведетъ:
 „Мертвецъ въ саняхъ! Мертвецъ въ саняхъ!..“
 Вскочилъ мужикъ, на сердцѣ страхъ,
 25 По тѣлу дрожь, тоска въ груди...
 „Товарищи! Сюда иди!
 Эй, дядя Петръ! Мертвецъ встаетъ!
 Мертвецъ встаетъ, ко мнѣ идетъ!“
 Извозчики на кличъ бѣгутъ,
 30 О чудѣ рѣчь въ степи ведутъ,
 Блеститъ ковыль, сквозь чуткій сонъ
 Людскую рѣчь подслушалъ онъ...

Вотъ ужъ покойникъ въ родимомъ селѣ,
 Убранъ лежитъ на дубовомъ столѣ.

35 Мать къ мертвецу припадаетъ на грудь:
 „Соколъ мой ясный, скажи что нибудь!

Какъ безъ тебя мнѣ свой вѣкъ коротать,
Горькое горе встрѣчать, провожать!..“

— Полно, старуха! — ей мужъ говоритъ:
Полно касатка — и плачетъ навзрыдь.

Чу! Колокольчикъ звенить и поеть... 5
Ближе и ближе — и смолкъ у воротъ...

Грозный чиновникъ въ избушку спѣшить,
Дверь отворилъ, на порогъ кричить:

— Эй, старшина! Понятыхъ собери!
Слышишь, каналья? Да живо, смотри! — 10

Все онъ провѣдалъ, про все разузналъ,
Доктора взялъ и на судъ прискакалъ.

Трупъ обнажили. И вотъ, второпяхъ,
Въ фартукъ бѣломъ, въ зеленыхъ очкахъ,

По локоть докторъ рукавъ завернулъ. 15
Острою сталью надъ трупомъ сверкнулъ.

Вскрикнула мать: „Не дадимъ, не дадимъ!
Сынъ это мой! Не ругайся надъ нимъ!“

Сжался, родной! Отступись-отойди!
Мать свою вспомни... во грѣхъ не входи!..“ 20

— Вывести бабу! — чиновникъ сказалъ,
Докторъ на трупъ пятно отыскалъ.

Бѣднымъ извозчикамъ сдѣланъ допросъ,
Обнялъ ихъ ужасъ — и кто что понесъ...

Жаль васъ, родимые! Жаль, соколы! 25
„Эй, старшина, подавай кандалы!“

СХСII.

Старый слуга.

Сохнетъ старикъ отъ печали,
Ночи не спитъ напролетъ:
Барскимъ добромъ поклепали,
Воромъ вся дворня зоветъ.

5 Не ждалъ онъ горькой невзгоды,
Барину вѣрно служилъ...
Какъ его въ прежніе годы
Старый слуга мой любилъ!

10 Въ курточкѣ красной, бывало,
Весель, завить и румянь,
Прыгаетъ, бьетъ, какъ попало,
Рѣзвый барчукъ въ барабанъ;

15 Бьетъ и кричить, и смѣется,
Дѣтскою саблей звенить;
Вдругъ къ старику повернется:
„Смирно!“ — и ножкой стучить.

20 Ниткой его зануздаетъ,
На спину сядетъ верхомъ,
Въ шутку кнутомъ погоняетъ,
Ѣдетъ по залѣ кругомъ.

Радъ мой старикъ — и проворно
На четверенькахъ ползетъ.
„Стой“ — и онъ станетъ покорно,
Бровью съдой не моргнетъ.

25 Ручку ль барчукъ шаловливый,
Ножку ль убьетъ за игрой, —
Вздогнетъ слуга боязливый:
„Баринъ ты мой золотой!“

30 Шопотомъ тужить-горюетъ:
„Не досмѣрѣлъ я, злодѣй!“

Барскую ножку цѣлуетъ...
„Бей меня, батюшка, бей!“

Тошно подъ барской опалой!
Недруговъ страшенъ навѣтъ!
Пусть бы ужъ много пропало, —
Ложки серебряной нѣтъ!

Смотритъ старикъ за овцами,
На ноги лапти надѣлъ,
Плечи покрылъ лоскутами, —
Такъ ему баринъ велѣлъ.

Плакалъ бѣднякъ, убивался,
Вслухъ не винилъ никого:
Рабъ своей тѣни боялся,
Такъ напугали его.

Господи! Горе и голодъ...
Долго ли чахнуть въ тоскѣ?..
Вырвался какъ-то онъ въ городъ
И загулялъ въ кабакѣ.

Пей, безталанная доля!
Пилъ онъ, и пѣлъ, и плясалъ...
Волюшка, милая воля,
Гдѣ же твой свѣтъ запропалъ?..

И потащился полями,
Пьяный, въ родное село.
Вьюга неслась облаками,
Вѣтромъ лицо его жгло.

Снѣгъ заметалъ одежонку,
Сонъ горемыку клонилъ...
Легъ онъ, надвинулъ шапченку
И середь поля застылъ.

1859.

СХСІІІ.

Живая рѣчь, живые звуки,—
 Зачѣмъ вамъ чужды плоть и кровь?
 Я въ васъ облекъ бы сердца муки,
 Мою печаль, мою любовь.

5
 Въ груди огонь, въ душѣ смятенье
 И подавленной страсти стонъ,
 А ваше мѣрное теченье
 Наводитъ скуку или сонъ...

10
 Такъ, недоступно и незримо,
 Въ насъ зрѣеть чувство иногда,
 И остается навсегда
 Загадкою неразрѣшимой,
 Какъ мученикъ, прожившій вѣкъ,
 Намъ съ дѣтства близкій человѣкъ.

1859.

СХСІV.

15
 Перестань, милый другъ, свое сердце пугать:
 Что намъ завтра сулить—мудрено угадать.

Посмотри: изъ-за синяго полога тучъ
 На зеленый курганъ брызнулъ золотомъ лучъ.

20
 Колокольчикъ поникъ надъ росистой межей,
 Алой краской покрытъ василекъ голубой,

Сироты-павилики румяный цвѣтокъ
 Приласкался къ нему и обвилъ стебелекъ.

Про таланъ золотой въ полѣ пахарь поетъ,
 Въ потемнѣвшемъ лѣсу отголосокъ идетъ.

Въ каждой травкѣ — душа, каждый звукъ — го-
ворить,
Въ синевѣ про любовь голосъ птички звенить...

Только ты все грустишь, словъ любви не найдешь,
Громовыхъ облаковъ въ день безоблачный ждешь.
1859.

СХСV.

И дождь, и вѣтеръ. Ночь темна. 5
Въ уснувшемъ домѣ тишина.
Никто мнѣ думать не мѣшаетъ.
Сижу одинъ въ моемъ углѣ.
При свѣчкѣ весело играетъ
Полоска свѣта на окнѣ. 10

Я радъ осенней непогодѣ:
Мнѣ шумъ толпы невыносимъ.
Я, какъ дикарь, привыкъ къ свободѣ,
Привыкъ къ стѣнамъ моимъ роднымъ.
Здѣсь все мнѣ дорого и мило, 15
Хоть радости здѣсь мало было...

Святая ночь! Теперь я чуждъ
Дневныхъ тревогъ, насущныхъ нуждъ.
Онѣ забыты. Жизни полны,
Видѣнья свѣтлыя встаютъ, 20
Изъ глубины души, какъ волны,
Слова послушныя текутъ.

И грустно мнѣ мой трудъ отраднѣй,
Когда въ окно разсвѣтъ блеснетъ,
Мѣнять на холодъ беспощаднѣй,
На бремя мелочныхъ заботъ... 25
И снова жажду я досуга,
И темной ночи жду, какъ друга.

1859.

СХСVI.

Могила дитяти.

(Посвящается Н. И. Второву).

Надъ твоей могилкой
Солнышко сіяетъ;
Въ зелени сирени
Птичка распѣваетъ.

5 Вьются - распѣвають
Пчелы надъ цвѣтами,
Вѣтерокъ лепечетъ
Съ темными листьями.

10 Спишь ли ты, малютка,
Или такъ лежится?..
Встань и полюбуйся,
Что кругомъ творится.

15 Всталъ бы ты — нѣтъ воли:
Тѣсный домъ твой проченъ;
Выходъ на-свѣтъ Божій
Крѣпко заколоченъ.

20 Спи, дитя! Едва ли
Стоитъ просыпаться,
На людское горе
Сердцемъ надрывать.

Наша жизнь земная,
Право, незавидна,
Спи, дитя родное,
Суждено такъ, видно.

4 Сонъ твой—сонъ отраднѣй.
Крестъ и камень бѣлый

Надъ твоей могилкой
Солнышко пригрѣло.

Перелетнымъ гостьямъ
Благодать святая,
Въ ямочкѣ на камнѣ
Влага дождевая.

Пьетъ шалунья-птичка,
Ерызги разсыпаетъ,
Чуткій слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ.

1859.

СХСVII.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назадъ,—точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!

Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло, да сгубло безъ времени,
Спать точно мертвое, спать, какъ убитое,
Солнышкомъ Божьимъ навѣки забытое.

Солнышко Божье на свѣтъ поскупилося,
Счастье-веселье на зовъ не явилоса,
Горькое горе безъ зову нагрянуло,
При-горѣ радость свинцомъ въ воду канула.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Радъ бы забыть васъ, да что жъ мнѣ оста-
нется,
Чѣмъ моя жизнь при бездолю помянется?

1860—X.

СХСVIII.

Я радъ молчать о горѣ старомъ,
 Мнѣ къ чернымъ днямъ не привыкать;
 Но вотъ вопросъ: неужто даромъ
 Мнѣ нужно слезы проливать?

5 Утраты, нужды и печали,
 Къ чему меня вы привели?
 Какой мнѣ путь вы указали,
 Какое благо принесли?

10 Дождусь ли я успокоенья,
 Отъ мукъ разумнаго плода?
 Рѣши ты, жизнь, мои сомнѣнья,
 Когда ты смысла не чужда.

15 Но если ты полна позора,
 Обмана, мелочныхъ заботъ,—
 Во что же вѣрить? Гдѣ опора?
 Изъ темной пропасти исходъ?

20 Исходъ!.. Едва ли онъ возможенъ:
 Душа на скорбь осуждена,
 Уснуло сердце, умъ встревоженъ;
 А даль темна, какъ ночь темна.

Ужь не пора ли лечь въ могилу:
 Усопшихъ сонъ невозмутимъ...
 О, Боже мой! Пошли Ты силу
 И миръ душевный всѣмъ живымъ!

1860.

СХСIX.

Поэту-обличителю.

25 Обличитель чужого разврата,
 Проповѣдникъ святой чистоты,

Ты, что камень на падшаго брата
Поднимаешь, — сойди съ высоты!

Ужъ не первый въ величьи суровомъ,
Врагъ неправды и лѣни тупой,
Какъ гроза, своимъ огненнымъ словомъ,
Ты царишь надъ послушной толпой. 5

Дышитъ рѣчь твоя жалкой любовью,
Безъ конца ты готовъ говорить,
И, подумаешь, собственной кровью
Счастье ближнему радъ ты купить. 10

Что жъ ты сдѣлалъ для края родного,
Безкорыстный мудрецъ-гражданинъ?
Укажи, гдѣ для дѣла благого
Потерялъ ты хоть волосъ одинъ?

Твоя жизнь, какъ и наша, бесплодна,
Лицемѣрна, пуста и пошла... 15
Ты не понялъ печали народной,
Не оплакалъ ты горькаго зла.

Нищій духомъ и словомъ богатый,
По наслышкѣ о всемъ ты поешь,
И безстыдно похвалъ ждешь, какъ платы,
За свою всенародную ложь. 20

Будь ты проклято, праздное слово!
Будь ты проклята, мертвая лѣнь!
Покажись съ своей жизнію новой,
Темноту прогоняющій день! 25

Передъ нами нѣмая могилы,
Позади—одна горечь потерь...
На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь. 30

Много поту тобою прольется,
И, быть можетъ, въ глуши безъ слѣдовъ,
Очистительныхъ жертвъ принесется
Въ искупленье отцовскихъ грѣховъ.

5 Не легка твоя будетъ дорога,
Но иди,—не погибнетъ твой трудъ!
Знамя чести и истины строгой
Только крѣпкіе въ бурю несутъ.

10 Безконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой,—
Вотъ прямое твое назначенье,
Добрый подвигъ на почвѣ родной!
1860.

СС.

Теперь мы вышли на дорогу,
Дорога—просто благодать.
15 Ужъ не сказать ли: слава Богу,
Трудъ совершенъ! Чего желать?

20 Душѣ просторъ, уму свобода!..
Да, умъ нашъ многое постигъ:
О благѣ бѣднаго народа
Мы написали груду книгъ.

Всѣ эти дымныя избенки,
Гдѣ въ полумракѣ, въ темнотѣ,
Полунагіе ребятенки
Растутъ въ грязи и нищетѣ;

25 Гдѣ по ночамъ горитъ лучина,
И, рабъ нужды, при огонькѣ,
Сѣдой, какъ лунь, старикъ-кручина
Плететъ лаптишки въ уголкѣ;

Гдѣ жница-мать въ широкомъ полѣ,
 На вѣтрѣ, въ нестерпимый зной,
 Забывъ усталость поневолѣ,
 Малютку кормить подѣ копной;

Ея уста спеклися кровью,
 Работой грудь надорвана... 5
 Но, Боже мой, съ какой любовью
 Малютку пѣстуетъ она!

Все это нынѣ мы узнали,
 И, наконецъ,—о, мудрый вѣкъ!
 Какъ дважды два мы доказали, 10
 Что и мужикъ нашъ—человѣкъ.

Все суета! Махнемъ рукою!..
 Насъ чернь не слушаетъ, молчить,
 Упрямо ходить за сохою 15
 И недоувѣрчиво глядить.

Покаместъ умъ нашъ созидаетъ
 Дворцы да башни въ облакахъ,
 Горячій потъ она роняетъ
 На нивахъ, гумнахъ и дворахъ, 20

Въ глухой степи, въ лѣсной трущобѣ,
 Средь улицъ сель и городовъ,
 И, утомясь, въ досчатомъ гробѣ
 Опочиваетъ отъ трудовъ.

Чѣмъ это кончится?.. Едва ли,
 Ничтожной жизни горькій плодъ,
 Не ждутъ насъ новыя печали
 На мѣсто прожитыхъ невзгодъ! 25

ССІ.

Поминки.

Ни тучки, ни вѣтра, и поле молчитъ;
Горячее солнце и жжетъ, и палитъ.

И пылью покрытая, будто мертва,
Стоитъ неподвижно подъ зноемъ трава,

И слышится только въ молчаніи дня
Веселыхъ кузнечиковъ звонъ-трескотня.

Средь чистаго поля конь-пахарь лежитъ;
На трупъ коня воронъ черный сидитъ,

Кровавый свой клювъ поднимаетъ порой
И каркаетъ, будто вѣщунъ роковой.

Эхъ, конь безотвѣтный, слуга мужика,
Была твоя служба вѣрна и крѣпка!

Побои и голодъ—ты все выносишь
И духъ свой на пашнѣ, въ сохѣ испустишь.

Мужикъ горемычный рукою махнулъ,
И снялъ съ него кожу и молча вздохнулъ,

Вздохнулъ и заплакалъ: „Ничто, молъ, не въ
прокъ!“

И кожу сырую въ кабакъ поволокъ.

И пѣлъ онъ тамъ пѣсни, свисталъ соловьемъ:
„Пускай пропадаетъ! Гори все огнемъ!“

Со смѣха народъ головами качалъ:
„Смотри, молъ, ребята, онъ умъ потерялъ.

Со зла свое сердце гульбой веселитъ,
По мертвой скотинѣ поминки творитъ!“

1860.

ССII.

На пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуетъ;
 На камнѣ мужикъ одиноко горюетъ:
 У ногъ его кучами пепель лежитъ,
 Надъ пепломъ труба безобразно торчитъ.

Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ ды- 5
 рявой,

Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой,
 Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
 И солнце открытую голову жжетъ.

Не годъ и не два онъ терялъ свою силу;
 На пашнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу; 10
 Онъ клалъ ее дома, съ цѣпомъ на гумнѣ,
 Безропотно клалъ на чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ
 доли,

Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
 И трескалась кожа... да что за бѣда! 15
 Ужъ, видно, не жить мужику безъ труда!

Упорной работы соха не сносила,
 Ломалась, и въ полѣ другая ходила;
 Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
 И только выдерживалъ пахарь-мужикъ. 20

Просилъ, безотвѣтный, не счастья у Неба,
 Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба...
 Подкралась бѣда,—все метлой подмела,—
 У пахаря нѣтъ ни двора, ни кола.

Крѣпись, горемычный! Не гнись отъ удара! 25
 Все вынесло сердце: и ужась пожара,

И матери старой пронзительный стонъ
Въ то время, какъ въ полымя кинулся онъ

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели;
За нимъ по слѣдамъ потолоки загремѣли...

„Пускай догораютъ!..“ И нищій мужикъ
Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

1860.

ССIII.

Портной.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается,
10 Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая,
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за-полночь
Гибнетъ она — и никто нейдетъ на-помочь;
15 Гибнетъ она — и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...
Горькій полынъ — эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
20 Эту я пѣсню про бѣдность пою.

I.

Морозъ трещить, и воеетъ вьюга,
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся, и растутъ сугробъ.
И молчаливый, будто гробъ,
25 Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита,

Она стара и вся въ щеляхъ;
 Бѣлѣетъ иней на стѣнахъ,
 Окошко инеемъ покрыто,
 И отъ мороза на окнѣ
 Вода застыла въ кувшинѣ. 5
 Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
 И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
 Портной озябъ. Онъ нездоровъ
 И головой поникъ въ истомѣ;
 Печальна жизнь его была, 10
 Печально молодость прошла,
 Прошло и дѣтство безотрадно:
 Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,
 На камняхъ ногу изломалъ,
 Его посѣкли безпощадно... 15
 Не умеръ онъ. Полубольнымъ
 Все росъ, да росъ. Но чѣмъ кормиться?
 Что въ руки взять? Чему учиться?
 И самоучкой сталъ портнымъ.
 Женился бѣдный, — все не радость: 20
 Жена не долго пожила
 И Богу душу отдала
 Въ родахъ подъ Пасху. Вотъ и старость
 Теперь пришла. А дочь больна,
 Ужъ кровью кашляетъ она, — 25
 И все прядетъ, прядетъ все пряжу,
 Иль молча спицами звенить,
 Перчатки вяжетъ на продажу,
 И все груститъ, и все груститъ.
 Робка, какъ птичка полевая, 30
 Живетъ одна, живетъ въ глуши,
 Въ глухую полночь, чуть живая,
 Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
 Не спитъ измученный старикъ. 35
 Его глаза глядятъ безъ цѣли,

Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ, хуже мертвеца.
5 „Что жъ ты не спишь?“ — она сказала.
— Такъ, скучно. Хоть бы разсвѣло...
Ты не озябла? — „Мнѣ тепло...“
И разсвѣло. Окрѣпъ и холодъ.
Но хлѣба, хлѣба, гдѣ добыть?
10 Суму надѣтъ, иль воромъ быть?..
О, будь ты проклятъ, страшный голодъ!
Куда идти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
15 Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
Дочь посинѣла и дрожить...
Хотѣлъ заплакать — слезъ не стало...
И со двора, въ нѣмой тоскѣ,
Побрелъ онъ съ костылемъ въ рукѣ.
20 Куда? Онъ думалъ не о пищѣ,
Шелъ не за хлѣбомъ — на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ;
Онъ былъ давно ему знакомъ.
Но какъ начать? Неловко было...
25 Портной съ нимъ долго толковалъ
О томъ, о семъ; а сердце ныло...
И, наконецъ, онъ шапку снялъ.
„Послушай, сжался, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
30 Нельзя ли тутъ вотъ въ сторонѣ,
Могилку приготовить мнѣ?“
— Ого? — могильщикъ улыбнулся:
— Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь, — зароютъ, не грусти...
35 Грѣшно болтать-то безъ пути... —
„Зароютъ, другъ мой, я не спорю...
Вѣдь дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдетъ она?..

Кого?.. Ужъ пособи ты горю!
 Платить-то нечѣмъ... я бы радъ,
 Я заплатилъ бы... вырой братъ!..“
 — Земля-то, видишь ты, застыла...
 Рубить-то будетъ не легко. —
 „Ты такъ... не очень глубоко,
 Не очень... все-таки могила!
 Просить и совѣстно: — нужда!“
 — Пожалуй, вырыть не бѣда! —

5

III.

И слегъ портной. Лицо пылаетъ,
 Въ бреду онъ громко говоритъ,
 Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
 Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
 Что онъ повѣситься хотѣлъ,
 И только Катю пожалѣлъ.
 Дочь плачетъ: „Полно, ради Бога!
 У насъ тепло, обита дверь.
 И чай налить: онъ есть теперь,
 И есть дрова, и хлѣба много, —
 Все дали люди... Встань, родной!“
 И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
 — „Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
 Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
 Не кашляй! тише! кровь польется...“
 И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

10

15

20

25

1860.

CCIV.

За прялкою баба въ поневѣ сидитъ;
 Ребенокъ больной въ колыбели лежитъ,
 Лежитъ онъ и въ ротъ не беретъ молока,
 Кричитъ онъ безъ умолку — слушать тоска!

Торопится баба: рубашка нужна;
 Совсѣмъ-то, совсѣмъ обносила она;

30

Надѣтъ-то ей нечего, — просто напасть!
Прядетъ она ночью, днемъ некогда прядь.

И за-полночь ярко лучина горить,
И грудь отъ сидѣнья щемить и болить,
5 И взгляды притупился, устала рука...
Дитя надрывается — слушать тоска!

Пришлось поневолѣ работу бросать.
„Ну, что, мое дитяtko? — молвила мать:
Усни себѣ съ Богомъ, усни въ тишинѣ!
10 Вѣдь некогда, дитяtko, некогда мнѣ!“

И баба садится, и снова прядетъ,
И снова покою ей крикъ не даетъ.
„Молчи, говорю! Мнѣ самой до себя!
Ну, чѣмъ же теперь исцѣлю я тебя?“

15 Поютъ пѣтухи: видно скоро разсвѣтъ;
Дымится лучина, и гаснетъ — и нѣтъ;
Притихъ и ребенокъ и глазки сомкнулъ.
Уснулъ онъ — да только ужъ навѣкъ уснулъ.
1860.

ССV.

Мать и дочь.

20 Худа, ветха избушка
И, какъ тюрьма, тѣсна;
Слѣпая мать-старушка,
Какъ полотно, блѣдна.

Бѣдняжка потеряла
Свой глаза и умъ
25 И, какъ ребенокъ малый,
Чужда заботъ и думъ.

Все пѣсни распѣваетъ,
Забившись въ уголокъ,
И жизнь въ ней догораетъ,
Какъ въ лампѣ огонекъ.

А дочь съ восходомъ солнца
Иглу свою беретъ,
У свѣтлаго оконца
До темной ночи шьетъ.

Жара. Вокругъ молчанье,
Лѣниво день идетъ.
Докучныхъ мухъ жужжанье
Покоя не даетъ.

Старушки тихій голосъ
Безъ умолку звучить...
И гнется дочь, какъ колось,
Тоска въ груди кипить.

Народъ неутомимо
По улицѣ снуетъ,
Идетъ все мимо, мимо,—
Богъ вѣсть куда, идетъ.

Ужъ ночь. Темно въ избушкѣ,
И некому мѣшать,
Осталось—къ подушкѣ
Припасть—и зарыдать.

1860.

ССVI.

Погость.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна,
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.

Тишина — не слышно звука,
Не горитъ огня въ селѣ.
Безпробудно скорбь и мука
Спитъ въ кормилицѣ-землѣ.

5 Спитъ въ землѣ нужда-неволя,
Спитъ кручина бѣдняковъ,
Спитъ безвыходная доля.
Миръ вамъ, кости мужичковъ!

10 Догорѣли ваши силы
Тише свѣчки восковой.
Донесли вы до могилы
Крестъ свой, кровью облитой...

15 Миръ вамъ, старья невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣтъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

20 Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.
1860.

ССVII.

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая —
25 Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,

Только однимъ человѣкомъ убавится...
 Убыль его никому не больна,
 Память о немъ никому не нужна!..

Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная —
 Гостья погоста, пѣвунья залетная, 5
 Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
 Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
 Тише!.. О жизни поконченъ вопросъ:
 Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ!
 1860.

CCVIII.

На лицо твое солнечный свѣтъ упадаль. 10
 Ты со взоромъ поникшимъ стояла;
 Крѣпко руку твою на прощаньи я жалъ,
 На устахъ моихъ рѣчь замирала.

Я не могъ отъ тебя своихъ глазъ отвести,
 Одна мысль, что намъ нужно разстаться — 15
 Поглощала меня. Повторялъ я: „Прости!“
 И не могъ отъ тебя оторваться.

Понимала ли ты мое горе тогда?
 Или только, какъ ангель прекрасна, —
 Покидала меня безъ нужды и труда, 20
 Будто камень холодный, безстрастна?..

Вотъ затихъ стукъ колесъ средь безлюдныхъ равнинъ,
 Улеглась за нимъ пыль за тобою;
 И какъ прежде, я снова остался одинъ
 Съ безпощадной, безсонной тоскою. 25

Догорѣла свѣча. Бродить сумракъ въ углахъ,
 Полъ сіяетъ отъ луннаго свѣта;
 Безконечная ночь! Въ этихъ душныхъ стѣнахъ
 Зарыдай — не услышишь отвѣта..

ССІХ.

Н. А. М—ой.

Я Васъ не смѣю раздражать,
И повинуюсь молчаливо,
И хоть совсѣмъ не радъ молчать,
Молчать я буду терпѣливо.

5 „Но, ради самого Христа,
Къ чему вся эта пестрота,
Вся эта смѣсь стиховъ и прозы,
Все это шутки или слезы?“ —

10 Меня Вы спросите. — Увы!
Отчасти плодъ тяжелой скуки,
Отчасти плодъ душевной муки
И нездоровой головы.

15 Притомъ, скажу чистосердечно,
На Васъ мнѣ трудно угодить:
Едва шутить начну безопасно, —
Сейчасъ упрекъ: „Зачѣмъ шутить!“

20 Невесель я, — опять укору,
Опять нахмуренные взоры;
Но какъ же быть мнѣ, мой Творецъ!..
Assez! Довольно, наконецъ.

За то, что вралъ на-пропалую,
За то, что мучилъ этимъ Васъ,
Склонивъ колѣни. въ этотъ часъ
Прахъ Вашей ножки я цѣлую.

25 А ручку можно-ли пожать?
Нельзя? Такъ что и толковать!
Къ чему излишняя награда?
Такая милая отрада

Меня съ ума-бъ теперь свела,
 А Вы... Вы не творите зла.
 Мнѣ остается передъ Вами,
 Принявъ видъ скромности святой,

Стоять съ поникшей головой
 И съ потупленными глазами,
 Или забыть весь свѣтъ,—и вдругъ
 Воскликнуть

1861—IV—19.

ССХ.

Исповѣдь.

Охъ, водкой зашибаюсь...

Что дѣлать! Не таюсь.

И передъ Богомъ каюсь,

Передъ людьми винюсь.

И рукава вотъ прорваны,

И рожа не чиста,

И силы понадорваны,

И совѣсть пропита,—

Какъ есть дошелъ до подлости!

Эхъ, крутъ былъ мой отецъ!

Держалъ меня онъ въ строгости,

Богатый былъ купецъ;

Онъ взялъ меня отъ азбучки

И въ лавку посадилъ;

Проклятой этой лавочки

Теперь я не забылъ.

Бывало, кровь бросается

Въ лицо мнѣ отъ стыда:

Все плутовствомъ кончается...

А не сплутуй—бѣда!

„Нѣтъ, ты пойми ученіе“ —
Накинется отецъ:
„Ты будь мое почтеніе, —
По правиламъ купецъ...“

5 Что слово—брань обидная.
Стоишь, въ ухахъ звенить,
И въ сердцѣ злость постыдная
Противъ отца кипить.

10 Сказалъ бы слово смѣлое,
Молчишь,—хоть тяжело...
И черное за бѣлое
Идетъ тебѣ на зло.

15 Привычка—вещь мудреная,
Привыкъ я ко всему;
Рѣшилъ, что доля темная, —
Такъ нужно быть тому.

20 Оплеванный, обруганный,
Я злился на себя;
Людей, какъ звѣрь напуганный,
Боялся, не любя.

 Привыкъ я къ послушанію,
Но разъ не умолчалъ!
Отцу по приказанію
Я библію читалъ.

25 Горѣла свѣчка сальная,
Въ углу мурлыкалъ котъ
И пѣлась пѣснь печальная,
Богъ вѣсть кѣмъ у воротъ.

30 Отецъ ходилъ нахмуренный
И полъ подъ нимъ скрипѣлъ;
Съ стѣны оштукатуренной
Портретъ его глядѣлъ.

Читалъ я,—что за чтеніе!
Ученъ я плохо былъ,
И какъ-то удареніе
Не тамъ постановилъ.

Отецъ мой плеть ременную
Снялъ молча со стѣны
И... въ эту ночь безсонную
Я видѣлъ въ-явѣ сны,

Сны страшные!.. Покойникомъ
Я будто бы лежалъ,
Зарѣзанный разбойникомъ,
И кровью подплавалъ...

Эхъ, молодость безпечная!
Ничто ей не бѣда!
Выносить все, сердечная,
Какъ полая вода...

Я выросъ. Что печалиться!
Я думалъ, наконецъ:
Пора ужъ мнѣ оправиться...
„Женись!“—сказалъ отецъ.

Я спорить... „Врешь! Приказано!
Не то—всего лишу,
Вотъ такъ и будетъ сказано:
Въ духовной напишу“.

Подумалъ я съ подушкою,
Подумалъ,—какъ тутъ быть?
Какъ за чужой краюшкою
Въ чужомъ углу мнѣ жить?

Огласка, порицаніе,
Попрекъ со всѣхъ сторонъ...
А гдѣ образованіе?
Чему я обученъ?

Я правъ, молъ, дѣло честное.
Повѣритъ ли народъ?
Ужъ что за мнѣнье лестное—
Съ отцомъ-де не живетъ.

5 Молчи, душа свободная!
На все одинъ отвѣтъ...
Жена моя дородная,
Лицо, что маковъ цвѣтъ;

10 Жила въ семействѣ, стряпала
И стряпать замужъ шла,
Передъ вѣнцомъ поплакала
И... и пріютъ нашла.

15 Приду домой—молчаніе.
Сидимъ мы. Какъ тутъ быть?
Ну, просто, наказаніе!
О чемъ съ ней говорить?

20 Скажу: „Погода скверная!“
Отвѣтитъ: — Да, дурна—
А вижу: баба вѣрная,
Степенная жена.

Сидимъ мы. Мнѣ зѣвается,
Зѣвнеть она въ отвѣтъ.
Тутъ ужинъ начинается
И сонъ, а тамъ—разсвѣтъ.

25 Безъ грусти съ ней прощаемся,
Приду,—молчимъ опять,
За столъ опять собираемся...
Хоть петлю надѣвать!

30 Пошлешь тоскѣ проклятіе—
И маршъ съ двора чуть свѣтъ,
На рынкѣ есть занятіе,
И дружба, и совѣтъ.

Гуляй, душа родимая!
Зальешь глаза виномъ,
И грязь непроходимая,
И пропасть—нипочемъ.

1861.

ССХІ.

Порывы.

Людскую скорбь, вопросы вѣка —
Я знаю все... Какъ другъ и братъ,
На скорбный голосъ человѣка
Всегда откликнуться я радъ.

5

И только. Многое я вижу,
Но воля у меня слаба,
И всей душой я ненавижу
Себя, какъ подлаго раба.

10

Какъ я неправду презираю,
Какой я человѣкъ прямой,
Покуда жизни не встрѣчаю
Лицомъ къ лицу,—о, Боже мой!

15

И если бъ въ жизнь переходили
Мои слова,—враги мои
Меня давно бъ благословили
За сердце, полное любви.

20

Погасъ порывъ мой благородный,
И что же? Тѣшится надъ нимъ
Какой-нибудь глупецъ холодный
Безумнымъ хохотомъ своимъ.

„Такъ вотъ-съ, какъ было это дѣло“, —
Мнѣ говорить степнякъ-сосѣдъ:
„Себя онъ вель ужъ очень смѣло,
Сказать бы: да, онъ скажетъ: нѣтъ.“

25

Упрямство... вотъ и судить криво:
За правду стой, да какъ стоять!
Ну, перенесъ бы молчаливо,
Коли приказано молчать.

5 Вотъ и погибъ. Лишился мѣста,
Притихъ и плачетъ, какъ дитя,
Дѣтишекъ куча, дочь невѣста
И въ домъ хлѣба ни ломтя...“

— Какъ вамъ не совѣстно, не стыдно!
10 Какъ повернулся вашъ языкъ!
Мнѣ просто слушать васъ обидно!..—
Я поднимаю громкій крикъ

И весь дрожу. Лицо пылаетъ,
Какъ левъ пораненый, я золь,
15 Сигара въ уголь отлетаетъ,
Нога отталкиваетъ столъ.

Сосѣдъ смѣется: „Что вы! что вы!
Обидѣлъ, что-ли, я кого?
Ужъ вы на ножъ теперь готовы,
20 Ха-ха, ну стоять-ли того?“

И въ самомъ дѣлѣ, я рѣшаю:
Что портить кровь изъ пустяковъ!
Махну рукой и умолкаю:
Не переучишь дураковъ.

25 Берусь за книгу ради скуки,
И желчь кипить во мнѣ опять:
Разсчетъ, обманы, слезы, муки,
Насилье... не могу читать!

30 Подлецъ на добромъ возить воду,
Умъ отупѣлъ, заглохъ отъ сна..
Ужели грѣшному народу,
Такая участь суждена?

„Ты дома?“ — двери отворяя,
 Чудакъ знакомый говорить
 И входить, тяжело ступая.
 Онъ неуклюжь, угрюмъ на видъ.

Взглядъ ледяной, косыя плечи,
 Какой-то шрамъ между бровей.
 Умень, какъ бѣсъ, но скупъ на рѣчи,
 Трудолюбивъ, какъ муравей.

„Угодно-ли? Была-бъ охота,
 Есть случай бѣдняку помочь —
 Безъ платы... не легка работа:
 Сидѣть придется день и ночь,

Писать, читать, въ архивѣ рыться —
 И жертва будетъ спасена“.

— А ты? — „Безъ платы что трудиться!“
 — Изволь! мнѣ плата не нужна.—

И вотъ къ труду я приступаю,
 И горячусь и невпопадъ
 Особу съ вѣсомъ задѣваю;
 Я вусь изъ силъ, меня бранять.

Тутъ остановка, тамъ помѣха;
 Я радъ бы жертвѣ, радъ помочь,
 Но вдругъ!.. Мнѣ тошно ждать успѣха,
 Мнѣ эта медленность не въ мочь.

И все съ досадой я бросаю,
 И послѣ — жалкій человекъ —
 Надъ бѣдной жертвой я рыдаю,
 Клянусь свой бесполезный вѣкъ.

Нѣтъ, трудъ упорный — грузъ свинцовый.
 Я другъ добра, я гражданинъ,
 Я мученикъ, на все готовый,
 Но мученикъ на мигъ одинъ.

ССХІІ.

Хозяинъ.

Впряженъ въ телѣгу конь косматый,
Откормленъ на-диво овсомъ.
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестятъ при заревѣ заката.
5 Купцу дай Господи пожить:
Широкоплечъ, какъ клюква красенъ,
Казной отъ бѣды обезопасенъ,
Здоровъ, — о чемъ ему тужить?
Да мой купецъ и не горюетъ.
10 Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вдвоемъ,
Сидитъ на мельницѣ, пируетъ.
Вода реветъ, вода шумитъ,
Отъ грома мельница дрожитъ,
15 Идетъ работа толкачами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами —
И стукотня и пыль кругомъ...
Купецъ мой рюмку поднимаетъ
20 И кулакомъ объ столъ стучитъ.
„И выпью!.. Кто мнѣ помѣшаетъ?
И пью... самъ чортъ не запретитъ!
Пей, Марья!..“

— То-то, ненаглядный,
25 Ты мнѣ на платьѣ обѣщаль...
„И кончено! Сказаль — и ладно.
И будетъ такъ, какъ я сказаль.
Мнѣ что жена? Сыта, одѣта —
И все... вотъ выпрягу коня
30 И прогуляю до разсвѣта,
И баста! Обними меня!..“

Вода шумитъ — не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипитъ,

Алмазной радугой сверкаетъ,
 Огнями синими горитъ,
 Но даль темна и молчалива,
 Огонь веселый рыбака
 Краснѣетъ въ зеркалѣ залива, 5
 Скользитъ по листьямъ лозняка.

Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
 Ему мѣшать. Въ тиши ночной
 Мы лучше въ домъ его заглянемъ,
 Войдемъ неслышною тропой. 10
 Ужъ поздно. Свѣчка нагорѣла.
 Больной лежитъ и смерти ждетъ.
 Его лицо, какъ мраморъ, бѣло,
 И руки холодны, какъ ледъ;
 На лобъ открытый кудри пали; 15
 Остатокъ прежней красоты,
 Печать раздумья и печали
 Еще хранить его черты:
 Такъ освѣщенные зарею,
 Въ замолкшемъ надолго лѣсу, 20
 Листы осеннею порою
 Еще хранить свою красу.
 Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
 На сердцѣ запеклася кровь —
 И радость на-вѣкъ позабыта... 25
 А ты, горячая любовь,
 Явилась поздно. Доля! доля!
 И если бъ раньше ты пришла, —
 Какой бы здѣсь пріютъ нашла?
 Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя, 30
 Здѣсь горе гнѣзда вѣтъ свои,
 И вѣтъ холодъ отъ порога,
 И стѣны дома смотрятъ строго...
 Здѣсь нѣтъ пріюта для любви!
 Лежитъ больной, лицо печально, 35
 И будто тѣнью лобъ покрытъ:
 Такъ лѣтомъ, только догоритъ

Румяной зорьки лучъ прощальный, —
 Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
 Стоитъ угрюмъ и темень лѣсъ.
 Родная мать роняетъ слезы,
 5 Облокотясь на столъ рукой.
 Надежды, молодости грезы,
 Миръ сердца — этотъ рай земной —
 Все унесло, умчало горе,
 Какъ буйный вѣтръ уносить пыль,
 10 Когда въ степи шумитъ ковыль,
 Шумитъ взволнованный, какъ море,
 И догораетъ вся до тла
 Грозой зажженная ветла.
 Плачь больше, бѣдное созданье!
 15 И не слезами, — кровью плачь!
 Безвыходно твое страданье,
 И беспощаденъ твой палачъ.
 Невесела, невыносима,
 Горька, какъ ядъ, твоя судьба:
 20 Ты жизнь убила, какъ раба,
 И не была никѣмъ любима...
 Твой мужъ... но виноватъ ли онъ,
 Что пьянъ, и грубъ, и не уменъ?
 Когда бъ онъ могъ подумать строго,
 25 Какъ зла надѣлано имъ много,
 Какъ много ранъ нанесено, —
 Себя онъ проклялъ бы давно.
 Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
 Изнемогла и въ грязь упала,
 30 И въ грязь затоптана толпой.
 Увы! Сгубилъ тебя запой!..
 Твоя слеза на кровь походить...
 Плачь больше!.. Въ воздухѣ чума!..
 Любимый сынъ въ могилу сходить,
 35 Другой давно сошелъ съ ума.

Вотъ онъ сидитъ на лежанкѣ просторной,
 Голо стриженъ, и блѣденъ, и хилъ;

Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ,
 Бровью и глазомъ моргаетъ проворно,
 Правой рукою и взадъ и впередь
 Водить по палкѣ и пѣсню поетъ:

„На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
 Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.

Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
 Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!

И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,
 И каплями кровь изъ груди вытекаетъ,

Летятъ въ синевѣ облака,

А степь широка, широка!...“

Вдругъ палку кинулъ онъ, закрылъ лицо руками
 И плачетъ горькими слезами:

„Больно мнѣ! Больно мнѣ! Мозгъ мой горитъ.
 Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!

Мать моя, матушка! Полно рыдать!

Долго ли намъ эту жизнь коротать?

Знаешь ли? Спальню запри изнутри,

Сторожемъ стану я подлѣ двери.

Прочь!—закричу я: здѣсь мать моя спитъ!

Больно мнѣ, больно мнѣ! Мозгъ мой горитъ!..“

Больной все слушалъ эти звуки,

Горѣлъ на медленномъ огнѣ,

Сказать хотѣлъ онъ: дайте мнѣ

Хоть умереть безъ слезъ и муки!

Ужель не могъ я отъ судьбы

Дождаться мира въ часъ кончины,

За годы думы и кручины,

За годы пытки и борьбы?

Иль эти пытки шуткой были?

Иль мало, среди стѣнъ родныхъ,

Отравой зла меня поили?

Иль, вмѣсто слезъ, изъ глазъ моихъ

Текла вода на изголовье,

Когда, губя свое здоровье,

Я думалъ ночи безо сна —

Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана?
 И догорающій въ постели,
 Всю жизнь припомнивъ съ колыбели,
 Хотѣлъ онъ на своемъ пути
 5 Хоть точку свѣтлую найти —
 И не сыскалъ.

Такъ, въ полдень жгучій,
 Спустившись съ каменистой кручи,
 Томимый жаждой пѣшеходъ
 10 Искать ключа въ оврагъ идетъ.
 И долго тамъ, усталый, бродить
 И влаги капли не находить,
 И падаетъ, едва живой,
 На землю, съ болью головной...

15 „Ну, отпирай! заснули скоро!..“
 Ударивъ въ ставень кулакомъ,
 Хозяинъ крикнулъ подъ окномъ...
 Печальный домъ, пріютъ раздора!
 Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
 20 Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,
 Срывать покровъ, какъ уголь черный!
 Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
 Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
 25 Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный,
 И плаха съ топоромъ лежитъ!..
 За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
 Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
 За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
 За то, что радости здѣсь нѣтъ,
 30 Ни ласкъ, ни милаго объятъ,
 За то, что гибнетъ человекъ, —
 Я шлю тебѣ мои проклятья,
 Чужой оплакивая вѣкъ!..

1861.

I.

Съ кѣмъ теперь мнѣ сидѣть
 Въ опустѣломъ дому?
 Кому стану я пѣть
 О прожитой веснѣ?

На призывный мой кличъ
 Не приходятъ друзья,
 Не заводятъ со мной
 Задушевныхъ рѣчей:

Успокоила ихъ
 Мать сырая земля;
 Крѣпкимъ сномъ они спятъ
 Подъ доской гробовой.

Лишь меня, сироту,
 Словно вѣтеръ ковыль,
 Горе гонитъ впередъ
 По дорогѣ глухой.

II.

Вѣчность.

О, грозная вѣчность,
 Безмолвная вѣчность!
 Какую ты скрыла
 Великую тайну
 За крѣпкой печатью —
 За дверью могилы?..
 Что ты? Не одно ли
 Ничтожное слово,
 Пустая угроза
 Толпы малодушной,
 Дитя предразсудковъ,
 Обманчивый призракъ?..

Или ты граница
Обширной вселенной,
Развязка явленій,
Уму непонятныхъ,
5 Тяжелыхъ для сердца,
И жизни прекрасной,
Разумно-духовной,
Сомнѣнія чуждой,
Священный источникъ?

10 О, грозная вѣчность,
Безмолвная вѣчность!
Крѣпка твоя тайна:
Но разумъ мой вѣрять,
Что ты существуешь:
15 Отраднo мнѣ думать,
Что духъ мой безсмертный
Есть вѣчный наслѣдникъ
Безплотнаго царства;
Что будетъ онъ видѣть
20 Вѣковъ милліоны,
Міровъ разрушенье
И, можетъ быть, новыхъ
Прекрасныхъ твореній
Конецъ и начало —
25 И будетъ, какъ прежде,
Идти къ совершенству,
Всегда оставаясь
Разумно-свободнымъ.

III.

Небо.

30 Съ глубокою думой
Гляжу я на небо,
Гдѣ, въ темной лазури,
Такъ ярко сверкаютъ

Планетъ мириады.
 Чья мощная сила
 Вращаетъ ихъ чудно
 Въ таинственной сферѣ?
 Когда и откуда
 Тѣла ихъ начало
 Свое получили?
 Какія въ составѣ
 Ихъ тѣлъ неизвѣстныхъ
 Основою жизни
 Положены части?
 Какое имѣютъ
 Онѣ назначенье,
 И кто бытія ихъ
 Всесильный виновникъ?

Ужъ много минуло
 Суровыхъ столѣтій:
 Какъ легкія тѣни,
 Исчезли народы—
 Но такъ же, какъ прежде,
 Прекрасна природа
 И нѣту песчинки,
 Нѣтъ капли ничтожной,
 Ненужной въ системѣ
 Всего мірозданья;
 Въ ней все служить къ цѣли.
 Для насъ непонятной...
 И пусть остается
 Во мракѣ глубокомъ
 Великая тайна
 Начала твореній;
 Не ясно ль я вижу
 Печать дивной силы
 На всемъ, что доступно
 Уму человѣка
 И что существуетъ
 Такъ долго и стройно,

Всегда совершая
Процессъ своей жизни
По общему смыслу
Законовъ природы;
3 И какъ мнѣ повѣрить,
Иль даже подумать,
Чтобъ случай безсильный
Былъ первой причиной
Начала, законовъ
10 Движенья и жизни
Обширной вселенной?

IV.

Нужда.

Въ худой часъ, не спросясь,
Какъ полуночный воръ,
Нужда тихо вошла
15 Въ старый домъ къ мужичку.

Сталъ онъ думать съ тѣхъ поръ,
Тосковать и блѣднѣть,
Мало ѣсть, дурно спать,
День и ночь работать.

20 Все, что долгимъ трудомъ
Было собрано въ домъ,
Злая гостья, нужда,
Какъ пожаръ, подняла.

25 Стало пусто вездѣ:
Въ закромахъ, въ сундукахъ,
На забытомъ гумнѣ,
На широкомъ дворѣ.

Повалились плетни,
Вѣтеръ всюду гулялъ,

И подь крышей худой
Домъ, какъ старецъ, стоялъ.

За безцѣнокъ пошелъ
Доморощенный скотъ,
Чужой серпъ рано снялъ
Недозрѣлую рожь.

Обнищаль мужичекъ,
Сдалъ онъ пашню въ наемъ
И съ молитвой святой
Заперъ наглухо домъ.

И съ одною сумой,
Да съ суровой нуждой,
Въ путь-дорогу пошелъ
Новой доли искать;

Мыкать горе свое,
Въ поясъ кланяться всѣмъ,
На людей работать,
Силу-матушку класть...

Много вытерпѣлъ онъ
На чужой сторонѣ;
Много зла перенесъ
И пролилъ горькихъ слезъ;

И здоровье сгубилъ,
И сѣдины нажилъ,
И, подь кровлей чужой,
Слегъ въ постелю больной.

И на жесткой доскѣ,
Изнывая въ тоскѣ,
Онъ напрасно друзей
Слабымъ голосомъ звалъ.

Въ часъ ночной онъ, одинъ,
 Какъ свѣча, догоралъ
 И въ слезахъ мѣдный крестъ
 Горячо цѣловалъ.

5 И въ досчатомъ гробу,
 На дубовомъ столѣ,
 Долго трупъ его ждалъ
 Похоронъ и молитвъ.

10 И не плакалъ никто
 Надъ могилой его
 И, какъ стража, на ней
 Не поставилъ креста;

15 Лишь сырая земля
 На широкой груди
 Приютъ вѣчный дала
 Жертвѣ горькой нужды.

v.

Воспоминаніе о дѣтствѣ.

Однообразно и печально
 Шли годы дѣтства моего:
 Я помню домъ нашъ деревянный,
 20 Кусты сирени вкругъ него,
 Подъѣздъ, три комнаты простыя
 Съ балкономъ на широкій дворъ,
 Портретовъ рамы золотыя,
 Разнохарактерный узоръ
 25 Причудливыхъ изображеній
 На бѣломъ фонѣ потолоковъ,—
 Счастливый плодъ воображенья
 Оригинальныхъ маляровъ,—
 Лампадку передъ образами,
 30 Большой диванъ и круглый столъ,

На немъ часы, стаканъ съ цвѣтами,
Подъ нимъ узорчатый коверъ...
Съ какимъ восторгомъ я встрѣчалъ
Часть утра, лѣтнею порою,
Когда надъ сонною землею
Востокъ безоблачный пылалъ,
И золотистыми волнами,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Надъ полосатыми полями
Паровъ вставали облака!
Съ какой то тайною отрадой
Глядѣлъ я на лазурь небесъ,
На даль туманную и лѣсъ,
Съ его привѣтливой прохладой,
На цѣпь кургановъ и холмовъ,
На блескъ и тѣнь волнистой нивы,
На тихо-спящіе заливы
Въ зеленыхъ рамахъ береговъ.
Дитя степей, дитя свободы,
Въ пустынь росъ я сиротой,
И для меня языкъ природы
Одной былъ радостью святой...
За то какъ скученъ я бывалъ,
Когда сырой туманъ осенній
Поля и дальнія деревни,
Какъ дымъ свинцовый, одѣвалъ,
Когда деревья обнажались
И лился дождь по цѣлымъ днямъ,
Когда въ нашъ домъ по вечерамъ
Сосѣди шумные собирались,
Бранили вѣчный свой досугъ,
Однообразный и лѣнивый,
А самоваръ, какъ вѣрный другъ,
Ихъ споры слушалъ молчаливо,
И паръ струистый выпускалъ,
Иль вдругъ на ихъ разговоръ безсвязный
Какой то музыкою странной,
Какъ собесѣдникъ, отвѣчалъ...

5

10

15

20

25

30

35

Въ ту пору, скукою томимый,
 Отъ шума ихъ я уходилъ
 И ночь за книгою любимой,
 Забытый всѣми, проводилъ,
 5 Иль слушалъ няни устарѣлой
 О блескъ чудныхъ царствъ и горь
 Одушевленный разговоръ
 Во мракъ залы опустѣлой.

VI.

Когда Невы, окованной гранитомъ,
 10 Алмазный блескъ я вижу въ часъ ночной,
 И весело, по освѣщеннымъ плитамъ,
 Толпа людей мелькаетъ предо мной,—
 Тогда на умъ невольно мнѣ приходитъ
 Минувшій вѣкъ, когда среди болотъ,
 15 Бывало, здѣсь чухонецъ бѣдный бродить,
 Дитя нужды, болѣзней и заботъ,—
 Тотъ вѣкъ, когда одинъ туманъ свинцовый
 Здѣсь одѣвалъ лѣса и небеса,
 И такъ была печальна и сурова
 20 Пустынныхъ водъ холодная краса.
 И съ гордостью я вспоминаю тайной
 Умъ творческій Великаго Царя,
 Любуясь на городъ колоссальный,
 Прекрасное созданіе Петра.

VII.

25 Помоги ты мнѣ,
 Сила юная,
 Въ роковой борьбѣ
 Съ горькой долею!

Нѣтъ мнѣ бѣдному
 30 Ни въ чемъ счастья,

И друзья въ нуждѣ
 Меня кинули.

На пирахъ прошло
 Мое золото,
 Радость кончилась
 Съ весной красною. 5

На кого жъ теперь
 Мнѣ надѣяться,
 Подъ окномъ сидѣть,
 Призадумавшись? 10

Вѣдь, что прожито—
 Не воротится,
 Что погублено—
 Не исправится.

Умереть иль жить,
 Что бы ни было,—
 Гордо встрѣчу я
 Горе новое. 15

VIII.

Могила.

Густой травой поросшая могила,
 Зачѣмъ къ тебѣ невѣдомая сила 20
 Влечетъ меня вечернею порой?
 Зачѣмъ люблю я съ грустію нѣмой
 Задумчиво глядѣть сквозь сумракъ лунный
 На свѣжій твой курганъ и крестъ чугунный?
 О, сколько разъ отъ клеветы людской 25
 Я уходилъ отыскивать покой
 И отдыхать отъ горькаго сомнѣнья
 Подлѣ гробницъ, въ обители забвенья!
 Какъ много здѣсь сокрыто навсегда

Безвременно погибшаго труда,
Надеждъ, заботъ, добра и преступленій
И, можетъ быть, высокихъ вдохновеній!
И кто теперь въ кустахъ густой травы
5 Укажетъ мнѣ забытые холмы,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ спятъ кости гражданина,
Иль мудреца, или поселянина?..
Здѣсь всѣ равны. Здѣсь слава и позоръ
Окончили между собою споръ
10 И не даютъ отвѣта на признанье.
Одно только изустное преданье
Бросаетъ лучъ на ихъ минувшій вѣкъ...
О, какъ великъ и бѣденъ человѣкъ!..

IX.

Бѣгутъ часы, недѣли и года,
15 И молодость, какъ легкій сонъ, проходитъ.
Ничтожный плодъ страданій и труда
Усталый умъ въ уныніе приводитъ.

Утратами убитый человѣкъ
Глядитъ кругомъ въ невольномъ изумленьи,
20 Какъ близъ него свой начинается вѣкъ
Возникшее недавно поколѣнье.

Онъ чувствуетъ, печалію томимъ,
Что онъ чужой межъ новыми гостями,
Что жизнь другихъ такъ скоро передъ нимъ
25 Спѣшитъ впередъ съ надеждами, страстями;

Что времени ему духъ новый чуждъ
И смѣлые вопросы незнакомы,
Что онъ теперь на сценѣ новыхъ нуждъ
Ужъ не актеръ, а только зритель скромный.

X.

Уединеніе.

Приличій тягостныя цѣпи
И праздность долгихъ вечеровъ
Оставилъ я для тихой степи
И тѣни сумрачныхъ лѣсовъ.

Отшельникъ міра добровольный, 5
Природой дикой окруженъ,
Я здѣсь мечтою своевольной
Бываю рѣдко увлеченъ:

Здѣсь, подъ вліяньемъ жизни новой 10
И вдохновеннаго труда,
Разоблачаетъ умъ суровый
Мои минувшіе года,—

И полный мира и свободы, 15
На жизнь вѣрнѣе я гляжу
И въ созерцаніи природы
Уроки сердцу нахожу.

XI.

Что счастье? Бредъ воображенья,
Любовь—лишь чувственности дань;
Власть—бремя или униженье,
А дружба—лесть или обманъ. 20

Подъ маской радости безпечной
Сокрыта жизни нагота;
Нашъ эгоизмъ—вожатый вѣчный,
Свобода—жалкая мечта.

XII.

Когда, мой другъ, въ часы одушевленья
Далекихъ лѣтъ прекрасное значенье
Предузнаетъ восторженный твой умъ,—
Какъ я люблю свободу этихъ думъ!
5 Какъ радостно словамъ твоимъ внимаю,
А между тѣмъ и помню я, и знаю,
Что насъ судьба невѣрная хранить,
Что счастью легко намъ измѣнить,
И, можетъ быть, въ тѣ самыя мгновенья,
10 Когда на грудь твою въ самозабвеньи
Склоняюсь я горячей головой,
Быть можетъ, рокъ неожиданною грозой,
Какъ Божій громъ, закрытый облаками,
Уже готовъ обрушиться надъ нами.

XIII.

15 Ужъ и какъ же ты,
Моя жизнь, прошла,
Какъ ты, горькая,
Прокатилася!

20 Въ четырехъ стѣнахъ,
Подъ неволею,
Расцвѣтала ты
Одинокою.

25 Вѣрно, въ часъ худой
Мать родимая
Родила меня,
Безталаннаго,

30 Что я красныхъ дней
Во всю жизнь не зналъ,
Не скопилъ добра,
Не нажилъ друзей;

Что я взросъ себѣ
Только на-горе,
А чужимъ людямъ
На посмѣшище,

Что нужда и грусть,
Да тяжелый трудъ
Погубила всю
Мою молодость.

Или въ свѣтѣ я
Гость непрошенный,
Судьбы-мачехи
Жалкій пасынокъ?

Или къ счастію
Межъ чужихъ дорогъ
И тропинки нѣтъ
Горемычному?...

У людей разгуль,
Звонкій смѣхъ и пѣснь,
За большимъ столомъ
До разсвѣта пирь;

У людей весна
Непрожитая,
Про запасъ казна,
Въ черный день друзья;

А подлѣ меня
Ни живой души,
Одинъ вѣтръ шумить
На пустомъ дворѣ.

Я сажу одинъ
Подъ окномъ, въ тоскѣ,
Не смыкая глазъ
До полуночи.

И не знаю я,
Чѣмъ помочь себѣ,
Какой выбрать путь,
Не придумаю.

5 Оглянусь назадъ —
Пусто, холодно,
Посмотрю впередъ —
Плакать хочется.

10 Эхъ, грустна была
Ты, весна моя,
Темнѣй осени,
Хуже похоронъ, —

15 И состарѣлся
Я до времени,
А умру — мнѣ глазъ
Закреть некому;

20 Какъ безъ радости
Прожилъ молодость,
Такъ и лягу въ гробъ
Неоплаканнымъ; —

И людской молвѣ
На поминъ меня
Не останется
Ни добра, ни зла.

25 Ужъ какъ вспомню я
Тебя, жизнь моя, —
Сердце кровію
Обливается.

XIV.

Отъездъ.

Прощайте, темные, дремучіе лѣса
 Съ необозримыми степями,
 Ландшафты деревень, и горь, и небеса,
 Увѣнчанныя облаками,
 Сугробы снѣжные безжизненныхъ пустынь, 5
 Ночей суровые туманы,
 И грозной вьюги шумъ, и тишина равнинъ,
 И тучъ холодныхъ караваны!

Прощайте, дикій боръ и мурава луговъ,
 Ковры волнующейся нивы, 10
 И зелень яркая цвѣтущихъ береговъ
 И рѣкъ широкіе разливы!
 Прости, прости и ты, напѣвъ родимый мой,
 Мои возлюбленные звуки,
 Такъ полные любви печальной и нѣмой, 15
 Разгула и глубокой муки!

Не знаю, можетъ быть, уже въ послѣдній разъ
 Мои тоскующіе взоры
 Любуются на вашъ сверкающій алмазь,
 Во льду закованныя горы. 20
 Быть можетъ, гробъ одинъ, а не покой души
 Я отыщу въ странѣ далекой,
 И кости положу въ невѣдомой глуши,
 Въ песку могилы одинокой...

Зовутъ меня теперь иныя нѣбеса, 25
 Иныхъ долинъ благоуханье,
 И моря синяго угрюмая краса,
 И стонъ, и грозное молчанье;
 Величіе и блескъ сіяющихъ дворцовъ,
 Прохлада рощи кипарисной, 30
 И сумракъ сладостный таинственныхъ садовъ
 Съ ихъ красотою живописной;

Безмолвіе и мракъ подземныхъ галлерей.
 Такъ полныхъ вѣковыхъ преданій,
 Святыня древняя чужихъ монастырей,
 Обломки колоссальныхъ зданій.
 5 Тысячелѣтнія громады пирамидъ,
 И храмовъ мраморныхъ ступени
 И, при лучахъ луны, развалинъ чудный видъ,
 Жилище бывшихъ поколѣній.

10 Тамъ въ созерцаніи природы и искусствъ—
 Ума созданій благородныхъ,—
 Найду ль я новый миръ для утомленныхъ
 чувствъ,
 Или просторъ для думъ свободныхъ?
 Иль снова принесу на сѣверъ мой родной
 Сомнѣнье прежнее и горе,
 15 И только въ памяти останутся моей
 Чужія небеса и море?

 xv.

Жизнь.

20 Прекрасны молодые годы,
 Когда, не вѣдая утратъ,
 Картины жизни и природы
 Мы начинаемъ изучать!

Когда надежды беззакатной
 Звѣзда привѣтливо горитъ,
 И намъ такъ много говоритъ
 Желаній голосъ непонятный;

25 Когда въ восторгъ приводитъ насъ
 Борьба и подвигъ знаменитый,
 И безыскусственный рассказъ
 О старинѣ, давно забытой;

И ночи мракъ, и солнца блескъ,
И утренней зари сіянье,
И музыкальный моря плескъ,
И вѣтра тихое дыханье;

Степей безлюдье и просторъ,
Напѣвы бури заунывной,
И вѣчный снѣгъ пустынныхъ горъ,
И лѣса тѣнь и шумъ призывный...

5

И жить въ ту пору мы спѣшимъ,
Впередъ глядимъ нетерпѣливо,
И новой жизни перспективу
Узнать заранѣ хотимъ.

10

А между тѣмъ, какъ метеоръ,
Воображенье потухаетъ,
И въ книгѣ жизни юный взоръ
Картины грустныя встрѣчаетъ:

15

Въ душѣ является борьба
Глубокой вѣры и сомнѣнья,
И вотъ безпечные года
Берутъ другое направленье.

20

Актъ жизни прожить—и теперь
Иная сцена предъ очами:
Для сердца періодъ потерь
Приходить съ пылкими страстями;

Взамѣнъ забытыхъ нами грезъ
Подъ пестротою маскарадной,
Находимъ мы источникъ слезъ
Въ существенности безотрадной,

25

И, не умѣя примирять
Нужду съ достоинствомъ свободы,
Мы начинаемъ замѣчать
Противорѣчія въ природѣ,

30

Не признавая въ ней чудесь.
И сколько грустныхъ размышленийъ
Въ насъ пробуждаетъ интересъ
Разнообразныхъ впечатлѣній:

5 Терпимый въ обществѣ развратъ
И злоба сплетней утонченныхъ,
Ихъ горькій смыслъ и результатъ,
И цѣль вопросовъ современныхъ!..

10 Потомъ и эта колея
Приводитъ насъ къ явленьямъ новымъ.
Здѣсь актъ послѣдній бытія,
Съ его значеніемъ суровымъ:

15 Здѣсь наша жалкая судьба
Лишается блестящей маски,
И жизнь теряетъ навсегда
И свѣтлый колоритъ, и краски;

20 И привлекательной весны
Очаровательныя строки,
И прелесть яркой новизны,
И роскошь чудной обстановки.

25 И тише мы впередъ идемъ,
Не видя цѣли сокровенной,
Колеблясь межъ добромъ и зломъ,
Безъ истины опредѣленной
О назначеніи своемъ;

Теперь не темная мечта
Умъ занимаетъ осторожный:
Насъ мучить сердца пустота,
Страстей и горя плодъ ничтожный.

30 Намъ тяжело припоминать
Минувшей молодости повѣсть,
Читать ее и усыплять
Неумолкающую совѣсть;

И въ поколѣннн молодомъ
 Казаться лишними гостями,
 Съ своимъ обманутымъ умомъ
 И затаенными слезами;

Въ тоскѣ безмолвно изнывать,
 Въ надеждахъ лучшихъ сомнѣваться.
 Въ вопросъ о жизни углубляться
 И постепенно умирать.

 XVI.

Не плачь, мой другъ! Есть много муки 10
 И безъ того въ моей груди;
 Повѣрь мнѣ, что лѣта разлуки
 Не будутъ гробомъ для любви:

Въ какую бь дикую пустыню
 Я не былъ увлеченъ судьбой. 15
 Я сохраню мою святыню—
 Твой образъ—въ памяти моей.

 XVII.

Донца мь.

Да здравствуетъ Донцовъ воинственное племя,
 Да здравствуетъ и младь, и старь!
 Привѣтъ вамъ всей Руси за славу въ наше 20
 время!

Привѣтъ за славу вашу встарь!

Русь помнитъ тѣ былые годы,
 Когда свой гибельный ударъ,
 Сынъ дикой степи и свободы,
 Бросалъ вашъ предокъ на татаръ; 25

Когда отъ Дона до Урала
И вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Внезапной молніей сверкала
Казачья сабля межъ враговъ.

5 И помнитъ Русь тотъ день великій,
Когда безстрашный богатырь
Къ подножью Грознаго владыки
Повергъ обширную Сибирь;

10 И подвигъ дивный и кровавый,
Которымъ въ лѣтопись вѣковъ
На память вѣчную и славу
Внесень разрушенный Азовъ.

15 Привѣтъ Донцамъ! Увѣковѣченъ
Вашъ сильный, доблестный народъ,
И знаетъ міръ, какъ вами встрѣченъ
Войны отечественной годъ:

20 Весь Донъ возсталъ, на голосъ чести
И день и ночь казакъ летѣлъ,
И крови въ битвахъ грозной мести
Послѣдней капли не жалѣлъ.

Минула грозная година:
Повѣсивъ шашку на стѣнѣ,
Казакъ за дѣломъ селянина
Забылъ о славѣ и войнѣ.

25 Но вотъ венгерець брани пламя
Рукой мятежною раздулъ, —
Донецъ опять родное знамя,
Наслѣдье дѣдовъ, развернулъ;

30 Оставилъ мирныя станицы
И на постахъ передовыхъ
Съ отвагой новой, за границей
Явился въ битвахъ роковыхъ.

„Впередъ, Донцы, врагу навстрѣчу!
Долой мундиръ! черезъ рѣку!“ —
И молодцы ужъ подъ картечью,
Не страшны волны казаку.

Плывутъ... земля ужъ подъ ногами...
„Ура!“ — вмигъ шашки изъ ноженъ,
И берегъ, взятый удалцами,
Побѣды кликомъ потрясенъ. 5

Мятежъ утихъ... года минули...
И вдоль Дунайскихъ береговъ,
Какъ грозный лѣсъ, опять сверкнули 10
Стальные дротики Донцовъ.

Привыкъ казакъ къ огню и бою.
Ему не страшно по рѣкѣ
Въ глухую полночь подъ грозой 15
Пуститься въ легкомъ челнокѣ;

Подкрасться къ вражескому стану,
Канать у судна отрубить
И изъ подъ носа оттомана 20
Его спокойно уводить;

Схватить языкъ, открыть дороги
Въ лѣсахъ, болотахъ и горахъ,
И въ непріятельскихъ шатрахъ
Надѣлать шуму и тревоги;

Иль, подбоченясь, молодцомъ, 25
На скакунѣ своемъ степномъ
Скрываясь въ полѣ подъ туманомъ,
Въ рукѣ съ губительнымъ арканомъ
Врага безпечнаго открыть
И вдругъ — съ коня его схватить. 30

Войны испытанныя дѣти,
Русь помнитъ ваши имена!

Не даромъ славою столѣтій
Покрыты Дона знамена:
Вы вашей кровію вписали
Любовь къ Руси въ ея скрижали...

5 Теперь опять гроза шумить.
Возстань же снова, Донъ нашъ славный!
Оковы братъ твой православный
Четыре вѣка ужъ влачить.

10 Какъ жалкій рабъ, четыре вѣка
Онъ кровь и слезы проливалъ
И даже имя человѣка,
Святое имя потерялъ!

15 Но живъ Господь суда и мщенья!
Онъ грянетъ карой громовой!
Русь кровью выкупить своей
Родного племени спасенье!..

20 Впередъ, казакъ! Тебя зоветь
И кровь, и плѣнъ твоихъ собратьевъ!
Благословить тебя Господь!
Благословить отецъ твой Платовъ,
И племя страждущихъ славянъ,
И царственный твой Атаманъ.

25 Впередъ, Донцы! да разовьются
Родныя ваши знамена,
И съ честью ваши имена
Изъ рода въ роды пронесутся!

30 Да поздній внукъ вашъ на Дону
На васъ съ любовію укажетъ
И дѣтямъ съ гордостію скажетъ:
— Они въ великую войну
За честь и славу христіанства
Казнили зависть и тиранство.—

XVIII.

Полночь. Темно въ горенкѣ,
 Тишина кругомъ.
 Вотъ идетъ подь окнами
 Дворникъ съ фонаремъ.

Яркій свѣтъ полоскою
 Проскользнулъ въ окно,
 Глянулъ на печь бѣлую
 И — опять темно.

Экая бессонница,
 Скука и тоска!
 Диво! Все мнѣ чудятся
 Рѣчи мужичка!

Точно, какъ и вечеромъ,
 Онъ сидитъ со мной,
 Съ жидкою бородкою,
 Желтый, испитой.

Зипунишка старенькій,
 Отъ спины кряхтитъ...
 Вотъ бѣднякъ откашлялся,
 Глухо говорить:

— Съ молоду, касатикъ мой,
 Силку потерялъ,
 У купца на мельницѣ
 Все кули таскалъ.

Жилъ-то, знаешь, въ бѣдности,
 Кони — плохота,
 А въ избушкѣ куро,во,
 Грязь и тѣснота,

И сынишка ползаетъ,
 И теленокъ тутъ...

Ну, да что ужъ! Вѣдомо,
Какъ у насъ живутъ!

5 Дай, молъ, я поправлюся,
Взялъ и нанялся,
Плата, знаешь, добрая,
Изъ того взялся.

10 Думокъ много думалось:
И коня купить,
Мало-мальски грамотѣ
Сына обучить,

Что жъ, молъ, онъ безъ разума
Скоротаетъ вѣкъ?
Соху знай и борону —
Будь и человѣкъ.

15 Вздумано — не сдѣлано:
Годъ поработалъ,
Угодилъ хозяину,
А животъ сорвалъ.

20 Зажилъ хуже прежняго...
Все бы не бѣда,
Сынъ-ать... сынъ-ать... батюшка...
Отъ холеры... да!

25 Тяжело на старости,
Божья власть... ништо!
А трудиться надобно:
Человѣкъ на то.—

30 Чѣмъ мнѣ заплатить тебѣ,
Бѣдный мужичокъ,
За святую истину,
За благой урокъ?

XIX.

На языкъ чужомъ я началъ объясняться,
 Уставъ отъ русской чепухи;
 Вѣкъ просвѣщенія!.. Чему тутъ удивляться,
 Когда А. А. писалъ стихи?

XX.

Изъ библіотеки старинной 5
 Вамъ томъ разрозненный дарю:
 Я, признаюсь, морали чинной
 Въ сатирѣ скучной не люблю.
 Желаю вамъ подъ этой пылью 10
 Сыскать побольше добрыхъ лицъ,
 Пусть вѣтъ сладостною былью
 На васъ отъ сѣренькихъ страницъ.
 Да, кстати! Новость сообщаю:
 Мой Дмитричъ далеко... увы!
 Я самъ извозчиковъ встрѣчаю, — 15
 И дворникъ съ ногъ до головы!

XXI.

Сибирь! Напишешь это слово, —
 И вдругъ свободная мечта
 Меня уноситъ въ край суровый.
 Природы дикой красота 20
 Вдали встаетъ передо мною.
 И, мнится, вижу я Байкаль
 Съ его прозрачной глубиною,
 И цѣпи горъ съ громадой скаль,
 И безконечную равнину 25
 Вокругъ бѣлѣющихъ снѣговъ,
 И грозныхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ
 Необозримую вершину...
 Но вотъ проходить этотъ бредъ,
 И снова видишь предъ собою: 30

Диванъ съ подушкою худою,
 Комодъ, старинный туалетъ,
 Семь стульевъ, столъ на жалкихъ ножкахъ,
 Навозъ какой-то на полу,
 5 Цвѣты въ какихъ-то глупыхъ площадкахъ,
 И, наконецъ, ката въ углу.
 Да вотъ пришелъ старикъ сердитый,
 О похоронахъ говоритъ
 И, кажется, меня бранить.

XXII.

Филантропъ.

10 Втихомолку гостьей неожиданной,
 Гостьей неожиданной, да незванной,
 Къ мужику нужда подкралася,
 Подкралася, привязалася.

15 Съ сумой нищенской оставила,
 Снимать шапку всѣмъ заставила...
 Ахъ! Головушка поклонная!
 У тебя ли ночь бессонная,

20 Щеки блѣдныя, да впалыя,
 Да безъ хлѣба дѣти малыя,
 На боку изба раскрытая
 И пустырь—гумно забытое!

25 Пожалѣлъ богачъ голоднаго,
 Безпріютнаго, холоднаго,
 Не казной помогъ, такъ ласкою,
 Не совѣтами, такъ сказкою.

Ты забудь, дескать, и сонъ, и лѣнь,
 Работай-трудись и ночь, и день;
 За трудомъ ты не измучишься,
 Уму-разуму научишься...

Ужъ спасибо жъ тебѣ за-слово,
 Что сказалъ красно, да ласково!
 Только въ горѣ, да при бѣдности,
 Не до сна и не до лѣности.

Не дари жъ ты бѣдныхъ золотомъ,
 Да не бей рѣчьми, какъ молотомъ.

5

 XXIII.

Ноегъ сердце мое отъ заботъ и кручинъ...
 Ужъ и гдѣ жъ вы, друзья? Отзовись хоть одинъ!
 Не на пиръ васъ прошу: до пировъ ли пришло!
 Дорогое душѣ отжилося, отцвѣло,
 Только горе живетъ, только горе растеть—
 Ужъ когда-жъ тебя, горе, погибель возьметъ?..
 Безотвѣтны друзья... Только вѣтеръ шумить,
 Въ полѣ вѣтеръ шумить, громъ подъ лѣсомъ
 гремитъ,
 Вспыхнетъ туча огнемъ, виденъ путь мой
 впотьмахъ,
 Путь лежитъ - извился чернымъ змѣемъ въ
 поляхъ...
 Подожди—какъ зимой соловей запоетъ,
 Вотъ тогда-то на горе погибель придетъ..

10

15

 XXIV.

Падетъ презрѣнное тиранство,
 И цѣпи съ пахарей спадутъ,
 И ты, изнѣженное барство,
 Возьмешься нехотя за трудъ.

20

Не намъ, иному поколѣнью
 Отдашь ты бичъ свой вѣковой
 И будешь ненавистной тѣнью,
 Пятномъ въ исторіи родной...

25

Весь твой развратъ и вѣроломство,
 Всѣ козни время обнажить,
 И просвѣщенное потомство
 Тебя проклятемъ поразить.

8 Мужикъ, теперь твоя опора,
 Твой волю—и больше ничего—
 Со славой выйдетъ изъ позора,
 И вновь не купишь ты его.

10 Ужъ всходитъ солнце земледѣльца!...
 Забитый, онъ на мечь не скоръ;
 Но знай: на своего владѣльца
 Давно ужъ точить онъ топоръ...

XXV.

15 Постыдно гибнетъ наше время...
 Наслѣдство дѣдовъ и отцовъ —
 Послушно носить наше племя
 Оковы тяжкія рабовъ.

20 И стоимъ мы позорной доли!
 Мы добровольно терпимъ зло:
 Въ насъ нѣтъ ни смѣлости, ни воли...
 На насъ проклятіе легло!

Насъ бьютъ кнутомъ, насъ мучать палкой
 Дурачатъ, грабятъ, какъ хотятъ,

.

25 Мы рабство съ молокомъ всосали,
 Сроднились съ болью нашихъ ранъ.
 Нѣтъ! Въ насъ отцы не воспитали,
 Не подготовили гражданъ.

Не мстить насъ матери учили
 За цѣпи сильнымъ палачамъ. —
 Увы!—Безсмысленно водили
 За палачей молиться въ храмъ.

Про жизнь свободную не пѣли
 Намъ сестры... нѣтъ! Подъ гнетомъ зла
 Мысль о свободѣ съ колыбели
 Для нихъ невѣдомой была!

И мы молчимъ. И гибнетъ время...
 Насъ не пугаетъ стыдъ цѣпей—
 И цѣпи носить наше племя,
 И молится за палачей...

 XXVI.

Тяжкій крестъ несемъ мы, братья,
 Мысль убита, ротъ зажать,
 Въ глубинѣ души проклятья,
 Слезы на сердцѣ кипятъ.

Русь подъ гнетомъ. Русь болѣетъ;
 Гражданинъ въ тоскѣ нѣмой:
 Явно плакать онъ не смѣетъ,
 Сынъ объ матери больной!

Нѣтъ въ тебѣ добра и мира,
 Царство скорби и цѣпей.
 Царство взятокъ и мундира,
 Царство палокъ и плетей.

Варианты *).

13,1—24 : И скрестивши руки,
Ужаса полна,
Въ безотрадной мукъ
Дочь его одна.
Вся какъ листъ трепещеть
Подлѣ мертвеца,
То молитву шепчетъ,
То зоветъ отца.
И никто не знаетъ,
Что въ тоскѣ нѣмой
Сирота рыдаетъ
Въ тишинѣ ночной;
Что, дитя забвенья,
Можетъ быть, она
Горечь униженья
Испытать должна.

.
.
.
.

Миръ заснулъ... и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.
И межъ-тѣмъ, какъ слезы
Молча горе льетъ,
Сладостныя грезы
Ночь другимъ даетъ.
Такъ же длится чудно
Въ мирѣ жизни пиръ,
Той же силы юной
Полонъ Божій миръ.

(Изд. Т.)

14,14 : Передъ язвительной толпой.

(Изд. М.)

*) Цифры обозначаютъ стр. и строки наст. изд.

- 21,19--22 : Да вихорь полдневный, кружась столбомъ,
Заносить его раскаленнымъ пескомъ.
(От. Зап.)
- 21,27 : И вдругъ всё извивы рѣки между зеленью луга
блеснули;
- 22,2 : Лишь мельницы старой колеса въ серебряной
влагѣ шумятъ,
- „ 10 : И къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь
легкій, прерывистый сонъ,
(Изд. Т.)
- 26,19 : Кругомъ необъятное море.
(Изд. М.)
- 29,4—6 : И красота волнистыхъ береговъ,
Горящихъ звѣздъ волнистое сиянье,
Глухихъ степей угрюмое молчанье.
- 29,21—33,10: Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ
Вижу даль степей
Зеленѣется.
И на граняхъ ихъ,
Подъ туманами,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.
По степямъ, въ моря,
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ:
Нивы зрѣлыя,
Что камышь густой
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Косари поютъ
До полуночи.
Гляну къ сѣверу,
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;
На сѣдыхъ волнахъ
Моря синяго
Льдины плаваютъ
Караванами.
И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу

Непроглядную.
Это ты, моя
Русь державная,
Моя родная,
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ Царственной
Развернулася!
Ужь и есть за что
Полюбить тебя,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!
У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?
У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ бѣ разгульшла
Воля смѣлая?
У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Злой свой бичъ—Татарь.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.
И давно ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная!
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.
И горячій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ

Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ,—со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь:
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пирь.
И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Гости спать легли
Непокрытые;
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..
И теперь въ твоихъ
Городахъ большихъ
Муравьемъ кишить
Православный людъ;
Въ деревняхъ, селахъ,
Шумя весело,
Мужички ковшемъ
Попиваютъ медь;
По сѣдымъ морямъ,
Изъ далекихъ странъ,
На поклонъ къ тебѣ
Корабли идутъ;
Вдоль широкихъ рѣкъ,
До зимы съ весны,
Словно лебеди,
Суда плаваютъ;
Спорятъ съ бурями
Лѣса темныя,
Въ глубинѣ ихъ мракъ
День и ночь лежитъ;
На поляхъ шумить
Рожь высокая,
Степи убраны
Парчей, бархатомъ;
Рѣки тихія
Вьются лентами,
Въ зеркалахъ морей
Небо смотрится,—
И во всѣхъ земляхъ

Свѣта бѣлаго
 Про тебя идетъ
 Слава добрая.
 Ужъ и какъ же мнѣ,
 Русь могучая,
 Не назвать тебя
 Своей матерью!

(Вор. Губ. Вѣд.)

- 39.22 : Живой гирляндой обвился.
 (Изд. Т.)
- 42.18 : И даль въ полупрозрачной тьмѣ.
 (Изд. М.)
- 73,6—13 : Жгучъ морозъ трескучій,
 Ночь, какъ день, ясна;
 Смотритъ изъ-за тучи
 Яркая луна.
- между
 21 и 22 : Не кипитъ работа
 На дворахъ большихъ,
 Не скрипятъ ворота,
 Въ избахъ шумъ затихъ...
- 28—29 : Бѣдная старушка
 Тамъ еще не спитъ.
- 74,5—20 : Будетъ имъ надеждой,
 Хлѣба дастъ кусокъ,
 Обувь и одежду,
 Теплый уголокъ...
 И въ тоскѣ безмолвной,
 Тяжкихъ думъ полна,
 Стала предъ иконой
 Съ трепетомъ она,
 И склонивъ колѣни, *
 Сдерживая духъ,
 Въ грустномъ умиленьи
 Повторяла вслухъ:
 „Пресвятая Дѣва!
 Сохрани сиротъ
 Отъ людского гнѣва,
 Отъ кручинъ, заботъ.
 Въ безпріютной долѣ
 Щедро помоги;
 Отъ порока въ горѣ
 Мудро сбереги.
 Награди ихъ силой,
 Разумомъ-умомъ

И за грѣхъ помилуй
На Судѣ святомъ!..“

74, 25—26 : И чело старушки,
Полное заботъ.

(Изд. Т.)

82,5-- 8 : Сверкаетъ западъ озлащенный
Надъ Іудейскою землей,
И на окрестность вечеръ сонный
Съ прозрачною нисходитъ мглой.

„ 13—19 : Вокругъ его живыхъ картинъ
Сіяютъ чудные узоры:
Здѣсь увѣнчалъ Ерусалимъ
Своими зданіями горы.
Вдали Геваль и Гаразимъ,
Къ востоку воды Іордана,
Съ пейзажемъ дремлющихъ долинъ.

83, между

3 и 4 : И померанцевъ неподвижныхъ.

„ 4—5 : Спятъ три апостола всемірныхъ,
И сонъ ихъ сладокъ и глубокъ.

„ 10 : Проклятье праотца на немъ

„ 14—17 : И въ цѣломъ мірѣ въ эту пору
Одинъ Учитель лишь не спалъ
И, чуждый общему позору,
Судьбу всемірную рѣшалъ.

„ 22—26 : „Отецъ! Отецъ! душа Моя
Въ нѣмой тоскѣ изнемогаетъ,
Картина будущаго дня
Мнѣ сердце кровью обливааетъ;
Я знаю, этотъ день придетъ,—

„ 28 : Твой Сынъ Божественный умретъ,

„ 30—33 : Проклятье черни загромитъ
Надъ головой, вѣнцомъ покрытой,
И подвигъ жертвы очернитъ
Насмѣшка злобы ядовитой.

„ 35 : Пошлю Я даръ благословенья

„ 37—84,1 : Подымутъ руки на Христа...
Отецъ! Отецъ! Пусть чаша эта
Минуетъ Сына Твоего.

84,4—8 : Но если Твоему народу

„ 24 : Отецъ! Ты въ мірѣ Меня послалъ

- 84, 36—37 : Отецъ! Отецъ мой! Чаша эта
Да мимо идетъ отъ Меня!
- 85, 6—30 : И снова, тайной грусти полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: „встаньте—часъ пришелъ:
Ужъ не далеко царство славы,
Близка великая борьба.
Молитесь: скоро въ день кровавый
Земли окончится судьба“.
Сказалъ и снова удалился.
- „ 34 : Отецъ, Отецъ! Мнѣ тяжело.
- 86, 4—11 : Отецъ! Спаси же Свой народъ!
Дай мнѣ на подвигъ укрѣпленье!
И Сынъ Твой съ радостью умретъ
Великой жертвой примиренья!
- „ 20 : Былъ чуденъ взоръ его спокойный
- „ 23 : И ликъ сиялъ, какъ полдень знойный
- „ 24 : И близъ Учителя онъ сталъ
- „ 32 : (Весь міръ въ ту пору спалъ глубоко)
- 87, 2—16 : И что за этотъ падшій міръ
Вѣнецъ и крестъ приготавлился.
Онъ понималъ, о чемъ, одинъ,
Молился Праведникъ великій,
И плакалъ мрачный властелинъ
О славѣ свѣтлаго Владыки.
Луна сияла. Небожитель
Спѣшилъ въ Эдемъ по облакамъ;
Межъ тѣмъ могучій Искупитель
- „ 24—27 : Какъ любовались на него
Свѣтила блѣдной полуночи!
И вотъ Учитель имъ сказалъ
- (Изд. М.)
- 100, 3 : Али мало, что всѣхъ промоталъ лошадей
- „ 7 : То и дѣло твердятъ: что родная моя,
- „ 11 : И сердечушко вдругъ закипитъ, закипитъ
- „ 19—20: Только, видно, его я ничѣмъ не залью,
Лишь одну свою жизнь скоротаю.
Ты не знаешь, небось, какъ я прежде живалъ,
Все умѣя про нужду готовить,
Пока замужъ тебя, бѣлоручку, не взялъ,
Не посмѣвши отцу прекословить.

- 100,29—33: Самъ работаешь до ночи, устали нѣтъ,
Противъ вѣтру вся грудь нараспашку,
Лишь коса зазвенить, какъ рука размахнетъ,
И отъ поту хотъ выжми рубашку.
Придетъ праздникъ, — одѣвшись, глядишь молод-
цомъ,
Сходишь въ церковь, помолишься Богу,
И идешь по селу, выются кудри кольцомъ,
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь, — знать за грѣхъ меня Богъ наказалъ, —
Надо мною смѣяться всѣ стали...
И, вздохнувъ глубоко, онъ опять продолжалъ
И глаза его вдругъ засверкали:
Одного я маленько вотъ въ толкъ не возьму:
- 101,6 : Да все что-то какъ будто не ловко...
„ 21 : Вотъ настали какія у насъ времена.
„ между
22 и 23: Аль досада беретъ, что сталъ голъ, какъ соколъ,
Что ужъ нечѣмъ пришло охмѣляться?
Та бѣда — не бѣда, онъ другую нашель,
Захотѣлъ надъ женой издѣваться.
„ 31 : Ну да полно кричать! Собери-ка поѣсть:
- 102,19—20 : (Пантелей между тѣмъ засучалъ рукава
И кругомъ второпяхъ озираляся).
„ между
20 и 21: Да, вѣдь, я, братъ, видалъ и почище тебя
И умѣлъ въ ихъ бокахъ ломать кости;
Ты ступай, куда шель, вонъ дорога твоя,
А я знаю, къ кому иду въ гости.
„ 22—24 : Закричалъ Пантелей, размахнувшись, —
И онъ такъ хватилъ мѣтко сосѣда въ високъ,
Инда съ часъ тотъ лежалъ растянувшись...
(Изд. Т.)
- 107, между
24 и 25: Будто искры золотыя,
Свѣжихъ травъ нарядъ,
Ночи капли дождевыя
По лугу горять.
- 108,1—4 : Вотъ плыветъ вдали, направо,
Подлѣ камышей,
Грудь подьменя величаво,
Стадо лебедей.
„ 13—20: Босикомъ въ рубашкахъ бѣлыхъ,
На лугу рѣзвись,
Два мальчишка загорѣлыхъ

Бѣгають, смѣясь.
 Звучно смѣхъ ихъ раздаётся,
 Голосокъ звенить,
 Крупный потъ съ нихъ градомъ льётся,
 И лицо горить.

- 109,9—110,24 И трепещущую рыбку
 Съ земли на подхватъ
 Дѣти въ легкую корзинку
 Стали собирать,
 Ловлю снова продолжали
 Трое рыбаковъ,
 Снова мальчишки играли
 Подлѣ береговъ.
 А межъ тѣмъ надъ полосами
 Дремлющихъ полей
 Солнце сыпало снопами
 Радужныхъ лучей;
 Волны воздуха сверкали,
 Зыблясь надъ землей,
 И луга благоухали
 Сочною травой.
 Безконечно разстиались
 Въ блескъ небеса;
 И повсюду раздавались
 Жизни голоса.
 И невольно привлекали
 Изумленный взоръ
 Виды сель въ туманной дали
 И луговъ просторъ.

(От. Зап.)

- 108,1—4: См. пред. вар.
 „ 23—24: Смотрить съ завистью дѣвчонка,
 Стоя близъ кустовъ.
 109,5—6 : Сътъ отъ земли приподняли
 Разомъ рыбаки;
 „ 14 : Любишь поглазѣть!
 „ 16 : Неча тутъ сидѣть
 „ 17 : И дѣвчонку вмигъ мальчишка
 „ 22 : Вымолвилъ старикъ
 110,2 : А чужихъ корми.
 „ 13—16: слѣдуютъ за ст. 110, 4.

(Изд. Т.)

- 121,26—122,6: Буря утихла. Грядой облака потянулись къ востоку;

Грома глухіе раскаты вдали замирать начинаютъ.
 Вотъ они смолкли, и огненный ликъ заходящаго
 солнца
 Снова блеснулъ изъ-за тучи—и вмигъ загорѣлся
 весь западъ,
 Нѣжнымъ румянцемъ покрылась опушка кудря-
 ваго лѣса,
 Капли дождя засяли на немъ будто чудные
 камни.
 Слышу, о чемъ-то таинственно шепчется вѣтеръ
 съ листьями;
 Рѣчи его непонятны для нашего грубаго слуха,
 Но понимаютъ ихъ, вѣрно, листья, отвѣчая имъ
 дружно.
 Около лѣса желтѣется ржи неоглядное море,
 Искрами блещетъ небесная влага на иглахъ ко-
 лосьевъ;
 Жадно они напились ея послѣ долгой засухи;
 Сладко дремать имъ теперь, наклонясь надъ сы-
 рою землю,
 Воздухъ прохладный вдыхая, подъ кротко-сіяю-
 щимъ небомъ.
 О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и до-
 ждемъ освѣженный,
 Какъ ощутительно вѣетъ онъ новою силой и
 жизнью!
 Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, бла-
 годатный!
 Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ тем-
 носиніи: отъ жару
 Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ
 землѣ раскаленной;
 Вѣрно, увялъ бы онъ, если бы на день продли-
 лась засуха.
 Что же теперь? Окропленный дождемъ, ожи-
 вленный прохладой,
 Снова онъ весь развернулся и держится прямо
 на стеблѣ.
 (Изд. Т.)

147,24-148,8: Ударъ за ударомъ
 Полуночный громъ...
 То вспыхнетъ пожаромъ
 Все небо кругомъ,
 Освѣтитъ картину
 Села надъ рѣкой,
 И лѣса вершину,
 И берегъ крутой;

То снова все темно...
 Лишь вѣтеръ шумитъ,
 Да ливень холодный
 Въ оконце стучитъ.
 Горитъ одиноко
 Въ избушкѣ ночникъ;
 На лавкѣ широкой
 Кудесникъ-старикъ,
 Съ сѣдой бородою,
 Съ угрюмымъ лицомъ,
 Надъ чашей съ водою
 Сидитъ за столомъ.

- 148,29—32 : И тихо онъ началъ
 Шептать наговоръ:
 На морѣ на Окянѣ
 Бѣлый камень Алатырь;
 На немъ баня огнемъ пышетъ
 Съ раскаленною доской.
 Тридцать три тоски оттуда
 Всюду мечутся: на югъ,
 На пути и перепутья,
 Западъ, сѣверъ и востокъ.
 Киньтесь вы, тоски, къ дѣвицѣ
 Въ разумъ, въ сердце, въ очи, въ ликъ,
 Въ жилы, кости и суставы,
 Въ тѣло бѣлое и кровь!
 Чтобъ о немъ она крушилась,
 Тосковала день и ночь,
 Чтобъ для ней онъ былъ утѣхой,
 Милѣй солнышка и сна,
 Свѣта бѣлаго дороже,
 Лучше матери, отца!
 Будетъ слово мое крѣпко,
 И не снимется тоска
 Тѣмъ, кто въ морѣ выпьетъ воду,
 Траву выщиплетъ въ поляхъ!
 Иди! до свиданья!
 И помни мой трудъ:
 Мои заклинанья
 Не даромъ пойдутъ“.

- 149, между
 12 и 13 : Во снѣ ему снилось,
 Что онъ ужъ женатъ,
 Что, Богъ далъ, родилось
 Ужъ двое ребятъ.

- между
 20 и 21 : Лучина горѣла

Въ свѣтцѣ на полу,
Старушка сидѣла
За прялкой въ углу,

150.1—4 : — Охота, родимый,
Про дрянъ вспоминать.
Бываетъ, вѣстимо...
Отвѣтила мать.

• между
12 и 13:

Тоска не являлась...
А жаль: вѣдь, плуту
Навѣрно бѣ досталось
Взять съ парня крупу.

151.9—16 : И свистнеть, и станеть
Плясать молодцомъ,
Отъ ногъ инда встанеть
Пыль темнымъ столбомъ!
Но какъ-то случайно
Узналъ наконецъ
Про дѣвкину тайну,
На грѣхъ, молодецъ.

• 21—24 : „Дождется жъ онъ платы!
Ну я съ нимъ того...
Обманщикъ проклятый,
Я вспомню его!“

152.1—4 : И день загорѣлся,—
Съ постели онъ всталъ,
Обулся, одѣлся.
Котомку сыскалъ.

• 21—28 : „Эхъ, тошно, родная!
И днемъ, и во снѣ
Сторонка чужая
Все грезится мнѣ.
Нуждѣ не учиться,
Косить не боюсь,
Пойду потрудиться
Съ казной ворочусь“.
Какъ мѣлъ, поплѣднѣла
Отъ словъ его мать;
На лавку присѣла
И что-то сказать
Хотѣла, какъ видно,
Раскрыла ужъ ротъ,—
Но очи недвижно
Смотрѣли впередъ

Безъ мысли и цѣли,
 И, словно свинець,
 Уста посинѣли...
 Ну, просто мертвецъ!
 „Эхъ-ма! я старуху
 Никакъ испугаль!
 Не слышно и духу“...
 Сынокъ разсуждалъ.
 „Вотъ горе, ей-Богу!
 Жаль поль-ать мочить.
 Водой бы немного
 Ее окатить“.
 Межъ тѣмъ встрепенулась
 Старушка: отъ сна
 Какъ будто проснулась
 Въ тревогѣ она;
 Вздохнула, привстала,
 Припомнила все
 И вдругъ зарыдала:
 — Дитя ты мое!

153,22—154,12: Я такъ... пошутить...

Эхъ, доля худая!
 Живи, знать, какъ жилъ!“
 Черезъ часъ взялъ онъ хлѣба
 Ломоть, закусилъ
 И такъ до обѣда
 Овесъ молотилъ,
 Что парень сосѣдскій
 Взглянулъ и сказалъ:
 — „Охъ, взмахъ молодецкій!
 Вотъ силу Богъ далъ!“
 Старушкѣ, ужъ долго
 Спустя, сынъ сказалъ,
 Зачѣмъ въ путь-дорогу
 Онъ вдругъ загадалъ.
 Но самъ посчитался
 Съ плутомъ-старикомъ:
 Морочить заклался
 Старикъ колдовствомъ.

(Изд. Т.)

155, между

30 и 31 :

Ночь придетъ,—по селу, другъ за другомъ, гужомъ,
 Скрыпятъ, ѣдутъ съ снопами обозы,
 А ты сядешь въ избѣ за дубовымъ столомъ
 И утрешь кулакомъ свои слезы...

156, между

28 и 29: Какъ гора за горой, валъ за валомъ идетъ,
Пѣна бѣлая клубомъ несется,
Всюду стонъ, голоса... буря свищетъ, реветъ,
Во всѣ стороны гулъ раздается!

(Изд. Т.)

173,29-174,4: Ну, да что горевать!

Дума не помога:
Будешь жить,—хорошо!
Нѣтъ,—туда дорога!

(Изд. М.)

5—19 :

Разъ довелось мнѣ, братецъ ты мой,
Съ бариномъ ѣхать на тройкѣ, зимою;
Вздумалъ онъ, видишь, мириться съ женой,—
Вотъ помирился-то,—экое диво!
Баринъ былъ низенький, лѣтъ пожилыхъ,
Ну, изъ себя-то не слишкомъ красивый,
Только куда ужъ какъ смиренъ и тихъ!
Барыню, слышно, водилъ онъ нарядно
И, говорятъ, безъ ума вишь любилъ.
Вдругъ у нихъ вышло тамъ что-то неладно,
Онъ сгоряча-то ее побранилъ.
Та,—дѣло барское,—знаешь, обидно,
Сѣла въ карету, да къ матери въ домъ.
Ну, сиротой притворилась тамъ, видно.

176,16—18 : Вчужѣ досадно! ему вѣдь не будетъ
Это наукой; продлись его вѣкъ,—
Онъ по женѣ вѣдь опять затоскуетъ,—

(Изд. М.)

Между

204,28 и 205,1:

И любо было мнѣ! казалось, мой духъ
Твоими звуками былъ тайно очарованъ,
И съ сладкимъ трепетомъ я напрягалъ свой слухъ,
А взглядъ къ твоей вершинѣ былъ прикованъ.

(От. Зап.)

206,1—28 :

Ужъ зачѣмъ же ты, поле, травой поросло,
Ужъ за что же меня ты обидѣло,—
Вмѣсто ржи, лебеду да полынь принесло?..
Моего ли труда ты не видѣло?
Ужъ и я ль для тебя свою силу жалѣлъ,—
Былъ лѣнивъ за любимой работою,
Иль удобрить тебя и вспахать не умѣлъ,
Или началъ посѣвъ не съ охотою?
Ужъ и я ль не былъ радъ дню весны золотой,
И не встрѣтилъ его, запоздалаго—

И за твой урожай предъ иконой святой
 Не поставилъ свѣчи воску яраго?
 Думаль въ ту пору я: „вотъ моль радость
 придетъ,—

И теперь рожь, какъ шелкъ, зеленѣется,
 Богъ дастъ, лѣтомъ она полный колось нальетъ,
 Зашумитъ, какъ янтарь зажелтѣется;
 Уберу моль ее, да поставлю въ скирды,
 Съ перевозимья цѣпомъ поработаю,—
 Золотую казну соберу за труды

И прощусь и съ нуждой, и съ заботою“.
 Да пропаль видно даромъ кровавый мой потъ...
 Эхъ ты, горе мое непокрытое!..

Каково то мнѣ будетъ, какъ вьюга придетъ
 Пѣсни пѣть на гумно позабытое?
 Ужъ и чѣмъ то я буду дѣтей утѣшать,
 Коли бѣдныя стануть отъ холоду
 Въ нетопленной избѣ подъ дерюгой дрожать
 И кричать поминутно отъ голоду?
 Для того ль тебя, поле, вспахаль я одинъ,
 Чтобы ты надо мной насмѣялося,
 Чтобы, глядя теперь на густую полынъ,—
 Съ горя сердце во мнѣ разрывалося?..

- 210,9—16 : Да и баринъ чудакъ:
 Сынъ ужъ подрастаетъ,
 А онъ что-же? Невѣстъ,
 Слышь-то, отбиваетъ.
 Схоронилъ двѣ жены,
 Отыскалъ и третью...
 А сердить... чуть не такъ—
 Пригрозить и плетью!
 (Библ. д. Чт.)

- 234,13—16: Безоблачны покуда небеса,
 Но сердце у меня не даромъ замираетъ,
 И этотъ стихъ не даромъ вызываетъ
 Слезу на грустные глаза...
 (Изд. М.)

- 241,13—16 : Вотъ какъ доля подчасъ безтолкова!
 Вотъ какъ жизнь и глупа и сурова!
 Поглядишь,—да рукою махнешь,—
 И обвѣимъ проклятье пошлешь.
 (Изд. М., прим.)

- 247,3—22 : Самъ мельникъ-то и сѣдь и крутъ,
 Ворчить онъ сплошь на бѣдный людъ...
 А ласточкѣ и нужды нѣтъ:

Пріють она нашла,
 Свила гнѣздо подъ крышею
 И дѣтокъ нажила.
 Поди тамъ, вѣйся по свѣту
 Да мѣсто выбирай,—
 Съ привычкою и мельница
 Покажется за рай...

(От. Зап.)

- 251,3 : Такъ полно силы! Челноки
 (Изд. М.)
- „ 15—20 : Путь къ дому мѣсяцъ мнѣ укажетъ...
 Я знаю, что меня тамъ ждетъ,
 Что камнемъ на сердце мнѣ ляжетъ...
 Какъ мраченъ дикій боръ стоитъ,
 Какъ листъ болѣзненно дрожить!
 Мой врагъ и тутъ не разстается—
 Забота вѣчная со мной...
 Пришла, пугаетъ и смѣется
 И гонитъ на горе домой.
 (От. Зап.)
- 266,7—8 : Ужъ и кто же его пожалѣветъ!
 Ужъ и скоро ль онъ помощь найдетъ!
 (Изд. М., прим.)
- 303,14 : Гибнетъ она—и никто нейдетъ ей на-помочь.
- 304,27 ; И молча спицами звенить.
- 305,5 : „Что ты не спишь?“—она сказала.
 (Изд. М.)

Примѣчанія.

I. Къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ.

2,ii: На ту же тему стих. „Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ“ (105, lxxxш), служащее первоначальной редакціей стих. „Полно, степь моя, спать безпробудно“ (106, lxxxiv).

3,iii: Въ переработанномъ видѣ (4,iv) это стихотвореніе вмѣстѣ съ „Русью“ (29, xxxv) и „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный“ (53, liv) было послано 2—XI—1853 въ редакцію *Вор. Губ. Вѣд.*

5,vi: Въ октябрѣ 1849 г. Никитинъ послалъ въ редакцію *Вор. Губ. Вѣд.* два стихотворенія „Лѣсъ“ и „Дума“. Въ № 45 *Вор. Губ. Вѣд.* отъ 5 ноября появилась слѣдующая замѣтка: „На дняхъ присланы намъ отъ неизвѣстнаго лица, при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., два стихотворенія, которыя мы, по прочтеніи, нашли такъ замѣчательными, что готовы были на этотъ разъ, изъ уваженія къ дарованію, отступить отъ принятой нами программы и помѣстить ихъ въ нашей газетѣ. Единственное препятствіе, которое удерживаетъ насъ—это незнаніе имени автора!“

См. также письмо Никитина къ В. А. Средину. т. I, 354.

11,xiii: Стих. это, какъ и рядъ другихъ, явилось результатомъ переработки, сдѣланной въ періодъ 1858 — 1859 гг., когда Никитинъ подготавливалъ 2-ое изд. своихъ стихотвореній. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ виду отсутствія точной даты, мы года не ставимъ.

15,xvii: См. предыдущее примѣчаніе.

19,xix: тоже.

21,xxv: Текстъ датированъ годомъ его созданія — 1850. Вар. 5-ой, 7-ой и 15-ой строкъ — позднѣйшіе.

22,xxvi: Стих. это предназначалось для изд. Т. подъ № XXII, (прим. изд. М. къ 21-му стих., т. I.), но включено не было.

24,xxvii: Въ изд. Т. это стих. датировано 1855 г., что является ошибкой, потому что рукопись изданія была отправлена въ цензуру въ концѣ 1854 года. (Изд. М. прим. къ 2-му стих., т. I).

27,xxxiii: См. прим., къ 11, xiii.

29,xxxv: Первое напечатанное стихотвореніе Никитина. (*Вор. Губ. Вѣд.* 1853 г., № 47, въ части неофициальной, въ отдѣлѣ „Смѣсь.“ См. прим. къ 3, iii). Напечатано было въ томъ видѣ, въ какомъ дается у насъ въ вар., съ четырьмя слѣдующими примѣчаніями: 1) Къ ст. 24: „Нерѣдко случается, что отъ морозовъ въ Августѣ мѣсяцѣ въ Архангельской губерніи вымираетъ хлѣбъ. 2) Къ ст. 28: „Ледовитое море“. 3) Къ ст. 32: „Сѣверное сіяніе“. 4) Къ ст. 72: „Француз. камп. 1812 г.“

34,xxxviii: См. прим. къ 11, xiii.

38,xliv: Въ *Москв.* (1854, VIII) напечатано при письмѣ Н. И. Второва.

45,xlvi: тоже

46,xlviii: См. прим. къ 11, xiii.

53,li: См. прим. къ 3, iii.

54,lv: См. прим. къ 38, xlii.

56,lvi: См. прим. къ 11, xiii.

61,li: Стих. это имѣетъ три редакціи. 1-ая была въ *От. Зап.* 1854 г., VI, (Задумчивый пѣвецъ въ пустынь неизвѣстной). Она вошла въ прим. къ 44-му стих. I т. изд. М. 2-я ред.—въ изд. Т. (съ той же первой строкой). Она вошла въ текстъ изд. М. (въ противоположность обыкновенію этого изд. печатать позднія редакціи). 3-ья и послѣдняя — въ изд. К. и въ прим. изд. М. (къ 44-му стих., т. I). Мы печатаемъ въ текстѣ всѣ три редакціи, какъ разночитающіяся.

65,liii: „Вскорѣ послѣ напечатанія въ *Вор. Губ. Вѣд.* стих. „Русь“, одинъ изъ воронежскихъ гимназистовъ написалъ разборъ его—вещь крайне пустую, которая однако же задѣла за живое Никитина, и онъ отвѣчалъ этимъ стихотвореніемъ“ (прим. къ 45 ст. I т., изд. М.). Въ *От. Зап.* (1854, VI) и въ изд. Т.—1-ая ред. Въ изд. К.—2-ая ред. (См. прим. къ 11, xiii).

68,lxvi: См. прим. къ 38, xlii.

73, lxi: Стих. датировано годомъ созданія — 1853-мъ, а внесенныя сравнительно съ вар. измѣненія — позднѣйшія, вѣроятно — 1858—59 гг.

82, lxxvi: Въ *Рус. Арх.* (1865, VII), „Моленіе о Чашѣ“ напечатано съ неточнаго списка.

89, lxxviii: Дата неизвѣстна.

98, lxxx: На поляхъ подлинника было написано Никитинымъ: „Стихотвореніе это еще не отдѣлано мною окончательно, и потому прошу пока никому его не отдавать“. (Изд. М. прим. къ 54 стих., т. I).

105, lxxxiii: Первоначально эта тема была обработана въ видѣ стих. „Весна на степи“ 1849 г. (2, II).

106, lxxxiv: См. прим. къ 11, xiii.

107, lxxxv: Стих. „Утро на берегу озера“ первой ред. напечатано въ *От. Зап.* (1854, VI). 2-ая ред. напечатана въ *Библ. в. Чт.* (1855, VI), и въ изд. Т. Последняя редакция напечатана въ изд. К. и въ изд. М.

У насъ датировано годомъ созданія. Поправки позднѣйшія. См. Вар.

121, xci: Стих. это датируется у насъ 1854 годомъ — годомъ его созданія. Но исправленія, сдѣланныя въ немъ, относятся къ 1858—1859 г.г. См. Вар.

124, xcii: См. I письмо къ А. А. Краевскому т. I, 357.

130, xciv: См. прим. къ 11, xiii.

136, xcvi: Въ изд. Т. это стих. было снабжено бытовыми примѣчаніями. См. „Описаніе первыхъ изданій“.

164, ci: См. слѣдующее примѣчаніе.

168, cii: Стих. „Порча“ вмѣстѣ со стих. „Буря“ было напечатано въ *Библ. в. Чт.* въ искаженномъ видѣ, и редактору изд. М. былъ извѣстенъ этотъ номеръ журнала, хранившійся въ книжномъ магазинѣ Семеновой въ Воронежѣ, съ помѣтками на поляхъ, сдѣланными рукой Никитина: „Здѣсь обезображено“... „Здѣсь тоже, — и пропущены стихи“. Тексты изд. М., откуда перепечатаваемъ и мы, напечатаны по спискамъ, найденнымъ въ бумагахъ Придорогина.

190, cxii: Утро (3-ья ред.) въ изд. М. датировано 1855 г. Это ошибка. Самъ редакторъ въ прим. къ 74 стих. (т. I) высказываетъ предположеніе, что это стих. было создано въ

1858—1859 гг., когда Никитинъ перерабатывалъ многія свои стихотворенія для второго своего изданія. (Изд. К.) На этомъ предположеніи и надо остановиться.

196,схviii: Стих. „Елка“ сообщено Н. Арсеньевымъ и помѣщено въ „Ист. В.“ 1897 г., кн. V. Найдено въ бумагахъ Е. П. Долгорукой, бабки Н. Арсеньева.

199,схxi: Это стих. написано въ Сухихъ Гаяхъ, имѣнии П. И. Савостьянова, которому оно и посвящено. Приводится оно въ гл. III статьи „И. С. Н.“, въ позднѣйшихъ изд. Въ изд. М. его нѣтъ.

204,схxii: На ту же тему стих. „Лѣсъ“ 1849 г. (5,vi)

206,схxiv: Вар. этого стих. въ тетради Щук. муз. датированъ 1854—XII—16 и носить заглавіе: „Крестьянское горе“. См. вар. 206,1—2а.

209,схxv: Стих. это въ „Библ. д. Чт. имѣетъ варианты, принадлежность которыхъ Никитину редакторъ изд. М. справедливо подвергаетъ сомнѣнію. См. примѣчаніе къ стих. „Буря“ 164,сi и „Порча“ 168,сп и вар.

210. Въ изд. М. ст. 210,28 пропущенъ, какъ сомнительный, но подлинный вмѣсто него не поставленъ, хотя рукопись была въ рукахъ редактора.

212,схxvii: На ту же тему „Удаль и забота“ 1857 г. (259,схxiv) По подлиннику, бывшему у Н. И. Второва.

229,схxxv: Въ изд. М. стих. напечатано по списку, находившемуся у Р. А. Ордынской.

231,схxxvi: Въ изд. М. (прим. къ 83-му стих., т. I) общается слѣдующее относительно стих. „Староста“:

„Стихотвореніе это уцѣлѣло совершенно случайно. Въ 1858 г., во время одной изъ тѣхъ переборокъ Никитинымъ своихъ бумагъ, о которыхъ мы говорили, (см. „Описаніе первыхъ изданій“ *Ред.*) войдя въ его комнату, мы увидѣли на полу, между прочими стихотвореніями обреченными на гибель, и это. Поэтъ хандрилъ и не хотѣлъ слышать о пощадѣ „Старосты“. — „Безъ передѣлки оно никуда не годится“—говорилъ онъ. Однако намъ удалось-таки склонить его отдать намъ это стихотвореніе, подъ условіемъ возвращенія послѣ того, какъ оно будетъ передѣлано“.

233,схххvii: Чистовая рукопись стих. „Новая утрата“ хранится въ Рук. Отд. И. П. Библ. (№ 86, 1892 г.). Стихотвореніе переписано на одномъ листѣ съ „Разказомъ моего знакомаго“.

234,схххviii: Стих. „Разказъ моего знакомаго“ имѣеть два списка, одинъ въ музеѣ П. И. Щукина, въ Москвѣ (обнародованъ А. Г. Фоминымъ, *Речь*, 911, № 139), другой въ Спб. въ И. П. Б. на одномъ листѣ съ „Новой утратой“. Разночтенія только въ знакахъ препинанія, если не считать незначительнаго варианта въ 73 стихѣ (въ Щукинскомъ списокѣ „Оказія“, а въ списокѣ И. П. Б. „Оказія-съ“). Кромѣ того Щукинская рукопись точнѣе датирована (мартомъ).

238,схl: На ту же тему стих. „Дѣтство веселое, дѣтскія грезы“. 1858 г. (280 сѣхххv).

240,схlii: См. прим. къ стих. 241,схliii.

241,схliiii: Къ стих. „Чуть сошлись мы, другъ друга узнали“ изд. М. (прим. къ 19 стих., т. I.) даетъ слѣдующее примѣчаніе:

„Это и два слѣдующія за нимъ стихотворенія („День и ночь съ тобой жду встрѣчи“ и „Сплетня“) по свидѣтельству Н. В. Д—ой были написаны для той же особы, въ альбомѣ которой было написано стихотвореніе подъ № lxxxviii („Въ альбомѣ М. И. Ж.“). Эта особа уѣхала изъ деревни г-жи Д—ой, гдѣ познакомился съ нею Никитинъ, лѣтомъ 1856 г., стихотворенія эти, по всей вѣроятности, относятся къ маю, или къ июню этого года“.

Въ этомъ примѣчаніи ошибка. Вѣроятнѣе допустить, что въ деревнѣ было написано стих. „Пыль“, а стих. „Сплетня“ является обработкой его, произведенной въ 1858—1859 гг. когда Никитинъ перерабатывалъ многія стихотворенія для второго своего изданія (изд. К.).

241,схliiv: См. прим. къ стих. 241,схliiii.

242,схliiv: См. прим. къ стих. 241,схliiii. На ту же тему стих. „Сплетня“.

243,схlivi: См. прим. къ стих. 241,схliiii.

245,схlviii: См. прим. къ 11,хiii.

246,схlix: Въ *От. Зап.* (1856, XII) это стих. было напечатано подъ загл. „Вечеръ“.

247,сл: Тетрадь Щук. муз. даетъ слѣдующее примѣчаніе къ этому стих.: „И. С. Никитинъ былъ 26 августа 1856 г. на именинахъ Натальи Вячеславовны Плотниковой, дочери помѣщика, въ Воронежской губерніи, Землянскаго уѣзда, сельцо Поганецъ, деревня Дмитріевская или Новосельская, въ усадьбѣ около 60 верстъ отъ Воронежа; и какъ для именинницы, были представлены живыя картины въ шарадѣ *Felicité*; когда представляли цѣлое, то воспитанницы игуменьи Воронеж. Дѣвичьяго монастыря Смарагды Никитичны Бѣгичевой, Варвара Ивановна и Екатерина Ивановна Поповы и воспитанница монахини Митрофаніи Катерина Яковлевна, на колѣняхъ стоя поднесли именинницѣ стихи И. С. Никитина слѣдующіе...“

248,слл: Стих. написано 23 декабря 1856 г. Н. И Второву. Оно приводится въ гл. 2 статьи де Пулэ. „И. С. Н.“ Въ концѣ его говорится о V и VI главахъ поэмы „Кулакъ“.

249,слш: Стих. напечатано по подлиннику, бывшему у Н. И. Второва.

250,слv: Въ *От. Зап.* подъ заглавіемъ „Прогулка“. См. вар.

251,слv: См. прим. къ стих. 260,слхv.

252,слvi: См. ib.

256,слxi: См. прим. къ 11,хш.

258,слxш: Въ *От. Зап.* (1857,ХI) напечатано подъ заглавіемъ „Бѣдность“.

259,слxiv: Въ *Спб. Вѣд.* 1869 г. въ № 164 — замѣтка де Пулэ объ этомъ стих. На ту же тему стих. „Отвяжися, тоска“ 1855 г. (212,слхvii).

260,слхv: Въ примѣчаніяхъ къ изд. М. сообщается относительно стихотвореніи: „Свѣтитъ мѣсяцъ въ окно“, „Первый громъ прогремѣлъ“, „Безталанная доля“, „Незамѣнимая безцѣнная утрата“ и „Деревенскій бѣднякъ“, что эти стихотворенія были „уничтожены поэтомъ и сохранились только у насъ“, т. е. у Н. П. Курбатова, автора примѣчаній и редактора изд. М. или у издателя А. Р. Михайлова.

260,слхvi: Въ *Рус. Бес.* (1858,II) это стих. напечатано подъ заглавіемъ „Пѣсня“.

261,слхvii: См. прим. къ стих. 260,слхv.

264,слxix. См. прим. къ 11,хш.

267,слххii: См. примѣчаніе къ стих. 260,слхv.

273,слххvii: Альбомъ былъ переданъ Никитину третьимъ лицомъ, со словами, что одна четырнадцатилѣтняя дѣвица очень желала бы имѣть его автографъ. (Изд. М., т. 2, прим. къ стих. XXIII).

275,слххix: Въ *Рус. Бес.* (1858, IV) напечатано подъ заглавіемъ „Ночь“.

276,слххxi: Въ изд. К. пропущенъ 5-й стихъ.

277,слххxii: Въ примѣчаніи къ письму Никитина Н. И. Второву отъ 27 іюня 1858 года въ изд. М. помѣщено стих. „Дачная жизнь“ съ точной его датой 7 іюня 1858 года.

280,слххxv: Стих. „Дѣтство веселое“ написано 7 ноября 1858 г. Ред. изд. М. ставитъ его въ связь съ обвиненіями Никитина въ сочиненіи пасквиля „на одно изъ тогдашнихъ вліятельныхъ лицъ въ Воронежѣ“, съ распространеніемъ клеветы на него, „что онъ пьяница, пьетъ де мертвую чашу“ (Прим. къ 29-му стих., т. II).

Де Пуле въ своей статьѣ „И. С. Н.“ (гл. 3) сообщаетъ по поводу этого стихотворенія: „Я никогда не видалъ его въ такомъ мрачномъ состояніи духа, никогда лицо не выражало такой скорби и негодованія, какъ 8 ноября 1858 г., когда онъ принесъ и прочелъ мнѣ одно изъ превосходныхъ своихъ стихотвореній, оканчивающееся слѣдующими словами, которыя поэтъ едва дочиталъ: „Грудь мою давить тяжелое бремя“ и т. д.

По темѣ оно восходитъ къ стих. 1856 г. „Помню я! бывало, няня“. (238,слх).

282,слххxviii: Въ изд. М. это стихотвореніе пропущено, очевидно, по недосмотру.

291,слхсxi: По поводу этого стих. изд. М. сообщаетъ (Прим. къ 34 стих. т. II) слѣдующія слова изъ неизвѣстнаго письма Никитина: „Стихотвореніемъ „Старый слуга“ я самъ, какъ и вы, недоволенъ, да ужъ такъ!.. Хотѣлось пустить его въ одномъ выходѣ вмѣстѣ съ прочими“.

295,слхсxvi: По поводу этого стих., посвященнаго Н. И. Второву, Никитинъ писалъ ему: „Оно внушено мнѣ на кладбищѣ, гдѣ похороненъ вашъ Николинъка“. (Изд. М., прим. къ 3-му стих., т. II).

297,слхсxi: Читано 9 Апрѣля 1860 г. на литературномъ вечерѣ въ залѣ Воронежскаго кадетскаго корпуса. (Изд. М.,

прим. къ 41-му стих., т. II). Въ изд. М. пропущены стихи: 298, 27—28; 299, 1—4.

303, ссш: См. письмо къ Н. И. Второву отъ 26—XII—1860, изд. М. (прим. къ 43-му стих., т. II) сообщаетъ: „Портной этотъ—Тюринъ—находился въ сватовствѣ съ Никитинымъ и былъ послѣ смерти похороненъ на его счетъ. Дочь этого портного, Екатерина, по духовному завѣщанію Никитина, получила сороковую часть его имущества, т. е. 191 р. 62 к. (*Вор. Губ. Вѣд.* 1862 г., стр. 92—93).

309, ссшш: Стих. это взято изъ текста „Дневника Семинариста“.

310, ссшш: Въ изд. М. стих. это помѣщено въ IX письмѣ къ М—ой, въ гл. VI статьи де Пуле „И. С. Н.“.

319, ссшш: Читано на литературномъ вечерѣ въ залѣ Дворянскаго Собранія 9 апрѣля 1861 года. (Прим. къ 47-му стих., т. II, изд. М.). Въ томъ же примѣчаніи, указывая, что это стихотвореніе было напечатано уже послѣ смерти Никитина, изд. М. ошибочно называетъ его послѣднимъ стихотвореніемъ Никитина. Послѣ него, а именно 19 апрѣля 1861 года написано стихотвореніе „На лицо твое солнечный свѣтъ упалъ“ и „Н. А. М-ой“.

324, 1—352, ххvi: Помѣщаемая подъ отдѣльной нумераціей стихотворенія не поддаются точной датировкѣ. Тѣ изъ нихъ, которые взяты изъ тетради Щукинскаго музея (см. „Исторію текста“) относятся къ періоду между 1849 и 1855 гг.

348, хх: Стих. „Изъ бібліотеки старинной“ написано Н. И. Второву при посылкѣ ему *Живописца*. Оно приведено въ статьѣ де Пуле „И. С. Н.“, какъ образецъ шуточныхъ записокъ поэта къ знакомымъ. (Гл. 2).

Про Дмитрича тамъ же сообщается: „Дмитричь былъ что-то въ родѣ прикащика у Никитина, прикащика, впрочемъ, не очень расторопнаго; онъ назывался иначе „ритористомъ“, потому, что когда-то учился въ семинаріи, гдѣ дошелъ до риторики“. „Библіотека старинная“ — бібліотека Саввы Евтихевича, отца поэта.

348, ххi: По поводу этого стих., помѣщеннаго въ статьѣ „И. С. Н.“, гл. 3, де Пуле сообщаетъ тамъ-же: „Проживавшій въ то время въ Воронежѣ г. Рукавишниковъ, извѣстный откуп-

щикъ и золотопромышленникъ, уѣзжая въ Иркутскъ, звалъ къ себѣ Никитина и предлагалъ ему очень выгодное мѣсто на прискахъ, на всемъ его содержаніи, съ платою по 1.200 руб. въ годъ. Долго шли объ этомъ толки; но несмотря на чисто-сердечное желаніе г. Рукавишника помочь Никитину, въ Сибирь онъ не поѣхалъ: жаль было отца бросить, Второва, жаль было оторваться отъ новой жизни“.

II. Описаніе первыхъ изданій.

Первое изданіе стихотвореній Никитина вышло въ 1856 г. въ Воронежѣ. На вступительной страницѣ напечатано: Стихотворенія (обложка намъ неизвѣстна). На первой: „Николаю Ивановичу Второву и Константину Осиповичу Александрову-Дольнику посвящаетъ авторъ“. На третьей: „Стихотворенія Ивана Никитина. Издалъ гр. Д. Н. Толстой. Воро-

нежъ 1856“
 7364 . На четвертой—цензурное разрѣшеніе въ обычной формѣ, датированное 29 марта 1855 года и подписанное цензоромъ В. Бекетовымъ, и внизу обозначеніе мѣста печати: „Санктпетербургъ. Въ типографіи Г. Венике“. Далѣе идетъ предисловіе издателя (стр. V—XV). „Авторъ издаваемыхъ нынѣ стихотвореній принадлежитъ къ тому классу гражданского общества, которое, не обладая изобиліемъ матеріальныхъ средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе лишено и способовъ умственного образованія. Онъ—мѣщанинъ“—такъ начинается графъ Д. Н. Толстой свое предисловіе. Разбирая далѣе теоретически значеніе формы и содержанія въ поэзіи, авторъ предисловія, не умаляя значенія первой, отдастъ предпочтеніе второму. Именно въ содержаніи, по его мнѣнію, проявляется оригинальность поэта, — „въ своеобразности воззрѣній его на міръ, на окружающее его общество“. Защищая право молодого поэта пользоваться литературнымъ наслѣдіемъ и возражая обвиняющимъ Никитина въ подражаніи Пушкину и Лермонтову, гр. Д. Н. Толстой высказываетъ вѣрнѣйшую мысль, что содержаніе само выковываетъ себѣ форму. „Если мы допускаемъ, какъ необходимое условіе оригинальности, своеобразность воззрѣній, то должны допустить, какъ необходимое же послѣдствіе этого воззрѣнія, и своеобразность выраженія. Но мы хотимъ сказать

только, что степень этой своеобразности не можетъ быть предписана поэту никакими внѣшними требованіями и что она усваивается и усиливается по мѣрѣ того, восколько авторъ проникается своимъ предметомъ, выборъ котораго предоставленъ вполне его свободной волѣ“.

Далѣе слѣдуетъ характеристика поэта. Написанная на основаніи знакомства съ первыми стихотвореніями Никитина (до 1854 г. включительно), подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ нихъ; она намѣчаетъ основныя фазисы всей творческой дѣятельности Никитина. Приводимъ главную часть ея.

„Главное—по мнѣнію нашему, — достоинство г. Никитина заключается въ его описательномъ дарованіи. Посмотрите, съ какою жизнію представлены имъ картины и окружающаго его быта и окружающей его природы! Какъ широка, какъ разгульна эта степь, эти зеленыя поля, орошаемая Дономъ, и эти бѣлыя, мѣловыя горы, которыми покрыты берега его! — И какъ просты, какъ тихи, какъ чисты нравы сельскихъ жителей этого края! Поэтъ любитъ ихъ и любитъ ими. Но изъ сельской жизни, въ которой преимущественно любитъ жить воображеніе поэта, онъ переходитъ къ жизни всендневной, насущной, жизни его окружающей, составленной изъ нищеты, нужды, мелкихъ плутней, порока, истекающаго не изъ природы человѣка, а изъ его насущнаго положенія, изъ недостатка духовной образованности и изъ постоянной борьбы съ лишеніями. Грустный переходъ! Тѣмъ болѣе грустный, что картины г. Никитина списаны съ натуры съ изумительною вѣрностью. Окруженный этими явленіями дѣйствительной жизни, столкновение съ которыми дѣлается для него, по его собственному общественному положенію, довольно частымъ, поэтъ не можетъ не чувствовать всей томительной грусти, которая возникаетъ въ его душѣ при видѣ этой человѣческой бѣдности. Отсюда—другой характеръ его произведеній: это та глубокая грусть, которая слышна въ его звукахъ. Но въ этой грусти читатель не находитъ слѣдовъ ни байроновскаго отчаянія, ни того чудовищнаго состоянія духа, для котораго на русскомъ языкѣ нѣтъ и названія, и которое у французовъ XIX вѣка слыветъ подъ именемъ: *blasé*, ни даже той безнадежной грусти нашихъ стихотворцевъ, которая въ 25 лѣтъ заставляетъ оплакивать утра-

ченную молодость; грусть г. Никитина скорѣе грусть русской пѣсни! И если нашъ поэтъ скорбитъ при видѣ грустныхъ явленій окружающей его современной жизни, если порокъ, насиліе или неправда,—рѣзко ли выражающіеся въ грубомъ состояніи необразованнаго общества или смягченные благовидными формами людей цивилизованныхъ,—исторгаютъ изъ души его глубокіе, тяжкіе стоны, то онъ часто бываетъ грустенъ и безотчетно, какъ мы сказали уже, грустенъ, какъ звуки нашей народной пѣсни. Найдите источникъ этой грусти въ русской мелодіи, вы отгадаете причину ея и въ его душѣ.

Предисловіе подписано: „Издатель“ и датировано: С.-Петербургъ, 8 декабря 1855 г.

Стихотворенія въ этомъ изданіи перенумерованы римскими цифрами и расположены въ хронологическомъ порядкѣ, года подписаны подъ стихотвореніями (безъ мѣсяцевъ и чиселъ). Исключеніемъ является первое стихотвореніе, относящееся къ 1851 году и поставленное, вѣроятно, въ видѣ вступленія („Когда, одинъ въ минуты размышленья“) въ самомъ началѣ книги. Четыре стихотворенія не имѣютъ даты. Одно („Когда закатъ прощальными лучами“), относящееся къ 1850 году, по ошибкѣ датировано 1855-мъ. Наибольшее количество стихотвореній относится къ 1853 г. — 18; затѣмъ, къ 1849 — 14, 1854 — 12, 1850 — 7, 1851 — 6 и 1852 — 4. Всего въ книгѣ 61 стихотвореніе, изъ нихъ 38 появившихся впервые въ печати въ этомъ изданіи.

Изданіе снабжено примѣчаніями въ сноскахъ подъ текстомъ — однимъ географическаго характера (Къ слову „Ростовъ“ въ „Ночлегъ извозчиковъ“ указаніе: Ростовъ на Дону), и двѣнадцатю — бытового, повидимому, принадлежащими Никитину. Вотъ они:

1) „Въ нѣкоторыхъ селахъ Воронежской губерніи задники крестьянскихъ сапогъ прошиваются, для щегольства, мѣдною проволокою“ („Упрямый отецъ“, къ стиху 64). 2) „Въ свободное время любимое занятіе пчелинцевъ, кромѣ починки старыхъ ульевъ, выдѣлка изъ дерева чашекъ, ложекъ и т. п. Эти произведенія, разумѣется, бываютъ самой грубой работы“ („Купецъ на пчельникѣ“, стихъ 35). 3) „Одежда — родъ казакина“ (къ слову „поддевка“, *ib.*, стихъ 37). 4) „Продажа меду

у мужичка-пчелинца считается праздникомъ. Въ это время онъ приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ погулять на счетъ покупателя, и бабы надѣваютъ тогда лучшее платье" (*ib.*, къ стиху 41). 5) „Яичница,—любимое, полевое кушанье деревенскихъ пчелинцевъ" (*ib.*, къ стиху 44). 6) „Улей и колодка имѣютъ одно и то-же значеніе" (*ib.*, къ стиху 59). 7) „Мужики степныхъ губерній почитаютъ для себя величайшею обидою, если имъ платятъ за какой-либо товаръ разорванными билетами или старую серебряною монетою" (*ib.*, къ стиху 159). 8) „Подобнаго рода продѣлки нѣкоторыми покупателями меду употребляются нерѣдко. Пьяный пчелинецъ безсознательно повторяетъ слова купца, и, что всего удивительнѣе, опять остается его приятелемъ: проспавшись, бѣднякъ не помнитъ ничего, сочтетъ вырученныя за медъ деньги и скажетъ: „Эхъ, дешевенько я продалъ медъ-то купцу! Ну, видно еще счастье!" (*ib.*, къ стиху 196). 9) „Въ кадушку кладется медъ, вынутый изъ улья" (*ib.*, къ стиху 209). 10) „Курушкою медоломы подкуриваютъ пчелъ" (*ib.*, къ стиху 211). 11) „Большой ножъ и рѣзецъ (острый желѣзный крюкъ) необходимы при очищеніи улья" (*ib.*, къ стиху 212). 12) „Подарить пчелинцу рукавицы или шляпу почти каждый покупатель меду считаетъ своею обязанностію" (*ib.*, къ стиху 276).

Прилагательное „грязный" въ сочетаніи со словами „дѣйствительность" и „жизнь" въ изд. Т. всегда замѣняется многоточіемъ: („Еще одинъ потухшій день", стих. 8, „Бываютъ свѣтлыя мгновенья", 1-я ред., стих. 25-й, „Не повторяй холодной укоризны", 1-ая ред., стихъ 14-й). Кромѣ того въ стих. „Война за вѣру", въ стихѣ 11-мъ замѣнены многоточіемъ слова „презрѣнному Еврею", и въ стих. „Тишина ночи", (вар.) 12-ая строфа, („И въ цѣпяхъ разврата, не узнавъ любви, рано безъ возврата сгубить дни свои").

Замѣтимъ, что выраженіе „дѣйствительность грязная" въ переработкѣ этихъ стихотвореній вездѣ опущено.

Оглавленіе приложено въ концѣ книги. Всего она заключаетъ въ себѣ XV+204 стр. in 8°. Цѣна ея намъ неизвѣстна. Количество отпечатанныхъ экземпляровъ тоже. Мы обозначаемъ это изданіе, по инициалу издателя,—изд. Т.

Второе изданіе вышло въ С.-Петербургѣ въ 1859 году. Первая страница оставлена чистой, на третьей напечатано: „Стихотворенія Ивана Никитина“, на пятой: „Стихотворенія Ивана Никитина. Санктпетербургъ. 1859“, на шестой цензурное разрѣшеніе отъ 8 октября 1859 года за подписью цензора В. Бекетова и внизу: „Въ типографіи Карла Вульфа“. На седьмой и восьмой оглавленіе. Всѣ эти восемь страницъ нумерованы, и нумерація начинается только съ текста, непосредственно примыкающаго къ оглавленію. Открывается книга стихотвореніемъ „Съ суровой долею я рано подружился“. Стихотворенія не нумерованы, не расположены хронологически и не датированы. По сравненію съ изд. Т. это изданіе (мы называемъ его по инициалу издателя Кокорева — изд. К.) значительно измѣнено по своему составу. Ни одного стихотворенія изд. Т. не включено въ него въ первоначальномъ видѣ. 41 стихотвореніе изд. Т. пропущено и замѣнено новыми 40 стихотвореніями. 20 стихотвореній подверглись переработкѣ, нѣкоторыя очень сильной. По годамъ стихотворенія распредѣляются такъ: 1858 г. — 15; 1857 — 11; 1854 — 8; 1853 — 7; 1856 — 6; 1859 — 5; 1849 — 3; 1850 и 1851 по 2 и 1855 — 1. Всего въ книгѣ 60 стихотвореній, изъ которыхъ 14 появились въ печати впервые въ этомъ изданіи.

Слѣдующія стихотворенія изд. Т. пропущены въ изд. К.:

1) Когда одинъ въ минуты размысленья, 2) Тихо ночь ложится, 3) Поле, 4) Монастырь, 5) Лѣсъ, 6) Н * Д *, 7) Присутствіе непостижимой силы, 8) Грусть старика, 9) Мраморъ, 10) Молвы язвительной и дерзкой, 11) Перемяна, 12) Ночь на берегу моря, 13) Дубъ, 14) Вечеръ, 15) Ключъ, 16) Когда захватъ прощальными лучами, 17) На западѣ солнце пылаетъ, 18) Югъ и Сѣверъ, 19) Русь, 20) Суровый холодъ жизни строгой, 21) Пѣвцу, 22) Развалины, 23) Кладбище, 24) Степная дорога, 25) Художнику, 26) Засохшая береза, 27) Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей, 28) Жизнь и смерть, 29) Успокоеніе, 30) Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный, 31) Новый завѣтъ, 32) Я помню счастливые годы, 33) Пѣсня (Зашумѣла, разгулялась), 34) Война за вѣру, 35) Наслѣдство, 36) Сладость молитвы, 37) Ночлегъ извозчиковъ, 38) Измяна,

39) Упрямый отецъ. 40) С. В. Чис.—вой., 41) Купецъ на пчельникѣ.

Слѣдующія стихотворенія изд. Т. вошли въ изд. К. въ болѣе или менѣе переработанномъ видѣ:

1) Бурлакъ, 2) Бываютъ свѣтлыя мгновенья, 3) Вечеръ послѣ дождя, 4) Дитяти, 5) Еще одинъ потухшій день, 6) Жена ямщика, 7) Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной, (Съ суровой долею я рано подружился), 8) Зимняя ночь въ деревнѣ, 9) Молитва дитяти, 10) Неудачная присуха, 11) Не повторяй холодной укоризны, 12) Ночь, 13) Полно, степь моя, спать безпробудно, 14) Похороны, 15) Поэту, 16) Ссора, 17) Старикъ-другоженецъ, 18) Тайное горе, 19) Тишина ночи, 20) Утро на берегу озера.

Слѣдующія стихотворенія были добавлены въ изд. К. къ двадцати переработаннымъ стихотвореніямъ изд. Т.:

1) Ахъ ты, бѣдность горемычная, 2) Ахъ, у радости быстрая крылья, 3) Въ лѣсу (послѣ выздоровленія), 4) Въ небѣ радуга сіяетъ, 5) Въ саду, 6) Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями, 7) Въ темной чашѣ замолкъ соловей, 8) Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ, 9) Гнѣздо ласточки, 10) Горькія слезы, 11) День и ночь съ тобой жду встрѣчи, 12) Дѣдушка, 13) Дѣтство веселое, дѣтскія грезы, 14) Живая рѣчь, живые звуки... 15) И дождь и вѣтеръ, ночь темна, 16) Медленно движется время, 17) Мертвое тѣло, 18) Мнѣ, видно, нѣтъ иной дороги, 19) Могила дитяти, 20) Нищій, 21) Ночлегъ въ деревнѣ, 22) Опять знакомыя видѣнія, 23) Пахарь, 24) Перестань, милый другъ, свое сердце пугать, 25) Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ. 26) Помнишь?—съ алыми краями, 27) Пряха, 28) Пѣсня бобыля, 29) Разговоры, 30) Разсказъ ямщика, 31) Разсыпались звѣзды, дрожать и горять, 32) Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ, 33) Соха, 34) Сплетня. 35) Старый слуга, 36) Удаль и забота, 37) Утро, 38) Чуть сошлись мы, другъ друга узнали, 39) Ярко звѣздъ мерцанье, 40) Ъхаль изъ ярмарки ухарь-купецъ.

Всего въ изд. К. VIII+152 стр. in 8°. Цѣна его намъ неизвѣстна такъ же, какъ и количество выпущенныхъ экземпляровъ.

Кромѣ этихъ двухъ сборниковъ стихотвореній—изд. Т. и изд. К.—Никитинъ при своей жизни издалъ еще отдѣльной книгой свою поэму „Кулакъ“ („Кулакъ“ Поэма И. Никитина. Москва. 1858. Въ типографіи Каткова и Ко. 158 стр. in 8°).

Первое собраніе сочиненій, имѣющее право претендовать на извѣстную полноту, относится только къ 1869 году. („Сочиненія И. С. Никитина, съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, fac-simile и біографіей, составлен. М. Ѳ. де Пуле. Т. I и II. Изданіе А. Р. Михайлова. Воронежъ. Въ типографіи В. А. Гольдштейна. 1869“). Цензурное разрѣшеніе датировано: С.-Петербургъ, 13 марта 1868 г. Портретъ съ надписями: Борель. Лит. А. Мюнстера. Спб. В. О. 2 л., № 7. Дозв. Ценз. Спб. 30 Ноября 1867 г. и автографомъ поэта, очень плохо воспроизведеннымъ, (не фотографическимъ, а вѣроятно ручнымъ способомъ), такъ же, какъ и fac-simile четырнадцати строкъ поэмы „Кулакъ“ (гл. XXI, начало заключенія), слѣдующее за портретомъ, и fac-simile стихотворенія „Вырыта заступомъ яма глубокая“ въ началѣ II-го тома. Стр. I—IV занимаетъ „Оглавленіе 1-го тома“. Статью, излагающую принципы изданія, приводимъ цѣликомъ, въ виду того, что въ ней сообщаются также цѣнныя подробности о работѣ Никитина:

„Въ настоящее изданіе сочиненій Никитина вошли всѣ его произведенія, какъ напечатанныя при жизни и послѣ смерти поэта, такъ и случайнымъ образомъ уцѣлѣвшія. Никитинъ писалъ стихи быстро и безъ поправокъ, которыя уже дѣлались, по написаніи стихотворенія, при второмъ его прочтеніи. Но написаннымъ онъ былъ рѣдко доволенъ и, по обыкновенію, или рвалъ его тотчасъ же, или откладывалъ на нѣкоторое время. Случалось, что въ одинъ присѣсть, безъ промежутка, или съ самымъ небольшимъ антрактомъ, онъ писалъ по два и даже по три стихотворенія, въ которыхъ однако встрѣчалось что-нибудь общее, хотя мысль, конечно, была не одна и та же. Но почти все такимъ образомъ написанное и сохраненное, при пересмотрѣ бумагъ, что нерѣдко дѣлалъ Никитинъ, безпощадно имъ истреблялось. Многія изъ его стихотвореній спаслись отъ истребленія, благодаря заступничеству его друзей, которые вырывали и уносили у него тѣ

клички бумагъ, рецепты, какъ они ихъ называли, на которыхъ онъ обыкновенно писалъ мелкія свои пѣсы.

Никитинъ не имѣлъ привычки сохранять у себя даже стихотвореній напечатанныхъ: онъ также или рвалъ ихъ, или дарилъ на память своимъ друзьямъ, хотя и не совсѣмъ охотно. Вотъ причина, почему не сохранилось ни одно изъ его стихотвореній до 1849 года и не было ничего найдено послѣ его смерти, даже и „Городского Головы“, котораго было написано три пѣсни.

Сочиненія Никитина издаются, по принятому обыкновенію, въ хронологическомъ порядкѣ, съ небольшимъ отъ него отступленіемъ. Такъ какъ большая часть стихотвореній Никитина подвергалась значительнымъ и часто неоднократнымъ передѣлкамъ, то мы приняли за правило помѣщать въ текстѣ только послѣднюю редакцію, относя предыдущія въ примѣчанія. Не желая утомлять читателей, мы не приводимъ мелкихъ вариантовъ, очень часто встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ Никитина, рукописныхъ и напечатанныхъ. Поэму „Кулакъ“ мы печатаемъ въ двухъ редакціяхъ—въ первоначальной и по изданію 1858 года, значительно измѣненному. Необходимость разбить изданіе на два тома заставляеть насъ нѣсколько отступить отъ хронологическаго порядка. Въ первомъ томѣ мы печатаемъ: а) біографію Никитина, б) его стихотворенія, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, до 1857 года и с) первую редакцію „Кулака“. Во второй томъ входятъ: а) всѣ мелкія стихотворенія, написанныя въ 1857—61 годахъ, также въ хронологическомъ порядкѣ, затѣмъ слѣдуютъ большія пѣсы, помѣщенные также въ хронологическомъ порядкѣ: б) „Кулакъ“ въ послѣдней редакціи, с) „Поѣздка на хуторъ“, d) „Тарасъ“ и е) „Дневникъ Семинариста“.

Редакція настоящаго изданія и примѣчанія, которыми оно снабжено, принадлежатъ И. П. Курбатову.

Главнымъ недостаткомъ этого, въ общемъ хорошаго изданія, является отсутствіе метода. Зная хронологію стиховъ, редакторъ ея не обнаруговалъ. Кромѣ этого, письма поэта помѣшены въ біографіи, а не отдѣльно, и тоже въ большинствѣ случаевъ безъ указанія датъ.

Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ изданіяхъ см. въ „Исторіи текста“.

**Алфавитный списокъ стихотвореній
И. С. Никитина.**

Заглавіе	Годъ	М.	Журналы	Изм. Т.	Изм. К.	Изм. М.	Наст. нзм.
Ахъ ты, бѣдность горемычная.	1857		<i>Ом. Зав., 1857, XI.</i>	—	LIII	X(2)	258, CLXIII
Ахъ, у раостн быстрыхъ крыльхъ (2 ред.)	1858		<i>Нор. Чтм., 1859, I.</i>	—	LII	XXX(2)	281, CLXXXVII
см. Радость и кручина (1 ред.)			—	—	—	—	—
Безалазная долж.	1857		—	—	—	—	260, CLXV
Бобыль	1854		—	—	—	—	171, CIII
Болѣсть, см. Порча			—	—	—	—	—
Бурлакъ	1854	М.	<i>Ом. Зав., 1855, VII.</i>	LXI (вар.)	XLVIII	LXV(1)	154, XCVI
Буря	1854	М.	<i>Библ. в. Чтм., 1855, I.</i>	—	—	LXVIII(1)	164, CI
Взлуть часы, недѣли и годъ.			—	—	—	—	333, IX
Бѣлая молодость, для неве- селье	1860	Вор.	<i>Рус. Сл., 1860, II.</i>	—	—	XXXIX(2)	296, CXCVII
Бывають свѣтлые мгновенья, (1 ред.)	1851		—	XXVII	—	—	33 XXXVI
(2 ред.)			—	—	XXVII	XXVII(1)	34, XXXVI
Весна на степи	1849		<i>Ом. Зав., 1856, VI.</i>	—	—	III(1)	2, II
Вечеръ	1850		<i>Ом. Зав., 1854, VI.</i>	XIX	—	XVIII(1)	20, XXIII
Вечеръ послѣ дождя	1854		<i>Библ. в. Чтм., 1855, XI.</i>	(LVII вар.)	LL	LXI(1)	121, XCI
Вечеръ ясель и тѣль	1851		—	—	—	—	35, XXXIX
Внезапное горе	1855		<i>Библ. в. Чтм., 1856, I.</i>	—	—	LXXVIII(1)	206, CXXIV
Взгляни небесный сводъ без- облаченъ жазъ нами	1855	М.	—	—	—	—	193, CXV
Всяна за вѣру	1853		<i>Москва, 1854, VIII.</i>	XLVI	—	XLVII(1)	68, LXVI
Вспоминая о дѣтствѣ			—	—	—	—	339, V
Встрѣча зныи	1854		<i>Вор. Губ. Вѣд., 1854, № 50; Библ. в. Чтм., 1855, I</i>	—	—	LXXIII(1)	176, CV
Въ альбомъ А. Н. О.—вой.	1858		—	—	—	XXIII(2)	273, CLXXXVII

1858	Е. А. П.—вой.	—	—	—	XXII(2)	273, CLXXVI
1856	М. И. Ж.	—	—	—	LXXXVIII(1)	240, CXLII
1856	Н. В. П.—вой.	—	—	—	LXXXVII(1)	239, CXLII
1855	Въ пѣсу (послѣ выжороненія)	От. Зап., 1856, II.	—	—	LXXVI(1)	204, CXXIII
1858	Въ небѣ радуга сіяеть . . .	—	—	VIII	XXIV(2)	274, CLXXVIII
1856	Въ саду (1 ред.)	От. Зап., 1856, XII.	—	—	X	24, CXLVII
	(2 ред.)	—	—	—	XXXI	245, CXLVIII
1857	Въ синець жабѣ плывуть надъ полями	—	—	X	VJ	253, CLVII
1858	Въ темной чашѣ замолкъ со- лной (2 ред.) см. Зѣлыя сыплются (1 ред.)	—	—	XVI	XXV(2)	276, CLXXX
1857	Въ чистомъ полѣ тѣнь ша- гаетъ.	Рус. Бр., 1858, IV.	—	VII	VIII(2)	255, CLIX
1861	дырота заступомъ яма глу- бокая.	Вор., Бр., 1861 (Др.-Сем.)	—	—	Дн. Сем. (2)	309, CCVII
1855	Въ бѣль яшкина.	Библ. о. Чт., 1856, IV.	—	—	LXXIX(1)	209, CXXVI
	Вѣчность.	—	—	—	—	324, II
1856	Гнѣздо ласточки.	От. Зап., 1856, XII.	—	XIII	XCIV(1)	246, CL
1858	Горькія слезы.	От. Зап., 1859, XIII.	—	XXXIII	XXVII(2)	278, CL
1849	Грусть старика	Библ. о. Чт., 1854, VIII.	IX	—	VIII(1)	8L
1858	Дачная жидь	—	—	—	И. С. Н—	277, CLXXXII
	День и ночь съ тобой жду встрѣчи.	—	—	XXXIX	XC(1)	241, CE XIV
1856	Деревенскій бѣдникъ	—	—	—	XVIII(2)	267, CLXXII
1857	Дитяти (1 ред.)	—	XXIV.	—	—	27, XXXII
1851	(2 ред.)	—	—	XI	—	27, XXXIII
	Донцакъ	—	—	—	—	342, XVIII
1855	Другъ (Степь)	—	—	—	—	197, CXIX

Заглавіе	Годъ	Рук	Журналы	Изд. Т.	Изд. К.	Изд. М	Наст. изд.
Дубъ	1850		<i>Ом. Зав.</i> , 1854, VI.	XVII	—	XVII(1)	37, XX
Дума	1853		—	—	—	—	76, LXXI
Дѣлушка	1858		<i>Нар. Чит.</i> , 1859, II.	—	XLIII	XX(2)	269, CLXXIV
Далежь	1855		<i>Библ. д. Чит.</i> , 1856, III.	—	—	LXXVIII(2)	207, CXXV
Дѣтство вѣселокъ дѣтскія грезы.	1853		<i>Ом. Зав.</i> , 1859, I.	—	XIX	XXIX(2)	280, CLXXXV
Елка	1855	М.	<i>Ист. Вост.</i> , 1897, V.	—	—	—	196, CLXVIII
Еще оживъ потухшій день (1 ред.)	1849		—	XI	—	X(1)	10, XII
(2 ред.)			—	—	XXII	—	11, XIII
Жена ямцака (1 ред.)	1854		<i>Сверел.</i> , 1854, XII.	LVIII	—	LXII(2)	124, XCIII
" (2 ред.)			—	—	—	—	130, XCIV
Живихъ рѣчъ, живые звуки	1859		—	—	LXI	XXXV(2)	299, CXСIII
Жизнь			—	—	—	—	309, XV
Жизнь и смерть	1853		—	—	—	—	50, LI
Задумчивый шѣпчетъ къ пу- стыль неказистой (1 ред.)	1853	М.	<i>Ом. Зав.</i> , 1854, VI.	—	—	XLIV(1)	61, XX
" (2 ред.)	1853		—	—	—	—	62, XXI
" (3 ред.)			—	—	—	—	прим.
ск. Съ суровой дождю я рено позрѣлся	1855	М.	<i>Вор. Бес.</i> , 1861.	—	—	—	191, CXIII
За какою жъ меду и бѣду	1860		<i>Библ. д. Чит.</i> , 1855, VI.	—	—	XLIV(2)	306, CCIV
За прелезоръ баба въ померѣ сидеть	1853	М.	—	—	—	—	47, XLIX
Засохшая береза	1853		—	—	—	—	—
Затеплились звѣзды одна за другою	1853	М.	<i>Рус. Бес.</i> , 1858, IV.	—	—	—	225, CXXXII
Звѣзды сылаются (1 ред.)			—	—	—	—	275, CLXXIX

Заглавіе	Годъ	Друкъ	Журналы	Изд. Т.	Изд. К.	Изд. М.	Наст. изд.
Могилы	1859		Сынъ Омска, 1869, № 19.	—	XXXVIII	XXXVIII(2)	332, VIII
Могилы дятлы	1849			XIII	—	XIII(1)	295, CXCVI
Молвы язвительной дроздой.	1854		Рус. Арх., 1865, VII.	—	—	L(1)	13, XV
Моление о чашѣ	1851		—	—	—	—	80, LXXVI
Молитва	1853		—	XLI	—	—	35, XXXVIII
Молитва дятлы (1 ред.) . . .			—	—	—	—	55, LVI
" (2 ред.)			—	—	—	—	56, LVII
Монастырь	1849		—	V	XII	XLI(1)	4, V
Мраморъ	1849		—	X	—	IV(1)	10, XI
Музыка льба	1855	М.	—	—	—	IX(1)	226, CXXXIII
Мшкѣ	1853		—	—	—	—	80, LXXV
На востѣ Карса	1855	М.	—	—	—	—	229, CXXXV
Надъ полями деградозорька гореть	1855	М.	—	—	—	—	222, CXXX
Надъ свѣтлымъ озромъ пу- пуровой зрк.	1865	М.	—	—	—	—	195, CXVIII
На западъ солнце пылаетъ (1 ред.)	1861		—	XXIII	—	XXIV(1)	26, XXX
" (2 ред.)			—	—	—	—	26, XXXI
На лицо твое солнечный лучъ упадалъ	1861		—	—	—	—	310, CCVIII
Н. А. М-ой.	1861		—	—	—	—	311, CCIX
На ипелищѣ.	1860	Вор.	—	—	—	—	302, CCII
Наскучивъ роскошью блста- тельныхъ забавъ	1853		Биб. д. Им., 1854, VIII.	—	—	—	78, LXXIII
Наслѣдство	1853		—	XLIX	—	L(1)	75, LXX
На языкъ чужомъ			—	—	—	—	348, XX
Н. Д.	1849		—	VII	—	V(1)	7, VIII

Заглавіе	Годъ	Рук.	Журналы	Изд. Т.	Изд. К.	Изд. М.	Изд. ред.
Оставъ печальный твой раз- сказъ	1850			—	—	XX(1)	22, XXVI
Отвѣжся, тоска	1855	М.		—	—	LXXX(1)	212, CXXVII 110, LXXXVI 338, XIV
Отець и дочь (1 ред.), см. Упрямый отецъ (2 ред.)				—	—	—	
Отъѣздъ				—	—	—	
Пахарь	1857	М.	Рус. Бес., 1857, IV.	—	LV	XVII(2)	26, CLXXI
Падеть презрѣнное тиран- ство				—	—	—	
Первый громъ громаголь	1857		Былое, 1906, VII.	—	—	IV(2)	350, XXIV
Пережыла	1849			—	—	XIV(1)	252, CXVI
Перестань, милый другъ, свое сердце пугать	1859			XV	—	XXXVI(2)	16, XVIII 293, CXCIV 308, CCVI
Погостъ	1860			—	—	—	
Полуяла вода	1855	М.	От. Зап., 1861, III.	—	—	XLVI(2)	194, CXVI
Пеллѣ рѣки одиноко стою я подъ тѣнью ракиты	1854			—	—	XLVI(1)	159, XCIX 255, CLX 256, CLXI
Покой мнѣ нуженъ. Груда болитъ (1 ред.)	1857			IV	—	—	
" (2 ред.)				—	—	—	
Поле (1 ред.)	1849			—	—	—	
" (2 ред.)	1853			—	—	—	
Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ (1 ред.)	1854			III	—	III(1)	3, III 4, IV 103, LXXXIII 106, LXXXIV
Полно, степь моя, спать без- пробудно (2 ред.)	1854	М.		—	—	XV	
Полночь. Темно въ горницахъ. Полночь	1860	Вор.		—	—	—	346, XVIII 304, CCI

Заглавіе	Годъ	М.	Журналы	Изд. Т.	Изд. К.	Изд. М.	Наст. изд.
Разговоры (1 ред.)	1857		<i>Рус. Вѣст.</i> , 1858, VI	—	—	—	262, CLXVIII
" (2 ред.)					XXV	XV(2)	264, CLXIX
Разсказъ крестьянина.	1854			—	—	—	184, CLX
Разсказъ моего знакомаго	1856		<i>Речь</i> , 1911, № 139.	—	—	—	234, CXXXVIII
Разсказъ ящика	1854	М. Спб.	{ <i>Библ. д. Чтн.</i> , 1855, V, <i>Нар. Чтн.</i> , 1859, III.	—	XLIX	LXXI(1)	173, CIV
Разсплелись звѣзда, прожаты и гореть	1856		<i>Ом. Зам.</i> , 1856, XII.	—	V	XCI(1)	246, CXLIX
Русь	1851		{ <i>Восп. Губ. В.</i> , 1853 № 47, <i>Спб. Вѣст.</i> , 1853, № 275.	XXVI	—	XXVII(1)	29, XXXV
Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна	1857		—	—	—	III(2)	251, CLV
Село замолчало, безлюдны дороги	1854		—	—	—	—	118, LXXXIX
Сибирь, напишишь это слово.	1854		<i>Ом. Зам.</i> , 1854, VI.	—	—	„И. С. Н.“ LII(1)	348, XIX
Сладость колотамъ	1854	М.	—	L	—	—	68, LXXVII
Сайлой гусларь	1855		<i>Ом. Зам.</i> , 1857, II.	—	III	—	198, CXX
Смеркаетъ день, въ бору темнѣть	1857		—	—	—	—	250, CLIV
Снимать степь своей бархат- ной уборъ (1 ред.)	1853		—	—	—	—	48, L
см.: Принять мой намъ, угромый мракъ моею							
(2 ред.)							
Соха	1857		<i>Ом. Зам.</i> , 1857, XI.	—	LVI	IX(2)	257, CLXII
Сплетокъ	1856		—	—	XVIII	XCI(1)	243, CLXVI
Ссера	1854	М.	—	LII (нар.) XLVII	XLV	LV(1)	100, LXXXI
Старожъ другоменьепъ (1 ред.) " (2 ред.)	1863	Вор.	—	—	—	—	70, LXVII 72, LXVIII

1856	Старость	Рус. Арт., 1865, III.	—	—	LXXXIII(1)	23, CXXXVI
1854	Старый жезликъ	—	—	—	—	157, XCVIII
1859	Старый слуга	—	—	XVIII	XXXIII(2)	291, CXCI
1853	Стелная дорога	—	XXXII	—	XXXIII(1)	42, XLV
1852	Суровый холодуъ жизни стро- год	—	XXVIII	—	XXIX(1)	36, XL
	Съ суровой золою я рано подружился (3 ред.)	—	—	I	прим.	64, LXII
	см. Задумчивый пѣвецъ въ пустынь неизвѣстной (1 ред.)	—	—	—	—	324, I
	Съ клявъ теперь мнѣ сидѣть.	—	—	—	—	—
	Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ нашъ необъятный	—	XXXIX	—	—	53, LIV
1853	С. В. Чис	—	LV(1)	—	XL(1)	120, XL
1854	Тайное горе (1 ред.)	—	XVIII	—	—	18, XXI
1850	Тѣ	—	—	XXI	XVII(1)	19, XXII
	Тѣперь мы вышли на дорогу (2 ред.)	—	—	—	—	299, CC
1860	Тѣперь мы вышли на дорогу	Вар.	—	—	—	I, I
1849	Тиха ночь ложится	—	—	—	I(1)	—
1849	Тишина лечи	—	XII (вар.)	XXIV	X(1)	12, XIV
1854	Три вѣтра	—	—	—	—	116, LXXXVIII
	Тяжелъ вѣрсть лесекъ мнѣ, братъ	Бынок, 1906, VII. Нар. Чин., 1859, V. Сынъ Омича, 1869, №18.	—	—	—	352, XXVI
1857	Удаль и забота	—	—	LIX	XI(2)	259, CLXIV
	Удальствие	—	—	—	—	334, IX
	Ужь я какъ же ты,	—	—	—	—	335, XIII
	Ужь не я ли тебѣ, милый, упрашивалъ	—	—	—	—	183, CVIII
1854	Ужь какъ была молодець	Рус. М., 1911, V.	—	—	—	179, CVI
1854	Ужь какъ была молодець	—	—	—	LXXIII(1)	—

Заглавіе	Годъ	Рук.	Журналы	Изд. Т.	Изд. К.	Изд. М.	Наст. изд.
У кого нѣтъ думы	1856		—	—	—	LXXXV(1)	237, CXXXIX
Уличная вѣстрѣча	1855	М.	—	—	—	LXXV(1)	200, CXXII
Упрямый отецъ (3 ред.)	1854		—	LV	—	LIX(1)	132, LXXXVII
см. Отецъ и дочь (1 ред.)							
Успокоеніе	1853		—	XXXVIII	—	XXXIX(1)	51, LIII
Утро (1 ред.)	1854		—	—	—	прим.	187, CX
" (2 ред.)	1855	М.	Отъ Зап., 1853. VII.	—	VI	LXXIV(1)	188, CXI
" (3 ред.)			{ Отъ Зап., 1854, VI. Библ. д. Чт., 1855. VI	LIV (вар.)	IX	LVIII(1)	190, CXII
Утро на берегу озера	1854		{ Рус. Стар., 1867, II. Время, 1861, № 11. Москва, 1854, VIII. Рус. Мысль, 1911, V.	—	—	—	107, LXXXVII
Физикотропъ			Биб. д. Чт., 1854, VIII.	—	—	—	349, XXII
Хозяинъ	1861		—	—	—	—	319, CCXII
Художнику	1853		—	XXXII	—	XLVII(2)	45, XLVI
Черемуха	1854	М.	—	—	—	—	182, CVII
Что счастье?	1856		—	—	—	—	304, XI
Чуть сошлись мы,			—	—	—	—	241, CXLIII
Югъ и сѣверъ	1851		—	—	—	—	28, XXXIV
Я помню счастливые годы			—	XXXV	—	LXXXIX(1)	
(1 ред.)	1853		—	—	—	—	
(2 ред.)	1853		—	—	—	—	
Я радъ молчать о горѣ ста- ромь	1860	Вор.	Рус. Сл., 1860, II.	—	—	—	57, LVIII
Ярко звѣздъ мерилъ	1857		Нар. Чт., 1859, VI.	—	XIV	VI(2)	287, CXCVIII
"Бхаль изъ лямурки ухарь-ку- пецъ	1858		—	—	—	—	284, CXC
19 октября	1855	М.	—	—	—	—	221, CXXIX

ОБЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

Журналы и газеты:

- Библ. д. Чт.*—Библиотека для Чтенія.
Вор. Бес.—Воронежская Бесѣда.
Вор. Губ. Вѣд.—Воронежскія Губернскія Вѣдомости.
Жив. Об.—Живописное Обзорѣніе.
Ист. Вѣстн.—Историческій Вѣстникъ.
Москва.—Москвитянинъ.
Нар. Чт.—Народное Чтеніе.
От. Зап.—Отечественныя Записки
Рус. Арх.—Русскій Архивъ.
Рус. Бес.—Русская Бесѣда.
Рус. М.—Русская Мысль.
Рус. Сл.—Русское Слово.
Рус. Ст.—Русская Старина.
Соврем.—Современникъ.
Спб. Вѣд.—С.-Петербургскія Вѣдомости
Сын. От.—Сынъ Отечества.

Изданія:

- Изд. Т.—Стихотворенія Ивана Никитина. Издалъ гр.
 Д. Н. Толстой. Воронежъ. 1856.
 Изд. К.—Стихотворенія Ивана Никитина. Изд. В. А.
 Кокорева. Санктпетербургъ. 1859.
 Изд. М.—Сочиненія И. С. Никитина. Т. I и II. Изд.
 А. Р. Михайлова. Воронежъ. 1868.

Города:

- Вор.—Воронежъ.
 М.—Москва.
 Спб.—С.-Петербургъ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
 РГБ - СССР
 ЗАВОДСКИЙ КОМИТЕТЪ
 ЗАВОДА № 518
 М. — 194 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

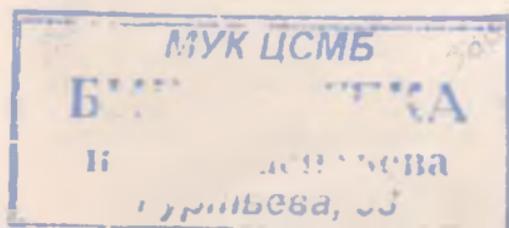
	СТР.
Исторія текста <i>Ред.</i>	5-7
Жизнь И. С. Никитина <i>Ред.</i>	8-29
<i>Приложенія:</i> Посвященіе Н. И. Второву, объявленіе	
о книжномъ магазинѣ, о бурсѣ и духовное завѣщаніе	30-36
Хронологическая таблица	37-43
Библиографія	44-46
Лирика И. С. Никитина <i>Ред.</i>	49-55

Стихотворенія.

Тихо ночь ложится	1
Весна на степи	2
Поле (1 ред.)	3
„ (2 ред.)	4
Монастырь	4
Лѣсъ (1 ред.)	5
„ (2 ред.)	6
Н** Д**	7
Присутствіе непостижимой силы	8
Грусть старика	8
Мраморъ	10
Еще одинъ потухшій день (1 ред.)	10
„ „ „ „ (2 ред.)	11
Тишина ночи	12
Молвы язвительной и дерзкой	13
Похороны (1 ред.)	14
„ (2 ред.)	15
Перемѣна	16
Ночь на берегу моря	17
• Дубъ	17
Тайное горе (1 ред.)	18
„ „ (2 ред.)	19
Вечерь	20
Ключъ	20
Ночь	21
Оставь печальный свой рассказъ	22
Когда закатъ прощальными лучами	24
Какъ мнѣ легко, какъ счастливъ я въ тотъ мигъ	24
Когда одинъ, въ минуты размышленія	25

Незамѣнимая, безцѣнная утрата	261
Разговоры (1 ред.)	262
(2 ред.)	264
Нищій.	265
Пахарь	266
Деревенскій бѣднякъ	267
Ночлегъ въ деревнѣ	269
Дѣдушка	269
Пряха.	270
Въ альбомѣ Е. А. П—вой	273
Въ альбомѣ А. Н. О—вой	273
Въ небѣ радуга сияетъ	274
Звѣзды сыплются. Ткань облаковъ (1 ред.)	275
Въ темной чащѣ замолкъ соловей (2 ред.)	276
Помнишь,—съ алыми краями	276
Дачная жизнь	277
Горькія слезы	278
Мнѣ, видно, нѣтъ другой дороги.	279
Дѣтство веселое, дѣтскія грезы	280
Радость и кручина (1 ред.)	281
" " (2 ред.)	281
Опять знакомыя видѣнья	282
Пѣсня бобыля	283
Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ	284
Мертвое тѣло	286
Старый слуга	291
Живая рѣчь, живые звуки	293
Перестань, милый другъ, свое сердце пугать	293
И дождь и вѣтеръ. Ночь темна	294
Могила дитяти.	295
Бѣдная молодость, дни невеселые	296
Я радъ молчать о горѣ старомъ	297
Поэту-обличителю	297
Теперь мы вышли на дорогу	299
Поминки.	301
На пепелищѣ	302
Портной.	303
За прялкою баба въ поневь сидитъ	306
Мать и дочь	307
Погость.	308
Вырыта заступомъ яма глубокая	309
На лицо твое солнечный свѣтъ упаладъ	310
Н. А. М—ой.	311
Исповѣдь	312
Порывы.	316
Хозяинъ.	319

Съ кѣмъ теперь мнѣ сидѣть	324
Вѣчность	324
Небо	325
Нужда	327
Воспоминаніе о дѣтствѣ	329
Когда Невы, окованной гранитомъ.	331
Помоги ты мнѣ	331
Могила	332
Бѣгутъ часы, недѣли и года	333
Уединеніе	334
Что счастье? Бредъ воображенья	334
Когда, мой другъ, въ часы одушевленья	335
Ужъ и какъ же ты	335
Отъѣздъ.	338
Жизнь	339
Не плачь, мой другъ, есть много муки.	342
Донцамъ.	342
Полночь. Темно въ горенкѣ.	346
На языкѣ чужомъ я началъ объясняться	348
Изъ библиотеки старинной	348
Сибирь! Напишешь это слово	348
Филантропъ	349
Ноетъ сердце мое отъ заботъ и кручинъ	350
Падетъ презрѣнное тиранство	350
Постыдно гибнетъ наше время.	351
Тяжки крестъ несемъ мы, братья.	352
Варианты	353
Примѣчанія:	
I. Къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ	369
II. Описаніе первыхъ изданій	377
Алфавитный списокъ стиховъ	385
Объясненіе сокращеній	397

ИЗДАНИЯ РУССКАГО КНИЖНАГО Т-ва

С.-Петербургъ. „ДЪЯТЕЛЬ“. Троицкая, 26.

Библіотека Русскихъ Писателей

подъ общей редакціей профессора

== Е. В. АНИЧКОВА. ==

Въ 1913 г. выйдутъ:

Полный ~~Собранный~~ Сочинений:

Аксаковъ, С. Т. подъ редакціей *П. Е. Щеголева*. 7 томовъ въ изящн. перепл. Р. 12.25.

Гоголь, Н. В. подъ редакціей *Н. И. Коробки*. 9 томовъ въ изящныхъ переплетахъ. Р. 15.75.

Добролюбовъ, Н. А. подъ редакціей проф. *Е. В. Аничкова*. 10 томовъ въ изящн. перепл. Р. 17.50.

Никитинъ, И. С. подъ редакціей *С. М. Горюцкого*. 2 тома въ изящныхъ переплетахъ. Р. 3.50.

Лермонтовъ, М. Ю. подъ редакціей *Н. О. Лернера*. 4 тома въ изящныхъ переплетахъ. Р. 7.—.

Пушкинъ, А. С. подъ редакціей *В. Я. Брюсова*. 8 томовъ въ изящн. перепл. Р. 14.—.

Шевченко, Т. Г. подъ ред. *К. И. Чуковского*. 4 тома въ изящн. перепл. Р. 7.—.

АНТОЛОГІЯ „Поэты Пушкинской Поры“ подъ редакціей *Ю. Верховского*. 1 томъ въ изящномъ переплетѣ. Р. 1.75.

Всѣ изданія отличаются четкимъ шрифтомъ, безукоризненной бумагой и прочными коленкоровыми переплетами.

Текстъ заново сверенъ съ рукописями и наиболѣе авторитетными изданіями. Каждое Полн. Собр. Соч. снабжено портретомъ, а также обширнымъ комментариемъ, состоящимъ изъ биографіи, критическихъ и историко-литературныхъ очерковъ, вариантовъ и примѣчаній. Имена приглашенныхъ редакторовъ говорятъ за то, что наши изданія будутъ исполнены тщательно и съ знаніемъ дѣла. Ознакомленіе съ каждымъ авторомъ будетъ облегчено стройностью изданія и графическимъ представленіемъ биографическаго и библиографическаго матеріала. Каждый читатель легко и быстро найдетъ всѣ свѣдѣнія о самомъ писателѣ и его произведеніяхъ.

Безплатно требуйте каталогъ.

$\frac{1}{\sqrt{2}} - 432$

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач

5/12-455

